

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Выпуск 32

<http://www.donvrem.dspl.ru>

Протоиерей Илия Попов 1871—1937

Протоиерей Илия Попов – сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ

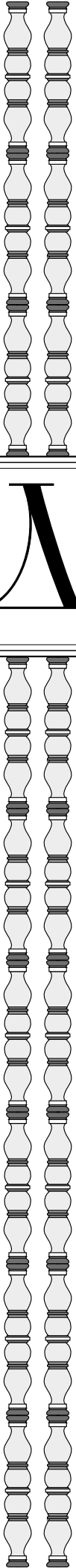
Победитель российского конкурса
краеведческих периодических изданий

Краеведческий журнал
Донской временник

Председатель правления
Фонда имени Д.С.Лихачева,
Председатель жюри, писатель

Даниил Гранин

Санкт-Петербург
25 марта 2010 года

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ Временник

В

Краеведческий альманах
Выпуск тридцать второй

Ростов-на-Дону
2023

К ЧИТАТЕЛЮ

Тридцать второй выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Человек и общество в условиях Гражданской войны – главная тема статей Елены Высоцкой и Евгения Халдаева (рубрика «Человек в истории»). Перед читателем оживают и малоизвестные страницы Великой Отечественной в статьях Александры Зайцевой и Михаила Рудя («В небе над городом Шахты»), Елены Абрамовой («По горячим следам памяти»), в «Обзорах и рецензиях» учёных и краеведов.

Событием в культурной жизни области стали Девятые Коршиковские чтения «Краеведение на Дону: история и современность», состоявшиеся на двух площадках в Ростове и Таганроге. Несколько статей в альманахе подготовлены по материалам Чтений.

В этом выпуске альманаха мы вспоминаем наших краеведов Владимира Репникова, Валерия Чеснока и Евгения Халдаева.

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения – с ГОСТом – Р 7.0.12 – 2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавакер
Ответственный за выпуск Е. М. Колесникова

Сборник подготовлен при участии Ю. А. Безугловой, Н. Н. Зайцевой и О. Б. Мяловой

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков
Л. Ф. Волошинова
Е. Д. Ломановская

ISBN

© ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», 2023
© А. С. Козаченко, художественное оформление, 2023

Перепечатка и воспроизведение материалов, а также их фрагментов возможны только с письменного разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Дороги, которые мы выбираем	5
ХАЛДАЕВ Е. В. Новочеркасские военные лазареты Гражданской войны	39

ПОСЕЛЕНИЯ

ЧИРКОВ А. В. Казанский тракт в истории Чертковского района	71
--	----

НАШИ КРАЕВЕДЫ

ГРИДАСОВА Ж. П. «Не хочу судьбу иную... (В. Н. Репников)	81
Вспоминая Валерия Чеснока. Предисловие Л. А. Штавдакер. — Чеснок В. Ф. «В своей жизни я не выработал формул...». Публикация М. И. Макаровой. — Чеснок П. В. Мой удивительный отец. — Волошинова Л. Ф. Музей-заповедник живёт его идеями	93
ГРИДАСОВА Ж. П. «Но в памяти такая скрыта мощь...» (Е. В. Халдаев)	105

МИР ИСКУССТВА

СЕЛИЦКИЙ А. Я. З Ростова у Минск — из Минска в Ростов. Театры Дона и Беларуси: из истории гастролей	109
---	-----

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ В ЛИЦАХ

ШТАВДАКЕР Л. А. «Жива ... традиция Ростовской библиотечной школы»	120
Письма Д. К. Жак — Л. А. Штавдакер (1995—2001 гг.). Публикация Л. А. Штавдакер	124

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

АФАНАСЕНКО В. И. Новое исследование о Миус-фронте	139
МЕДВЕДЕВ М. В. Феномен боевого братства	140
МАЛЮКОВА Л. Н. Это нужно живым	142

ДЕВЯТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Ростов-на-Дону — Таганрог, 28 — 29 сентября 2023 г.)

МАТВЕЕВА Н. С. Роль краеведческой деятельности библиотек в сохранении, развитии и популяризации истории и культуры российского казачества	146
ТОКАРЕНКО С. Ф. Редкая находка каменной бабы в Мартыновском районе	152
ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Эллинское благотворительное общество Ростова-на-Дону	157
ИЗЮМСКИЙ А. Б. Народные учителя Донской области в общественном движении начала XX века	161
ЧИБИСОВА С. П. Мариинский Донской институт в 1917 — 1919 годах	174
АБРАМОВА Е. Л. По горячим следам памяти	187
ЗАЙЦЕВА А. С., РУДЬ М. А. В небе над городом Шахты (1930—1940-е гг.)	194
АЛЕКСЕЕНКО Е. А. Пушкинская набережная в Таганроге. Из истории благоустройства	201

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	207
------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	210
-------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	211
------------------------------	-----

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.
<...>
О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Выбор — одна из немногих привилегий, данная каждому из нас. От того, по какой дороге человек предпочтёт идти, зависит не только его жизнь, но и судьба близких людей. Особенной остроты проблема выбора достигает в пограничную эпоху, когда определяет свой путь страна. Для героев моих прошлых статей — Сарандинаки [1, 2], Сабо [3], Бондаревых [4] — часом «X» стала Гражданская война в России, водоразделом прошедшая через сотни тысяч людских судеб.

Помещики Сарандинаки и их родня

Богатые земельные аристократы Сарандинаки всегда старались дать детям хорошее образование. Молодёжи предоставлялась возможность сделать военную карьеру или поступить в университет. Если во втором поколении Сарандинаки являли собой типичных помещиков-крепостников, то представители третьего поколения выросли на либеральных реформах Александра II, и не были чужды демократическим идеям. Однако события, порождённые октябрём 1917 года, поставили большую семью перед выбором. Власть большевиков грозила гибелью традиционных патриархальных ценностей и распадом страны. Ради спасения отечества мужчины из семьи Сарандинаки присоединились к Белому движению. Последовавшая победа Красной армии поставила под угрозу жизни участников вооружённого сопротивления, и отъезд из России виделся как спасение.

К марту 1918 года на Дону из морских и сухопутных частей сложился Добровольческий корпус. Под началом капитана 2-го ранга Е. Н. Герасимова была создана Донская флотилия, в которую помимо речных судов вошёл Азовский морской отряд и морские железнодорожные батареи. Девять дивизионов морской тяжёлой артиллерии были оснащены размещёнными на железнодорожных платформах 6-ти и 8-ми дюймовыми скорострельными морскими пушками Канэ. «*Морские организации Дона шли во главе таковых в Добровольческой армии как по числу выставленных на фронт боевых единиц, так и по количеству и калибру орудий*» [5].

Николай Георгиевич Сарандинаки получил образование в Одесском кадетском корпусе, но после его окончания не служил, а продолжил учиться в Петроградском политехническом институте.

С началом Гражданской войны он в чине прапорщика вступил в 8-й дивизион морской тяжёлой артиллерии, был ранен, но продолжил воевать [1, с. 190–191]. После победы Красной армии подпоручик Сарандинаки вместе с женой Еленой Марковной Лакиер эвакуировался из Севастополя и добрался до Белграда [6]. Няня чудом смогла вывезти из Советской России их сына Александра. Дальше путь семьи лежал через Париж в Аргентину.

*Александр Николаевич Сарандинаки. 1930-е годы.
Из личного архива П. А. Сарандинаки*

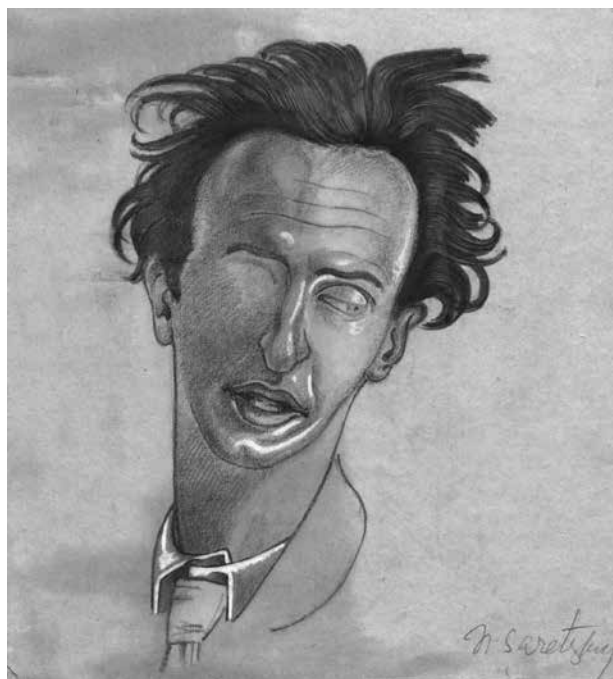
Елена Петровна Высоцкая, кандидат химических наук, генеалог, г. Москва

Сергею Николаевичу Сарандинаки была идейно близка выведенная в 1833 году графом С. С. Уваровом формула «православие-монархия-народность», и компромисс с большевиками был невозможен. В Гражданскую войну он в чине подпоручика служил в интендантском управлении Новороссийской области [7]. Затем Сергей уехал в Болгарию, где примкнул к радикальным кругам беженцев. Он участвовал в работе Общества единения русских и в Объединении русских организаций и союзов и представлял русских эмигрантов из Болгарии в 1938 году в Сремских Карловцах (Югославия) на Втором Соборе русской зарубежной православной церкви [2, с. 75].

Увлечённый орнитолог, мечтавший заниматься сельским хозяйством, Юрий (Георгий) Георгиевич Сарандинаки [1, с. 189–190] вступил в Добровольческую армию А. И. Деникина, но оружия в руки не брал. В 1919 году подпоручик Сарандинаки заведовал Николаевскими огородами управления снабжения Новороссийской области [8]. В эмиграцию Юрий Сарандинаки уехал один, без семьи, — сначала в Аргентину, затем перебрался в США. По сведениям, полученных от близких, он скончался в 1933 году в возрасте 49 лет [9]. На родине остались жена Мария Васильевна Гудима и сын Олег. О. Г. Сарандинаки посвятил себя науке и работал в Институте газа АН Украинской ССР.

Примеру Юрия последовал его родной брат Григорий. Студент Петербургской консерватории Григорий Георгиевич Сарандинаки летом 1919 года, находясь в Ростове-на-Дону, вступил в Отдельный Донской студенческий батальон [10]. После поражения Белого движения он вынужден был покинуть родину. На чужбине Григорий Георгиевич зарабатывал игрой на фортепиано в развлекательных заведениях. Сохранился его портрет работы художника-эмигранта Николая Зарецкого¹[11]. Подпись под рисунком гласит: «Сарандинаки, музыкант, бывший донской помещик». Портрет выполнен на бумаге акварелью и чёрным карандашом. Рисунок сделан в 1921 году в Константинополе, где пересеклись дороги Григория Сарандинаки и Николая Зарецкого. Г. Г. Сарандинаки скончался в США в 1937 году [12].

Самые младшие в семье братья Всеволод и Маргарит Сарандинаки остались в России. В 1920 году, когда советская власть окончательно

Григорий Георгиевич Сарандинаки. 1920-е гг.
Худ. Н. В. Зарецкий. РГАЛИ. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

утвердилась на Дону, Всеволод попытался порвать с прошлым и, скрыв происхождение, записался в РККА [2, с. 77–79]. После демобилизации он в 1931 году переехал к матери Надежде Всеволодовне и сёстрам в Москву, женился, увлёкся философией, поступил в институт Красной профессуры. Но укрыться от прошлого ему не удалось. В 1938 году В. Н. Сарандинаки был арестован за шпионскую деятельность и участие в философском кружке, освобождён в 1942 году и реабилитирован в 1955 году. Судьба его единственного сына неизвестна.

Маргарит с детства страдал душевным заболеванием, однако болезнь не помешала бдительным чекистам считать его живущим на нетрудовые доходы [13, л. 2]. В 30-х годах он был помещён на лечение в Москве в психиатрическую больницу [2, с. 79].

Помимо Маргарита Сарандинаки на ветхом листке чудом сохранившегося в ГАРО документа карандашом написаны имена «бывших помещиц» сестёр Елизаветы Григорьевны Сарандинаки, 1886 года рождения, и Зинаиды Григорьевны Лебедевой, 1888 года рождения, проживавших в Ростове на улице Энгельса, 110 [13, л. 2].

Елизавета своей семьи не имела и много сил отдавала благотворительной работе.

¹ Военный художник Николай Васильевич Зарецкий воевал в Гражданскую войну в армии Деникина, а потом Врангеля. Уехал из России в 1919 году на пароходе из Ялты в Константинополь. Был одним из учредителей Союза русских художников в Константинополе, затем жил в Берлине, Праге и Париже. Работал иллюстратором русской прозы и поэзии и как театральным художником.

В 1909 году «потомственная дворянка» Елизавета Сарандинаки была награждена золотой медалью для ношения на груди на Аннинской ленте» [14]. Медалью «За усердие», как правило, отмечали гуманитарную деятельность на поприще Красного Креста. Заслуги Е. Г. Сарандинаки новые власти не впечатлили. Елизавета Григорьевна ошибочно была объявлена владелицей парохода «Роза» и совладелицей консервного завода на Темернике [13, л. 2]. Двоюродный брат сестёр Михаил Николаевич Сарандинаки возглавлял в Феодосии метеостанцию. Одна из экспедиций по исследованию Чёрного моря и южного берега Крыма, организованная профессором зоологии С. А. Зерновым при его поддержке, проходила на буксирном пароходе «Меотид», принадлежащем министерству промышленности и торговли Российской империи [15]. В годы Гражданской войны «Меотид» числилась посыльным судном в белогвардейском флоте, а затем была захвачена частями РККА и включена в состав Азовской флотилии как сторожевой корабль. В 1921 годах пароход из «Меотиды» был переименован в «Розу Люксембург». Первая в истории Ростова-на-Дону консервная

фабрика действительно была построена предпринимателем Гуляевым (в записке он именуется Гуляевским) в 1908 году на Темерницкой улице, дом 2, но документы, подтверждающие собственность Е. Г. Сарандинаки части предприятия, не обнаружены.

В деле также указано, что сёстрам Сарандинаки принадлежала «бывшая гостиница напротив Старого базара ныне Дом крестьянина» [13, л. 2]. Согласно «Описи и оценке недвижимого имущества жителей г. Ростов-на-Дону» за 1913 год дом на Тургеневской улице, 32 находился в совместном владении М. Ахмед Эфенди, Елизаветы и Зинаиды Сарандинаки [16, с. 190]. На первом этаже небольшого оштукатуренного кирпичного здания располагались торговые лавки; второй этаж был жилым. Скромный фасад, декорированный в стиле неоклассицизма, органично вписывался в разновременную застройку площади Старого базара. С торца к дому 32 примыкает бывший доходный дом товарищества Анпеткова К. К. и Унанова А. Е., превращённый в первые послереволюционные годы в Дом крестьянина, а затем в гостиницу «Колос» (современный адрес Тургеневская улица, 30) [16, с. 190].

Бывший доходный дом М. Ахмед Эфенди, Е. и З. Сарандинаки. Ростов-на-Дону, Тургеневская ул., 32.
(Проект зон охраны Ростова-на-Дону, 1993. Т. 2. Кн. 3. С. 29)

Помимо этого Зинаида Григорьевна была названа владелицей московской золотопрядильной фабрики, на которой «брат мужа работал управляющим» [13, л. 2]. В «Списке фабрик и заводов Москвы и Московской губернии» за 1916 год есть «галунная, золотопрядильная фабрика товарищества на паях «Первухин П. и Лебедева А.»» [17]. На различие в инициалах составители документа внимание не обратили.

Но самым серьёзным фактом, повлиявшим на дальнейшую судьбу Зинаиды Григорьевны, стало её замужество. Супругом З. Г. Сарандинаки являлся член Государственной думы от Области войска Донского Юрий Михайлович Лебедев¹.

Лебедев Ю. М., член Государственной думы Российской империи IV созыва от Области войска Донского. (Художественный фототипический альбом с портретами и биографиями. Изд. Н. Н. Ольшанского. СПб., 1913. Табл. 11)

Юрий Михайлович Лебедев происходил из дворян Казанской губернии, высшее образование получил в Петербургском технологическом институте и в Шарлоттенбургском политехникуме в Берлине. В качестве инженера по испытаниям материалов и оборудования в 1899 году он работал в механической лаборатории при Институте путей сообщения. Лебедев являлся членом партии конституционных демократов в Думе и входил в Прогрессивный блок. Во время Первой мировой войны он избирался в Особое совещание по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов. Лебедев поддержал Февральскую революцию и в ночь на 2 марта 1917 года был направлен Временным

комитетом Государственной думы в Лугу для восстановления регулярного железнодорожного сообщения. Он также входил в Особую комиссию по выработке Устава о службе на железных дорогах. Одной из его последних миссий была поездка в порт Романов-на-Мурмане (в настоящее время Мурманск) с целью подготовки условий для переправки императора Николая II с семьёй за границу. 21 апреля 1917 года Ю. М. Лебедев был командирован на Румынский фронт в качестве комиссара Временного комитета Государственной думы (ВКГД) и Временного правительства в 6-й армии [18]. После этого следы его теряются.

Зинаида Григорьевна Лебедева (Сарандинаки) была отправлена «в 1920–1921 году в концентрационный лагерь» [13, л. 2]. В созданные по инициативе Льва Троцкого в 1918 году трудовые лагеря (лагеря для принудительных работ) направлялись на перевоспитание классовые враги и их приспешники.

17-й год застал кузенов маргаритовских помещиков Константина, Александра и Василия Сарандинаки в действующей армии.

Старший из братьев военный инженер Константин Константинович Сарандинаки окончил Александровский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. Первым местом службы стал 5-й понтонный батальон. В 1900 году Сарандинаки был включён в число офицеров, направленных для обучения в Николаевскую инженерную академию. Местом практики для него стал Туркестанский военный округ: Чарджоуская инженерная дистанция – Андижан – крепость Кушка – Красноводск – Ташкентская и Семиреченская инженерные дистанции. В 1905 году Константин Сарандинаки был переведён в распоряжение начальника инженеров Варшавского военного округа. В Варшаве он служил «*обер-офицером для проверки смет и счетов*»; в 1-ой Привисленской инженерной дистанции – производителем работ Радомского района. С 1914 года подполковник Сарандинаки отвечал за снабжение в управление строительных работ Брест-Литовской крепости. Через два года он был командирован в Ивангородскую крепость и возглавил хозяйственный отдел управления начальника инженеров 4-й армии. В том же году К.К. Сарандинаки произвели в полковники. Его наградами стали два ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, орден Св. Анны 2-й степени. Российское общество Красного Креста (РОКК) удостоило

¹ Зинаида Сарандинаки и Юрий Лебедев венчались 11 января 1904 года в Москве в церкви Святителя Николая в Гнездниках (ЦИАМ. Ф. 2124. Оп. 2. Д. 176. Л. 143).

Константина Сарандинаки медалью за участие в благотворительной деятельности в 1904 – 1905 годах. В 1916 году он получил высочайшее благоволение за «отлично-усердную службу и труды, понесённые о время военных действий» [19].

Тучный и флегматичный по характеру Константин Константинович не был удачлив в семейной жизни. В 1904 году, в период службы в Туркестане, он обвенчался в церкви 262 пехотного резервного Сальянского полка [20, л. 7] с 19-летней воспитанницей генерал-майора В. А. Бракера¹ Марией (она же Тамара), дочерью жителя селения Ланчхути Озургетского уезда Кутаисской губернии Давида Цинцадзе. Поручителями по жениху стали сослуживцы капитан Н. Г. Проценко и подпоручик В. П. Гасабов, по невесте – великобританский поданный Малькольм Малькольмович Маккларен и подпоручик Сальянского полка Г. П. Сагайдановский. Через четыре года совместной жизни жена подала на развод, обвинив Константина Константиновича в супружеской измене.

На начало разбирательства К. К. Сарандинаки проживал в казармах инженерного ведомства в Радоме, небольшом городке в 100 км от Варшавы, и дело поступило на рассмотрение в Варшавскую духовную консисторию. Мария Давидовна лично участвовать в процессе отказалась, а поручила представлять свои интересы присяжному поверенному И. Я. Софийскому. Поверенный приложил к делу медицинское свидетельство врача больницы Св. Рока в Варшаве, по которому Мария-Тамара, будучи крайне хрупкого телосложения и страдая от кашля и горловых кровотечений, вынуждено уехала на родину в посёлок Сочи. К делу были также приобщены показания свидетелей, офицеров Н. Малинина и В. Фирсова, которые, не поскупившись на пикантные подробности, рассказали, как в середине августа 1908 года во время совместного кутежа в варшавском ресторане «Корсо» Сарандинаки уединился в кабинете с неизвестной им женщиной [20, л. 36]. Духовная консистория в лице протоиерея Луки Цыбика попыталась примерить супругов, но безуспешно. Выслушав «пастырские увещания», К. К. Сарандинаки заявил: «Вследствие крайних несогласий и недружной совместной жизни с женою моею, я остаюсь при своём мнении о необходимости расторжения нашего брака» [20, л. 6]. После обращения Варшавской духовной консистории при посредничестве Ставропольской духовной консистории в Сухумскую епархиальную канцелярию священник

сочинской церкви Александр Ильинский принял попытку убедить Марию Давидовну отказать от развода. Однако и он потерпел фиаско. М. Д. Сарандинаки категорично ответила письмом: «Примириться с мужем моим капитаном К. Сарандинаки для меня неприемлемо. Я по-прежнему пребываю в неуклонном намерении расторгнуть свой брак» [20, л. 7]. Консистория посчитала иск Марии (Тамары) Сарандинаки доказанным. Святейший Синод по рапорту консистории постановил в июле 1910 года брак расторгнуть. Истице было дозволено вступить в новый брачный союз, ответчик мог снова жениться только после семи лет исполнения епитимьи [20, л. 50]. Константин Константинович решением остался доволен и апелляцию подавать не стал.

После развода на Марию Давидовну Сарандинаки обратило внимание Министерство внутренних дел. В 1911 году она фигурировала в деле «об убийстве в Тифлисе помощника директора городского трамвая» [21], а в 1914 году «бракоразведённая супруга военного инженера» Тамара Викторовна Сарандинаки – теперь она носила второе имя и отчество опекуна – проходила по делу 5-го департамента в связи с депортацией из Петрограда «её сожителя Леонида Вишневецкого» [22, с. 19 об.]. «Сожитель» госпожи Сарандинаки был арестован охранным отделением по обвинению в военном шпионаже. В прошении на имя товарища министра внутренних дел Вишневецкий подробно описал свою жизнь и в том числе указал, что летом 1914 года гостил в Сочи в доме генерал-лейтенант В. Бракера, опекуна своей гражданской жены [22, с. 13 об.]. После обыска дело Вишневецкого было прекращено. Невольно возникает вопрос: «А не подстроена ли была ситуация в ресторане Варшавы, повлекшая за собой развод супругов Сарандинаки?»

В Гражданскую войну К. К. Сарандинаки уехал на Дон, в Новочеркасск, и в конце 1918 года поступил в Управление начальника военных инженеров Всевеликого войска Донского (ВВД), где отвечал за отделы автомобильный и радиотехнический (телеграфная и телефонная связь) [23, л. 2]. В первые месяцы 1919 года он временно замещал начальника полковника В. К. Манохина [23, л. 8 а]. С Василием Карповичем Манохиным он был знаком со времён службы в Варшавском округе.

После победы Красной армии полковник К. К. Сарандинаки эвакуировался в Константинополь, откуда прибыл в Белград и смог устроиться

¹ Уроженец Закавказья Виктор Александрович Бракер более 26 лет прослужил на Кавказе, а с 1901 года состоял интендантом Туркестанского военного округа.

работать по профессии. В 1942 году он являлся членом Союза русских инженеров и техников в протекторате Чехии и Моравии [24].

Александр Константинович Сарандинаки начал службу в 1897 году вольноопределяющимся в Дорогобужском полку. Через три года он был переведён в 188-й пехотный Красноставский полк и командирован в Санкт-Петербургское юнкерское училище, по окончании которого вернулся в полк.

В 1910-м вспыльчивый по характеру Александр оказался замешен в драке. Сарандинаки не потерпел оскорбления от сослуживца и с кулаками набросился на него. Оба участника потасовки были наказаны: капельмейстер уволен из полка, а Александр Константинович за рукоприкладство отправлен в 4-х месячный отпуск «*впредь до приискания себе другой службы*» [25]. В середине 1910 года он поступил в 24-й Симбирский полк, потом в чине штабс-капитана был зачислен в запас армейской пехоты по Самарскому уезду и, наконец, в 1911 году, в связи «с мнением Государственного совета об увеличении состава земской стражи в губерниях Царства Польского» назначен офицером земской стражи Люблинской губернии. В этом же году А. К. Сарандинаки приказом варшавского генерал-губернатора был назначен исполняющим должность начальника земской стражи Яновского уезда. Войну он встретил уездным начальником в Радоме. В июле 1915 года приказом главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта «за отличную службу и труды» Александр Константинович был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени [26]. Женился он на сестре своего сослуживца по Красноставскому полку поручика Владимира Андреевича Бржезовского. Покинув родину в Гражданскую войну, Любовь Андреевна Бржезовская проживала в США [27]. Возможно, Александр Константинович эмигрировал вместе с женой.

И, наконец, младший из братьев Василий Константинович Сарандинаки окончил Суворовское кадетское училище в Варшаве и Алексеевское военное училище. Первый офицерский чин он получил в 1914 году. Его местом службы стала дислоцированная в Брест-Литовске 65-я отдельная сапёрная рота [28].

Женился поручик Василий Сарандинаки на Милице Бурьиной, дочери известного текстильного фабриканта. Тесть Дмитрий Геннадьевич Бурьин был личностью незаурядной во многих отношениях. Основатель «Товарищества мануфактур в Иваново-Вознесенске» и «Товарищества Шуйско-Егорьевской

Поручик Александр Константинович Сарандинаки. Фото начала 1900-х годов. Лот на аукционе в 2015 г.

мануфактуры» с капиталом в полмиллиона рублей заслуженно носил звание потомственного почётного гражданина города Иваново-Вознесенска. Гласный Городской думы на протяжении 28 лет, Бурьин активно занимался общественной деятельностью и слыл щедрым благотворителем — организовывал бесплатное питание для детей из небогатых семей и выделял средства на помощь нуждающимся. Рьяный коллекционер редкостей и древностей, он не единожды совершал поездки в страны Европы и Азии и даже намеревался посетить Новый Свет, купив билет на «Титаник», но, не воспользовался им.

Среди собранных им многочисленных археологических, этнографических, нумизматических экспонатов была даже египетская мумия. Бурьин коллекционировал иконы, редкие книги, ордена и медали, картины и гравюры, украшения и одежду. Его масонская коллекция в советское время пополнила собрание Государственного Эрмитажа. Уникальные экспонаты

Бурылин разместил в специально построенном музейном здании. Возведённый в стиле неоклассицизма помпезный трёхэтажный особняк торжественно принял первых посетителей в 1914 году. С тех пор и до наших дней музей Бурылина является одним из самых значительных провинциальных российских музеев [29].

Пикантность семейного положения Дмитрия Геннадиевича Бурылина заключалась в том, что старовер по происхождению, дважды вдовец, он последние годы жил в гражданском браке со вдовой, матерью зятя Апполинарией Дмитриевной Сарандинаки [30].

После Октябрьской революции никто из детей Дмитрия Геннадиевича Бурылина родину не покинул: авторитет главы семьи в Иваново казался незыблемым. Но в 1919 году принадлежащие Д. Г. Бурылину фабрики и музей были национализированы, дом перешёл городу, а сам он вынуждено довольствовался местом главного смотрителя собственного музея и вместе с семьёй ютился в полуподвале своего бывшего особняка. Через несколько лет коллекционера обвинили в сокрытии ценных музейных экспонатов. До ареста Д. Г. Бурылин не дожил и скончался в 1924 году. Его кончину до сих пор окружают легенды.

В июле 1918 года Василий Константинович Сарандинаки по мобилизации вступил в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) и начал работать в военных структурах. В январе 1919 года он был принят на службу в военно-инженерное управление Ярославского военного округа сначала делопроизводителем, затем младшим инженером группы снабжения Шуйского авто-технического склада, после помощником военного комиссара в Иваново-Вознесенском уезде. С 1925 года В. К. Сарандинаки командовал взводом 1-го автомотополка (моторизованный полк на автомобильном транспорте).

Первый раз Василий Сарандинаки и Милица Бурылина стали родителями в 1918 году. Молодая семья проживала в Иваново «в квартире в доме Бурылина по улице Советской». Восприимчивыми при крещении младенца Ирины были записаны «купец Дмитрий Геннадиевич Бурылин и его гражданская жена Аполлинария Дмитриевна Сарандинаки» [30]. В 1923 году семья снова пополнилась — новорожденную девочку назвали Валерией [31]. Третья дочка, названная в честь мамы, появилась на свет в 1925 году [32]. К концу 20-х годов Василий Константинович получил должность командира взвода электротехнического батальона в Москве. Казалось, Сарандинаки удалось удачно интегрироваться в советскую жизнь. Но в 1935-м маховик

репрессий докатился и до него. В. К. Сарандинаки был осуждён Особым совещанием при НКВД СССР за шпионаж на пять лет лишения свободы [33]. Что послужило поводом для ареста — греческая фамилия, офицерское прошлое или место рождения польский город Седлец — не известно. В 1940 году В. К. Сарандинаки был освобождён, в 1957-м — реабилитирован военным трибуналом Ленинградского военного округа.

Владимир Иванович Сарандинаки, в отличие от своих родственников, не только принял новую власть, но и удостоился в СССР генеральского чина.

Благодаря его отцу начальнику арсенала Ивану Васильевичу и матери Софье Максимовне фамилия Сарандинаки попала в русскую литературу. Генерал И. В. Сарандинаки возглавлял на протяжении 13 лет Брянский арсенал [34, л. 90 — 93 об.] и, без сомнений, был фигурой в городе заметной. Знавшие генерала, отзывались о нём как о «человеке труда, учившимся, читающем, интересующимся» [35, с. 115]. Константин Паустовский описал Брянск и его обитателей в автобиографической «Повести о жизни», в главе «Артиллеристы». Осенью 1908 года 16-летним подростком будущий писатель приехал в Брянск к дяде Н. Г. Высочанскому и прожил у него год. Высочанский, военный инженер, служил на заводе «Арсенал», производящем артиллерийское оружие. В один из дней Константин встретил на базаре сослуживца дяди штабс-капитана Иванова. Иванов на время лишился денщика, и юноша вызвался помочь капитану довести до дому купленную снедь. Погрузив покупки на извозчика, Иванов вместе с Паустовским поехали по центральной Московской улице. Управляться с бытовыми делами самостоятельно, без помощи денщика офицеру было зазорно. Навстречу им попадались много знакомых. «Встретился даже ехавший в пароконном экипаже начальник арсенала генерал Сарандинаки. Завидев нас, знакомые усмехались, но Иванов прямо смотрел им в глаза. Под этим взглядом они смущались, переставали усмехаться и в конце концов даже приветливо нам кивали нам. А Сарандинаки остановил экипаж и предложил Иванову прислать к нему своего денщика. Но Иванов вежливо отказался, заметив, что он прекрасно справляется с этой несложной работой. Генерал поднял брови, слегка толкнул кучера в спину шашкой в чёрных ножнах, и серые генеральские лошади с места пошли рысью» [36].

В Киеве, где Иван Васильевич Сарандинаки начинал военную карьеру, он встретил

будущую жену Софью Острянскую [34, л. 98]. Её подругой по институту благородных девиц была Вера, дочка писателя Николая Лескова. Через несколько лет после окончания института приятельницы встретились в Петербурге. И. В. Сарандинаки в это время в чине полковника возглавлял Артиллерийскую школу в Киеве. Молодожёны Вера Лескова и Дмитрий Нога устроили в номере гостиницы вечеринку. За чаем *«бойкая и бывалая мадам Сарандинаки, проявляя актёрский темперамент и наблюдательность, рассказывает, как последней зимой ездила на святки по узкоколейке к родным в Старую Руссу, и какой-то жёлчный господин на все уговоры взять с сиденя его чемодан коротко бросал: «Не желаю»»* [35, с.115]. В Руссе пассажиры собирались привлечь нелюбезного попутчика к ответственности, но к их удивлению он был почтительно встречен местными чиновниками. Оказалось, что «желчный» господин большая персона, а чемодан был вовсе не его. Через три года в искусной обработке Н. Лескова история воплотилась в хорошо развёрнутый весёлый рассказ «Путешествие с нигилистом».

Софья Максимовна не только обладала живым нравом, но и отзывчивым сердцем. С 1899 года на протяжении семнадцати лет госпожа Сарандинаки возглавляла Брянский комитет РОКК [37]. Брянский «Красный крест» возник на основе местного Общества попечения о раненых и больных. Комитет ежегодно проводил компании по сбору средств на помощь нуждающимся. Сами члены Комитета не оставались в стороне и делали пожертвования, подавая согражданам пример. Одной из основных целей Комитета была поддержка малоимущих и нуждающихся. Комитет содержал бесплатную амбулаторию и народную столовую, роль которой была особенно ценна в голодный 1892 год. В русско-японскую войну 1904–1905 годов Комитет снабжал бельём и тёплой одеждой воинов на Дальнем Востоке. Семьи погибших получали от него материальную помощь, вернувшиеся с фронта — деньги шли на лечение, в серьёзных случаях раненых отправляли за счёт благотворителей в московские госпитали. С началом Первой мировой войны задачи, стоящие перед Комитетом, возросли в разы.

Владимир, единственный сын Ивана Васильевича и Софьи Максимовны Сарандинаки, окончил курс Александровского кадетского корпуса и был принят в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания. По окончании училища по 2-му разряду в 1894 году он в чине подпоручика поступил в 20-ю конноартиллерийскую батарею, затем был переведён

в 21-ю батарею. В 1900 году Владимир был зачислен в Офицерскую кавалерийскую школу. Продолжая обучение, он был переведён в 15-ю батарею и произведён в штабс-капитаны. По окончании школы назначен заведующим учебной командой 8-го конноартиллерийского дивизиона, с 1905 года командовал 23-й конноартиллерийской батареей, а затем 21-й батареей [38].

К началу правления Николая II русская артиллерия состояла из полевой, включающей 52 бригады, конной в составе 28 батарей, резервной, парковой, крепостной и запасной. Численность личного состава в артиллерии в 1902–1903 годах превышала 150 тысяч человек. Бригады делились на дивизионы, дивизионы — на батареи. Орудиями конной артиллерии служили 4-х и 9-ти футовые пушки старого образца и пушки-трёхдюймовки, получившие в годы Первой мировой войны прозвище «коса смерти».

Над артиллерийскими бригадами шефствовали члены императорской семьи. Император Николай II, прошедший службу в гвардейской артиллерии, стал после Петра Великого первым императором-артиллеристом. Служба в конной артиллерии помимо профессиональных знаний и хорошей физической подготовки требовала умения отлично держаться в седле.

В 1909 году 21-я конноартиллерийская батарея под командованием капитана В. И. Сарандинаки входила в 14-й дивизион и стояла в городе Кельцы в 170 км от Варшавы. Первую мировую войну Владимир Сарандинаки встретил в чине подполковника. 14-я дивизия была разбросана на большом пространстве Варшавского округа: 21-я батарея размещалась в самой Варшаве и из-за отсутствия в 13-й кавалерийской дивизии своей артиллерии поддерживала её тоже. С началом боевых действий батарея подполковника Сарандинаки вошла в состав Юго-Западного фронта, а в сентябре 1914-го — в Конный корпус генерала А. В. Новикова 2-й армии Северо-Западного фронта. В 1916 году Владимир Сарандинаки был произведён в полковники и накануне Октябрьских событий 1917 года принял 12-й дивизион.

За годы службы Владимир Иванович неоднократно удостоивался наград — трижды становился кавалером ордена Св. Станислава, один раз был представлен к ордену Св. Владимира, четырежды награждался орденом Св. Анны, в 1916 году с надписью «За храбрость» [39].

Орден Св. Георгия 4-й степени Владимир Сарандинаки получил за бой в августе 1914 года под городом Красником. Награда не сразу нашла героя. В рапорте от 24 сентября 1916 года

командир 7-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант князь Н. А. Туманов проинформировал командующего 2-й армией генерала от инфантерии В. В. Смирнова о том, что подполковник В. И. Сарандинаки неоднократно представлялся к награждению орденом за отличия в боях под Красником, Стале и других, но безуспешно [40, л. 31 – 31 об.]. Генерал Туманов обратился к генерал-инспектору артиллерии великому князю Сергею Михайловичу с просьбой о восстановлении справедливости, после чего делу был дан ход.

Описание боя под Красником составил начальник штаба конного отряда 4-й армии полковник К. И. Максимович [40, л. 33 – 34 об.]. С 23 июля 1914 года отряд генерала Туманова в составе нескольких уланских, гусарских, одного драгунского, 9-го Донского казачьего полков, двух пеших сотен Сандомирской бригады пограничной стражи при поддержке 3-й лейб-гвардейской и 21-й конноартиллерийских батарей занял позиции перед Красником, чтобы перекрыть развёртывание войск 4-й армии неприятеля у Люблина и узла путей сообщения.

3 августа австрийские войска перешли границу и приблизились к российским позициям. Туманов спешил 3-х кавалерийских полка, а левый фланг усилил 21-й батареей под командованием В. И. Сарандинаки. Через 10 минут после начала боя из леса выдвинулась австрийская артбатарея и открыла прямой огонь по батарее подполковника Сарандинаки. К 12-ти дня австрийская артиллерия была подавлена русским ответным огнём. После этого австрийцев стали стрелять со скрытых позиций шрапнелью, а 21-я батарея перенесла огонь на пехоту противника и принудила её отступить. Артиллерийская дуэль с двумя неприятельскими батареями продолжалась до 5 часов вечера.

В конце боя части князя Туманова были усилены Белёвским полком и двумя батареями 18-й артиллерийской бригады, одна из которых поддержала 21-ю. Получив сведения от разведчиков о наличии одной из австрийских батарей в балке, 21-я батарея открыла по ней огонь и заставила выйти из укрытия. К вечеру бой утих. Город Красник был удержан, и попытка противника воспрепятствовать сосредоточению и развёртыванию 4-й армии не удалась. По мнению полковника Максимовича 21-я конноартиллерийская батарея подполковника Сарандинаки способствовала успешной обороне города.

Сохранилось также описание битвы под Красником, составленное генерал-майором бароном Карлом Густавом Эмилем Маннергеймом.

Согласно его докладу в начале боя 3-я лейб-гвардии конноартиллерийская батарея у кирпичного завода попала под перекрёстный огонь неприятеля, потеряла много людей, одно орудие и вынуждена была замолчать. В критический момент по приказанию князя Туманова 21-я батарея подполковника Сарандинаки выехала на замаскированную позицию и «обрушилась своим метким и чрезвычайно энергичным огнём на правый фланг противника». Попытки неприятеля выйти из леса южнее деревни Пасеки были 21-й батареей сорваны. Искусно перенеся огонь на батарею противника, стоящую у деревни Почекайки, В. И. Сарандинаки заставил её замолчать.

Во второй половине дня австрийцы стали скапливаться в овраге у деревни Поддесье, их возможная атака могла прорвать линию обороны спешенных улан полка Его Величества. Но заметив, что неприятель продвигается по оврагу к северу, подполковник Сарандинаки сосредоточил на овраге артиллерийский огонь и «блестящей работой 21-й конной батареи» остановил продвижения австрийцев. По мнению Маннергейма в том, что лейб-гвардии уланский полк смог в течение дня 4 августа удерживать превосходящие силы противника с тремя батареями «заслуга в значительной степени принадлежит храброй 21-й конной батарее», «поразительно быстрой ориентировке, решимости и инициативе её доблестного командира с беззаветным мужеством под огнём трёх неприятельских батарей руководившего работой её в течение 7-часового Красницкого боя» [40, л. 35 об. – 36]. По мнению Маннергейма оперативно-тактическое значение боя у Красника 4 августа заключалось в том, что провалилась попытка австрийцев развернуть свои войска севернее лесисто-болотистой полосы у реки Сан. Противник был вынужден двигаться южнее по лесу и болоту, что замедлило его наступление. Снова под Красником австрийцы появились через 6 дней.

Битва под Красником являлась составной частью Галицийской операции.

Варшавский военный округ, в котором до начала войны проходил службу В. Сарандинаки, слыл передовым в смысле военно-теоретической работы. «Военная мысль больше работала в Варшаве, нежели в казённом Петербурге», – вспоминал маршал Б. М. Шапошников, служивший в 1912 году адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии. – «Офицеры округа могли регулярно обмениваться мнениями по вопросам военного дела, чему способствовало наличие единственного в русской армии особого

собрания офицеров Генерального штаба. Здесь проходили военные игры, дружеские встречи. При штабе округа издавался небольшой военный журнал. Выходила и своя газета «Офицерская жизнь», причем её взгляды на тактические и оперативные вопросы военного дела не совпадали со взглядами «Русского инвалида» и «Военного сборника», отличавшихся консерватизмом» [41, с. 203].

С другой стороны, среди низших чинов и солдат в округе распространялись социалистические идеи. Помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части в ноябре 1907 года докладывал в департамент полиции о том, что в квартирах подпоручиков 21-й конной артиллерийской бригады Калинина и Панькова были найдены экземпляры журнала «Народная Армия», брошюры «Справочный листок, полезный для крестьян», издания «Земля и воля» и другие печатные материалы «преступного содержания» [42, л. 121]. «На кухне подполковника вестового поручика Калинина — Антона Пашкевича обнаружены две брошюры «Чего требует крестьянин» и «Погром и погромщики» издания «Земля и Свобода». Офицеры и вестовой были взяты под стражу. В ходе дознания, проводимого товарищем прокурора Варшавского окружного суда Н. К. Чебышевым был допрошен в качестве свидетеля старший офицер батареи Владимир Сарандинаки. Он сообщил, что «Калинин прибыл в батарею несомненно с левым направлением» [42, л. 153], и слабохарактерный Паньков попал под его влияние. На офицерских собраниях батареи постоянно шли дебаты на политические темы «с полным оправданием левых направлений и течений». Подпоручика Калинина поддерживали жена и сын-студент командира батареи подполковника Милькевича. В судьбе Калинина и Панькова сыграл «большую роль также бывший офицер нашей батареи, ныне полковник генерального штаба Залесский, кажется начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии, который бывая в лагере в гостях у Милькевича, нравственно поддерживал Калинина, не стесняясь, в присутствии всех собравшихся к Милькевичу выставлял Калинина как представителя и борца за идеи и свободу» [42, л. 154]. Позицию своего командира В. И. Сарандинаки не разделял и старался реже присутствовать на офицерских собраниях. Дальнейшее расследование показало участие Калинина и Панькова в работе Келецкого кружка военно-революционной организации Варшавского округа и их связь

с Польской социалистической партией. Прокурор Варшавской судебной палаты возбудил следствие относительно командира 23-й батареи Милькевича «за преступное бездействие власти по политическим убеждениям» [42, л. 224]. Должность командира батареи получил капитан Сарандинаки. Был ли искренен Владимир Иванович на дознании, испытывал ли потом угрызения совести, потомкам знать не суждено. Однозначно можно сказать, что война Сарандинаки сильно изменила.

В период службы в Варшавском военном округе судьба свела Владимира Ивановича с Марией Николаевной Александровой. Очаровательная молодая женщина состояла в браке с военным следователем округа полковником Г. Ю. Фиренкранцем. Вспыхнувшее чувство привело к разрыву Марии Николаевны с супругом, а Владимира Ивановича — с супругой. Официально скрепить отношения влюблённым удалось только в 1924 году.

После Октябрьской революции Сарандинаки вступил в РККА и приказом по 7-му кавалерийскому корпусу от 21 ноября 1917 года был назначен временным исполняющим дела инспектора артиллерии корпуса. В 1919 году он служил инспектором по кавалерии при Тульском губернском военном руководителе, а затем был переведён исполняющим дела инспектора кавалерии Второй армии (позже переименована в Трудовую армию) [39]. В 1923 году он переехал в Москву и до конца 1920-х годов находился в должности начальника Верховной конюшни Народного комиссариата по военным и морским делам. По приказу Революционного военного совета (РВС) СССР № 199 от 28 февраля 1930 года он был откомандирован для работы в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) СССР [43] и начал заниматься преподавательской деятельностью. В. И. Сарандинаки учил военным дисциплинам слушателей Военной академии механизации и моторизации имени И. В. Сталина, Высшей школы милиции, студентов Авиационного института, Института цветных металлов и золота.

В дореволюционной России скачки и бега являлись привилегией состоятельной аристократии. Манежный спорт в России получил развитие в XIX веке, когда на состязаниях стала оцениваться выездка. Выступление в Петербурге на арене цирка Чинизелли в 1897 году англичанина Джеймса Филлиса произвело в обществе фурор. По приглашению императорской семьи Филлис, возведённый в чин полковника Российской армии, с 1898 по 1909 год преподавал основы искусства верховой езды в Офицерской кавалерийской

школе. Кавалеристы отрабатывали навыки в спортивных упражнениях на манеже, в стипль-чезе¹, «лисичке»² и пробегах. В отделе низших чинов в Офицерской кавалерийской школе в Петербурге в 1907–1908 годах проходил обучение командированный как лучший наездник полка Семён Будённый. В последствии, благодаря Будённому, в советской кавалерии школа Филлиса использовалась для обучения молодых лошадей.

Владимир Сарандинаки с юности увлекался конным спортом и неоднократно участвовал в состязаниях. Одно из таких соревновательных мероприятий на Рембертовском полигоне³ в 1898 году закончилось для него травмами. Подпоручик упал вместе с лошады и получил вывих обеих конечностей, левого предплечья с разрывом связок локтевого сустава и сотрясение мозга. Повреждения, ввиду их серьёзности, были зафиксированы в послужном списке В. И. Сарандинаки. Однако инцидент на скачках не охладил спортивного азарта. В 1903 году Владимир занял первое место на скачках на призы военного министерства.

В 1910 году командир 21-й конноартиллерийской бригады подполковник Владимир Сарандинаки с единомышленниками основали Скаковое общество офицеров конной артиллерии Варшавского военного округа. Продолжавшее спортивные традиции округа общество «Конный спорт» имело целью *«дать возможность заниматься спортом возможно наибольшему количеству офицеров, не отрывая их от исполнения своих прямых обязанностей, и вместе с тем упрочив любовь к лошади, развить знание всех родов верхового спорта»* [44, с. 3]. Ипподром для состязаний, как и раньше, располагался в Рембертове. Общество состояло «из президента, вице-президента, почётных и действительных членов и членов соревнований» [44, с. 3]. Президентом «Конного спорта» в год основания был избран генерал-лейтенант граф Баранцов. Устав подробным образом регламентировал обязанности членов общества, правления, технической комиссии, судей. Подписавшиеся на скачки офицеры делали взносы из средств батареи. Допускаемой до соревнований лошади следовало иметь родословную. Казначей, распоряжавшийся средствами общества, ежегодно публиковал отчёт.

В 1911 году почётный член общества Владимир Сарандинаки был избран в правление и техническую комиссию.

Весной 1922 года С. М. Будённый выступил с призывом развивать в молодом советском государстве конный спорт. В ответ на обращение командарма был организован показательный 100-вёрстный конный пробег во главе с командным составом Первой конной армии по маршруту Ростов-на-Дону – Новочеркасск и обратно [45]. Окончание пробега символично закончилось закладкой ипподрома Ростове, где располагался штаб Первой конной армии. Официальной датой начала конноспортивной работы в СССР считается 10 октября 1923 года – день старта 400-вёрстного пробега по маршруту Ростов-на-Дону – Харьков. В декабре того же года открылась школа верховой езды Общества строителей международного Красного стадиона (ОСМКС).

В советской стране конный спорт зарождался практически с нуля при дефиците специалистов и сведённом почти к нулю поголовье породистых лошадей. На этом фоне в печати развернулась полемика о роли конных соревнований. Самый известный кавалерист С. М. Будённый считал ипподромы проявлением буржуазности. Целью состязаний он видел исключительно выявление качества лошадей. В статье, опубликованной в газете «Красная звезда» за подписью Семёна Михайловича, высказывалось мнение, что *«работа ипподромов должна преследовать цели приближения к интересам крестьянства. В силу своих экономических, бытовых и земельных условий, ещё многие десятилетия лошадь в СССР будет иметь огромное значение и в сельском хозяйстве, и в армии»* [45]. Будённому вторил в прошлом бывший полковник лейб-гвардии драгунского полка, а ныне преподаватель конного дела В. И. Бацов. В статье, озаглавленной «Не забава, а учёба» он подчёркивал, что в царское время конный спорт являлся развлечением для богатых, а состязания советских кавалерийских школ преследуют прагматичную цель – повышение боевой подготовки [45].

В программу организованных конно-спортивным комитетом Московского военного округа состязаний, проходивших на Московском городском скаковом ипподроме летом 1924 года, вошли пробег курсантов на 25 км, фигурная езда комсостава, охотничий конкур-иппик⁴ для курсантов и красноармейцев, комбинат

¹ Стипль-чезе – скачки с барьерами, насыпями, водными преградами и другими препятствиями.

² «Лисичка» – конноспортивная игра, проводимая в манеже.

³ Рембертов – в XIX веке пригород Варшавы, где командованием Варшавского военного округа был создан военный городок и оборудован учебный артиллерийский полигон.

⁴ Охотничий конкур-иппик – скачки с препятствиями.

с прыжка и рубка для комсостава, скачки за вожакком и групповая рубка курсантов.

Иначе видел развитие конного спорта в СССР генерал Владимир Иванович Сарандинаки. Для него состязания наездников были важны, в первую очередь, как спортивные мероприятия. Сарандинаки ратовал за занятия спортом молодёжи и доказывал важность спортивного образа жизни. Как человек искренне любящий лошадей, он считал необходимым поднимать отечественное коневодство, основываясь на национальных традициях народов СССР и регулярной государственной поддержке. В 1925 году в издательстве Ленинградского военного округа вышла его книга «Конный спорт». Во введении Сарандинаки отмечал, что, будучи дорогим, этот вид спорта в царской России получил ограниченное распространение. *«Между тем ни в одной стране в мире нет таких условий для развития конного спорта, как в России: огромные пространства полей и лугов и чрезвычайное разнообразие населения; среди которого встречаются целые народы, в жизни которых лошадь играет доминирующее значение. Эти народы, хотя и занимаются конным спортом, но он у них совершенно не культивируется и играет роль или забавы или приходит на помощь при осуществлении различных форм быта»* [46, с. 5]. В пример генерал приводил киргизов: *«У них устраиваются народные скачки, но без всякой системы, и сказать, что эти скачки улучшают породу киргизской лошади — нельзя»* и советовал равняться на Великобританию, где, благодаря государственной поддержке спорта и спортсменов, удалось вывести несколько пород лошадей, *«мировые рекорды которых никем не побиваются»* [46, с. 8]. Анализируя прошлое, Владимир Иванович указывал на халатное отношение царского правительства к конному спорту, в результате которого военные потрясения последнего десятилетия нанесли колоссальный урон отечественному коневодству. Поскольку армия в СССР перешла на территориальную систему, насущным — отмечал генерал — стал вопрос, где брать конницу. И тут на помощь, по мнению Владимира Ивановича, должен прийти конный спорт: *«Его надо развивать, дать ему определённые нормальные правила и законом охранить»* [46, с. 7]. И дальше. *«Конный спорт должен явиться способом обучения нашей допризывной молодёжи конному делу, в лёгкой и захватывающей форме <...> Спорт,*

завлекая человека, заставляет его учиться и приобретать массу познаний из всего, что ему сопутствует. Спорт развивает в человеке высокие положительные качества — смелость, ловкость, находчивость, способность быстро воспринимать впечатления, сейчас же принимать решение и приводить его в исполнение» [46, с. 7]. *«Научно-организованный спорт, опирающийся на поощрительные государственные законы, быстро и продуктивно решает вопросы об улучшении государственного коневодства, подготавливает молодой допризывный состав для службы в кавалерии и даёт населению правильный взгляд на лошадь, развивая в тоже время к ней любовь»* [46, с. 78–79].

Книга В. И. Сарандинаки объёмом в 122 страницы состоит из двух частей, в первой из которых автор детально описал правила для фигурной езды наездников, езды цугом (гуськом) и парой. Текст иллюстрировали поясняющие исполнение фигур рисунки и схемы. Затем следовали правила конкур-иппика в сопровождении плана манежа с пометками препятствий под номерами. Сарандинаки сформулировал требования к прыжкам, нормы пробегов и скачек, в том числе охотничьей и «разведческой», спортивные подробности псовой и парфорской охоты¹, правила упражнений на лошади (джигитовки), игры в конное поло и «Джимхану»². Вторая часть книги «Состязания и испытания» была написана по приказу РВС СССР за № 1347 от 1923 года. В ней изложены общие положения и правила групповых состязаний, проводимых в целях развития спорта и подготовки частей Красной конницы к боевой деятельности. К таким испытаниям относились соревнования в разведке, в полевом галопе, по переправе через реку, по высадке эскадронов и ремонту конных батарей, на первенство строевой лошади. В качестве спортивных снарядов при конной рубке предлагалось использовать помимо лозы глиняные конус и шар, соломенный жгут, мешок с соломой. Подобные состязания надеяло проводить среди эскадронов внутри полков и в дивизиях, не только между рядовыми кавалеристами и конными артиллеристами, но и среди командного состава. Таким образом, генерал В. И. Сарандинаки первым в СССР создал единый свод норм и правил по проведению конных состязаний и их оценке судейскими комиссиями. 13 сентября 1925 года состоялись I Всеармейские конноспортивные соревнования.

¹ Парфорская охота — разновидность охоты с гончими собаками.

² Джимхану — конная игра, первоначально возникшая в Индии и практиковавшаяся в кавалерии для развития сообразительности и ловкости наездников.

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. САРАНДИНАКИ.

КОННЫЙ СПОРТ

С 29 рисунками в тексте.

Одобрено Инспекцией Кавалерии Р.-К.К.А.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
Ленинград. 1925

Обложка книги В. И. Сарандинаки

Вышедший в 1938 году сборник правил и требований к состязаниям конников во многом повторял работу В. И. Сарандинаки, но ссылки на книгу генерала приведены в нём не были [47].

Владимир Иванович Сарандинаки женат был дважды. Из послужного списка известно, что его первой женой была дочь надворного советника Лидия Георгиевна Иванова. Сына, родившегося в 1906 году, супруги назвали Сергеем. Вторая жена генерала Сарандинаки Мария Николаевна в конце марта 1967 года обратилась с письмом к К. Г. Паустовскому:

Глубокоуважаемый Константин Георгиевич! Простите за беспокойство, которое я Вам причиняю своим обращением. Я вдова сына генерала Сарандинаки Ивана Васильевича, о котором Вы упоминали в Вашей повести «Далёкие годы», который был начальником арсенала в Брянске. Я слышала, что у Вас в Тарусской есть картинная галерея и поэтому после долгих колебаний решила предложить Вам приобрести прелестную миниатюру, которой 121 год. На ней изображён в шестилетнем возрасте Иван Васильевич Сарандинаки с двумя старшими сёстрами-институтками. Они стоят у клавинограда. Очень красивые краски и прекрасная сохранность. Мне

было бы очень приятно и лестно, если бы эта семейная реликвия попала к Вам. Я в весьма преклонном возрасте и совершенно одинокая (мой муж Георгиевский кавалер, генерал погиб в 1933 году в результате несчастного случая) и не хочется, чтобы дорогая для меня память попала в чьи-либо недостойные руки. Есть и портрет Ивана Васильевича (масляная краска) в 75-летнем возрасте, тоже очень удачный. У меня, к сожалению, нет телефона, и если Вы выразите желание посмотреть миниатюру, то благоволите позвонить по телефону Г-6-13-16 Таусии Львовне и укажите ей время, когда бы я могла позвонить Вам, чтобы поговорить. Ещё раз прошу простить меня за беспокойство, на что я долго не решалась. Глубоко уважающая и почтающая Вас Мария Сарандинаки [48].

Встреча М. Н. Сарандинаки с Паустовским не состоялась. Константин Георгиевич прекрасно знал, любил и ценил изобразительное искусство, но коллекционером не был. Стены его скромного домика в Тарусе украшали живописные подарки, полученные от друзей, и картины сына, художника Алексея Паустовского. Основу галереи в Тарусе составляло собрание живописи московского коллекционера Н. П. Ракицкого. Последний год жизни Константин Георгиевич сильно болел; его не стало в июле 1968 года. Какова судьба семейных портретов Сарандинаки неизвестно, как неизвестно и то, что явилось причиной трагической гибели Владимира Сарандинаки.

Преждевременная кончина генерала В. И. Сарандинаки удивила сослуживцев. Маршал Б. М. Шапошников вспоминал: «21-й конно-артиллерийской батареей командовал молодой подполковник Сарандинаки. С ним я встретился уже в Красной армии, в которой он служил с самого её создания до 30-х годов. Умер он как-то неожиданно» [41, с. 202]. Приказом Народного комиссариата обороны (НКО) СССР № 27 от 11 апреля 1933 года состоящий в резерве РККА Сарандинаки В. И. был исключён из списков РККА с 11 февраля 1933 года ввиду смерти [43].

Пенсия, назначенная государством по случаю кончины мужа, позволяла Марии Николаевне Сарандинаки не работать и вести светский образ жизни. Но в 1939 году над ней ступили тучи: вдова генерала была арестована по статье 58-10, часть 1 [49]. Ей вменялась антисоветская пропаганда. На полях романа Фейхтвангера «Иудейская война», который она брала в библиотеке НКВД, были обнаружены антисемитские комментарии. Арест никак не был связан со службой покойного мужа и произошёл по доносу парикмахера Марии Николаевны,

посчитавшего её образ жизни «паразитическим». Все без исключения 15 опрошенных знакомых отзывались о М. Н. Сарандинаки исключительно хорошо. Не последнюю роль в судьбе генеральши сыграл комбриг Ефим Викентьевич Баранович, коллега В. И. Сарандинаки по Военной академии, с которым вдову связывали близкие отношения. Дело было прекращено через три месяца, и Мария Николаевна вышла на свободу [49, л. 11 об. — 25].

К 1939 году относится единственное найденное упоминание о сыне Владимира Ивановича. Сергей Владимирович Сарандинаки проживал вместе с матерью, Лидией Георгиевной и работал научным сотрудником в Государственном музее восточных культур (ныне Государственный музей народов Востока). Он значился в числе составителей каталога выставки изобразительного искусства Киргизской ССР» [50].

Сабо. По разные стороны баррикад

В середине XVIII века выходцы из Австро-Венгрии Сабо обосновались в Российской империи. Дав присягу и получив российское подданство, Сабо из поколения в поколение служили новому отечеству. Когда перед поручиком Александром Петровичем Сабо стал вопрос, куда определить сыновей, он по традиции выбрал им военную профессию. Финансовое состояние семьи не позволяло отдать мальчиков в престижные учебные заведения. Доставшаяся поручику от родителей часть имения в Екатеринославской губернии была заложена за долги. Познавать азы военной науки Владимир начал в Елизаветградской военной прогимназии, а Василий — в Вольской. В военные прогимназии (подготовительные классы при юнкерских училищах) принимались на казённый счёт сыновья офицеров. В Вольскую прогимназию часто попадали воспитанники других заведений, отличающиеся плохим поведением. Она являлась исправительным учебным заведением для дореволюционных кадет. В качестве воспитательных мер здесь использовали обучение ремесленным профессиям и физическое воздействие.

По окончании курса наук в 1881 году в возрасте 16 лет Владимир Сабо был зачислен в 14-й Гренадёрский грузинский полк. В первый год службы командование направило юношу для продолжения образования в Тифлисское пехотное юнкерское училище, имеющее высокую репутацию среди средних военных учебных заведений. Здоровье не позволило Владимиру стать профессиональным военным. Получив аттестат о среднем образовании, он был отчислен из-за

постоянных болезней и освобождён от зачисления в государственное ополчение. Без средств и родительской поддержки, он устроился техником в управу грузинского города Гори. На этом скромном поприще Владимир Сабо проработал семь лет и зарекомендовал себя исполнительным служащим. Следующей ступенью его карьеры стала выборная должность городского уполномоченного, на которой он пребывал без перерыва десять лет. С 1903 года Сабо исполнял обязанности помощника городского старосты, а в январе 1906-го приказом временного генерал-губернатора Горийского и Душетского уездов был назначен городским старостой. Все годы службы его отличала честность, исполнительность и верность долгу. Вместе с женой Елизаветой Петровной, в девичестве Бернадской, Владимир Александрович воспитывал шестерых детей [51, л. 4–5].

Идеи марксизма, занесённые на Кавказ в конце XIX века российскими социал-демократами, упали на благодатную почву. С одной стороны, в энергично развивающихся городских промышленных центрах формировался рабочий класс. С другой стороны, национальные движения во главе с прогрессивной интеллигенцией начали активно выступать за освобождение от власти метрополии.

Небольшой по населению Гори в 60 км от Тифлиса дал миру двух известных революционеров — Иосифа Джугашвили (И. В. Сталина) и Симона Тер-Петросяна (Камо). Классовое противостояние, начавшееся с занятий в рабочих кружках и легальной пропаганды в печати, довольно скоро перешло в открытые формы борьбы с самодержавием в виде экономических стачек и широких демонстраций. Тифлисская группа социал-демократов эффективно вела революционно-пропагандистскую и организационную работу и руководила забастовками. Совершивший побег из ссылки Сталин вернулся в 1904 году в Тифлис: в январе 1905 года в городе состоялась всеобщая забастовка. Затем волна протестов прокатилась по всей Грузии: Батум, Чиатуры, Кутаиси, Самтредиа. Не остался в стороне и Гори.

Как человек, отвечающий за бесперебойную работу городского организма, Владимир Сабо ратовал за прекращение уличных беспорядков, публичных антиправительственных выступлений и возобновление функционирования городских служб и предприятий. Он обратился к уездному начальству с просьбой принять решительные меры. Под решительными мерами понималось введение в Гори дополнительных армейских сил с последующим привлечением

к ответственности зачинщиков и активных участников революционных событий.

Позиция помощника городского старосты по отношению к всеобщей забастовке стала поводом для физической расправы с ним.

Политический террор как один из видов революционной борьбы набирал обороты. К концу 1907 года число государственных чиновников, убитых или покалеченных террористами, достигло почти 4 500 человек. Если к этому прибавить 2 180 убитых и 2 530 раненых частных лиц, общее число жертв 1905–1907 годов составляло более 9 тысяч человек [52].

27 июня 1905 года около здания уездного воинского присутствия В. А. Сабо был ранен выстрелом в спину. Пуля прошла на вылет, задев почку, легкие и печень. Выстрел, как следовало из полицейского отчёта, был произведён неизвестным лицом по поручению местного революционного комитета [51, л. 6]. Владимир Александрович не только выжил, но и продолжил исполнять служебные обязанности. Новая расправа над ним была приведена в исполнение спустя два года.

После первого покушения Сабо *«оставался всё же при своих прежних убеждениях, а так как высказывавшиеся им доводы, а также и действия по занимаемой должности городского старосты, отличавшиеся всегда благоразумным направлением, конечно, шли в разрез с лицами проправительственного направления, посему они [революционеры. — Е. В.] всегда преследовали его и наконец, когда им [Сабо. — Е. В.] 12 февраля сдана была должность городского старосты и он намерен был на другой день выехать в Тифлис, они из мести и порешили покончить с ним»* [51, л. 6–6 об.]. В 7 часов вечера Владимир Александрович возвращался домой и, *«когда он подошёл к углу Аннинской и 3-й Тумановской улиц, из верхнего этажа строящегося дома, принадлежащего местному жителю Александру Балоянцу, вдруг произведён был в него неожиданно на расстоянии 15–20 шагов неизвестным лицом выстрел из револьвера»* [51, л. 6–6 об.]. На этот раз пуля застряла в запястье правой руки, и извлечь её не представлялось возможным.

Ставший в 42 года инвалидом Владимир Александрович с детьми, младшей из которых исполнилось три года, вынужденно перебрался на жительство в деревню в урочище Лагодехи Сигнахского уезда Тифлисской губернии.

Ссылаясь на закон от 18 марта 1909 года «О пенсиях и пособиях лицам, пострадавшим от преступных деяний, совершённых с политической целью, и семействам сих лиц», В. А. Сабо

обратился к тифлисскому губернатору П. А. Раушу фон Траубенсбергу с просьбой о ходатайствовании перед МВД о повышении пенсии и выплате единовременного пособия для продолжения лечения. *«Не имея положительно никаких средств для жизни, кроме пенсии, в путях Высочайшего милосердия, так как все скромные сбережения мои пошли на моё лечение от полученных ран и, не имея возможности зарабатывать что либо вследствие расстроенного моего здоровья, а также продолжать лечение за неимением средств, так как получаемая мною пенсия с трудом хватает на крайне скудное существование и на наём пристанища для меня с семьёй даже в деревне, в виду дороговизны жизни, по этому поводу осмеливаюсь почтительнейше просить ваше превосходительство о возбуждении ходатайства перед министерством внутренних дел об увеличении мне пенсии...»* [51, л. 2–2 об.]. Министерство положительно рассмотрело обращение Сабо, и его пенсия была повышена до размеров годового оклада.

Два террористические покушения, чуть не лишившие жизни отца, повлияли на жизненный выбор сыновей. Георгий, Дмитрий и Пётр власть большевиков не приняли.

Георгий Сабо родился в 1895 году во Владикавказе [51, л. 4–5] и учился в Воронежском кадетском училище на казённом содержании. С началом Первой мировой войны он окончил пулемётные курсы и в 1915 году в чине прапорщика был назначен начальником пулемётной команды 19-го Кубанского пластунского батальона в составе 4-й Кубанской пластунской бригады, воевавшей на Кавказском фронте [53]. После расформирования части в связи с выходом России из войны Георгий вступил в Добровольческую армию и сражался в 1-м Кубанском конно-пулемётном полку (3-я сотня, 2-й взвод) в чине подесаула [10]. В следующем году войсковой старшина Г. В. Сабо находился в составе 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска [10] и участвовал в 1-м Кубанском (Ледяном) походе [54]. Дальнейших сведений о его судьбе нет. В справочной литературе по первой русской эмиграции информация о Георгии Владимировиче Сабо ошибочно приписывается его полному тёзке, уроженцу Харьковской губернии, лейб-гвардейцу, воевавшему в 1919 году в Херсонском конно-партизанском отряде и после эвакуации из Крыма в ноябре 1920 года находившемуся в лагере Русской армии в Галлиполи [10].

Дмитрий Владимирович Сабо (родился в 1897 году) в чине есаула воевал в 1-м Кавалерийском полку Вооружённых сил Юга России

(ВСЮР). 1 ноября 1920 года на пароходе «Дооб», уходящем из Севастополя в Константинополь, он покинул родину [12]. В течение двух лет Дмитрий находился в лагере в Галлиполи [55], отсюда в 1922 году добрался до Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). В тот же год в Люблине он поступил в университет [56]. Власти КСХС и лично король Александр I, храня память о подвиге русских воинов на Балканах, дружелюбно относились к эмигрантам. В КСХС (с 1929 года Королевство Югославия) переселились до 11 тысяч человек, главным образом казаков. Бывший российский посол в США Б. А. Бахметьев выделил 400 тысяч долларов на их обустройство. Казаки использовались на разных работах, в том числе 1-я Кавалерийская дивизия (более 3000 человек) находилась на службе в Корпусе пограничной стражи. Сохранилось удостоверение казачьего артиллерийского капитана Дмитрия Владимировича Сабо, датированное 1929 годом [57]. В 1941 году он был призван унтер-офицером в югославскую армию, а после окончания Второй мировой войны интернирован в СССР, где провёл 7,5 лет в лагерях. *«После освобождения, уже старый и больной, один только раз пришёл во Владикавказ к Екатерине [жена. — Е. В.], и больше о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно»* [58].

Вместе с братом на пароходе «Дооб» уехал из России самый младший сын Владимира Александровича 19-летний участник ВСЮР вольноопределяющийся Пётр Сабо [59]. Его судьба в эмиграции сложилась удачно. В Париже он поступил в Русский художественно-промышленный институт. Институт был основан в 1925 году по инициативе бывшего директора Строгановского художественно-промышленного училища в Москве Н. В. Глобы на средства князя Ф. Ф. Юсупова. Расположившееся в 16-м округе Парижа учебное заведение поставило своей целью обучать студентов с перспективой работы, и поддержать их материально путём продаж творческих произведений на выставках и в салонах. И. Я. Билибин преподавал русский орнамент и лубок, Л. Э. Родзянко — роспись по фарфору, Н. Д. Милиоти и В. И. Шухаев — живопись, М. В. Добужинский — композицию и рисунок, Н. В. Глоба — иконопись и монументальную религиозную живопись. Велось обучение художественному шитью, чеканке, пошуару (роспись по тканям). Выпускник института Пётр Владимирович Сабо участвовал в оформлении основанной в 1928 году в Париже русской

церкви Знамени Божьей Матери, преподавал на курсах прикладного искусства в Русском народном университете (открытый в 1921 году университет обучал новым специальностям взрослых соотечественников), входил в группу художников и скульпторов в Ле Везине под Парижем. Там в 1969 году состоялась его персональная выставка. В 1971 году Пётр Сабо выставлял написанные им иконы в салоне (Salon d'Art Sacré) в базилике Сакре-Кёр, а в 1975-м демонстрировался созданный им иконостас [60]. Похоронен Пётр Владимирович Сабо на известном русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже [61].

О родном брате Владимира Александровича Василии Сабо известно меньше. Жену его звали Екатерина, в семье росло шесть детей [62]. Достоверные сведения о роде его занятий не обнаружены. В 1885 году газета «Кавказ» в разделе городской хроники сообщила об увольнении околоточного надзирателя¹ 8-го участка Тифлиса Сабо (без инициалов). Возможно, что речь шла о Василии Александровиче [63].

Братья Василий и Владимир Сабо были близки и поддерживали в трудную минуту друг друга. Взяв в Тифлисском дворянском банке долговременную ссуду на общее дело, они не смогли вовремя погасить долг. В 1903 году Василий Александрович выставил на продажу для покрытия капитального долга с недоимками в сумме 1716 рублей участок в Тифлисе по Кутаисской улице в 97 кв. сажень [64, с. 7], а Владимир в счёт долга общей суммой 4 272 рубля — постройки с землёй площадью 154 кв. сажени на углу Аннинской и Тумановской улиц в Гори [64, с. 8], рядом с тем местом, где впоследствии на него было совершено второе покушение.

Гражданская война барьером разделила некогда близких родственников: сыновья Василия и Владимира Сабо стали классовыми врагами.

Владимир Васильевич Сабо родился в 1896 году в Тифлисе, в 1918-м добровольцем вступил в РККА, сражался с белогвардейцами, спустя два года был принят в ВКП (б) и назначен военным комиссаром на бронепоезд № 7, передислоцированный после ремонта с Западного фронта на Кавказский и поступивший в оперативное подчинение 9-й Кубанской, а позже 11-й армии.

«Героическую страницу в истории борьбы за победу советской власти в Грузии вписал бронепоезд № 7 имени Шаумяна и Джапаридзе 11-й Красной Армии, военным комиссаром которого

¹ Околоточный надзиратель — полицейский чин, который контролировал работу городских и санитарное состояние городского района с населением около 3–4 тысяч человек.

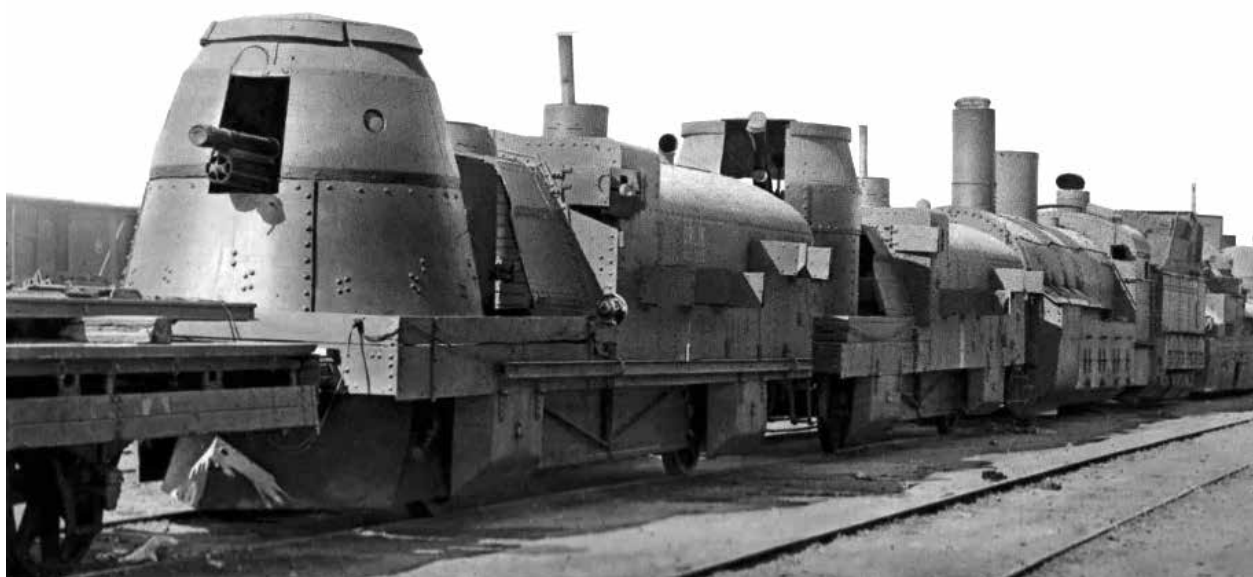

*Сабо Владимир Васильевич.
Фото с сайта nkvd.мето.ру*

был венгр по национальности Владимир Васильевич Сабо. Бронепоездом командовал член партии большевиков с 1904 года грузин Семён Агамович Хмалагзе» [65].

Железнодорожный состав, изготовленный на Сормовском заводе, включал бронелокомотив, 11 укрепленных вагонов и две боевые бронеплощадки, действующие без разъединения с паровозом. По данным за 1921 год на нём находилась военная администрация в количестве 26 человек и боевая команда в 117 человек [66]. Зенитные пушки на башнях с круговым механическим вращением, пулемёты Максима, стрелковое оружие и гранаты позволяли бронепоезду не только участвовать в переброске войск и боеприпасов, но вступать непосредственно в боевые столкновения с противником.

В 1921 году в сражении с дашнаками Владимир Сабо получил ранение. По окончании Гражданской войны бронепоезд имени Шаумяна и Джапаридзе в составе Отдельной Кавказской армии охранял железные дороги и боролся с бандитизмом, а Владимир Васильевич Сабо боролся с врагами советской власти. Он окончил Высшую партийную школу ОГПУ и в 1936 году получил чин лейтенанта государственной безопасности. В Великую Отечественную войну подполковник Сабо служил помощником военного прокурора Крымского фронта, затем в той же должности находился на Закавказском фронте и «на этой работе беспощадно боролся с изменниками родины и элементами разведки противника» [67]. Он вышел в отставку в 1951 году полковником юстиции. Наградами В. В. Сабо были медали «XX лет РККА» (1939) и «За боевые

Бронепоезд Гражданской войны. Из свободного источника

заслуги» (1943), ордена Красной Звезды (1944) и Ленина (1945). Сын В. В. Сабо Эрик Владимирович получил известность как автомобильный дизайнер. Отец и сын похоронены на почётном Новодевичьем кладбище в Москве.

Призванный тбилиским РВК красноармеец Пётр Васильевич Сабо 1904 года рождения, родной брат Владимира Васильевича, воевал в 23-й штрафной роте 51-й армии и погиб в марте 1944 года под Симферополем [68].

Главным перевалочным пунктом на пути русской эмиграции на протяжении нескольких лет оставался Константинополь. Дальше пути беженцев расходились. Эмигранты чаще ехали в Чехию и на Балканы, где, благодаря общности славянских корней, адаптация к новой жизни проходила легче, или во Францию и Германию, где сильны были исторические связи. Отдельные смельчаки отправлялись в поисках удачи за океан. Тенденция к миграции в Южную Америку усилилась к середине 30-х годов, когда мировой экономический кризис достиг апогея и не имеющие иностранного подданства выходцы из России массово оказывались без работы. В этот критический момент заинтересованные в широкой колонизации некоторые страны Латинской Америки предложили желаемым льготную дорогу, бесплатную землю и помощь в организации сельского хозяйства. Отъезд подстёгивала Франция, направившая только в один Парагвай запрос на размещение 52-х тысяч человек. Однако ситуация по приезду оказалась не столь благоприятной. Парагваю, например, требовались земледельцы, ремесленники и инженеры, не старше 50 лет, здоровые и энергичные, имеющие средства для обустройства. После трудностей двухнедельного плавания Южная Америка встречала мигрантов бедностью, тропическим изнуряющим климатом, непривычным набором продуктов питания.

Одним из немногих первопроходцев, кому удалось наладить жизнь за океаном, оказался помещик, титулярный советник Степан Михайлович Сабо, покинувший родину в 1920 году и проделавший путь до Парагвая длиной в десять лет через лагерь для переселенцев «Селитъе» в Хайдар-Паша [69], Салоники [70] и Париж. *«Имение Сабо, в двадцати минутах ходьбы от трамвайной линии в Сан-Лоренцо [город в Парагвае. — Е. В.] состоит из 12 гектаров земли с мандариновой рощей, в которой 400 деревьев. С. М. Сабо купил всё это на торгах за 66 тысяч*

пезо, построил вполне приличный дом в три комнаты с кухней, ванной и террасой, маленький домик в одну комнату для служащего и помещение для колбасного производства, привёл в порядок мандариновые деревья, устроил курятник и завёл кур. В саду посажены ананасы и бананы, в огороде редкие овощи, необходимые для собственного потребления. Всё, вместе с двумя коровами и парой лошадей обошлось более 25 тысяч франков». Хозяйственный план нового парагвайского помещика заключался в поставке фруктов и колбас в Асунсьон. «Что это может дать, пока неизвестно, но хозяин уверен в успехе и чувствует себя прекрасно, несмотря на явные признаки акклиматизации — экзема на лице». Париж, по словам Сабо, ему надоел, а «тут природа, простор, свобода, рабочие-бolivийцы, исполняющие под его руководством, все работы по хозяйству, и такое ощущение, словно в России у себя в деревне». Жена Степана Михайловича его бодрого настроения не разделяла и скучала по Парижу: «Спокойно тут и благополучно, это верно, но уж больно тосливо... единственная радость, когда приходит пачка номеров «Последних новостей»». Тогда все погружаются в чтение» [71]. Судьба С. М. Сабо была удачным исключением. Большинство эмигрантов похвастаться благополучной жизнью в Америке на первых порах не могли.

Казак Бондаревы из станицы Раздорской

Родные братья Михаил (1871 — 1948) и Дмитрий (1878 — 1937) Бондаревы происходили из семьи потомственных казаков. Дед Онуфрий Дмитриевич вышел в отставку войсковым старшиной, отец Дмитрий Онуфриевич¹ дослужился до урядника [72, л. 334 об.]. Ранние детские годы братьев прошли в родительском доме. Мать Евдокия Михайловна Косоротова умерла рано, и воспитанием пятерых детей занимался Дмитрий Онуфриевич. Учиться он определил сыновей в реальное училище в Новочеркасске, после окончания которого дороги братьев разошлись. Дмитрий решил стать инженером, Михаил поддержал семейную традицию и пошёл по военной части. Дмитрий связал свою судьбу с Надеждой Сарандинаки, происходившей из обрусевшего греческого рода, а Михаил повёл под венец Надежду, дочь генерала Александра Сергеевича Зотова (1835 — 1910). По совпадению, первый послужной

¹ Фамилия Бондарев на Дону распространённая. В некоторых интернет ресурсах [73] ошибочно отцом Михаила и Дмитрия называется казак Дмитрий Никитич Бондарев, упомянутый в списке Донского учебного полка за 1873 год [74].

*Михаил Бондарев с родителями. 1870-е годы.
Из личного архива семьи Бондаревых*

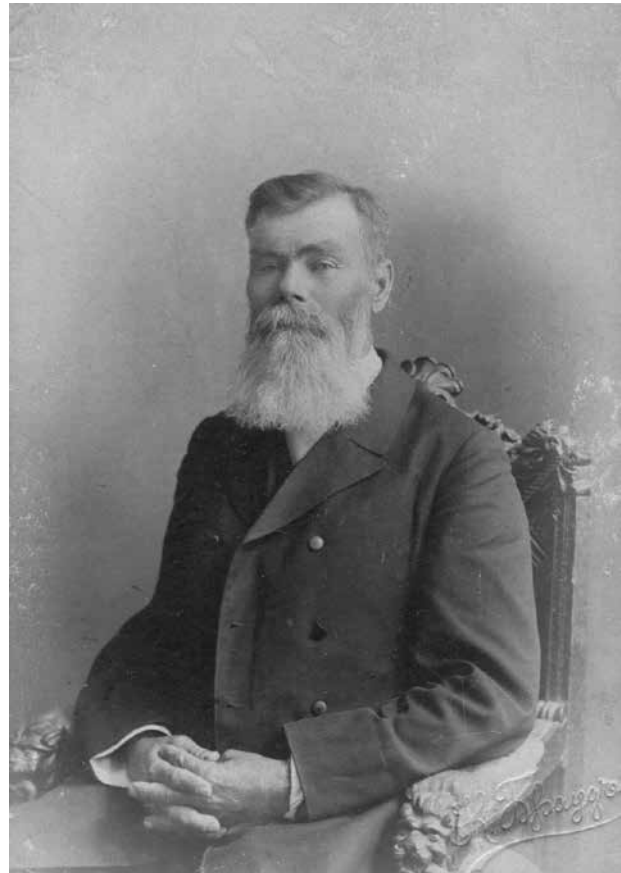
список М. Д. Бондарева, датированный 1899 годом, подписал будущий тесть [72, л. 337].

Казаки Зотовы происходили из станицы Кепинской Усть-Медведицкого округа. Тесть Михаила Бондарева с 1891 по 1902 год служил атаманом 1-го Донского округа и вышел в отставку генерал-лейтенантом [75].

По окончании полного курса и дополнительного класса реального училища Михаил Бондарев поступил без экзаменов сверх комплекта в высшее Новочеркасское юнкерское училище с одновременным зачислением в 12-й Донской казачий полк. Приказом по училищу в 1892 году Михаил был произведён в урядники и переведён в 1-й Донской казачий полк. В 1894 году он был выпущен из училища по I разряду подпоручиком и за хорошие успехи в науках по постановлению учебного комитета награждён офицерской казачьей шашкой. В 1895-м Михаила командировали из полка в Варшаву в 4-ю сапёрную бригаду для обучения подрывному и телеграфному делу. По возвращению в полк он был назначен заведующим сапёрной командой, а в 1896 году получил должность полкового адъютанта. Следующим его полком был 43-й, затем снова 1-й, с 1900 года — 9-й Донской казачий

полк. В 1898 году он сотник, в 1902-м — подъесаул, в 1908-м — есаул. После полковой службы Бондарев был прикомандирован к Новочеркасской местной команде и в 1904 году утверждён в должности её казначея (секретаря). С 1907 года заведовал сотенным хозяйством в 1-й Донской казачьей отдельной сотне. В этом же году получил за выказанное усердие орден Св. Станислава 3-й степени. С 1908 года М. Д. Бондарев находился в Войсковом штабе для «письменных занятий», а с 1911-го — в должности казначея штаба. Его наградами за штабную службу стали орден Св. Анны 3-й степени и чин войскового старшины [76]. Накануне октябрьских событий 1917 года Михаил Дмитриевич был произведён в полковники.

В начале Гражданской войны М. Д. Бондарев получил повышение в чине и назначение дежурным генералом штаба походного атамана П. Х. Попова [10]. В апреле 1918 года он был откомандирован для организации работы в штаб в Чирский район (к осени переименован в штаб командующего Восточным фронтом) [10]. Чирский район включал Хопёрский, Усть-Медведицкий, 1-й и 2-й Донские, Верхне-Донской

*Дмитрий Онуфриевич Бондарев.
Из личного архива Е. Высоцкой*

и Черкасский округа. В мае 1918-го штаб возглавил полковник К. К. Мамантов (Мамонтов), до этого сформировавший партизанский отряд в станице Нижне-Чирской. Штаб состоял из оперативного и разведывательного отделов, строевой, инспекторской и хозяйственных частей, службы связи и топографического отделения. Затем Михаил Дмитриевич Бондарев продолжил работу дежурного генерала в штабе управления донского атамана П. Н. Краснова. Приказы за его подписью сохранились за ноябрь 1918 года [77].

В конце июля 1919 года дежурного генерала М. Д. Бондарева провожали на фронт. *«На товарищеском обеде присутствовали управляющий Военным и Морским отделами ген. Чернотубов, войсковой контролёр Есифанов, окружной атаман ген. Ялов и ближайшие сослуживцы М. Д. В произнесённых речах была отмечена деятельность М. Д. по защите Дона от большевиков и в должности дежурного генерала. Растроганный М. Д. горячо благодарил*

сослуживцев за совместную работу» [78]. На фронте с июля по ноябрь генерал Бондарев продолжил заниматься организационной работой в качестве начальника войскового штаба Всеволодского войска Донского [79].

Жизнь Дмитрия Дмитриевича Бондарева сложилась ярко и оборвалась трагически. В 32 года он заявил о себе как о талантливом автомобильном конструкторе, в 38 лет возглавил первый автомобильный завод в Российской империи, в 51 — был назначен главным инженером первого советского завода-гиганта, в 59 — погиб. Обнаруженные в последнее время документы позволили дополнить его биографию новыми фактами.

Студенту Дмитрию Бондареву за участие в политических акциях грозило отчисление из Харьковского технологического института. Не дожидаясь решения администрации, он сам подал прошение об увольнении и для продолжения образования уехал с женой в Томск. В 1902 году способный молодой человек был

В штабе Донской армии. Сидят слева направо: дежурный генерал штаба М. Д. Бондарев, 2-й квартирмейстер штаба генерал-майор М. Д. Райский, начальник штаба генерал-майор И. А. Поляков. Стоит офицер штаба полковник Г. Я. Кислов. 1918 г. (Жуменко В. Иллюстрированная история Белых армий. 1917–1922. Париж, 2018. С. 499)

Генерал М. Д. Бондарев. 1919 г. (Жуменко В. *Иллюстрированная история Белых армий. 1917–1922. Париж, 2018. С. 208*)

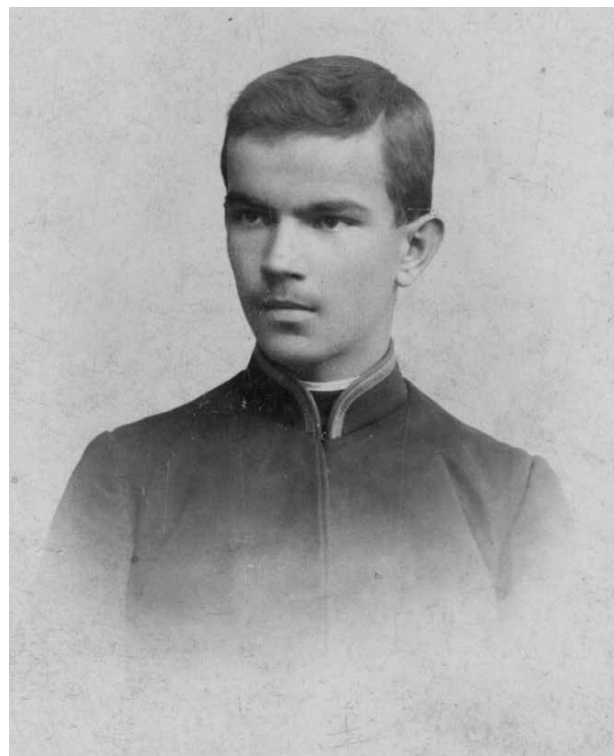
принят на 2-й курс механического отделения Томского технологического института (ТТИ) и вскоре попал под наблюдение Особого отдела Департамента полиции МВД в связи со студенческими выступлениями.

О «произведённой» 18 февраля 1903 года в Томске «толпою учащейся молодёжи и обывателей политической демонстрации, сопровождающейся ношением красного знамени, пением революционных песен и криками «Долой самодержавие!» сообщил в столицу командированный в Сибирь по повелению товарища министра внутренних дел генерал-лейтенант фон Валь [80, л. 1]. Из 76 участников протестной акции 73 были задержаны, но вскоре освобождены из-под стражи.

Через два дня противники царского режима снова вышли на демонстрацию. Томский губернатор телеграфировал в МВД, что «толпа студентов университета и технологов [студенты ТТИ. — Е. В.] при пении революционных песен, неся красный флаг с надписью «Долой самодержавие» двинулись от Технологического института к Соборной площади. Вице-губернатор выехал на встречу толпе и обратился с увещанием разойтись. Толпа продолжала, однако, двигаться. Тогда вице-губернатор во главе двух рот местного батальона, прибывших по требованию, пошёл ей навстречу. Когда толпа была окружена, вице-губернатор снова обратился к ней с увещанием разойтись. Собравшиеся дали слово разойтись без песен и шума, что и

было ими исполнено» [80, л. 2]. Во второй раз власти задерживать никого не стали. Однако фон Валь решил разобраться в причинах революционных настроений студентов и поручил «провести розыск и наблюдения» в ТТИ. Предварительное дознание установило, что в событиях 18 и 20 февраля играли главную роль «технологи», и именно они во время второй демонстрации разбрасывали прокламации. В списке «демонстрантов-технологов» оказались: первокурсники разных отделений — восемь человек, трое второкурсников химического отделения и шесть второкурсников с механического отделения, один третьекурсник — «механик». Среди студентов механического отделения на первом месте стоял Д. Бондарев. Администрация ТТИ под руководством директора Е. Л. Зубашёва спустила дело «на тормозах»: студенты отделались выговором, а виновными фон Валь назвал помощников инспектора института, в обязанности которых входило наблюдение за учащимися.

Отучившись два года в Томске, Д. Д. Бондарев вернулся в Харьков и восстановился в Технологическом институте. По окончании института в 1909 году он написал ходатайство о предоставлении ему места управляющего Горьким ремесленным училищем. Одно из старейших в России учебных заведений в 1911 году было преобразовано в сельскохозяйственное

Учащийся Новочеркасского реального училища Дмитрий Бондарев. 1890-е гг. Из личного архива Е. Высоцкой

ремесленное училище. Несмотря на активное политическое прошлое, полицейское управление не стало воспрепятствовать педагогической деятельности выпускника [80, л. 6]. Однако попробовать себя на преподавательском поприще Дмитрию не удалось; трудоустройство молодого «специалиста по сельскохозяйственной части» взял на себя столичный департамент земледелия [81]. К чести государственных чиновников, при характеристике свежее испечённого инженера-технолога и на этот раз во внимание принимались только профессиональные знания.

С 1 января 1910 года Д. Бондарев получил место младшего специалиста по сельскохозяйственному машиностроению с окладом 1 500 рублей в год [81, л. 1] в отделе сельскохозяйственных машин на Русско-Балтийском вагонном заводе (РБВЗ). К личному делу Д. Д. Бондарева была приложена метрическая справка – рождён 21 и крещён 22 октября 1878 года в Богородицкой церкви станицы Раздорской на Дону [81, л. 2], удостоверение из станичного правления 1-го Донского округа о том, что он не подлежит воинской повинности как вписанный в разряд неспособных [81, л. 3], диплом об окончании Харьковского технологического института [81, л. 4–5] и прошение Дмитрия Дмитриевича о выдаче ему и жене Надежде Николаевне

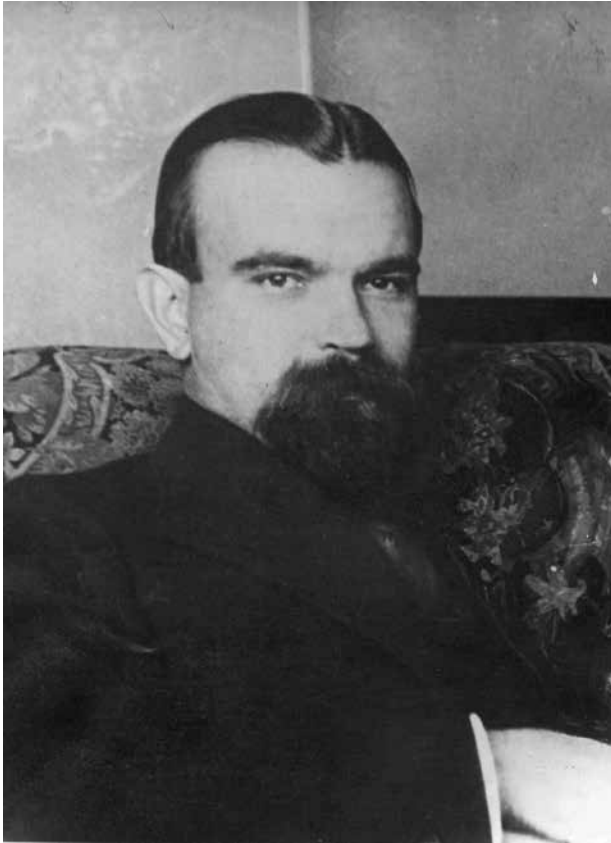
«бессрочных видов на жительство ввиду временного откомандирования в Ригу» [81, л. 7].

Рижский завод Руссо-Балт имел не только цеха по производству железнодорожных и трамвайных вагонов, но выпускал машины для сельского хозяйства и двигатели. Через год Бондарев был принят в команду, работающую над созданием первого отечественного автомобиля. В скором времени автомобильный отдел РБВЗ, возглавляемый титулярным советником Бондаревым, приступил к серийному выпуску авто. В 1912 году по инициативе председателя совета директоров М. В. Шидловского на заводе был открыт авиационный цех.

К началу Первой мировой войны Бондарев занимал пост вице-директора Руссо-Балта. С 22 декабря 1914 года по конец 1915-го Дмитрий Дмитриевич, всё ещё числящийся инженером-технологом в Главном управлении земледелия, в чине прапорщика находился *«на театре военных действий в качестве заведующего всеми механическими работами по сборке, разборке и ремонту воздушных кораблей “Илья Муромец” в вверенной генерал-майору М. В. Шидловскому воздушной эскадре»*. В июне 1915 года командующий 1-й армией представил, а государь-император утвердил награждение Д. Д. Бондарева *«за отличную усердную службу*

Вице-директор Д. Д. Бондарев и директор Руссо-Балта А. М. Калабин. 1914 г. Из личного архива Е. Высоцкой

Д. Д. Бондарев. 1910-е гг.
Из личного архива Е. Высоцкой

и труды, понесённые им при формировании мастерских и всей механической части эскадры воздушных кораблей» орденом Св. Станислава 3-й степени [81, л. 24].

В 1915 году, зарекомендовавший себя как автомобильный конструктор и организатор производства, Бондарев получил интересное предложение. Торговый дом «Кузнецов, Рябушинский и К^о» заключил договор с Главным военным-техническим управлением на выпуск 1 500 машин. С завода, получившего название АМО (в советское время Завод имени Сталина – ЗИС, Завод имени Лихачёва – ЗИЛ) должна была стартовать программа по созданию российской автомобильной промышленности. «Товарищество на паях Автомобильного московского общества» пригласило Д. Д. Бондарева на должность директора-распорядителя. Планировалось ввести завод в строй осенью 1916-го и выпустить к марту 1917 года первые 150 грузовых машин. Из-за революционных событий февраля и октября 1917-го и продолжающейся войны от выпуска лицензионных автомобилей пришлось отказаться: завод перешёл к сборке грузовиков из деталей, поставляемых итальянским концерном Фиат.

Следующим грандиозным проектом, в котором довелось участвовать Д. Д. Бондареву, стал первенец первой пятилетки завод Ростсельмаш. С началом строительства Дмитрий Дмитриевич был назначен заместителем председателя правления и главным инженером завода-гиганта. В отставку он вышел по состоянию здоровья летом 1929 года после начала выпуска первых сельскохозяйственных машин. В 1935 году Бондарев по приглашению И. А. Лихачёва вернулся на ЗИС, чтобы возглавить отдел по проектированию легкового автомобиля класса «люкс».

С юности Дмитрий Дмитриевич разделял демократические взгляды. Врождённое чувство справедливости привело студента Бондарева в протестный лагерь. Однако насилие противоречило его натуре. Акции против самодержавия, в которых он участвовал, всегда носили мирный характер. С жизненным опытом убеждение, что счастье нельзя принести на штыках, окрепло. Будучи по роду своей деятельности создателем, он не одобрял деструктивный характер событий, последовавших за революциями 1917 года.

Гражданская война застала семью Бондаревых в Харькове. Власть в городе менялась в течение года как в калейдоскопе. Бондаревы прожили несколько месяцев при советской власти, стали свидетелями красного террора, разгрома анархистов, встретили германские войска и гетмана Скоропадского. После установления директории Украинской народной республики (УНР) Дмитрий Дмитриевич принял решение ехать на Дон. Новочеркасск виделся как оплот стабильности. Братья Михаил и Дмитрий Бондаревы встретились на родине в конце 1918 года.

В Новочеркасске Бондарев был принят в управление начальника военных инженеров ВВД под руководство кузена жены полковника Константина Константиновича Сарандинаки [82]. На новом рабочем месте Д. Д. Бондареву предстояло вернуться к тому, с чего он начинал в профессии. В распоряжении атамана Богаевского и в Войсковом штабе находились 10 моделей Руссо-Балта с кузовами лимузин, ландоле и торпедо. Помимо этого штаб располагал солидным гаражом автомобилей зарубежных марок, в том числе 18 американскими автомобилями фирмы Kissel Motor Car, 83 итальянскими фиатами, 54 французскими авто завода Panhard et Levassor, 41 автомобилем производителя из Швеции ОВС (Ottmar Beckmann Cars AB), 100 локомотивами, 85 немецкими автомашинами марки Horch. В распоряжении Совета управляющего отделами имелись престижные

35 мерседесов и 10 легковых машин американской фирмы Packard [83].

В обязанности сотрудника автомобильного отдела Д. Д. Бондарева входил контроль за рабочим состоянием парка машин.

Скоро Дмитрию Дмитриевичу поступило предложение возглавить в Донском правительстве отдел Торговли и промышленности. Новая должность больше соответствовала его статусу. Основной задачей отдела являлась организация мер по восстановлению и развитию промышленности за счёт расширения товарообмена с Украиной, Кубанью, Крымом и иностранными государствами, поддержка путём финансирования государством фабрично-заводских предприятий и приобретение необходимых для жизнеобеспечения и поддержания боеспособности ВВД товаров и материалов. Примером такой деятельности является завизированный в январе 1919 года Д. Бондаревым устав акционерного общества «Аргонавты» [84]. Своей целью общество ставило *«ввоз и вывоз из граничных стран в пределы государства Российского и обратно разного рода продуктов в сыром, полуобработанном и обработанном виде, фабрично-заводских изделий и всякого рода товаров, а также торговлю как этими товарами, так и местными, а равно и изделиями своего производства; комиссионную деятельность при продаже и покупке товаров; приобретение, устройство и эксплуатация товарных складов для приёма на хранение товаров ...; выдачу ссуд под товары, принятые обществом для перевозки, на хранение и на комиссию; устройство предприятий фабрично-заводской промышленности; транспорт грузов и пассажиров по внешним и внутренним морским путям»* [84, л. 63]. Учредителями общества являлись проживавшие в Ростове-на-Дону греческие поданные Гектор Иванович Чироникос и Томас Николаевич Эпифандис. Заявленный уставной капитал в сумме 5 млрд рублей разделялся на 50 000 акций по номинальной стоимости 100 рублей каждая. Предполагалось, что акции будут именные и принадлежать физическим лицам. Деньги от продажи акций должны были поступать в учреждения государственного банка. Передача учредителями своих прав и обязанностей другим лицам, присоединение новых учредителей, исключение кого-либо из их состава допускались не иначе, как с разрешения управляющего отделом Торговли и промышленности ВВД [84, л. 64].

Руководство отделом требовало не только компетентности в вопросах коммерции, но и бдительного контроля за содержанием и исполнением торговых сделок. В правительственном

аппарате Белого движения процветали казнокрадство и взяточничество. В результате постоянно меняющегося положения на фронтах чиновничьи должности становились временными источниками доходов. Растущая дороговизна привела к тому, что оклады управленцев упали до «голодной нормы» семьи из трёх – четырёх человек.

Летом 1919 года близко знакомый Дмитрию Дмитриевичу П. П. Рябушинский создал Товарищество московской объединённой промышленности и торговли (МОПИТ). В организацию вошли около 30-ти крупных торгово-промышленных компаний центрального региона России. Ситуация складывалась для Добровольческой армии благоприятно, и освобождение Москвы казалось реальностью. В сентябре 1919 года МОПИТ подписал с правительством ВВД в лице начальника отдела Торговли и промышленности Бондарева договор о поставке Донской армии заграничного зимнего обмундирования, а населению мануфактурных товаров на средства, вырученные от продажи сырья (зерна) с Дона.

За месяц до заключения договора донской атаман генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Богаевский и председатель Совета управляющих отделами Генерального штаба генерал-лейтенант П. Х. Попов подписали приказ об увольнении Д. Бондарева в отпуск до 1 сентября. Временное исполнение обязанностей было возложено на его помощника Шелякина [85]. Можно предположить, что Бондарев в отпущенное ему время ездил на встречу с Рябушинским. Во всяком случае, в начале сентября договор поступил в Новочеркасск, прошёл проверку контрольными органами Донского правительства и был окончательно заключён 19 числа. Согласно договору *«МОПИТ являлся комиссионером казны, взяв на себя при всемерном содействии Войска Донского на территории Дона и без ведома командования Добровольческой армии, скупку сырья, отправление и продажу его за границей, покупку там и доставку на Дон мануфактуры. Основной капитал для оборота, в общем до миллиарда рублей, должен был выдаваться донской казной по частям авансом; все решительно расходы; как-то: провоз, хранение, пошлины и т. п. ложились на казну»* [86]. МОПИТ получал комиссии как с продажи, так и с закупки в размере 19%. Громадный заказ, доставшийся товариществу, вызвал зависть у конкурентов. Вход пошли доносы и заказные статьи в газетах с обвинениями МОПИТа в спекуляции и грабеже казны. Главнокомандующий Добровольческой армией и ВСЮР А. И. Деникин узнал о договоре из газет

и, впав в негодование, потребовал расторжения и наказания виновных. Деникин не имел права вмешиваться во внутренние дела суверенного Дона, но приказал *«выдачу Товариществу права на вывоз сырья и хлеба прекратить»* [86]. Специально созданная Особым совещанием¹ *«комиссия рассмотрела затем договор и после разъяснений его статей учредителями и видоизменения Особое совещание сочло возможным допустить деятельность МОПИТа»*. Иными словами комиссия пришла к выводу, что договор не ущемлял выгоду донской казны, а обвинения против товарищества носили клеветнический характер. В защиту МОПИТа выступил один из ведущих участников Столыпинской реформы А. В. Кривошеин. *«Учредители МОПИТа — обширная группа пользующихся уважением и всероссийской известностью москвичей»* обратилась к нему с просьбой возглавить совет товарищества. *«Мысль сплотить черноземный юг с промышленной Москвой»* показала бывшему члену Государственного совета Кривошеину *«правильной и своевременной»* [86], однако, время было упущено, поставки сорваны, Донская армия лишилась зимнего обмундирования в канун наступающих холодов.

Посчитав свою репутацию запятнанной, Д. Д. Бондарев в чине действительного статского советника ушёл с поста управляющего отделом по собственному желанию. На его место был назначен В. А. Лебедев.

К концу 1919 года ситуация на Дону поменялась. Одержав несколько побед над конными корпусами Донской и Кавказской армий ВСЮР, захватив тысячи пленных и сотни орудий, сводный конный корпус Б. М. Думенко в середине декабря форсировал Дон и 7 января 1920 года взял Новочеркасск.

Новочеркасск в преддверии прихода Красной армии обезлюдел. Поначалу многие расценивали уход из города и в целом с Дона как новый «Степной» поход. Эвакуацией донских учреждений и школ по поручению атамана А. П. Богаевского руководил пожизненный походный атаман П. Х. Попов.

Идти из Новочеркаска братья Бондаревы решили вместе — отдаваться на волю судьбы было не в их характере. С собой взяли сына Дмитрия Дмитриевича. 15-летний гимназист Митя Бондарев записался в Новочеркасске добровольцем в 30-й конный Донской казачий полк [10].

В отступающем отряде Михаил Дмитриевич Бондарев, как и прежде, исполнял должность казначея: ему поручили кассу отряда.

Путь из Новочеркаска до Новороссийска был неблизкий и опасный. Конные переходы совершались в основном в тёмное время суток. Маршрут шёл через донские станицы Ольгинскую, Мечётинскую, Егорлыкскую и далее на Кубань, в Екатеринодар, затем поездом в Новороссийск. В портовом городе царил паника, подогреваемая постоянными сообщениями о жестоких расправах Красной армии с белыми офицерами [87, с. 383 — 384].

Красный террор, направленный против всех потенциальных врагов власти и официально объявленный большевиками 2 сентября 1918 года (а фактически начатый сразу после захвата власти), всей своей силой обрушился прежде всего на офицеров. В приказе НКВД, телеграфированном всем губерниям, говорилось: *«Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или движения в белогвардейской среде должен приниматься безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявить в этом направлении особую инициативу. Все означенные меры должны быть проведены незамедлительно»*. В циркулярном письме ВЧК от 17 декабря 1918 года, предписывающим взять на учёт всё *«буржуазное население»*, могущее быть заложниками, видное место занимали офицеры и их семьи. Причём и позже, когда оставшихся офицеров стали мобилизовать в Красную армию, они продолжали относиться к этой категории населения, и семья такого офицера могла быть взята в заложники и расстреляна, как это и многократно случилось. Причём уничтожению офицеров большевиками придавалось большее значение, чем даже их использование в целях сохранения своей власти [87, с. 91 — 92]. Лютая ненависть к Белой гвардии обуславливалась не столько и не только классовыми различиями. Офицерство составляло ядро Добровольческой армии; слово «офицер» являлось синонимом бесстрашия и отваги. *«На офицерском самопожертвовании во многом и держалось Белое движение. Этим фактом, главным образом, объясняется то обстоятельство, что малочисленная Добровольческая армия целых три года смогла выдержать напор многократно превосходящих её по численности и вооружению красных войск и даже одерживать над ними блестящие победы, пока это превосходство не стало абсолютно подавляющим»* [87, с. 176 — 177].

¹ Особое совещание — орган управления, выполнявший функции правительства на подконтрольных войскам Добровольческой армии и ВСЮР территориях.

Согласно приведённым историком С. Волковым данным на Юге России в борьбе с большевиками участвовали до 115 тысяч офицеров, треть которых погибла. До 45 тысяч человек эмигрировали, и до 30 тысяч (около четверти) остались в России. «*Под “оставшимися в России” имеются в виду как попавшие в плен, так и оставшиеся на советской территории и образовавшиеся среди населения*» [87, с. 292].

В результате бездарно проведённой эвакуации пароходы из Новороссийска смогли забрать лишь малую толику желающих. В конце марта в Новороссийске пленены были больше двадцати двух тысяч человек, в основном кубанские и донские части. Среди пленённых было до восьмидесяти старших офицеров и пять генералов — командиров полков, батарей и пластунских батальонов. «*Советские источники приводят цифру 2500 офицеров и 17 тысяч солдат и казаков*» [87, с. 206]. Подавляющее большинство из попавших в плен офицеров была расстреляна сразу, остальных смерть настигла в лагерях спустя годы.

В Новороссийске пути братьев Бондаревых разошлись, теперь уже навсегда. В последний момент Дмитрий Дмитриевич принял решение не уезжать и вместе с сыном вернулся домой.

Михаил Дмитриевич остался с Петром Харитоновичем Поповым. В списке эмигрантов первой волны, зарегистрированных Главным бюро в Константинополе¹ имена обоих генералов: «*Бондарев Мих. Дмитр., генерал-майор, прибыл из Новороссийска*» [88, с. 156] и «*Попов Пётр Харитон., генерал от кавалерии, 51 год, прибыл из Новороссийска*» [88, с. 200]. В том же списке — сыновья атамана Войска Донского Африкана Петровича Богаевского — Евгений 15-ти лет и Борис 12-ти лет [88, с. 156].

А. П. Богаевский возложил на генерала Попова с марта 1920 года обязанность представлять его в Константинополе. Сам атаман находился с марта месяца в Крыму, где концентрировались остатки Вооружённых сил Юга России. После того, как А. И. Деникин снял с себя обязанности главнокомандующего, на этот пост был назначен барон П. Н. Врангель. 22 марта генерал Врангель приплыл из Константинополя в Севастополь на английском линкоре «Император Индии» и пробыл до ноября. Пётр Харитонович Попов в Турции оставался ненадолго и тоже вернулся в Крым. С апреля 1920 года П. Х. Попов состоял в резерве Донского корпуса Русской армии генерала Врангеля.

В Крым из Турции к Врангелю, в надежде восстановить утраченную боеспособность

армейских частей и отвоевать у большевиков Россию, вернулось около четырёх тысяч военных. Среди тех, кто верил в победу, был генерал Михаил Дмитриевич Бондарев. В эмиграции в июне 1920 года он по собственному желанию вышел «на пенсию» (приказ от № 293 от 24/VI — 1920 г.) [89], но через месяц, возвратившись в Крым, снова поступил на службу. В «*Требовательной ведомости на выдачу жалования войскового штаба ВВД в виде единовременного пособия офицерам и чиновникам штаба*» под номером 2, вслед за начальником походного штаба генерал-лейтенантом Н. Н. Алексеевым, идёт генерал для поручений при начальнике штаба М. Д. Бондарев. На всех шестерых членов семьи к выплате полагалась 60 000 рублей [90]. (У Михаила Дмитриевича и Надежды Александровны Бондаревых было пять дочерей — Татьяна, Валентина, Лидия, Ирина и Нина. Нина в 1918 году умерла) Вероятно, семья находилась на тот момент в Крыму.

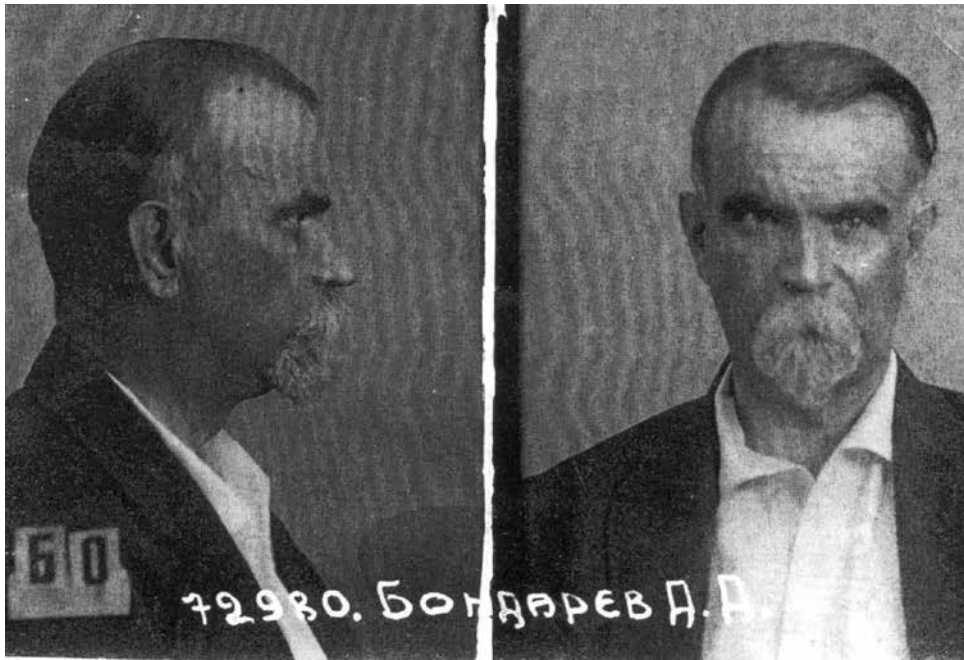
Увы, надежда на скорую победу оказалась призрачной. К ноябрю под напором Красной армии Русская армия Врангеля вынуждена была окончательно покинуть родину. В отличие от новороссийской эпопеи эвакуация из Крыма в Константинополь была проведена образцово. На 126 присланных союзниками кораблях смогли выехать 145 693 человека, не считая судовых команд, в том числе 50 тысяч чинов армии и 6 тысяч раненых [87, с. 345]. «*В Константинополе армию разрешалось покинуть всем престарелым и раненым офицерам, а также всем штаб-офицерам, которым после сведения частей не осталось строевых должностей*» [87, с. 345].

В том же 1920 году П. Х. Попов уехал в Болгарию, где в Габрово организовал первую эмигрантскую станицу. Походный штаб ВВД также перебрался в Софию. Из Крыма Михаил Дмитриевич Бондарев через Константинополь попал в 1921 году в расположенный на Чёрном море болгарский город Месемврия (после 1934 года Несебыр).

Дмитрия Дмитриевича Бондарева на родине ждали годы плодотворного труда и ... аресты. С одной стороны он был востребован советской властью как первоклассный специалист, с другой стороны власть пыталась уличить в нём предателя. Отягчающими фактами биографии являлись происхождение из казаков, сотрудничество с банкирами Рябушинскими и служба в Донском правительстве П. Х. Попова.

Первый арест состоялся сразу по приезду в Москву в сентябре 1920 года. Поводом

¹ Главное бюро в Константинополе организовано по инициативе графини В. Н. Бобринской в 1920 году.

Заключённый Д. Д. Бондарев. 1937 г.
(ЦА ФСБ РФ. Д. Р-4888)

послужило постановление Коллегии Новочеркасского ЧК: за службу в Донском правительстве он был приговорён к 5 годам заключения в концентрационный лагерь. Отсидев в Бутырской тюрьме всего несколько месяцев, Дмитрий Дмитриевича был освобождён по амнистии. Следующий арест случился в 1931 году. Коллегия ОГПУ приговорила Д. Д. Бондарева к 10 годам заключения по статье 58 п. 7 и 11. Но и на этот раз в связи с резким ухудшением здоровья через год он был отпущен на свободу. В третий и последний раз Д. Д. Бондарева арестовали в августе 1937 года и через два месяца расстреляли на Донском полигоне в Москве [4, с. 78–79]. Реабилитация пришла посмертно в 1957 году.

Основной поток русских военных эмигрантов в Болгарию пришёлся на 1921 год. В мае месяце в Бургас морским путём приехали около двух тысяч человек из военных лагерей в Галлиполи и с острова Лемнос, среди которых были больные и раненые. Через месяц болгарское правительство разрешило принять ещё тысячу казаков из армии Врангеля. В начале сентября 1921 года с Лемноса и из Константинополя в Бургас на пароходе «Керасунд» прибыли 3 639 офицеров и казаков. В их числе был Донской корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова.

Согласно Нейского договора¹ военные, вступив на болгарскую землю, разоружались комиссией, состоящей из представителей Болгарии и военного командования Антанты.

Составляющие большинство среди беженцев донцы, стараясь сохранить вековые традиции, начали на новых местах поселения организовываться в станицы и выбирать атаманов. Такая система управления казачьим обществом должна была сыграть роль в будущем, при возвращении казаков в Россию и борьбе с большевиками. К концу 1920-х годов в Болгарии насчитывалось порядка 10 казачьих станиц. Одна из них располагалась в Месемврии.

Первое общее собрание казаков из городка Месемврия, состоявшееся 12 ноября 1921 года, открыл «комендант Месемврийской группы беженцев генерал-майор Бондарев». На собрании, длившимся час, присутствовали 52 человека².

Михаил Дмитриевич Бондарев был избран председателем, полковник Пётр Дмитриевич Родионов — секретарём. Председательствующий доложил о предстоящем съезде донских казаков в Болгарии и предложил определиться с вопросом: «Не пора ли нам, казакам-беженцам, проживающим в городе Месемврии и его окрестностях, организовать в какую-либо группу, дабы иметь возможность послать

¹ Нейский договор 27 ноября 1919 г. был заключён между находившейся в числе проигравших Первую мировую войну Болгарией и странами Антанты.

² В число станичников, участвующих в сходах, в дальнейшем входили жены и дети.

на этот съезд своего представителя?» [91, л. 66]. Собрание единогласно постановило организовать станицу, станицу назвать в честь генерала П. Н. Краснова Красновской¹, собраться через неделю «в здании беженской столовой» для выбора атамана и поставить о собрании в известность представителя Донского атамана в Болгарии генерал-майора от кавалерии П. Х. Попова.

На следующем сходе кандидатами на должность атамана были выдвинуты М. Д. Бондарев, П. Д. Родионов и губернский секретарь Авдеев. Михаил Дмитриевич от «бюллетировки» отказался. Станичники проголосовали за полковника Родионова². Поставленный по предложению священника Павла Мишустова вопрос о зачислении П. Н. Краснова почётным станичником был решён единогласно. Краснова о принятии в станицу уведомили по телеграфу.

Станичные атаманы и правления за рубежом подчинялись «Объединённому совету Дона, Кубани и Терека» и «Казачьему союзу», возглавляемыми генералом А. П. Богаевским. Конкуренцию Африкану Петровичу составлял его предшественник на посту Донского атамана Краснов. Месемврийские казаки условно относились к той ветви казачьей эмиграции, которая исповедовала монархизм и поддерживала П. Н. Врангеля, П. Н. Краснова и Российский общевоинский союз (РОВС). Краснов считал, что на территории ВВД должно быть образовано самостоятельное государство со всеми атрибутами власти, и из Берлина призывал казаков-эмигрантов сформировать корпус для возобновления боевых действий в России. Донское правительство, адекватно оценивающее ситуацию на родине после завершения Гражданской войны, провело в Софии совещание для выработки мер по воспрепятствованию стихийному возвращению казаков на родину. В феврале 1922 года в Пловдиве П. Н. Краснов при поддержке П. Х. Попова инициировал созыв Войскового круга в попытке сместить Богаевского. Избранные делегатами на съезд от станицы Месемврии атаман Родионов, отец П. Мишустов

и доктор Митрофан Иванович Ретивов позицию генерала Краснова поддержали, однако признание его атаманом не состоялось. А. П. Богаевский пожизненно представлял интересы донского казачества за рубежом. Общим числом голосов съезд в Пловдиве принял решение считать политическую полемику среди казаков нежелательной и наделил правом учредительное собрание в будущем определять политический строй в России.

Однако оставаться политически нейтральными в эмиграции было крайне сложно. Беженцы из России разделились на непримиримые лагеря и группы, в том числе по отношению к представителям Дома Романовых. На станичном сборе в октябре 1923 года месемврийцы постановили: «Не оспаривая законность права Великого князя Кирилла Владимировича на законные права его Высочества на престол, считать себя по-прежнему во всецелом и безоговорочном подчинении его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу³» [91, л. 6].

На последующих сходах станичники из Месемврии обсуждали насущные вопросы: учреждения при станице Бюро труда и кассы взаимопомощи; открытие кооперативного магазина, налаживание почтового сообщения с Россией, организация устной газеты⁴ взаимодействие с Болгарским Красным Крестом, выделение центральными органами донской власти ежемесячного пособия в размере 100 левов «немогущим старикам, инвалидам и женщинам с детьми, не имеющим возможность заработать на кусок хлеба» [91, л. 71], проблема беспризорных, обращение к митрополиту Илариону Сливенскому (в миру Григорий Арабаджиев 1870—1939) о назначении отца Павла Мишустова для отправления церковной службы в «Месемврийской Равденской Барасклийской церкви»⁵ [91, л. 86].

Как и большинство беженцев, месемврийцы с самого начала столкнулись с трудностями экономического характера. Власти на местах

¹ В названии станицы хранящегося в ГАРФе дела «Приговоры белоказачьих белоэмигрантской Месемврийско-Красноводской станицы и другие материалы станицы, присланные в штаб корпуса» допущена ошибка [91].

² Следующим после Родионова станичным атаманом был генерал-майор Вадим Константинович Лазаркевич.

³ Николай Николаевич Романов, верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи в Первой мировой войне (1914—1915), главнокомандующий Кавказской армией и наказной атаман Кавказских казачьих войск (1915—1917). В годы Гражданской войны получил от генерала М. В. Алексева предложение встать во главе Белой армии, но, не имея всеобщей поддержки, отказался.

⁴ Под устной газетой подразумевались еженедельные доклады по текущей политической и экономической ситуации.

⁵ Церковь Св. Параскевы в селе Равда Месемврийской общины.

гостеприимства к прибывшим из России не проявляли. В июне 1921 года городской совет Бургаса обязал работодателей не брать на работу русских беженцев под угрозой отключения коммунальных услуг, однако поток эмигрантов не прекращался. Свободной земли для выделения под сельскохозяйственные проекты в Болгарии не было. Многие военнослужащие не привыкли к тяжёлому физическому труду и не имели профессиональных ремесленных навыков. На первых порах обустройство эмигрантов финансировалось болгарским правительством и общественными организациями — Славянским обществом и Болгарским Красным Крестом. Очень скоро энтузиазм принимающей стороны совсем угас, и выживать казакам приходилось в расчёте на собственные силы.

Отказавшийся от участия в выборах атамана Михаил Дмитриевич Бондарев исполнял обязанности представителя (уполномоченного) Донского атамана в Болгарии П. Х. Попова. Имея постоянную связь с Софией, генерал информировал руководство о проблемах станичников с жильём и работой, ходатайствовал о помощи самым незащищённым. 22 мая 1922 года Бондарев писал: *«Большая часть беженцев, в том числе и некоторые семейные, нуждаются в общежитиях, из коих одно предоставлено церковным ведомством, а другое нанимается в частном доме, 4 человека <неразборчиво> живут в сторожках на виноградниках, 1 при мельнице, 4 в бараках и 15 на частных квартирах в Месемврии. Найти частную квартиру с годовым условием почти невозможно, т.к. на летние месяцы домохозяева отдают свои помещения курортникам, и если принимают к себе беженцев, то только с октября по июль месяц»* [91, л. 5]. Михаил Дмитриевич также составил список занятых: *«Число беженцев, имеющих более-менее постоянную работу — — 4 человека на mine¹ «Чёрное море», 2 на мельнице, 8 человек на рыболовных промыслах, 4 на виноградниках. Остальные имеют случайный заработок — колка гров, уход на подработку в город, на виноградниках и рыбных промыслах»* [91, л. 7 об.].

После неудачи Краснова на съезде в Пловдиве поддерживающие его станицы перешли к Богаевскому. Посетивший в феврале 1922-го станицу Донской атаман выделил на нужды станичников 1000 левов, половину из которых общим решением была оставлена в запасном фонде, а другая часть роздана наиболее нуждающимся [91, л. 71].

С 1924 года станица существовала на условиях самообложения.

Скоро среди тех беженцев, кому нужна была поддержка, оказался сам М. Д. Бондарев. После перенесённого инсульта он был определён в 1924 году на жительство в инвалидный дом в Нова-Загоре [92, с. 498]. После Нова-Загоры обителем генерала стал приют Российского обществ Красного Креста (РОКК) на Шипке [92, с. 153]. К 1937 году потеря трудоспособности 66-летнего Михаила Дмитриевича составляла 60 процентов [92, с. 485].

Вопрос о медицинской помощи и уходе за увечными и больными воинами встал вскоре после прибытия первых кораблей с переселенцами. Идея разместить двести беженцев-инвалидов в селе Шипка принадлежит эмигранту генерал-майору И. В. Новицкому. Шипка — место русской славы — находилась в относительной близости к портам Бургас и Варна и по соседству с местами дислокации эвакуированных соединений Русской армии Врангеля, штабов Лемносской группы, Донского корпуса и некоторых других донских частей. Решено было занять под инвалидный дом пустующие здания, примыкавшие к храму-памятнику Рождества Христова.

Осенью 1921 года в помещении бывшей семинарии на Шипке открылся хирургический госпиталь РОКК на 50 коек.

РОКК было создано в 1867 году и являлось крупнейшей общественной благотворительной организацией в Российской империи. Общество внесло неоценимый вклад в поддержку участников военных конфликтов, начиная с экспедиции 1868 года в Среднюю Азию и заканчивая Первой мировой войной. Октябрьскую революцию руководство РОКК восприняло негативно. В свою очередь большевистским декретом имущество РОКК было объявлено государственной собственностью, а главное управление упразднено. Во избежание репрессий руководители общества покинули Петроград и продолжили работать на территориях, подконтрольных Белой армии. После окончательной победы большевиков представительство РОКК было открыто за границей. Задачей организации стало изыскание средств для поддержки наиболее нуждающихся категорий русских беженцев.

Тогда же в храм-памятник впервые после Первой мировой войны был назначен настоятель, и начались праздничные и воскресные службы. Интересы русских беженцев, в том

¹ Минами в Болгарии называли шахты.

числе насельников дома инвалидов на Шипке отстаивал родной брат хранителя храма-памятника Верховный комиссар Лиги наций в Болгарии Б. С. Серафимов.

Полноценный приют РОКК открылся в декабре 1923 года и с тех пор являлся одним из крупнейших русских инвалидных домов в Европе. В нём постоянно проживали 120–130 человек. Вместе с группой больных и увечных воинов, переведённых в 1924 году из приюта в Нова-Загоре, попал на Шипку М. Д. Бондарев.

Комендантом нового приюта был направлен из Софии генерал-лейтенант И. И. Ветвеницкий. В 1925 году Ветвеницкого сменил генерал М. Д. Бондарев [92, с. 153].

Здоровье не позволило Михаилу Дмитриевичу долго оставаться на этом посту. В этом же году комендантом стал генерал-майор Ф. П. Инютин. После смерти Инютина комендантскую должность исправлял генерал-лейтенант Н. Э. Бредов, один из героев ВСЮР, сам имевший к этому времени инвалидность.

По соседству с приютом РОКК в 1928 году разместилось ещё одно богоугодное заведение — Шипкинский дом инвалидов (ШИД) на 100 человек. Отношения между ШИД и приютом для инвалидов и тяжелобольных РОКК, несмотря на схожесть задач и условий существования, складывались сложно: на первых порах их жители были полны амбиций и планов на будущее. Принадлежность к разным политическим течениям — «кирилловцам», «николаевцам», «монархистам-легетимистам», «монархистам-конституционалистам» и т. д. — делала политический климат на Шипке горячим.

Около пятидесяти живущих на Шипке донцов-инвалидов, в том числе М. Д. Бондарев, входили в *«общеказачью Сергиевскую станицу»*. *«Станица существовала нелегально, не имея ни устава, ни разрешения властей»* [93].

После смерти в 1934 году А. П. Богаевского атаманом ВВД за рубежом был утверждён генерал-лейтенант М. Н. Граббе. Кандидатура графа возникла неслучайно: он являлся последним наказным атаманом Войска Донского, однако популярностью среди проживавших в Болгарии казаков-донцов похвастаться не мог. Не шуточные страсти разгорелись на Шипке осенью 1938 года в преддверии Всеобщего съезда донских казаков, должному состояться 4 декабря в Софии. Уполномоченные донскими казаками на Шипке генерал-майор А. Болдырев, генерал-майор М. Бондарев и есаул Сергей Генералов обратились с письмом в редакцию газеты «Казачий голос». Авторы неслестно отзывались о генерале М. Н. Граббе, называя его чуждым Дону,

выражали полную поддержку *«природному казачу, борцу и защитнику Тихого Дона генералу от кавалерии П. Х. Попову»*, сообщали об уловках с голосами выборщиков атамана станицы Сергиевской Андриянова и осуждали позицию по вопросу выборов атамана, занятую Русским общевойсковым союзом (РОВС) в лице руководителей генералов Ф. Ф. Абрамова и Н. Э. Бредова. По словам составителей письма процент, поддерживающих «б. атамана Граббе», был очень низок не только на Шипке, но и в сёлах Белене, Кочево, городах Стара-Загора, Сливен, Виден, Перник, Червен-Бряг и даже в Софии. Уполномоченные обвиняли чиновничий аппарат в несоблюдении основного закона ВВД, предрекали скорый конец Войсковому Кругу и жаловались на то, что *«злое меньшинство, в купе с состоящими в станице кубанцами и терцами, во главе со станичным атаманом, ярим приверженцем беглого графа, произвело на нас и производит такое злобное гонение, что нам, старикам и калекам, становится тяжело тихо и спокойно жить между ними»* [93]. Письмо было опубликовано только в феврале 1939 года, когда съезд уже прошёл, и мнение противников Граббе учтено не было.

Отношения с местными жителями у обитателей Дома инвалидов были хорошие. Их присутствие стало объективной частью жизни села: русские составляли десять процентов от общего населения. Состав насельников не был постоянным: некоторые уезжали в другие города Болгарии или за её пределы, кто-то уходил в мир иной, на их место поступали новички. Были случаи, когда одинокие люди просили привезти их на Шипку, чтобы умереть среди своих. Жители инвалидных домов в большинстве своём были в прошлом военными: офицерами и нижними чинами императорской Русской армии и участниками Белого движения. Процент казаков, в первую очередь донских, среди них был высок.

Правительство Болгарии ежемесячно отпускало субсидии на содержание русских инвалидных домов. ШИД находился в зоне ответственности Союза русских инвалидов, а приют РОКК содержался Комитетом по делам русских беженцев. В 1938 году выделяемая на одного инвалида сумма составляла в день 9 левов. Отдельной строкой шли средства на медицинскую помощь. Денег было недостаточно; быт жителей богоугодных заведений весьма скромным. Не хватало медицинского оборудования, топлива, одеял, белья и одежды. Жильцы десятилетиями донашивали военную форму. Остро стояла проблема протезирования. Газета «Возрождение» в 1927 году писала, что на Шипке *«почти*

Групповой снимок инвалидов приюта РОКК.

Крайний справа с рукой на перевязи стоит генерал М. Д. Бондарев. Фото не позднее осени 1928 г. (Бондаренко В. Русский некрополь на Шипке. М. : Старая Басманная, 2016. С. 51)

все люди обречены на полную неподвижность <...> У правления, состоящего из нескольких человек, на всех одна нога» [94]. Мастерские — картонажная, сапожная, сувенирная — давали крошечный доход. За сто папиросных коробок выплачивали 7 левов. Счастливые, способные к труду, передавали 10 процентов от заработанной суммы нетрудоспособным. Сочувствующие болгары с 1926 года проводили акции по сбору средств под названием «Дни русских инвалидов в Болгарии».

Единственное, чем могли похвастаться увечные, беспомощные, одинокие жители инвалидных домов, это стойкостью духа. Связь с родной они поддерживали не только мысленно: в 30-е годы инвалиды путём «кружечного» сбора собирали деньги голодающим в Советской России.

Вторая мировая война напрямую жителей инвалидных домов на Шипке не коснулась. Были урезаны средства на их содержание, но после прихода Красной армии в Болгарию белоэмигранты массово репрессиям не подвергались. Народная республика Болгария продолжала поддержку приютов вплоть до 1952 года.

В течение трёх лет после указа 1946 года о восстановлении советского гражданства бывшим поданным Российской империи в Болгарии практически все обитатели шипковских домов стали гражданами СССР. М. Д. Бондарева среди них не было.

В свидетельстве о смерти, выписанном на болгарском языке, сообщалось, что беженец из России Михаил Бондарев русский, православного вероисповедания, рождения 1871 года Донской области, обладатель нансеновского паспорта¹, инвалид умер 23 марта 1948 года в лазарете от эмфиземы лёгких. В документе были перечислены все близкие родственники генерала, к тому моменту тоже покойные: отец Дмитрий Онуфриевич Бондарев, мать Евдокия Михайловна Косоротова, жена Надежда Александровна Зотова.

Среди членов советской делегации, посетившей приют в 1946 году, был Александр Трифонович Твардовский. Свои впечатления он изложил спустя двенадцать лет после поездки в одной «Из рабочих тетрадей»². Несмотря на то, что уже состоялся XX съезд КПСС, и страна начала дышать очистительным воздухом «оттепели»,

¹ Нансеновский паспорт — документ, удостоверяющий личность человека без гражданства.

² Опубликовано в 1989 году вдовой писателя М.И. Твардовской [95].

писатель в оценке жителей дома на Шипке был беспощаден. «Быт и типы русских инвалидов описаны в этом наброске жёстко, непримиримо, без малейшего сочувствия, напротив — с явственной нотой недоброжелательной иронии (одного из выведенных в очерке персонажей можно идентифицировать — это генерал-майор М. Д. Бондарев)» [92, с. 78].

«Из полутёмной прихожей мы вступили в коридор, тёмный, совсем тёмный, где только привычному человеку можно было найти двери по обеим сторонам. И уже в этом коридоре был запах, который не смущал хозяев и обитателей заведения, принявших к нему, но свежим людям едва позволял удержаться от того, чтобы не зажать нос рукой и не гримасничать. Это был, как говорится, сложный запах, где сочетались затхлость больничной палаты, гурной кухни, банной раздевалки и ещё чего-то вовсе непеносимого, — как я потом догадался, это был запах клея, употребляемого для изготовления папиросных коробков.

Это были палаты-мастерские, где лежачие и ходячие занимались склеиванием этих коробков за ничтожную плату, которая шла им на карманные расходы. В первой комнате было две кровати — на одной из них сидел остриженный под машинку, весь серый-серый старик с глиняным небритым лицом с какой-то толстой книгой с картинками на коленях; на другой кто-то лежал, завернувшись с головой в одеяло, скрючившись, лицом к стене <...>.

— Дежурный генерал Четвёртой Донской армии, — хриплым и слабым голосом представился сидевший, привставая и отложив книгу на постель.

— Ну, как поживаете, — сказал кто-то из нас, чтобы что-нибудь сказать.

— Не поживаем, а доживаем, — раздельно и выразительно прохрипел дежурный генерал, — и, видимо, не первым нам говоря эти слова, с безнадежной горечью, без расчёта на чьё-либо сочувствие» [95, с. 160 — 161].

Михаил и Дмитрий Бондаревы сделали разный выбор, но выбор братьев оказался фатальным.

Выражаю благодарность историку Дмитрию Зенюку за предоставленное сведение о награждении Елизаветы Сарандинаки медалью и искреннюю признательность писателю Вячеславу Бондаренко за возможность узнать о жизни и последних днях генерала М. Д. Бондарева в приюте на Шипке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Высоцкая Е. П. Павловичи и Маргаритовичи // Донской временник : краеведческий альманах / Донская гос. публич. б-ка. Год 2016-й. Вып. 24. Ростов н/Д., 2015. С. 176 — 194.
2. Высоцкая Е. П. Дети магистра // Донской временник : краеведческий альманах / Донская гос. публич. б-ка. Год 2015-й. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014. С. 65 — 81.
3. Высоцкая Е. П. Семья Сабо // Донской временник : краеведческий альманах / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 84 — 108.
4. Высоцкая Е. П. Огонь творчества // Донской временник. Год 2009-й : краеведческий библиотечно-библиографический журн. / Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 2008. С. 68 — 80.
5. Кононов И. Действия моряков в начале Добровольческого движения // Флот в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и комментариев д-ра ист. наук С. В. Волкова: М., 2002. С. 77 — 78.
6. ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 66. Л. 303.
7. ГАРФ. Ф. 1487. Оп. 2. Д. 63. Л. 12, 41.
8. Там же. Д. 150. Л. 4.
9. Шергалин Е. Э. Георгий Георгиевич Сарандинаки (1884 — 1933) — орнитолог, доброволец, эмигрант // Русский орнитологический журнал. 2016. Т. 25. Экспресс-выпуск № 1310. С. 2559 — 2571.
10. ГАРФ. Картотека участников Белого движения.
11. РГАЛИ. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
12. Волков С. В. База данных № 2. Участники Белого движения в России на январь 2016. Буква С. С. 123. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_17-S.pdf (дата обращения: 9.09.2023).
13. ГАРФ. Ф. Р-1817. Оп. 5. Д. 13480.
14. Екатеринославские епархиальные ведомости : Официальный отдел. 1909. 21 июня. (№ 18). С. 250.
15. Насонов Н. В. О результатах работ на пароходе «Меотид» в Чёрном море, вдоль южного берега Крыма, С. А. Зернова, командированного Зоологическим музеем Академии наук осенью 1909 г. // Известия императорской Академии наук. 1910. Т. 4. Вып. 2. С. 132 — 136. (VI сер.).

16. Описание и оценка недвижимого имущества жителей г. Ростова-на-Дону на 1913 год. Ростов /Д., 1913. С. 190.
17. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии : составлен фабрич. инспекторами Моск. губ. по данным 1916 г. М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1916. С. 16.
18. Государственная дума Российской империи, 1906 – 1917 : энциклопедия. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. . С. 322.
19. РГВИА. Ф. 409. Д. 1137. Л. 1 – 7 об., 10.
20. AGAD. (The Central Archives of Historical Records in Warsaw). F. 226. Op. 1. Spr. 417.
21. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1911 г. Оп. 24. Д. 330.
22. ГАРФ. Ф. 102. 5-й департамент. 1914 г. Оп. 150. Д. 301, ч. 67.
23. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 147.
24. ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 112. Л. 200.
25. ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. 1910 г. Оп. 119. Д. 70 ч. 7.
26. РГВИА. Ф. 400. Оп. 11. Д. 255. Л. 37 – 42.
27. Некрополь Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США) / Фонд русской истории Джорданвилль; Под рук. и ред. прот. В. Цурикова. М. : Старая Басманная, 2015. С. 107.
28. РГВА. Ф. РВСР. Оп. 7. Д. 76. Л. 31.
29. *Бутрин Е. С.* Великий собиратель древностей. К 170-летию со дня рождения Дмитрия Геннадиевича Бурьлина // Государственный архив Ивановской области : сайт. URL: <https://ivarh.ru/virtualnyevystavki/-velikiy-sobiratel-drevnostey-k-170-letiyu-so-dnya-rojdeniya-dmitriya-gennadevicha-burylina-1106> (дата обращения: 08.09.2023).
30. ГАИО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 1. Л. 50 об. – 51.
31. Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 145 об. – 146.
32. ГАИО. Ф. Р – 2252. Оп. 26. Д. 10. Л. 140.
33. Сарандинаки Василий Константинович // Жертвы политического террора в СССР /НИПЦ «Мемориал». URL:<https://base.memo.ru/person/show/412921?ysclid=lltyfm6a95124043409> (дата обращения: 08.09.2023).
34. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132477/1-63.
35. *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова : По его личным, семейным и не семейным записям и памятям. В 2-х т. Т. 1. Ч. 1 – 4. М. : Художественная литература, 1984.
36. *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. : Повесть о жизни. Кн. 1 : Далёкие годы. М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1957. С. 166.
37. ГАБО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.
38. РГВИА. Ф. 409. Д. 1739. Л. 1 – 5.
39. РГВА. Ф. 37976. Оп. 2. Д. 39653.
40. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27347.
41. *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воен. Изд-во М-ва обороны СССР, 1974.
42. ГАРФ. Ф. 102. 7-й департамент. 1907 г. Д. 8113.
43. РГВА. Ф. 37837. Оп. 4. Д. 47. Л. 274 об.
44. Устав скакового общества офицеров конной артиллерии Варшавского военного округа «Конный спорт». [Варшава], 1911. С. 3.
45. Они были первыми // Дон. 1942 : сайт. URL: <http://don1942.ru/osobaya-kavalerijskaya-sled-v-istorii/item/application4> (дата обращения 09.09.2023).
46. *Сарандинаки В.* Конный спорт : с 29 рис. в тексте /Одобрено инспекцией кавалерии РККА. Л. : Воен. изд-во Ленинград. воен. округа, 1925.
47. Конный спорт : Правила соревнований : Обязательны для всех, проводимых в СССР соревнований по конному спорту. М. : Физкультура и спорт, 1938. 203 с. : ил.
48. РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Д. 917. Л. 1 – 3.
49. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 6577.
50. Каталог выставки изобразительного искусства Киргизской ССР : декада киргизского искусства / Ком. по делам искусств при СНК СССР и Упр. по делам искусств Киргизской ССР [сост. *Б. В. Веймарн, М. М. Дроздова, С. В. Сарандинаки* и др]. М. ; Л. : Искусство, 1939. С. 2.
51. РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1910 г. Д. 451.
52. *Таганцев Н. С.* Смертная казнь : сб. статей. СПб. : Гос. тип., 1913. С. 92.
53. ГАКК. Ф. 443. Оп. 1. Д. 25. Л. 253.
54. *Волков С. В.* Первые добровольцы на Юге России. М. : Посев, 2001. С. 275.
55. ГАРФ. Ф. Р-5843. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
56. ГАРФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 406. Л. 1.
57. ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 143. Л. 170.
58. Дмитрий Сабо // Генеалогическое древо рода Богатовых. URL:<https://bogatov.info/Genbase6?iz=1;p=dmitrii;n=sabo;os=2> (дата обращения 09.09.2023).
59. ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 63. Л. 20.
60. Сабо Пётр Владимирович // Искусство и архитектура Русского зарубежья / Фонд им. Д. С. Лихачёва : интернет-сайт.

- URL: <https://artz.ru/1805094377.html> (дата обращения 09.09.2023).
61. Grezine I. Inventaire nominative des sepultures russes du cimetiére de Ste-Genevieve-des-Bois. Paris, 1995. P. 335.
 62. Василий Сабо // Генеалогическое древо рода Богатовых. URL: <https://bogatov.info/Genbase6?pz=petr;nz=penskii;ocz=0;p=vasilii;n=sabo;oc=1> (дата обращения 09.09.2023).
 63. Правительственные распоряжения // Кавказ. 1885. 6 мая. (№ 118). С. 1.
 64. Правление Тифлисского дворянского земельного банка // Кавказ. 1903. (№ 307). 18 нояб.
 65. *Гарибджанян Г. Б.* Зарубежные интернационалисты в борьбе за защиту завоеваний Великого Октября в Закавказье // Защита завоеваний социалистической революции / Отв. ред. И. И. Минц. М. : Наука, 1986. С. 194.
 66. РГВА. Ф. 11433. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.
 67. РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 254. Л. 105.
 68. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 382.
 69. ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 108. Л. 37 об.
 70. Там же. Д. 160. Л. 13.
 71. *Парчевский К. К.* В Парагвай и Аргентину : Очерки Южной Америки. Париж : [изд. авт.], [1936]. С. 157 – 158.
 72. РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 377. 1899 г.
 73. Бондарев Михаил Дмитриевич // Офицеры Русской императорской армии : сайт. URL: <https://www.ria1914.info/index.php> (дата обращения 09.09.2023).
 74. РГВИА. Ф. 330. Оп. 56. Д. 468. Л. 51.
 75. *Koriagin S., Simmons P.* Ushakovs and others. М. : Rusaki, 2011. P. 172 – 173.
 76. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 48819. Л. 2 – 3.
 77. ГАРФ. Ф. Р-1261. Оп. 1. Д. 19. Л. 91.
 78. Проводы дежурного генерала М. Д. Бондарева // Донские ведомости. 1919. 2 (15) авг. (№ 177). С. 1.
 79. ГАРФ. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 7. Л. 204 – 281.
 80. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903 г. Оп. 231. Д. 155.
 81. РГИА. Ф. 398. Оп. 71. Д. 25519.
 82. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 144. Л. 5 об. – 6.
 83. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 68. Л. 107.
 84. ГАРФ. Ф. 4646. Оп. 1. Д. 3.
 85. ГАРФ. Ф. 103. Оп. 2. Д. 20. Л. 175 – 176.
 86. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 4. : Вооружённые силы Юга России. Берлин : Слово, 1925. С. 88.
 87. *Волков С.* Трагедия русского офицерства : Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. М. : Центрполиграф, 2002.
 88. Главное справочное бюро в Константинополе 1920 – 1922 гг. : Именные списки беженцев и чинов Русской армии : сб. док. Вып. 1. / Ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва; сост. А. В. Ефимов. М., 2022.
 89. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 147. Л. 2.
 90. Там же. Д. 131. Л. 114 об.
 91. ГАРФ. Ф. Р-6048. Оп. 1 Д. 1.
 92. *Бонгаренко В.* Русский некрополь на Шипке. М. : Старая Басманная, 2016.
 93. *Болдырев А., Бондарев М., Генералов С.* Как работают граббевские молодцы // Казачий голос. 1939. № 15 – 16. С. 35.
 94. Положение русских инвалидов на Балканах : Беседа с Н. Н. Баратовым // Возрождение (Париж). 1927. 27 янв. (№ 604). С. 4.
 95. *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953 – 1960) / Публикация и примечания М. И. Твардовской // Знамя. 1989. № 8 (август). С. 160 – 162.

Е. В. ХАЛДАЕВ

НОВОЧЕРКАССКИЕ ВОЕННЫЕ ЛАЗАРЕТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

У истоков Алексеевской организации

История Новочеркасских военных лазаретов берёт своё начало в августе 1914 года. Именно тогда, с началом Первой мировой или «Великой» войны в донской столице их появилось более сорока. Достигнув максимума в первой половине 1915 года, количество стало постепенно уменьшаться. Некоторые исчезли окончательно, иные закрылись на ремонт до лучших времён. Остальные работающие были заполнены пациентами, порой, на треть. К осени 1917 года помещения лазаретов стали передавать многочисленным беженцам с запада Российской империи — успешное германское наступление в Прибалтике, в результате которого была сдадена Рига, привело к тревожному положению её столицы. Из Петрограда эвакуировались учебные заведения, часть из них нашли приют в Новочеркасске. В конце сентября председателем Петроградского совета стал большевик Лев Троцкий, в первой декаде октября он сформировал Военно-революционный комитет. Стало очевидно, что вооружённое выступление

большевиков — дело ближайших дней. Донской атаман генерал от кавалерии А. М. Каледин, с тревогой следивший за событиями в Петрограде, буквально за день до большевистского переворота пригласил членов Временного правительства переехать на спокойный, пока ещё, Дон. Но было уже поздно. 25 октября² большевики захватили власть в Петрограде, министры Временного правительства были арестованы в Зимнем дворце.

На следующий день Донское войсковое правительство отправило телеграмму Временному правительству, всем казачьим войскам.

«В виду выступления большевиков с попытками свержения Временного правительства и захватов власти в Петрограде и других местах, войсковое правительство, считая такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. В виду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщения с центральной государственной

Здание дома Шапошникова (угол пр. Платовского 80, ныне 118 и ул. Барочной, 32) Фото из личного архива Е. В. Халдаева

Евгений Васильевич Халдаев, журналист, краевед, г. Новочеркасск

¹ Здесь и далее даты приведены по старому стилю, в Примечаниях — в соответствии с источником.

властью войсковое правительство временно впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 25 сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной власти в Донской области. Подписали: Председатель войскового правительства войсковой атаман Каледин, за товарища его старшина Семёнов» [1].

Генерал М. В. Алексеев, бывший главнокомандующий Русской армией, чудом избежавший ареста в день большевистского выступления, скрывавшийся несколько дней в Петрограде, 30 октября выехал в Ростов-на-Дону. По его мнению, на Юге России необходимо было создать здоровый центр, объединяющий мощные умственные, культурные и, в первую очередь, военные силы. Воинским частям, оставшимся верным Временному правительству, военным училищам был отдан приказ пробираться на Дон.

2 ноября около 9 часов утра генерал Алексеев со своим адъютантом, ротмистром Шапрондю Ларре, прибыли в Новочеркасск и сразу же отправились в Атаманский дворец на встречу с атаманом А. М. Калединым. Итогом беседы стало разрешение занять пустующий лазарет на улице Барочной, 32, в котором начала формироваться Алексеевская добровольческая организация [2].

С первых дней пребывания в Новочеркасске, организация столкнулась с недовольством как казачьих, так и либеральных кругов, в особенности гласных, т. е. депутатов Городской думы. Многих из них пугало сосредоточение военных, непонятны цели и задачи Алексеевской организации, поскольку они были уверены, что на Дону большевики не появятся.

Вспоминает полковник Яков Маркович Лисовой: «Новочеркасск в ноябре представлял собою ... картину: два раза в сутки поезд выбрасывал на станцию толпу пассажиров, среди которых, главным образом, преобладали военные. Если и попадались штатские, то почти безошибочно можно было сказать, что каждый из них являлся известной общественной или политической величиной: среди же последних часто встречались и видные государственные деятели.

Спасаясь от прелестей восставшего большевизма, широкой волной заливающего весь необъятный российский простор, — стремились все к тихой пристани государственного правопорядка, каковую в то время и представлял из себя Дон со своим казачеством и их выборным атаманом А. М. Калединым» [3].

В двадцатых числах ноября в Алексеевской организации числилось около восьмисот

добровольцев. Благодаря негласной помощи атамана Каледина они получали оружие, хотя и в недостаточном количестве. И всё же это новое формирование представляло достаточно грозную силу, особенно благодаря непоколебимой уверенности её бойцов в верности выбранной цели — спасения и возрождения Великой России.

В лазаретах для донских партизан и Корниловских добровольцев (ноябрь 1917 – февраль 1918 гг.)

События, произошедшие в Донской области в середине ноября, стали первым испытанием для Алексеевской организации. А следствием их, создание в Новочеркасске новых лазаретов — Гражданской войны.

«Когда в ночь на 26 ноября произошло выступление большевиков в Ростове и Таганроге и власть в них перешла в руки военно-революционных комитетов, Каледин, которому “было страшно пролить первую кровь”, решил, однако, вступить в вооружённую борьбу.

Но казаки не пошли. В этот вечер сумрачный атаман пришёл к генералу Алексееву и сказал: — Михаил Васильевич! Я пришёл к вам за помощью. Будем как братья помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что ещё возможно спасти.

Алексеев просиял и, сердечно обняв Каледина, ответил ему:

— Дорогой Алексей Максимович! Всё, что у меня есть, рад отдать для общего дела.

Офицерство и юнкера [в лазарете. — Е. Х.] на Барочной были мобилизованы, составив отряд в 400–500 штыков, к ним присоединилась донская молодёжь — гимназисты, кадеты, позднее огулмались несколько казачьих частей» [4, с. 206].

Первые бои начались на подступах к Ростову-на-Дону — в районе станции Кизитеринка, станицы Александровской и Нахичевани. Раненых и убитых отправляли в Новочеркасские лазареты.

«по 30 ноября включительно было доставлено в Новочеркасск ранеными, и убитыми 120 человек, из них сестра милосердия, контуженная в ноги.

В областной больнице [лазарет без №, ул. Базарная, 2 — Е. Х.] состояло 23 раненых и 3 убитых. <...>В лазарете Красного Креста [№1, Азовская площадь, 13 — Е. Х.] раненых имелось 9 человек. 30 ноября сюда было привезено легко раненых в ноги, грудь и руки ещё 29 ч. Среди вновь прибывших раненых есть молодые казаки в возрасте 18–20 лет, добровольцы. В больнице

Здание 2-й мужской гимназии на углу ул. Горбатой и Атаманской. Фото из личного архива Е. В. Халдаева

общества донских врачей кроме вчерашних 37 ч. Привезено 11 раненых» [5].

Об этих днях пишет младшая дочь генерала Алексеева — Вера Михайловна (в замужестве Алексеева-Борель).

«Как-то вечером, вернувшись домой, отец сказал сестре и мне:

— Девочки, привезли первых раненых. Это всё молодёжь, они здесь одиноки, оторваны от своих семей, от своих матерей. Идите, ухаживайте за ними, окружите их заботой, теплом, вниманием.

Не очень дружелюбно нас встретили донские врачи, но за нас всецело встала старшая сестра госпиталя; думаю, что благодаря её вмешательству мы и были допущены. Через несколько дней к нам присоединилась и дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна. В общем на нас троих легла вся палатная работа и уход за ранеными. Кроме нескольких тяжело раненных, это были физически здоровые молодые люди, весёлые, горевшие жаждой подвига, любовью к родине, верой в успех начатой борьбы и верой в своих вождей и начальников» [6].

Вспоминает юнкер — артиллерист Константиновского училища Николай Александрович Прюц, раненный в бою под Кизитеринкой 27 ноября 1917 года:

«Юнкер — машинист нашей батареи [Раскин Анатолий. — Е. Х.] сам прицепил вагон с

ранеными к какому-то паровозу, стоявшему на путях у станции Кизитеринка, и повёл этот вагон в город Новочеркасск. Здесь я... пришёл в себя. Ввели меня в помещение вокзала, где я увидел нескольких дам-патронесс. Одна из них, госпожа Мягкова, проявила особое участие к раненым юнкерам нашей батареи. Юнкер, впоследствии штабс-капитан, Иссов Валентин женился потом на одной из дочерей госпожи М[ягковой]. Юнкер [Раскин Анатолий] повёз меня... находившегося в полубессознательном состоянии, в лазарет [№1, на Азовской площади, 13 — Е. Х.] близ какого-то базара. Потом я узнал, что меня, как раненного в голову, считали как будто уже безнадежным и просто положили в пустой лазарет. Здесь я лежал всю ночь без медицинской помощи.

На следующее утро появился молодой врач, осмотрел и перевязал мою рану. Появилась также одна пожилая сестра милосердия, очень серьёзная, милая дама. Она проявляла исключительную заботу о раненых. У меня остались о ней наилучшие воспоминания. <...> Вскоре наш небольшой лазарет наполнился ранеными. Уход был хороший, и кормили нас отлично. Одна незнакомая мне дама принесла мне однажды винограду.

В Новочеркасске в это время жила моя родная замужняя сестра. По моей просьбе наша симпатичная пожилая сестра милосердия пошла к

моей сестре и сообщила ей, что я лежу в лазарете раненый. Посещения сестры радовали меня и разнообразили мою жизнь.

«...» Жизнь в лазарете шла своим спокойным, налаженным порядком. Одно событие внесло некоторое оживление. Одного кавалериста в лазарете навещала интересная молодая девушка. Они всегда мирно, чинно, серьёзно беседовали. Вскоре они обручились и, по выходе кавалериста из лазарета, повенчались. В лазарете я пролежал недели три. Здесь впервые я увидел прибывшего с Западного фронта, в черно-красной форме, командира Корниловского ударного полка генерального штаба капитана Неженцева [7]. Он пробыл с нами несколько дней. Более или менее поправившись, я выписался из лазарета ...» [8].

Ещё один юнкер Константиновского артиллерийского училища Виктор Александрович Ларионов, раненный в том же бою под Кизитеринкой, вспоминает:

«поезд [санитарный. — Е. Х.] пришёл в Новочеркасск, где раненых уже ожидали санитарные машины. Нас быстро провезли по тополевой аллее мимо собора и памятника Ермаку. Улицы в поздний час были пусты, над головой — ночное небо и яркие, вечные звёзды. На узкой улице машина остановилась. Над лампой виднелась вывеска: “Больница Общества донских врачей”».

“Ещё раненые! — раздался женский голос. — Санитары, давайте носилки!”

«...» Высокая температура держалась долго, мой организм отчаянно боролся со смертью. Наконец из раны прорвался гной, и появилась надежда на возвращение к жизни. Добровольная сестра милосердия, дочь [бывшего. — Е. Х.] Верховного главнокомандующего генерала Алексева, Клавдия Михайловна Алексеева, была моим ангелом-хранителем, дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на неё, верилось в лучшее будущее и в конечную победу.

Её младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремлённая, готовая жертвовать всем для раненого, — просиживала ночи над тяжело раненым юнкером Малькевичем, стараясь его спасти [9, с. 47].

«...» Малькевич мучился почти месяц. Долгий месяц бессонных ночей, тоскливых дней, бесконечной боли... И вот сегодняшнее серое, морозное утро [7 января] — последнее в его короткой восемнадцатилетней жизни. Капитан Шаколи просидел всю ночь у изголовья умирающего мальчика и сейчас стоит у окна, глядя на уголок серого неба, и соскребаёт ногтем морозный узор. В коридоре, у двери палаты № 3, рыдает сестра Вера, глухо и безутешно. Со всем

Современный вид больницы Общества донских врачей на ул. Красноармейской.
Фото из коллекции П. Волкова

мужеством и энергией, унаследованной от отца, генерала Алексеева, она пыталась отстоять юнкера у смерти. И вот — напрасны все усилия, бессонные ночи, нервное напряжение. Сколько раз возникали радостные надежды, и столько раз они сменялись отчаянием [9, с. 56].

<...> Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталия Лавровна. Красавица блондинка с изумительно нежной кожей и очаровательной улыбкой, открывавшей жемчуг ровных зубов. Её муж — морской офицер, приезжал из Петербурга в Новочеркасск, чтоб взять её с собой в Петербург, где он был преподавателем Морского училища, но она категорически отказалась, после чего их дороги разошлись. Наталия Лавровна не скрывала, что она республиканка. «Как и мой папа», — говорила она, улыбаясь. Эти её слова приводили в ярость лежавших в нашей палате двух гардемаринов Морского училища Сербинова и Клитина, ярых монархистов, из коих один был ранен пулей в ключицу, а другой притворялся контуженным, явно не имея намерения вновь попасть под пули. Оба жаловались Клавдии Михайловне и просили её устроить так, чтобы Наталия Лавровна за ними больше не ухаживала. (Уже тогда намечался раскол среди приехавших добровольцев, делившихся идейно на «монархистов» и «республиканцев», ожидавших приезда генерала Корнилова) [9, с. 47–48].

<...> Довелось мне увидеть в лазарете и троих глубоко уважаемых мною людей. Посетил нашу палату бывший Верховный, начальник Штаба Государя, генерал Алексеев. Очевидно, дочери ему успели подробно рассказать о раненых, ибо он обращался к каждому как к знакомому, спрашивал о здоровье, о настроении, об училище.

Старый Верховный главнокомандующий российской армии производил огромное впечатление умом, своим обращением, дружеской непринуждённостью. Пришёл к нам и другой герой российской армии — генерал Корнилов. Легендарная фигура «быховского пленника», начальника железной 48-й дивизии, беглеца из австрийского плена, создателя «ударных» корниловских батальонов, не могла не вызывать у меня уважения и даже преклонения. Наталия Лавровна давно уже это заметила и обещала мне привести к нам в палату своего отца. Было заметно, как она им гордится. Выйдя однажды, при помощи костылей, в коридор, я увидел перед собой человека невысокого роста в бараньем полушубке и в высокой шапке. Лицо его было загорелым и немного морщинистым от солнца и ветра. Чёрные, узкие, «монгольские», глаза смотрели прямо

и пылливо. С первого же взгляда я узнал «быховского пленника». Мои костыли упали на пол. Он помог мне их поднять.

— Откуда Вы меня знаете? — спросил он. — «Вы были под моей командой?» — «Нет, — сказал я, — но ведь Вас вся Россия знает!» Он улыбнулся и спросил, какого я училища, где и когда ранен. Конечно, я был счастлив, что смог поговорить с генералом Корниловым лично.

Приходил и генерал Калегин — тоже историческая личность. Генерал Калегин обошёл нашу палату и разговаривал с каждым раненым. Он говорил мягким голосом и сразу же располагал к себе каким-то внутренним пониманием. Одно в нём поражало: он ни разу не улыбнулся. Атаман Дона, очевидно, смотрел дальше в будущее, чем все мы, и уже тогда видел и конец Дона, и свой конец [9, с. 49–50]. <...> В начале февраля я оставил лазарет и присоединился на станции Ростов к юнкерской батарее» [9, с. 57].

Дабы не нарушать целостной картины воспоминаний Виктора Ларионова мы проследовали с ним до февраля 1918 года. Теперь же вернёмся

Виктор Александрович Ларионов в 1918 г.
(Александр Воронцов [страница]
URL: <https://vk.com/wall538988544?offset=20>
(Дата обращения: 16.08.2023)

в трагические и весьма важные для нашего повествования дни конца ноября, начала декабря 1917-го.

Кадет Морского корпуса Анатолий Александрович Векслер 27 ноября был ранен в бою под Нахичеванью. *«Прихожу в себя в госпитале, в Новочеркасске, с мучительной головной болью. Левая рука как свинцовая, еле двигается. Жена атамана Каледина обходит раненых и благословляет их маленькими серебряными солдатскими крестиками»* [10].

Мария Петровна Каледина, супруга донского атамана, на третий день большевистского мятежа в Ростове-на-Дону обратилась к гражданам Новочеркаска с просьбой жертвовать всё, что только возможно *«частям, идущим под Ростов на защиту родного края. Нужны срочно: тёплые вещи, бельё, перевязочные материалы, продовольственные продукты (чай, сахар, хлеб, картофель, мука, крупа и проч). Пожертвования прошу направлять в лазарет Красного Креста на Базарной площади»* [№ 1. Ныне Азовская площадь 13. — Е. Х.] [11]. Через неделю сумма денежных пожертвований составила 2955 руб.

Аналогичной деятельностью занялся и дамский кружок Е. А. Карповой, М. Г. Дроновой и других активных новочеркасинок, имеющих опыт работы с ранеными ещё с 1914 года. Уже 28 ноября они приступили к сбору денег, вещей и продуктов, и через два дня сумма пожертвований составляла 426 руб. Половина денег была отдана раненым юнкерам и казакам в лазарете больницы Общества донских врачей, а вторая половина — общественной организации на нужды раненых [12].

Не были забыты семьи убитых, а также раненые и больные воины в новочеркасских лазаретах. В редакцию газеты «Вольный Дон», вестника Донского правительства, по призыву Донского окружного управления Красного Креста стали поступать денежные пожертвования от неравнодушных горожан. Первые 10 руб. от неизвестного в пользу казаков, офицеров и не казаков, павших в борьбе с анархией в кровавые дни в Ростове поступили 27 ноября. Ко дню публикации призыва уже набралось 10 625 руб. [13]

Нужно отметить, что пожертвования в пользу раненых достаточно успешно собирались весь декабрь. И вносимые суммы варьировались от нескольких рублей до десятков тысяч. *«Воспитанницами II класса Мариинского донского института решено деньги, собранные на венок убитым под Ростовом в сумме 30 руб. обратить на нужды раненых при подавлении мятежа в г. Ростове»* [14].

Помимо материальных пожертвований, активно собираемых в храмах Новочеркаска и области, личных взносов, перечисляемых священниками и служителями церквей, городское духовенство откликнулось на многочисленные просьбы мирян *«в ограждении города от надвигающейся междоусобицы устроить крестный ход вокруг Новочеркаска»* [15]. Крестный ход продолжался пять дней, при этом его маршрут был составлен таким образом, чтобы ежедневно процессия проходила мимо трёх городских храмов. Начатый 6 декабря от Донской церкви (угол Николаевского пр. и ул. Базарной) крестный ход, возглавляемый Преосвященным Гермогеном и десятью священниками, обошёл город с западной, южной и восточной сторон, окончившись торжественной службой возле Вознесенского собора.

В заботе о пациентах лазарета для консультации иногда приглашались высококлассные специалисты. Так, *«для раненых защитников Дона, находящихся на излечении в больнице Общества донских врачей, 8-го декабря был вызван из Ростова профессор Напалков. Профессор внимательно осмотрел раненых и дал свои указания; но от платы за визит, которая предложена была ему после осмотра, отказался»* [16]. Заметным событием в культурной жизни Новочеркаска и одновременно обратившим внимание публики на помощь раненым воинам и членам семей убитых защитников Дона стал благотворительный концерт, устроенный 18 декабря Марией Петровной Калединой в зале офицерского собрания (ул. Московская, 16). Анонс предстоящего концерта не сходил с первой полосы газеты «Вольный Дон» в течение недели. Были обещаны выступления известных артистов в различных жанрах, а после концерта — «Кабарэ» при участии местной театральной труппы. В назначенный день *«переполненный зал офицерского собрания тепло встречал исполнителей»*. Лирическое сопрано сменяли стихотворения на тему дня, в свою очередь продолженные фортепьянными пьесами в исполнении артиста московского правительственного театра, а подвёл итог концерту войсковой хор. Обещанное «Кабарэ» прошло *«с большим оживлением»*. Проданные билеты, а также цветы, конфеты, торговля в буфетах собрали около 9000 руб. [17].

Но, к сожалению, блестяще прошедший вечер был омрачён неприятным инцидентом. Возможно, и не стоило бы обращать на него внимание, но след его странным образом обнаружился в наше время. *«Поздней ночью, когда значительная часть публики разъехалась, (...)*

в зал явился пьяный офицер, но его тотчас же вывели. Спустя некоторое время, тот же офицер, оказавшийся есаулом В. Поповым, снова пришёл в зал с тремя пьяными компаньонами и стал кричать: — «Я большевик! Мы пришли разогнать буржуев. У нас бомбы».

Поднялся переполох. Дамы бросились бежать, а мужчины кинулись на Попова и его товарищей и нанесли им побои. С трудом удалось отнять «большевиков» и отвести под арест. У них оказались 4 ручных гранаты. Заряжены ли эти гранаты, нам не удалось узнать» [18].

Ко времени скандала генерал А. М. Каледин уже уехал, но на следующий день городской молвой инцидент был истолкован как покушение на донского атамана. Сплетня оказалась настолько живучей, что несколько лет назад сведущие в биографии Алексея Максимовича люди убеждали меня в несомненных двух декабрьских покушениях на атамана. Вероятно, одним из них и было представление «большевику-есаула» на этом вечере.

На Рождество вышел секретный приказ по Алексеевской организации, всё ещё квартирующей в различных местах Новочеркаска на полулегальном положении, переименовавший её в Добровольческую армию под командованием генерала Л. Г. Корнилова. К середине января 1918 года новая армия перебазировалась в Ростов-на-Дону, оставив в новочеркасских лазаретах только раненых и больных. Как заметил генерал Трухачёв, вспоминая об этих днях: «мы должны были покинуть Новочеркасск и переехать в Ростов. Причин для этого было две. Наше пребывание в Новочеркасске было у всех бельмом на глазу. Для того, чтобы успокоить общественное мнение, понадобилось нас перевести в Ростов» [19].

Командующий войсками Ростовского района генерал А. П. Богаевский рассказывает об обстановке на фронтах в те дни: «С переходом ... штаба [Добровольческой армии. — Е. Х.] в Ростов борьба с красными приняла уже более плановый характер.

Как-то сами собой определились на Дону два фронта — Ростовский — к западу и северу от Таганрога и Ростова и Донской — на линии железной дороги на Воронеж, к северу от Новочеркаска. Первый фронт защищали добровольцы, на втором боролись казаки, вернее — несколько мелких партизанских отрядов, составленных из кадет, гимназистов, реалистов, студентов и небольшого числа офицеров. Кроме того, в районе станций Миллерово и Глубокой стояла 8-я Донская конная дивизия и постепенно разлагалась: казаки митинговали и потихоньку

разъезжались по домам. Впрочем, большевики с этой стороны и не наступали до двадцатых чисел января, когда при первом же их серьёзном наступлении казаки бросили фронт и разъехались по домам, оставив на произвол судьбы орудия. Был ещё южный — Батайский фронт. Но там дело ограничивалось почти одной перестрелкой» [20].

Роман Гуль свидетельствует: «С каждым днём в Новочеркасске настроение становится тревожнее. Среди казаков усиливается разложение. Ожидается выступление большевиков. Каледин по-прежнему нерешителен. Войсковой Круг теряется...

«...» Но и с перенесением штаба в Ростов общая тревога за прочность положения не уменьшается. Каждый день несёт тяжёлые вести. Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам. Часть из ещё не расформированных войск перешла к большевикам, другие разошлись по станицам. Притока людей из России в армию — нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но в армию поступают немногие — большинство же умело уклоняется» [21, с. 17 — 18.].

В результате ожесточённых боёв на фронтах, Новочеркасские лазареты снова переполнялись ранеными, больными, обмороженными. Следующие с северного фронта военные составы с батальонами Добровольческой армии делают на станции Новочеркасск лишь небольшую остановку. «21 января в Новочеркасск доставлены 15 тел защитников родного края, убитых в последних боях в районе станций Звереве и Гуково [22]. На перрон вокзала выносятся убитые, с ними остаётся взвод для погребения и отдания им последних почестей. Но было и так: «В областную больницу со станций Звереве, Лихая и Гуково доставлены убитые воины, фамилии которых неизвестны. Для опознания трупы находятся в покойницкой областной больницы. При опознании кого-либо из убитых просят заявить дежурному фельдшеру» [23].

На юго-западном участке старого городского погоста, отведённого под братское военное кладбище, ежедневно появляются десятки новых белых крестов.

Цифры прибывающих пациентов лазаретов всё растут. «В ночь на 24 января в Новочеркасск прибыл санитарный поезд, доставивший 107 раненых, 5 больных и 8 убитых». Днём этого же дня в списке поступивших на лечение уже числятся 156 человек. В лазарет № 1 направлено 92; в лазарет Общества донских врачей — 28; в лазарет № 28 — 14; в областную больницу — 2;

в лазарет при кадетском корпусе — 6; дома лечатся — 6 [24].

Виктор Ларионов замечает: «В больницу Общества донских врачей вновь привезли нескольких наших юнкеров... Раненых привозили со всех фронтов и многие из них говорили: — “Что мы можем сделать, мы идём цепочками по тридцать человек в атаку против десятков тысяч красных?”» [9, с. 55].

Сразу несколько организаций, помимо Красного Креста, занимаются помощью раненым. Всероссийский земский союз хорошо рекомендовал себя в прошлые три года войны, создав несколько десятков лазаретов в Новочеркасске. 26 января «Войсковое правительство ассигновало в распоряжение Доно-Кубанского комитета всероссийского земского союза 820 тысяч руб. на расходы по оказанию помощи больным и раненым воинам» [25].

К 29 января положение донской столицы стало безнадежно. Красногвардейские отряды стояли в пригороде на станции Персияновка. Понимая всю бесполезность сопротивления и не желая дальнейшей гибели донской молодежи, из которой фактически были сформированы защищающие Новочеркасск отряды, донской атаман А. М. Каледин в 14 часов 30 минут покончил жизнь самоубийством.

Через десять дней генерал Лукомский с сожалением констатировал: «Смерть атамана вступила на некоторое время Дон. Старика казаки громко заявили, что они повинны в смерти любимого атамана и что долг всех казаков, хоть после смерти атамана, выполнить его призыв и стать на защиту Дона от большевиков. Примолкла временно и молодёжь».

В Новочеркасск тысячами стали стекаться донцы для формирования новых частей. Казалось, что Дон ожил. Но в значительной степени вследствие того, что штаб Донского войска оказался в это время не на должной высоте (не давали помещений для размещения прибывающих казаков, не наладили довольствие горячей пищей, не сумели наладить вопросы организационные), скоро подъём прошёл, и казаки стали опять расходиться и разъезжаться по станциям» [26, с. 294—295].

В эти же дни в Новочеркасске произошёл совершенно немыслимый в 1914—1916 годах случай.

«5-го февраля [санитарным поездом. — Е. Х.] на вокзал доставлена была партия раненых. Потребовалось несколько экипажей для перевозки их в лазареты. Санитарная организация обратилась по телефону к горожанам, имеющих своих лошадей, с просьбой прислать их на вокзал и

помочь перевозке раненых. И вот какие ответы получились от некоторых из этих граждан.

Управляющий фирмой Соколова [винный торговый дом “А. Соколов с сыном Петром”] А. М. Огуз ответил, что он пришлёт лошадь, если она будет потребована официальным отношением. И. Д. Бобков [виноделание] обещал прислать, но не прислал.

Виноторговец Ф. И. Тумин отговорился тем, что нет дома кучера. “Центральная гостиница” обещала прислать, но не прислала. Товарищ неперемного члена земского комитета Щекатурин ответил, что лошадь не кована. Белозоров [И. В., биржевое заведение] ответил — нет кучера.

Вот характерный образчик той чуткости, с которой граждане Новочеркасска относятся к защитникам Дона, пролившим кровь свою для защиты их же жизненных интересов» [27].

Красные части продолжали теснить Добровольческую армию, взят Таганрог, бои идут в предместьях Ростова. Ещё хуже было положение на северном фронте. Генерал Лукомский отмечает: «К северу от Новочеркасска, кроме небольших казачьих и партизанских частей, ничего не было. Большевики наседали, и было ясно, что дни Новочеркасска сочтены» [26, с. 296].

«Жуть над городом; затаился уютный тихий Новочеркасск. Мрак. Еле мерцают фонари <...>. У лазарета гудит авто. В узкую дверь еле протискивают носилки, с телами людей, укрытых шинелью или овчиной. Кровь... На полу, на комьях ваты, на скоробленной, прокислой овчине, на пальцах и там на искрящемся блёстками снегу под Таганрогом, Батайском, Зверевым и Сулином.

Кровь и мозг из разбитого черепа. Вчера двенадцать мальчиков-юнкеров были найдены связанными и убитыми ударами шпала на полотне у маленькой степной станции. Убит удалой партизан Чернецов — защита, надежда и гордость Дона, убит подлым предательским ударом. Уходит от нас Каледин, чьё сердце не выдержало позора России и Дона... И дерутся ещё из последних сил: Кутепов под Таганрогом, Марков под Батайском и Семилетов под Сулином. Затаился уютный, тихий Черкасск в предсмертной тоске» [28].

Подполковник Иван Алексеевич Поляков, служивший в штабе донского атамана: «7-го февраля ген. Назаров [новый донской атаман. — Е. Х.], учитывая сложившуюся обстановку, не счёл возможным задерживать больше Добровольческую армию, о чём уведомил её командование, сообщив также, что казачество помочь ему не может.

В свою очередь, генерал Корнилов, видя, что гальнейшая оборона Ростовского района не даст положительных результатов и может лишь погубить армию, решил увести её на Кубань, предполагая там усилиться казаками и получить новую базу» [29, с. 118].

9 февраля Добровольческая армия покинула Ростов, пройдя через станицу Аксайскую и форсировав замёрзший Дон, остановилась на формирование в станице Ольгинской. Падение Новочеркаска стало вопросом нескольких дней.

Вспоминает офицер, укрывшийся под псевдонимом Н. Белогорский: «Конец Дона мне пришлось наблюдать, или вернее ощущать, с постели, из больницы Общества донских врачей в Новочеркасске, куда меня привезли на другой день после боя под Каменоломней.

Хирургическое отделение в верхнем этаже вытянутого ввысь, с крутыми лестницами, дома на Ратной улице, было набито ранеными казаками и не казаками. В маленькой, на четыре койки палате, где меня положили, стоял вечный шум и тянуло съестными запахами, — кухня за стеной. Кроме меня лежало двое: молоденький офицер Добровольческой армии с простреленной грудью и партизан семилетовец, которому пуля пробила мочевой пузырь. Четвёртая койка сначала оставалась пустой.

Офицер-артиллерист, здесь сражавшийся в пехоте, весёлый, несмотря на продырявленное лёгкое, рассказывал про свою, в сущности, первую войну, про свою роту и про Матвеев Курган, где его ранило. Ему повезло. Я знаю, что он спасся, сумел ещё проехать в Москву с особой командировкой и вернулся обратно в армию.

Партизан, жестоко страдавший, только кричал долгим воющим криком, и ему давали морфий. Он, наверное, умер.

Здесь, в больнице, где интересовались перевязками, температурой, своей и чужой физической болью, как-то невольно начинало казаться, что не будет перемены, и не может сделаться так, чтобы сюда пришли враги. И несмотря на то, что внешний мир трепетал от напряжения, а мы этот мир видели и слышали, ибо приходили гости и приносили газеты, всё-таки рождалась таинственная уверенность в том, что не может пасть Новочеркасск, и если для этого нужно чудо, то оно случится.

Между тем, последние соломинки ломались. Новые раненые рассказали про неудачную, с нашей стороны, атаку Александро-Грушевского. Перед Ростовом дрались почти под самым городом. Батайск был занят красными.

Пришёл, прорвавшись на Дон с побоем боя против большевиков, 6-й Донской полк,

сравнительно долго задержавшийся на старом фронте.

К нам в палату, на свободную до того четвертую койку, положили легко раненого казака этого полка, — кажется, единственного их раненого. Он был словоохотлив, и из его рассказов явным становилось одно: что товарищи по 6-му полку стреляли, и полк стрелял в товарищей. Воевавший полк!

<...> Было это [9 февраля по ст. стилю. У автора — 22 февраля (новый ст.) — Е. Х.], а на следующий день мы вдруг узнали, что Добровольческая армия уже оставила Ростов. В нашей больнице собирали способных двигаться раненых Добровольческой армии для того, чтобы отправить их в обозы полков, раздавали деньги, куда-то увозили некоторых тяжело раненых.

О казачьих партизанах не заботился никто. Корнилов уходил за Дон... Значит будет оставлен и Новочеркасск... Но ни за что не хотелось поверить в это.

Поздним вечером мне сказали по телефону, что чудо спасения совершилось: полковник Мамонтов с 6-м и 7-м Донскими полками ударил в тыл красным, разбил их и снова занял Ростов! Утром стало известно, что это неправда. Чудо не пришло.

В это же утро я оставил больницу. Люди, бывшие мне друзьями, перевезли меня к себе в дом и продержали у себя все те первые дни красного нашествия, когда была наибольшая опасность обысков, арестов и расстрелов. И хозяйка этого дома, со своими дочерьми, в напряжённой обстановке вечной тревоги, делала мне всё, что требуется от сестёр милосердия, всё самое неприятное и самое грязное. <...>

Многие могут вспомнить про то же. Таких храбрых русских женщин было немало и в Ростове, и в Новочеркасске, и всюду, где когда-нибудь шла война. Они спасали раненых в своих домах, умирали в лазаретах, перевязывали под огнём в лавах и в цепи. Я не уверен в том, чтоб были очень высокого качества мы, русские мужчины, но наши женщины, несомненно, самые самоотверженные и самые святые в мире [30].

8 февраля генерал Алексеев побывал в Новочеркасске, вероятно вызванный на проходящий здесь Большой Круг Дона. В его записной книжке осталась пометка без даты, о получении от Донского правительства 6 000 000 руб. но, очевидно, относящаяся именно к этому дню, поскольку на следующий день Добровольческая армия уже ушла из Ростова. Безусловно, часть этой суммы он передал генералу Лукомскому, так излагающему этот эпизод: «...Во время моего пребывания в Новочеркасске меня беспокоил

вопрос о том, как поступить с ранеными добровольцами, находящимися в лазаретах. Увозить их было некуда, а оставлять в лазаретах на растерзание большевиков было невозможно. Снесясь с генералом Алексеевым, я получил от него деньги, которые мною были переданы образовавшейся в Новочеркасске организации. Было решено перед приходом большевиков тем добровольцам, которые могут передвигаться, выдать на руки некоторую сумму денег и предоставить им самим как-нибудь устроиться в городе или в соседних станицах.

Тяжело же раненых и больных частью разместить на окраинах города у надёжных жителей, а часть под видом простых солдат оставить в лазаретах. Так и было сделано. Впоследствии выяснилось, что часть раненых офицеров из числа оставшихся в Новочеркасске была большевиками убита» [26, с. 297].

Вспоминает Вера Михайловна Алексеева-Борель: «Остаться в нашей квартире мы не могли, и наши хозяева решили нас отвезти к своим знакомым, ... имевшим маленький домик на окраине Новочеркаска. Но до этого надо было побывать в лазарете [ул. Ратная, 32. — Е. Х.], где я и сестра работали, раздать раненым присланные отцом деньги и как-то устроить их вне лазарета, в котором они, конечно, подвергались смертельной опасности.

Фактически в этом лазарете оставался только один тяжело раненый гардемарин, с раздробленной костью ноги. Его госпитальные сёстры перенесли в женское отделение госпиталя, где он благополучно пролежал всё время пребывания в городе большевиков.

Некоторых уже ходячих раненых взяли к себе в дома добрые казачки, до этого навещавшие их в лазарете. Некоторые, получив деньги, решили устраиваться самостоятельно. По великой милости Божьей никто из них не погиб» [31].

Одним из двух последних пациентов лазарета в областной больнице Войска Донского (ул. Базарная, 2) был морской офицер, лейтенант Балтийского флота Анатолий Петрович Ваксмут. «9-го февраля 1918 года. День ухода Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход. Весь этот день в нашей палате..., забитой до отказа ранеными, прошёл очень шумно и в волнении... Сестричка наша Шура Л. выбилась совсем из сил, помогая и снаряжая тех, кто мог ещё двигаться, и утешая остающихся. Шура не была сестрой милосердия, она была всего лишь гимназисткой местной гимназии и могла делать лишь то, что подсказывало ей её любящее сердце.

К вечеру всё стихло, как в палате, так и снаружи. Кто мог, сам ушёл, кого взяли

родственники, и только мы, два моряка — мичман [Черноморского флота. — Е. Х.] Вася Тихомиров, ещё совсем безусый мальчик, и я, — как две рыбы, выброшенные на берег, оказались в беспомощном положении. Весь медицинский персонал улетучился. Шура наша тоже ушла, и только рядом в комнате сигелки-казачки делились своими впечатлениями. Вася заметно волновался — у него нога была прострелена в двух местах, и он не мог ходить; мне же было как-то безразлично: разрывная пуля, разбившая моё левое плечо, оставила много осколков; эти осколки вызывали нагноение, подымалась температура, и чувство опасности притуплялось. <...>

Неожиданно подходит к нам сигелка, здоровенная казачка, хватает меня в охапку и, говоря: «За вами пришли!» — несёт меня вниз по лестнице на улицу. Вася прыгает за нами на одной ноге. У крыльца стоит ослик, запряжённый в санки, а на санях — большой мусорный ящик, какой-то мальчик лет пятнадцати держит ослика за уздцы. Сигелка кладёт меня в ящик, сверху залезает Вася, и мы двигаемся. Откуда-то из-за угла появляется наша Шура и говорит: «Я решила взять вас к себе».

Всё это произошло так неожиданно и быстро, что ни у меня, ни у Васи не было тогда

Анатолий Петрович Ваксмут в эмиграции. 1924 г. (Первые начавшие. М., 2018. С. 320)

никаких тревожных мыслей, а когда Шура привезла нас к себе в дом, где мы нашли чистенькие, приготовленные для нас кровати, уютную обстановку, пианино, на котором Шура что-то нам сыграла, то мы почувствовали себя, наконец, дома, забыв обо всём на свете» [32].

Моряки благополучно пережили власть большевиков. В июне 1918 года А. Ваксмут был назначен командиром парохода Донской флотилии.

Спустя два дня, 12 февраля, в Новочеркасск вошёл отряд революционных казаков Николая Голубова. Был разогнан Войсковой круг, заседавший в здании Судебной палаты (угол Платовского пр., 44 и ул. Атаманской, 13). Арестованы атаман генерал А. М. Назаров и председатель Круга, войсковой старшина Е. А. Волошинов. В городе начались повальные обыски, аресты, грабежи, расстрелы.

Не во всех лазаретах была проведена эвакуация и судьба раненых оказалась весьма трагична. Приведу фрагмент акта Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России.

«14 февраля банда матросов и красноармейцев, человек пятьдесят, частью пьяных, прибыли вместе с подводами к лазарету № 1 [Азовская площадь, 13. — Е. Х.], где лежало около ста офицеров и партизан, тяжело раненных и больных. Большевики ворвались в палаты и, нанося раненым оскорбления, начали выносить их на носилках в одном нижнем белье на улицу и грубо сваливать друг на друга в сани. День был морозный и ветреный, раненные испытывали холод и просили позволить им одеться, но большевики, глумясь, заявили: «Незачем, всё равно расстреляем», — причем ударили одного раненого по переломленной ноге шиною. По уходе большевиков в лазарете было обнаружено пустыми 42 койки. Часть больных скрылась, откупившись у большевиков за деньги, а остальные в тот же день были заколоты, изрублены и застрелены за городом и брошены без погребения.

Из числа погибших установлены фамилии 11 лиц ... в возрасте от 14 до 22 лет, офицеры, юнкера, кадеты и добровольцы» [33]. Агапов, Белосинский, Бублеев, Видов, Кузьмичёв, Марсов, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка Матвеев Георгий Артамонович, Соловьёв, капитан Черемшанский служили в Добровольческой армии; шестнадцатилетний Антонов Павел Михайлович из партизанского отряда полковника Чернецова; старший гардемарин Попов Александр Николаевич из партизанского отряда

Семилетова. *«Тогда же эти большевики разграбили не только вещи раненых, но и имущество лазаретного цейхгауза»* [33].

Генерал Денисов приводит следующие цифры: *«В лазаретах и госпиталях истреблено около 120 офицеров и 200 партизан»* [34].

Упомянутый выше подполковник Иван Алексеевич Поляков не успел покинуть город до прихода красных и стал свидетелем невероятно жестоких сцен на улицах поверженной донской столицы.

«Никак нельзя было найти ни объяснения, ни оправдания зверского отношения большевиков, даже к раненым офицерам и партизанам. Последних часто выволакивали на улицу пьяные солдаты и здесь же приканчивали. Иногда случались эпизоды, которые не выдумать ни одному романисту, как бы ни была велика его фантазия. Например: из больницы Общест[ва] донских врачей [автор ошибается. — Из лазарета № 1. Азовская площадь, 13 — Е. Х.] на носилках выносят раненых и складывают на подводы, чтобы вывезти за город и там расстрелять. Мимо проходит гама. Она умоляет красногвардейцев пощадить раненых. Красные нагло предлагают ей выкуп. — «Выкупите их у нас. По двести рублей за каждого», — говорят они. Дама поспешно роется в сумке и находит только 400 рублей, а обречённых 40 человек. Как быть?

— «Очень просто», — кричит красногвардеец — «выбирай любых двух». И сердобольной женщине пришлось «выбирать двух». Что выражали глаза раненых, когда среди них выбирались двое, чтобы остаться в живых. Остальные 38 человек были увезены за Краснокутскую рощу и там расстреляны [29, с. 140–141].

<...> Бесцельно бродя по городу, я однажды решил навестить подругу моей сестры. ... Потеряв родителей, она жила вместе с братом, далеко от центра, занимая хорошенький особнячок. <...> Между прочим, она призналась мне, что в одной из комнат её дома лежат два сильно искалеченных партизана, которых она 12-го февраля, в буквальном смысле слова, подобрала на улице и приютила у себя, рискуя сама за это жизнью.

— «Но разве можно было оставить этих несчастных юношей умирать на улице ночью» — сказала она. — «У них здесь нет никого, ни родных, ни знакомых. Подвода с ними случайно стала недалеко от моего дома. Возница бросил лошадей и сбежал. Несчастные громко стонали, но никто не решался оказать им помощь, боясь большевиков, уже входивших в город. Я сжалась над ними и когда наступила темнота, сама незаметно перетащила их к себе, обмыла

раны и перевязала их. Только один раз, я испытала ужасный страх, когда ко мне ворвалась ватага пьяных солдат. Они всюду шарили, всё перевернули в доме, отбирая лучшие вещи себе. Я не протестовала, и, готова была всё отдать и лишь ломала голову, какой придумать ответ, если красногвардейцы обнаружат комнату, где лежат раненые и потребуют её открыть. Не за себя я боялась, а за юношей, которых большевики не пощадят бы. Слава Богу, они не заметили этой двери, прикрытой ковром и потому всё обошлось благополучно. А теперь мои питомцы уже поправляются и я надеюсь, — добавила она, — скоро будут совсем здоровы».

Таких случаев, когда русская женщина проявила необыкновенное мужество, удивительную отзывчивость и заботливость в отношении раненых офицеров и партизан в Новочеркасске, я мог бы рассказать сотни [29, с. 134—135].

Подводя итог этой главе, мне кажется некоторое объяснение, но конечно, не оправдание многому дикому, случившемуся в те страшные дни, ёмко выразил поручик П. И. Кузнецов: «Гражданская война изменила у многих взгляды и выработала особый тип офицера, который мог зародиться только в то жестокое время, когда всё человеческое исчезает и вырываются на поверхность только звериные инстинкты и обе враждующие стороны соперничают одна перед другой в жестокостях...» [35].

Шёл в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год... (апрель – декабрь 1918 г.)

Советская власть продержалась в Новочеркасске около семидесяти дней. Причём с 1 по 3 апреля город захватывали казаки восставших станиц Кривянской, Заплавской, Бессергеновской и Раздорской, возглавляемые войсковым старшиной Фетисовым, но уже 4 апреля столица Дона была снова занята большевиками.

Рано утром 23 апреля Южная группа Донской армии под командованием полковника Денисова вошла в Новочеркасск. Красногвардейцы 24 и 25 апреля предприняли попытки отбить город, но подоспевший отряд полковника М. Г. Дроздовского, ударивший им во фланг, решил исход боя. В ходе упорных боёв за донскую столицу множество раненых стали заполнять лазареты. Но они были в ужасающем состоянии. Одним из первых обращений к горожанам стала просьба о помощи лазаретам.

«Лазареты г. Новочеркаска за время пребывания советской власти, вследствие расхищения народных средств приведены в

хозяйственном отношении в полное расстройство; довольствие больных и раненых воинов в лазаретах в настоящий момент находится в критическом положении, почему приглашаются к пожертвованию в пользу больных и раненых воинов продуктами и деньгами, которые принимаются в лазарете Общества донских врачей, Новочеркасском гарнизонном лазарете (Грушевская ул.) и Областной войска Донского больницы заведующими хозяйством указанных лечебных заведений. Начальник санитарной части Южной группы войск войсковой старшина Николаев» [36].

Одним из первых был открыт лазарет на западной окраине города в Краснокутской роще. «Отряд полковника Дроздовского устраивает для себя лазарет, заняв с этой целью помещенье санаториума для туберкулёзных. Организация лазарета идёт под руководством доктора А. С. Мануйлова» [37].

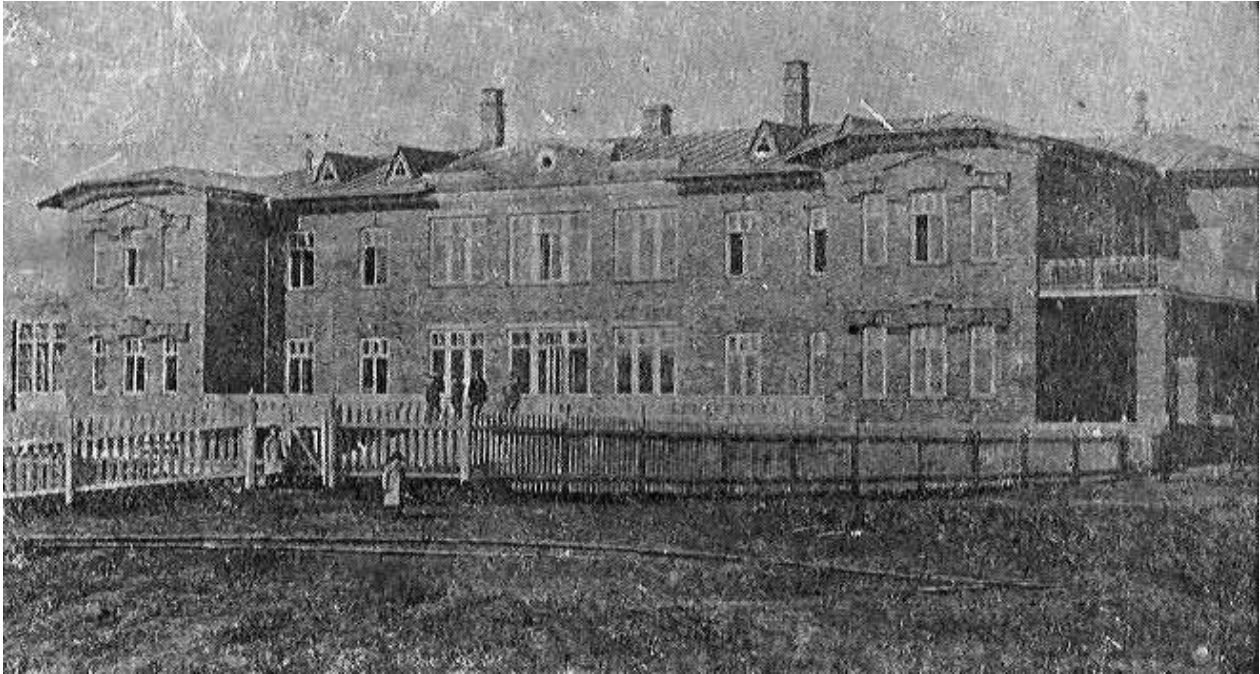
В эти же дни на Дон из «Ледяного похода» вернулась Добровольческая армия.

В своих воспоминаниях А. И. Деникин пишет: «30 апреля армия остановилась, наконец, на отдых в двух пунктах: станице Мечётинской (штаб армии и 2-я бригада) и Егорлыцкой (1-я и конная бригады), прикрываясь заслонами от большевиков и от... немцев. Первый Кубанский поход — Анабазис Добровольческой армии — окончен.

Армия выступила 9 февраля и вернулась 30 апреля, пробыв в походе 80 дней. Прошла по основному маршруту 1050 вёрст [4, с. 395]. Из 80 дней — 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами. Начала поход с 600—700 снарядами, имея по 150—200 патронов на человека; вернулась почти с тем же: всё снабжение для ведения войны добывалось ценою крови.

В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их ещё оставалось в строю; много было ранено по несколько раз [4, с. 396]. «Освобождение Новочеркаска гало мне, наконец, возможность отправить туда раненых. Хотя власти приняли их там не особенно ласково, заявив, что предпочли бы видеть полк здоровых добровольцев, хотя много ещё пришлось им испытать невзгод в обедневших и разорённых донских лазаретах, но всё это казалось счастьем, потому что было несравнимо с тем, что они вынесли в походе» [4, с. 394].

Лишь о двух из сотен случаев мужества раненых добровольцев, случившихся за эти 80 дней, рассказывает подполковник Пётр Терентьевич Зотов, участник 1-го Кубанского («Ледяного»)

Здание санатория в Краснокутской роще. Фото из личного архива Е. В. Халгаева

похода, командир роты в Офицерском (Марковском) полку, затем в 5-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка: «раненный в обе ноги с раздроблением костей реалист екатеринодарского реального училища (фамилии, к сожалению, не знаю), не желая уменьшать числа бойцов цепи, сам пополз к полотну железной дороги, куда приполз через несколько часов с винтовкой и найденной по дороге цинковой коробкой с 300 боевыми патронами. У полотна он оставался не подобранным сутки, — и вот когда я 24 марта в 2 часа ночи проходил с ротой по полотну, то услышал скромную просьбу подобрать раненого, если это будет возможным, — и когда его, истекающего кровью, укладывали на бурку, он просил не забыть его винтовку и цинковую коробку с патронами.

Другой случай: подпоручик (студент) Герман Дмитриевич Михайлов после двух одновременных и незалеченных ран шёл в новый бой; он по дороге обратился с такой просьбой ко мне и другим офицерам роты: «если меня серьёзно ранят, прошу не перевязывать и не выносить из боя, так как я сам застрелюсь, ибо не желаю увеличивать и без того большой транспорт раненых»; такое решение приняли и другие офицеры.

На другой день, 1 апреля, Михайлов был тяжело ранен в живот и незаметно для всех, в то время, когда к нему был послан санитар для перевязки, сам покончил с собою» [38]. Возможно, неизвестный екатеринодарский реалист выжил и был отправлен на лечение в донскую столицу в числе сотен своих товарищей.

Первого мая в Новочеркасск «прибыли 2 парохода из Мечётинской станицы с больными и ранеными из отряда Корнилова. Встречу их организовать не успели... партия раненых и больных, человек около 700. Кроме мужчин есть раненые и женщины — сёстры милосердия. По словам прибывших это не весь транспорт раненых. Их насчитывается свыше 1 тысячи человек. Значительность этого количества объясняется тем, что отряд выдержал около 50 боёв, не покидая своих раненых и больных, а забирал их с собой» [39].

К слову сказать, к этому времени в четырёх лазаретах Новочеркаска находилось всего 73 раненых и 164 больных [40].

Об этой поездке вспоминает рядовой боец Корниловского ударного полка Роман Борисович Гуль: «Едем [из Мечётинской станицы. — Е. Х.] на Маныцкую [так в тексте. — Е. Х.]. Все знают, что из неё на пароходе по Манычу и Дону в Новочеркасск. Чувствуется близость отдыха, все мечтают, что не услышат больше приближающегося свиста снарядов, трещащего переката ружей, стонов и переменят одежду, сплошь покрытую вшами.

День прожили в Маныцкой. На гругой — погрузка.

У берега Маныча — большой белый пароход, к нему прицеплена баржа. Раненых несут на руках, на носилках. Больные, легкораненые сами ковыляют, хромают. Пароход — погружен, засвистел, выпустил клубы чёрного дыма, поплыл...

Раненые сидят, лежат на палубе; бледны измученные лица; усталые глаза; шинели и разные шапки — всё рваное, грязное, измятое; ноги некоторых обвязаны тряпками вместо обуви.

Пароход выходит из жёлто-грязноватого Маныча в сине-голубой Дон. Дон сильным разливом затопил луга, леса. Речной простор его так широк, что глазом не окинешь.

<...> Далеко, на горе, горит золотом купол новочеркасского собора. Уже виден город. Подплываем к Новочеркаску. Причалили к берегу-улице...

Шедший народ останавливается. Смотрят на нас. С палубы кто-то махнул платком. Но толпа — случайная. Расходятся по своим делам.

На берег никого не пускают. “Почему?!” — “Да что это такое?!” — волнуются раненые.

“Господа, оказывается, нас не ждали здесь. И потому нам, по крайней мере, день придётся пробыть на пароходе. Доктор Родзянко поехал к атаману поговорить о нас”, — заявляет офицер из начальства.

Одни злобно ругаются. Другие — молчаливо задумались. Но раненых, могущих идти, удерживать нельзя.

Обязанные грязными бинтами, хромые, рваные, с тряпками, мешочками, с палочками, они уже сошли с парохода и ковыляют, идут в город.

На улицах прохожие останавливаются, удивленно смотрят на оборванцев и осторожно спрашивают: “Вы кто такие? откуда?” — “Корниловцы, из похода вернулись”. — “Ааа!” — тянут прохожие, спокойно ускоряя шаг...<...>

В Новочеркаске как будто ничего не менялось. Опять на чистеньких улицах мелькают разноцветные формы военных, красивые костюмы женщин, несутся автомобили, идут казацки части. Только раненые корниловцы явились диссонансом. Хромые, безрукие, обвязанные, с бледными лицами, идут они по шумящим, блестящим улицам...

Для раненых отвели лазареты в городе, и мы легли в Епархиальное училище [смешанный лазарет № 2. — Е. Х.]. Большое здание, почти на краю города, всё в зелени. Вдали виднеется бесконечная степь.

Все комнаты-палаты полны ранеными, больными. В палатах, коридорах суеются изящные сёстры и волонтерки.

В зелёном саду в синих, белых халатах раненые лежат, читают ростовские, новочеркасские газеты. Во всех одно и то же: “вернулись герои духа”, “титаны воли”, “горсть безумно-храбрых”, “воодушевлённых любовью к родине”...

Но в лазарете белья не хватает, некоторые спят без простынь и одеял. Какие-то мамы, девушки, девочки хлопочут о питании, но до сих пор вместо хлеба за обедом дают хлебные крошки.

В Ростове пущен лист сбора пожертвований в пользу “героев”, от ростовского купечества собрано... 470 рублей, а раненых прибыло всего тысячи две.

Чаще, чаще у дверей Епархиального училища появляются женщины с взволнованными лицами. Они останавливают встречных раненых,

Женское епархиальное училище на пр. Платовском 21. Фото с сайта novoчерkassk.net

спрашивая грожающим голосом: «Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы... он маленький такой, брюнет... не здесь ли он?»».

Лица у них исстрадавшиеся, в глазах слёзы, губы дёргаются. Это матери разыскивают своих детей.

Одни из них находят, другие узнают о смерти, третьи ничего не могут узнать. И все они плачут, не в силах сдержать ни своей радости, ни горя, ни страшной неизвестности» [21, с. 153 – 157].

5 мая избранный накануне «Кругом спасения Дона» новый донской атаман генерал-майор П. Н. Краснов издал Приказ № 21 по войскам Южной группы. В нём в частности было сказано:

... «§3 о немедленном командировании в санитарное управление сестёр милосердия для наложения печати на повязки; исключению не подлежат врачи и сестры милосердия добровольческой армии. Не имеющие печати будут арестовываться.

§4 Предписываю начальнику гарнизона немедленно учредить урядничьи посты в военных госпиталях, лазаретах и больницах, а именно при больнице Общества донских врачей, в областной больнице Войска Донского, в лазарете № 2 [в Епарх[иальном] уч[илище]. — Е. Х.], в лазарете № 3 [в Духовном уч[илище]. — Е. Х.] и в гарнизонном госпитале [на Грушевской улице. — Е. Х.].

Караулу вменяется в строгую обязанность следить за порядком вблизи перечисленных лечебных заведений, а также, чтобы никто, без разрешения коменданта или начальника госпиталя не входил в помещения больных.

§5 ...назначить комендантов из числа офицеров, не могущих носить оружие» [41].

По некоторым данным, в эти дни Добровольческая армия выделила на содержание лазаретов до 250 000 рублей. Вероятно, раненые и больные Добровольческой армии располагались в лазарете № 2, устроенном в помещении женского епархиального училища — Платовский проспект № 21 (ныне № 37, учебный корпус № 3 НГМА). И через несколько дней после прибытия воинов-корниловцев поступило первое пожертвование. «На нужды раненых воинов лазарета № 2-й поступили пожертвования в 500 и 25 руб. Жертвователи пожелали остаться неизвестными. За оказанную помощь, жертвователям приносим глубокую благодарность» [42]. Снова, как и четыре года назад, комплектация лазаретов во многом зависела от частных пожертвований горожан.

«В Новочеркасске вновь открыты шесть военных лазаретов в коих сосредоточены раненые

и больные защитники поруганной веры, свободы казачества злодеями без совести и сердца.

Лазареты после разгрома красными бандами поистине сильно нуждаются в подушках, простынях, полотенцах и посуде, не говоря уже об ужасных недостатках в других отношениях.

Всё управление санитарной части убедительно просит население города помочь нашим беззаветно-храбрым, доблестным защитникам Донского края кто чем и в какой мере может.

Пожертвования принимаются в Управлении санитарной части, помещающемся в бывшей канцелярии Войскового наказного атамана, Платовский № 50 от 9 до 18 часов. Начальник санитарной части, войсковой старшина Николаев [43].

В том же номере газеты опубликован ещё один крик о помощи:

«Доблестные защитники Дона и Родины терпят крайнюю нужду в верхней одежде и белье. Просят отзывчивых граждан пойти навстречу этой нужде пожертвованиями вещей и денег.

Пожертвования принимаются ежедневно в «Чашке Чая», помещающейся в Офицерском собрании, угол Московской и Комитетских улиц [43].

Через несколько дней газета снова обращалась к горожанам: «В настоящее время в городе находится около 1200 раненых, преимущественно Корниловской армии. Многие из них легко раненые не могут выходить из лазаретов, ввиду отсутствия одежды. Особенная нужда ощущается в обуви и брюках. Обращаем особое внимание на это печальное обстоятельство граждан г. Новочеркасска, чтобы возможно скорее прийти на помощь несчастным» [44].

В другой заметке, опубликованной несколькими днями ранее, отмечалось: «Одежда у всех [корниловцев. — Е. Х.] пришла почти в полную негодность, многие совершенно не имеют белья; некоторые больные за неимением верхней одежды прибыли закутанными в одеяла. Особенно нуждаются в белье сестры милосердия. <...> Дамы должны немедленно начать сбор белья и одежды, особенно белья. На помощь должны прийти все, в особенности те счастливицы, у кого красногвардейцы не отобрали белье» [45].

Действительно, эта проблема была невероятно остра. Как вспоминал подполковник П. Зотов: «Добровольцы по неделям не умывались и совсем не знали бани, по месяцам не имели белья, а часто ходили и вовсе без него, надевая на голое тело меховой полушубок, избилующий насекомыми» [38].

Известный издатель и журналист Борис Алексеевич Суворин описывал свой приезд

в Новочеркасск после Кубанского похода: «Я пошёл по улицам купить себе белья. Я был в ужасном виде. В рваных штанах, в рваном пиджаке без пуговиц, в толстой фуфайке на голое тело, в рваных сапогах, потрёпанных крагах и в громадной папахе.

Увы, все магазины были закрыты. Я грустно вернулся к себе в гостиницу. Положение моё ухудшалось тем, что я вовсе не был уверен, что по мне не поползёт какое-нибудь отвратительное животное» [46].

И это касалось всей армии, не исключая командного состава. Забавный эпизод, имевший место в первые дни возвращения из «Ледяного» похода приводит поручик Александр Рудольфович Трушнович. «У единственного портного станицы Мечётинской [в которой располагался штаб Добровольческой армии — Е. Х.] образовалась “генеральская” очередь. Первым заказал себе брюки генерал Деникин. Вторым, минуя генералов, полковник Кутепов, ибо ему угрожало оказаться в том виде, в каком на известном изображении восседает казак на бочке» [47].

Одной из проблем Новочеркаска, как тылового города, в котором скопилось громадное число военных, прошедших долгие кровопролитные бои и желающих хоть ненадолго окунуться в мирную жизнь со всеми её прелестями, стало пьянство. Бесчисленные кафе, винные погреба, шашлычные, бильярдные мгновенно ожившие после изгнания красных, были полны, спиртное лилось рекой. «Атаман строго преследовал пьянство, и офицеров, замеченных в нетрезвом поведении, увольнял вовсе от службы без мундира и пенсии. И он, и особенно командующий Донской армией генерал-майор Денисов требовали не только полного соблюдения воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, насколько позволяли обстоятельства, одежды и благопристойного поведения в общественных местах. Разлад между Доном и Добровольческой армией начался с мелочей и пустяков, но вылился в тяжёлые формы...» [48, с. 27 — 28].

«Обе столицы Донского войска, Ростов и Новочеркасск, стали тылом Добровольческой армии [48, с. 24]». «В тылу лазареты с врачами, санитарным персоналом и сёстрами. В тылу любовь и ревность. Раненые и больные часто бывают капризны и требовательны и на правах раненых и больных позволяют себе весьма многое, оскорбляющее тех здоровых, которые отдали себя на служение им. Но настоящие раненые и больные не в счёт, им это охотно прощают, но в лазаретах всегда бывает известный процент таких раненых, которые никогда ранены не были, таких больных, болезнь которых не

найдёт и не определит самый искусный врач. Эти “раненые” и “больные” приносят вино в лазареты, эти “раненые” и “больные” до глубокой ночи шатаются по городу, горланя песни, и управы на них нет нигде. Что может им сделать дежурная сестра, которая сама их безумно боится? Так было во всех армиях, так было и в Добровольческой армии. В Добровольческую армию вместе с идейными юношами шли шкурники, и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск. И вот начались те тяжёлые отношения между Доном и Добровольческой армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону, настроению» [48, с. 25 — 26].

Из приказа коменданта города войскового старшины Грекова «Всем врачам, находящимся в городе Новочеркасске, предлагаю воздерживаться от выдачи рецептов на вино, давая таковые в крайних случаях и действительно для больных, направлять их в комендантское управление для засвидетельствования. Врачи, злоупотребляющие выдачею рецептов на вино, будут привлекаться к законной ответственности» [49].

Но обитатели лазаретов не унывали: «Тяжело больные палаты №16 лазарета [№ 2. — Е. Х.] при епархиальном училище просят граждан города Новочеркаска прислать несколько бутылок виноградного вина, крайне необходимых для поправки здоровья» [50].

Поскольку воинские лазареты были переполнены, пришлось обратиться к опыту четырёхлетней давности. Осенью 1914 года при схожей ситуации, было разрешено, к большой радости городских обывателей, временно размещать легкораненых воинов на частных квартирах. Однако, эксперимент продлился недолго и по мере открытия всё новых лазаретов, необходимость в «домашних госпиталях» быстро отпала. В мае 1918 года всё повторилось снова.

«Вследствие большого количества раненых, прибывших из отряда Корнилова, получивших ранения за весь поход его, и невозможности всех поместить в существующих в городе больницах и лазаретах является необходимым легко раненых поместить по частным квартирам. Преписьваю квартальным старостам... доставить письменные сведения... о числе кроватей для раненых в своём квартале с указанием адресов.

Комендант гор. Новочеркаска, войскового старшина А. Греков» [51].

В свою очередь, войсковой атаман требовал немедленного освобождения помещений, планируя разместить в них новые лазареты.

«Коменданту города приступить к освобождению от постоя, занятых воинскими частями общественных учреждений, учебных заведений, гостиниц и частных квартир, перевесть части в бараки на Хотунке. Там же совместно с полковником Жученковым и представителем Красного Креста, Добровольческой армии устроить лазареты для раненых и освободить все занятые ранеными частные и казённые помещения» [52].

И снова очередное обращение, на этот раз к женщинам города.

«В зданиях епархиального женского училища и мужского духовного училища открыты лазареты для раненых воинов. Малочисленный санитарный персонал выбивается из сил под тяжестью работы. Необходима помощь со стороны общества для упорядочения хозяйственной части лазаретов. Необходим женский труд для разливки кушаний, мытья посуды и т. п., как жертва в пользу раненых и больных защитников родины» [53].

Продолжали поступать частные пожертвования в пользу больных и раненых в воинских лазаретах. Об их размере и уровне достатка жителей можно судить по следующим цифрам сборов в различных районах города. Максимальная сумма — 520 руб. 25 к. собрана в квартале у церкви Донской Божьей Матери [рядом с Донским политехническим институтом, ныне ЮРГПУ (НПИ). — Е. Х.]; в достаточно престижном квартале Аксайской улицы между Крещенским и Атаманскими спусками — 371 руб. 65 к.; но вот квартал по Куричьей балке с бедным населением дал только 77 руб. 10 к., 10 штук яиц и кусок сала; не менее бедные жители квартала окраинной Северной улицы собрали лишь 31 руб. 62 к. и трое кальсон [54].

Существенные сборы поступили от православных храмов города. «С благословения архиепископа Митрофана за богослужениями 5, 6, 8 и 9 мая в городских церквах был произведён сбор денежных пожертвований на нужды раненых защитников Дона. Сбор дал 2142 руб. 86 коп. [55]. Газета сообщала, что «сбор будет производиться в течение месяца».

Сумма, кстати, довольно значительная. На эти деньги можно было купить 36 пудов муки или 357 пудов картофеля. Фунт (400 г.) творога в эти майские дни стоил 1 руб. 60 коп., фунт судака — 45 копеек, за десяток яиц просили 3 руб. 50 коп.

За два воскресных дня 13 и 20 мая эта сумма увеличилась ещё на 1033 руб. 9 коп. [56].

От председателя Покровско-Дмитриевской старообрядческой общины поступило 150 руб. Напомню, что единственный старообрядческий храм в Новочеркасске находился на Почтовой (ныне Пушкинской) улице напротив Александровского сада.

В целом, обстановка с продуктами в Новочеркасске к 11 мая была следующая. «Хлеб выдётся по 1/2 ф. на карточку. Вместо хлеба можно получить муку... по 5/13 ф. на душу. Муки и зерна у города имеется на 5 дней. Ожидаются новые поступления зерна. Получено 2 вагона соли, благополучно обстоит вопрос с маслом и мылом. Сахару нет и возможности получения его не предвидится» [57].

Вспоминая весьма действенный опыт осени 1914 года, были возобновлены обходы квартир горожан для сбора помощи раненым и больным. Беда была в том, что слишком уж рознилось благосостояние новочеркасцев сейчас и четыре года назад.

«Граждане! Если мы пользуемся сейчас свободой, если мы живы и дышим спокойно и имеем кое-что, что уцелело от грабежей, то всем этим мы обязаны нашим защитникам, освободившим нас и освобождающим теперь Дон от убийц и грабителей. Среди этих защитников много раненых, нуждающихся в предметах первой необходимости, белье, подушках и матрацах. Доставить всё необходимое для них по мере сил и возможности наш прямой долг и наша святая обязанность.

В пятницу 11-го и субботу 12 мая, каждую квартиру пройдут наши сборщики с просьбой пожертвовать в пользу защитников Дона. Жертвуйте, кто что может и сколько может. Помогите больным и раненым героям! Пожертвование деньгами принимается в Обществе торговых казаков [угол Московской и Комитетской улиц. — Е. Х.] Комиссия по сбору пожертвований» [58].

В те же два дня «на оборудование лазаретов для раненых и больных защитников Дона, торгово-промышленным обществом собрано... следующее пожертвование: деньгами 5163 р. 42 к. и вещами: подушек — 144 шт., рубах — 283, кальсон — 193, носков — 169 пар, полотенце — 173 шт., вилок — 143 шт., мыла — 90 куск., простынь — 97 шт., наволочек — 50, платков носовых — 62, ножей — 74, ложек столовых — 77, стаканов — 38, чаше — 24, тарелок — 255, блюдец — 69, ложек чайных — 72, тарелок — 20, салфеток — 22, тужурок — 14, муки — 20 пуд., сала свиного — 24 фун.» [59].

Трогательно выглядят следующие строки в газете. «В редакцию «Донского края» поступило пожертвование от детей Комитетской

улицы, собравших в пользу больных и раненых защитников Дона 88 р. 9 коп. Пожертвование от детей раненым в редакцию «Донского края» от: Лили, Вали, Коли, Шуры и Иры 38 руб.» [60].

Ещё одна распространённая в прошлом форма сбора пожертвований была возобновлена в Новочеркасске. «Концерт, устроенный артисткой государственной оперы Г. И. Никитиной в зале офицерского собрания в пользу раненых и больных воинов Добровольческой армии, принёс чистый доход в сумме 8700 р. и был перенесён под расписку начальнику лазарета Добровольческой армии Николаю Михайловичу Родзянко [сыну М. В. Родзянко, бывшего председателя Государственной думы. — Е. Х.] для обращения на наиболее насущные нужды воинов [61].

Вспомнили о необычайно популярных и в довоенные годы лотереях, проводимых, как правило, по различным поводам, но чаще всего в помощь неимущим учащимся многочисленных городских учебных заведений. Так на Троицу в летнем помещении городского клуба состоялась лотерея в пользу всех раненых и больных воинов, находящихся в Новочеркасске.

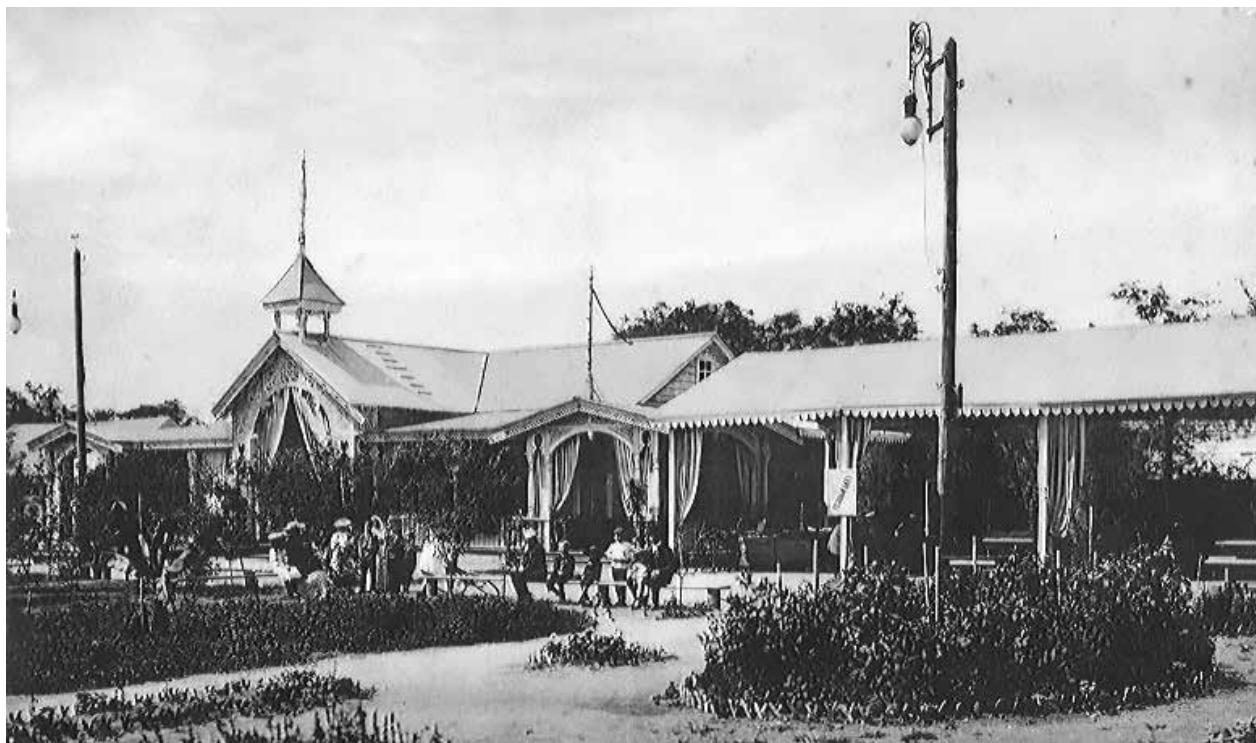
Кроме горожан, станичники старались помочь столичным лазаретам. «От Белинского и Вихлянского хуторов Николаевской станицы доставлено муки 63 пуда, 832 шт. яиц, сала 1 п. 33 ф., сухарей 18 ф., носки шерстяные, подушка, полотенца или полотно и деньгами 1314 р.» [62].

15 мая в станице Манычской состоялось совещание командования Добровольческой армии генералов Алексеева и Деникина с донским атаманом генералом Красновым. В ходе длительной беседы, в частности, «Добровольческая армия потребовала устройства лазаретов и госпиталей, этапных пунктов и вербовочных бюро в Ростове и Новочеркасске, потребовала оружия и снаряжения и взяла заимообразно 6 миллионов рублей у Донского войска, обязуясь обеспечивать тыл Донского войска со стороны Кубани» [48, с. 23 — 24].

Спустя две недели эта договорённость стала исполняться, поскольку началась подготовка ко второму Кубанскому походу. Офицеры, солдаты и добровольцы Корниловской добровольческой армии, находящиеся в Новочеркасске на частных квартирах и в лазаретах и числящиеся в слабосильной команде, обязаны были явиться для регистрации в Епархиальное училище к начальнику слабосильной команды не позже полдня 23 мая.

Добровольческая армия отзывала своих воинов из Ростова и Новочеркаска, отправляя в эти города новый транспорт раненых.

Полковник Генерального штаба, начальник связи 17-го корпуса 5-й русской армии Андрей Васильевич Черныш вспоминал: «31 мая я выехал в Добровольческую армию. <...> Верстах в десяти от Мечётинской обогнали огромный обоз обывательских подвог, пустых. Потом

Городской клуб на пр. Платовском 38. Фото с сайта novoчерkassk.net

узнали, что обоз шёл в Мечётинскую по наряду местных сельских и хуторских властей, по требованию командования армии. Население слушалось, подчинялось и несло эту неприятную для него повинность, и особого ропота не приходилось слышать. Подводы вызывались в Мечётинскую для вывоза раненых. Часов в пять, когда мы подъезжали к цели нашего путешествия, из станицы вытянулся глинный обоз повозок до 50 с ранеными. Мой попутчик даже решил, что где-то поблизости, значит, был "боишка", как он выразился, которые нередко здесь случались, так как вокруг района, занятого Добровольческой армией, часто обнаруживали себя небольшие отряды большевиков, в их наступательных попытках, особенно в районе с. Гуляй Борисовки и с. Средне-Егорлыкское (Лежанка). Раненые, поэтому, хотя и в небольшом числе, но бывали почти каждый день. Но в данном случае мой спутник оказался неправ: это была предписанная командованием армии эвакуация всех раненых из района армии, чтобы сбить их в глубокий, безопасный тыл — Новочеркасск, Ростов — перед предстоящей операцией армии» [63].

Этим обозам предстоял долгий путь, поскольку с 20 мая в донскую столицу перестали приходить пароходы. Весеннее половодье закончилось, река Аксай снова обмелела и новочеркасская гавань закрылась до следующей весны.

В июне — июле обе армии, молодая Донская и закалённая в боях Добровольческая вели ожесточённые сражения на двух фронтах: на севере Донской области и на Кубани. Фронт уходил всё дальше от Новочеркаска, но лазареты оставались переполненными. В конце июля донской атаман снова обратился к женщинам Дона с просьбой о помощи. «Кровопролитные бои при окончательном очищении Хопёрского и Усть-Медведицкого округов, жестокие бои под ст. Ляпичёво, бои при изгнании большевиков из Мартыновки, страшные битвы Добровольческой армии под Тихорецкой и Кавказской — оставили на поле чести многих воинов, мученический венец за ближних принявших и многих и многих раненых и искалеченных людей. Эти страдальцы за нас многими тысячами направлены в лазареты и госпитали. Войско Донское должно их, сражавшихся за нас, накормить, перевязать, лечить и дать им покой и уход. Всё, что может, оно даёт, но при той страшной разрухе, которая осталась после господства народных комиссаров, при том полном застое промышленности, который царит повсюду, правительство Войска Донского при всем желании не

может приютить, как следует, всех тех, кто проливает кровь свою за свободу Земли Донской и кто страдает теперь, не имея: ни мягкого матраца, ни подушки, ни простыни, ни смены чистого белья, ни стакана для воды, ни чашки для щей.

К Вам, гонские казачки, к Вам, матери и сёстры, жёны и невесты, к Вам, дочери наших святых страдальцев, обращаюсь я с просьбой — помогите...

Если Вы спите на трёх подушках, отдайте одну тем, кто дал возможность спать спокойно... Если у Вас есть лишний матрац — отдайте тем, кто раненым, гноящимся телом лежит на голых досках... Если у Вас есть лишняя простыня — пошлите её тем, кто лежит на грубом, ничем не прикрытом мешке... Их бельё изорвано снарядами, пропитано потом, гноем и кровью, в нём сидят насекомые, которых Вы никогда не видели — платяные вши. Их надо переодеть... Принесите хотя бы одну смену белья своим братьям, своим женихам, своим мужьям, сыновьям и отцам своим...

Пришлите посуду... Принесите не нужные Вам занавески и скрасьте женским уютом свою холодную казённость барачных стен.

Помогите сёстрам. Они изнемогают в трудах и страдают от бессилия своего помочь, ибо ничего нет... И неоткуда взять... Приходят раненые... Некуда положить... Без стога, печальными глазами глядят казаки и добровольцы на сестёр и лежат часами на голом полу, на голых досках... Деньгами тут не поможешь, слезами не зальёшь страданий. Нужна помощь предметами.

Несите подушки, бельё, матрацы и простыни; несите стаканы, несите тарелки на помощь больным и раненым, несите медикаменты и перевязочные материалы и инструменты.

Вы украшаете свои гостиные и приёмные, Вы устраиваете праздники с цветами и пением — придите в голые стены бараков и украсьте их своей женской рукой.

Пожертвования свавать: Главному военному санитарному инспектору — Платовский пр., Военно-санитарное управление. Кому трудно доставить, пусть напишет открытое письмо врачебно-санитарному инспектору и за жертвованием будет послана повозка или посылные. Раненые не забудут ваших забот о них. Донской атаман, генерал-майор Краснов» [64].

25 сентября в Екатеринодаре скончался генерал от инфантерии М. В. Алексеев. В память об основателе Добровольческой армии донской атаман 26 октября приказал присвоить лазарету № 7 на Соборной площади имя Михаила

Здание бывшего пансиона Чертковой на Соборной площади, 14. Фото из личного архива Е. В. Халдаева

Васильевича, положившего последний год своей жизни на бесконечные заботы и хлопоты о своём детище. В приказе № 1331 28 октября 1918 года было отмечено, что именно в лазарет № 7 «как служивший преимущественно для лечения добровольцев, и впредь раненых и больных чинов Добровольческой армии направлять преимущественно в этот лазарет» [65].

В тот же день атаман посетил и два других городских лазарета — № 1 и № 2 и отметил, что их главным недостатком «является скученность больных и раненых <...> заставляющая держать тяжело больных, беспокойных в одних палатах с больными и ранеными, нуждающимися в полном покое. В лазаретах № 1 и № 2 воздух очень тяжёлый и спёртый. Вентиляция в помещениях недостаточна, напротив в лазарете № 7 из-за неисправности печей и отсутствия угля холодно.

При той массе больных, раненых, которые находятся теперь в Новочеркасске, трудно надеяться на разгрузку лазаретов в ближайшее время <...>

Бельём эти лазареты более или менее удовлетворены, лучше других пополнен лазарет № 2, который и по благоустройству своему производит наиболее благоприятное впечатление, хуже содержат лазарет № 7, где слишком скучены больные и где много выздоравливающих, но не окрепших больных вносят беспорядок в лазаретную жизнь».

Донским атаманом были даны поручения по снабжению выздоравливающих тёплой

одеждой при отправлении в части и решения проблемы отсутствия денежного довольствия у многих, находящихся в лазаретах.

«Очень помогла лазаретам частная благотворительность, при помощи которой многие лазареты вышли из того ненормального тяжёлого положения, в котором они находились. Но нужда в белье и марле ещё велика. Раны гноятся и портят бельё, марли не хватает прикладывать к сочащимся кровью ранам. Часто не приходится сделать перевязки лишь потому, что нет свежей марли, не во что одеть раненого.

Да не оскудеет рука дающего помните всегда, граждане Новочеркаска, помните тогда, когда вы веселитесь, когда одеваете новое платье, или свежее бельё, когда садитесь за сытный обед, помните, что недалеко от вас есть маленькие душные комнаты и с восемью, десятью тесно поставленными постелями и на этих постелях лежат те же люди, которые защищали вас, иные лежат третий месяц без движения, иные уже шесть месяцев не покидали коек, многие и теряли за это время руку или ногу и пережили страшную драму сознания того, что они стали калеками. Не забывайте же их» [65].

Призывая горожан помочь раненым, в частности, книгами и табаком, а в целом вниманием и заботой, донской атаман особо выделил находящихся в лазаретах офицеров Добровольческой армии, у которых «здесь нет никого близкого и родного... Как хорошо было бы, если бы каждый свободный гражданин или гражданка Новочеркаска избрали бы себе в лазарете одного из таких раненых и выказали бы к нему не только формальное, но сердечное участие, заходя, навещая его и балуя тем, что нет в лазарете, что невозможно гостить» [65].

Частная благотворительность в Новочеркасске в эти трудные времена, в целом не прерывалась, однако не превышала, зачастую, десятка рублей. Тем солиднее выглядел дар приходского совета Никольской церкви, пожертвовавший в комитет по сбору и распределению пожертвований в пользу раненых и больных воинов 1385 руб. 81 коп. На эту сумму можно было купить почти 200 вёдер картофеля, либо 395 кг. говядины, либо 40 кг. сливочного масла. Возможно, читателя удивит десятикратное соотношение килограмма говядины к килограмму масла. Но цены на основные продукты в октябре-ноябре, действительно не поддавались логике. Фунт (400 г.) белого хлеба стоил в среднем 1 руб. 20 коп, а баранины 1 руб. 50 коп., но за 10 штук моркови или крупного лука просили 5 руб., за фунт топлёного масла 16 руб., за десяток яиц 7 руб. [66].

Возвращаясь к деятельности комитета по сбору и распределению пожертвований в пользу раненых и больных воинов, замечу, что по некоторым данным его председательницей в то время была вдова великого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева — Анна Ивановна (в девичестве Попова, донская казачка из Урюпинска). Сообщая о щедром даре приходского совета Никольской церкви, она напоминала, что *«пожертвования вещами и деньгами принимаются в народной читальне, Почтовая улица (ныне ул. Пушкинская, 16) от 11 до 1 часу дня. Там же покупается всякое бельё — новое, старое и самое ветхое на бинты»* [67]. Несколько ранее Анна Ивановна провела вечер в зимнем помещении Городского клуба в пользу больных и раненых воинов, чистый сбор составил 4599 руб. [68].

Приближалось Рождество Христово, праздник испокон веков в России отождествлявшийся с радостью, тихим семейным торжеством возле нарядно украшенной ели. Несмотря на все трудности, переживаемые Доном в тот страшный год, нельзя было забыть о пациентах лазаретов, многие из которых уже пятое Рождество встречали вдали от родного дома и семьи. *«Для оказания помощи раненым и больным защитникам Дона... был организован сбор пожертвований по Ведомству отдела финансов Всевеликого войска Донского. «... Служащие и учреждения Ведомства... отнеслись с редким сочувствием к нуждам героев-страдальцев... Пожертвования стали поступать от них и в виде единовременных взносов, и в виде ежемесячных процентных отчислений служащими из своего содержания, и по организованному ими сбору пожертвований по подписным листам. В течение ноября месяца... поступило 133 768 руб. 54 коп. Из этой суммы отчислено: 1. На Рождественские подарки защитникам Дона, находящимся на фронте 50 000 руб.; 2. На устройство Рождественской ёлки в лазаретах г. Новочеркаска 25 000 руб.; 3. На нужды общежития для выздоравливающих воинов—защитников Дона в распоряжение попечительницы общежития Марии Ивановны Абрамовой 5000 руб.»* [69].

Такие же суммы были переданы попечительницам лазаретов: № 1 — В. Н. Кутейниковой; № 2 — Е. В. Рыковской; № 3 — М. Н. Скачковой; № 7 — А. И. Менделеевой; № 8 — Е. А. Ознобишиной; № 9 — М. Г. Дроновой. Попечительницам же лазаретов: № 5 — А. И. Болдыревой передано 6000 руб., и № 6 — В. И. Чеботарёвой 3000 руб. *«На нужды раненых и больных воинов Добровольческой армии в распоряжение генерал-лейтенанта Эльснера 10 000 руб.; На нужды*

О-ва Белого Креста [70]: в распоряжение Марии Ивановны Абрамовой и Марии Гавриловны Дроновой 4000 руб.» [69].

Забавное продолжение истории с «ёлочными деньгами» случилось спустя четыре месяца. В феврале 1919 года в отставку подал донской атаман генерал-лейтенант Краснов в знак протеста против решения Войскового круга снять с поста командующего Донской армией генерала Денисова. Новый донской атаман генерал-лейтенант А. П. Богаевский в нескольких своих приказах не только провёл корректировку некоторых распоряжений своего предшественника, но, похвалил инициативу отдельных военных чиновников (что несколько неожиданно для строгих рамок армейской дисциплины), изменивших (пусть и из лучших побуждений) приказы начальника. Как оказалось, *«писаря всех управлений, подчинённых Главному начальнику военных снабжений, по общему своему согласию, отпущенные им... генералом Денисовым на устройство ёлки деньги в сумме 300 руб. обратили на покупку белья для больных и раненых воинов»*. Новый атаман и новый командующий Донской армией генерал-майор Сидорин от своего лица и от армии принесли сердечную благодарность писарям *«за их патриотический поступок»* [71].

Подводя итог этой главы, посчитал необходимым составить список лазаретов, работавших в Новочеркасске в мае — декабре. Это оказалось непростой задачей. В фондах ГАРО находится документ «Список лазаретов Новочеркаска» [72, л. 1], при описи оцифрованных дел отнесённый к 1918 году (на самом документе дата отсутствует). При внимательном изучении этого списка, оказалось, что он относится к весне 1919 года. Поэтому окончательный список на декабрь 1918 года пришлось составлять на основании точно датированных документов. Таковыми явились данные, подаваемые главными врачами о количестве мест во вверенных им лазаретах. При составлении списка использовались сведения от 28 мая, июля — августа и ноября — декабря.

К концу 1918 года в донской столице работали следующие лазареты: № 1, — в доме Общества донских врачей, ул. Ратная, 32; профиль — хирургия, мест — 180 (в т. ч. 30 кроватей, пожертвованных частными лицами). Главный врач М. И. Карпов, 5 врачей, 2 фельдшера, 17 сестёр милосердия [73]; № 2 — Всевеликого войска Донского в здании Епархиального училища, пр. Платовский, 21; смешанный, мест — 700. Старший врач Пономарёв, 11 врачей, 8 ординаторов, 12 фельдшеров, 27 сестёр милосердия, управляющий аптекой; № 3 — в здании Духовного училища, (пр. Ермаковский,

Здание Мариинского детского приюта ул. Александровская, 67 (ныне 121). Фото из коллекции П. Волкова

18), мест — 200; Так же — № 3 Гарнизонный лазарет в бараках на Грушевской ул. (между № 57а и № 59); возвратный тиф, мест — 300. Старший врач А. В. Евсеев (ранее надворный советник А. В. Борисов), 6 врачей, 4 фельдшера, 5 сестёр милосердия, управляющий аптекой; № 4 — в доме Дронова на углу Крещенского сп. 2 и Госпитального пер.; холерный,

впоследствии сыпной тиф, мест — 50. Старший врач В. А. Александров, фельдшер, 10 сестёр милосердия; № 5 Всевеликого войска Донского, бывшая гостиница Сидорова «Яр» Барочная, 36; возвратный тиф, мест — 180. Старший врач А. А. Сладков (позже А. А. Попов), 2 ординатора, фельдшер, 12 сестёр милосердия; № 6 — в здании дешёвой столовой на Азовской

Вид на церковь Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радости» на Новочеркасском подворье Старочеркасского женского Ефремовского монастыря. Фото из личного архива Е. В. Халдаева

пл., 13; сыпной и возвратный тиф, мест — 80. Старший врач статский советник А. С. Пустынников, 1 фельдшер, 3 сестры милосердия; № 7 имени генерала Алексеева — бывший пансион Чертковой на Соборной пл., 14; хирургия, мест — 110. Старший врач И. Н. Малышев, 2 ординатора, фельдшер, 4 сестры милосердия; № 8 — в здании приюта для глухонемых детей на Троицкой пл., 8; сыпной тиф, мест — 175. Врач В. А. Александров (ранее А. И. Эберт), фельдшер, 5 сестёр милосердия; № 9 — в здании Мариинского детского приюта ул. Александровская, 67; хирургия, 250 (100 кроватей пожертвованы П. С. Цыкуновым). Главный врач И. И. Сергеев, 4 ординатора, 2 фельдшера, 11 сестёр милосердия. Впоследствии переведён в Чертково [72, л. 3]; № 10 — в бараках близ кирпичных заводов на западной окраине города; дизентерия и холера, мест — 280. Старший врач Громаковский, 4 ординатора, 8 фельдшеров, 7 сестёр милосердия.

Лазареты без номеров: при областной больнице Войска Донского, Базарная ул., 2; оспенное и венерическое, мест — 260. Заведующий — статский советник Савин. В штате 9 врачей; Больница для иногородних, Соляной пер., 9; смешанный, мест — 70. Нет штатных врачей. Возвратный тиф; При монастырском подворье Новочеркасского женского монастыря, угол Крещенского сп. и Госпитального пер.; терапия и лёгочная хирургия, мест — 10. Врач Михайлов А. Я.; В помещении Богоугодных

заведений, ул. Барочная, 21; душевные болезни, мест — 97. Исполняющий должность старшего врача П. П. Головачёв, младший врач, 4 фельдшера. Первый областной челюстной лазарет открыт 3.06.1918 в доме Ю. И. Култышкиной, ул. Московская, 4; мест — 10 [74].

Под дамокловым мечом тифа. 1919 год

В наступившем году Донская и Добровольческая армии вели ожесточённые бои и всё острее становилась проблема нехватки мест в лазаретах Новочеркаска. Командующий армиями и флотом Генерального штаба генерал-лейтенант Денисов обратился за помощью к обывателям:

«Больные и раненые в лазареты пребывают. Лечебные заведения переполнены. Для освобождения в них мест для приёма новых раненых и больных я приказал оборудовать в городах общежития для выздоравливающих раненых, коим постоянное госпитальное лечение не нужно, но по роду ранения или болезни требуется кое-какой уход. Отсутствие в наличии достаточного количества нужного инвентаря для оборудования этих общежитий не даёт уверенности того, что лечебные заведения будут освобождены для приёма всех прибывающих больных и раненых.

<...> Вследствие сего и с разрешения донского атамана, предлагаю обывателям г.г. Ростова, Новочеркаска, Таганрога,

Кинематограф «Патэ». Фото с сайта novocherkassk.net

Александровск-Грушевска, Азова и ст. Каменской принять к себе по указаниям старших врачей лечебных заведений воинских чинов, кои могут закончить своё лечение (но не эпидемических больных) вне постоянного госпитального присмотра. Содержание таких раненых и больных будет оплачиваться по 10 руб. в сутки за каждого» [75].

Несомненно, это частично решало проблему переполненности лазаретов. Однако, главная опасность таилась именно в «эпидемических больных». Сыпной и возвратный тиф бушевал на Дону, выкашивая ряды защитников Дона успешнее красногвардейских пулемётов. Открытие специализированных тифозных лазаретов происходило, практически, ежемесячно.

Значительную подмогу оказало новое Донское общество помощи фронту (ДОПФ), благодаря которому в Новочеркасске до конца 1919 года появились одиннадцать новых лазаретов [76]. В первых числах февраля, по приказу атамана обществом были обращены в тифозные бараки лазарет № 22 (помещения кафе «Бристоль» и кинематографа «Одеон»), лазарет № 23 (кинематограф «Патэ», Платовский пр., 50 а), лазарет № 24 (городской клуб, Платовский пр., 38), лазарет № 25 (в здании Атаманского технического училища, угол ул. Михайловской и ул. Георгиевской) [77]. Причём, «вместе с помещениями реквизируется также и вся обстановка,

из которой часть будет передана во временное пользование лазаретам, а излишняя передана владельцам» [78]. Но это даже частично не решило проблему. Как сообщал Уполномоченный ДОПФ по Новочеркасскому и Ростовскому районам князь П. Долгорукий «Через два дня они были битком набиты больными» [79].

Традиционными сборами на приобретение пасхальных подарков защитникам Дона для отсылки на фронт и для лазаретов больных и раненых воинов поразовал Дамский кружок. «Всего поступило пожертвований 335 815 р. 73 к.» [80]. Кроме выпечки пасх, значительные суммы потрачены на покупку 3 500 000 папирос, мыла марсельского и простого 1106 и 35 ящиков соответственно и проч.

Для частичной разгрузки помещений лазаретов «в летнем театре городского клуба [пр. Платовский, 38. — Е. Х.] ... открылся патронат для воинов, выпускаемых из больниц и лазаретов и ещё нуждающихся в уходе и лечении («...» сильно расслабленных, требующих усиленного питания, ухода, а иногда и амбулаторного лечения («...» На помощь этому могло бы прийти общество путём посильных, хотя и незначительных пожертвований» [81].

К концу апреля можно подвести некоторые промежуточные итоги.

Составим второй список лазаретов, работавших в Новочеркасску к этому времени. Он

Вид бывшего дома Култышкиной (ныне Московская, 6) в 90-е годы XX в. Фото с сайта novoчерkassk.net

Здание Дворянского собрания на углу Соборной пл. и Платовского пр. Фото с сайта novocherkassk.net

базируется на уже цитируемом «Списке лазаретов Новочеркаска» но, к сожалению, не подтверждён данными главных врачей.

Помимо лазаретов, указанных в списке от декабря 1918 года, к маю 1919 года в Новочеркасске работали: № 2 — в здании Мариинского приюта, ул. Александровская, 67; хирургия, мест — 350; № 11 — в здании Епархиального училища, пр. Платовский, 21; смешанный, распределительный, мест — 700. Переведён в Духовное училище; № 13 (партизанский) — Дом Жданова, Ямской пер., 16; хирургия, мест — 120; № 14 — в здании Донского Мариинского института благородных девиц, ул. Почтовая, 65; хирургия, мест — 120; № 20 — в бывшей гостинице «Милица», пр. Баклановский, 22; сыпной тиф, мест — 100; № 36 — в бывшем доме Култышкиной, ул. Московская, 4; хирургия, 25. Этот лазарет был и в списке 1918 года, но без номера и количество мест указано — 10.

Без номера: отделение лазарета № 11 — полковые бараки на Хотунке (ул. Персиановская, 15, ныне ул. Гагарина, примерно напротив поворота на ТЦ «Лента»); смешанный, впоследствии острозаразный мест — 100.

Из списка вычеркнуты (т. е. переоборудованы в холерные бараки): № 25 — в здании Атаманского технического училища, угол ул. Михайловской и ул. Георгиевской, без № дома; возвратный тиф, мест — 350; № 27 — Музыкальное училище, пр. Платовский, 52; терапия, мест — 90; № 28 — в здании 2-й мужской гимназии, ул. Горбатая, 2; терапия, мест — 150;

№ 31 — в здании 2-й женской гимназии, ул. Атаманская, 30; возвратный тиф, мест — 300.

Номера 17 — 19, 21, 23, 24, 26, 29 — 30, 32 — 35 в списке отсутствуют.

Дополнение (вне списка): № 21 — лазарет ДОПФ в здании Духовного мужского училища, пр. Ермаковский, 18, остро заразный (по данным на 27.04.1919) [79]. В марте № 1 (бывший 3-й распределительный) Ст. врач Б. М. Ефимов; № 24 — лазарет ДОПФ. Ст. врач Морозов [82].

Катастрофическая ситуация складывалась с врачами. По статистике, приведённой Уполномоченным ДОПФ по Новочеркасскому и Ростовскому районам князем П. Долгоруким в десяти лазаретах Общества «врачей по штату должно быть 62, на лицо же — 20, сестёр — 75, на лицо — 40, фельдшеров по штату — 75, на лицо — 14. Беру теперь случайно попавшиеся под руку сведения, — в лазарете № 22 Общества со дня его основания 2 февраля по 28 апреля переболело сыпным тифом персонала: 81 человек, при чём в этом числе поголовно все врачи, все сёстры.

«...» На штатное число мест в 300 кроватей оказывалось 406, 567 [больных]. Кровати приходится сдвигать вплотную и чистые заражаются от грязных соседней вшами, рожей и т. п.». [79].

Но были и светлые моменты. Многие зависело от самих больных, от их настроения, тяги к жизни.

Поручик Георгий Адамович Головань вспоминает: «Сколько было радости, когда на одном из эвакуационных пунктов мы

снова встретились с капитаном Пух... На одной повозке двигались мы по донским степям к Манычу и на пароходе — в Новочеркасск, в госпиталь Дворянского собрания, где были помещены в 6-ю палату. Сразу же по городу “погмётная почта” разнесла новость о прибытии нового эшелона раненых с фронта, среди которых “тяжёлый” Пух. Потянулись к нам добровольцы, родственники их и жители города с расспросами о близких, о боевых грузах. В начале госпитальная администрация недоумевала и поражалась огромному количеству просьб раненых, размещённых в группах госпиталей, о переводе их к нам, в 6-ю палату. И только после того, как все раненые и персонал нашего госпиталя хорошо узнали “тяжёлого” Пуха, старший врач отгадал причину просьбы, сказав: — “Теперь мне понятны все эти просьбы о переводе”.

Вскоре наша 6-я палата стала именоваться “Корниловской капитана Пух”. Все доктора, сестры, санитары и прислуга, любили “шестую”. Все просьбы Пуха об уходе за ранеными, или перемещении, или срочной операции прибывшему с фронта, об улучшении пищи и проч. выполнялись всегда охотно. Образцовый порядок, чистота и дисциплина были в 6-й палате. А потом, благодаря капитану Пуху, она превратилась в певческую капеллу. Пусть кто-либо не обладал голосом, пусть имевший голос не имел понятия о нотах и не знал, как свой голос “подать”, — капитан Пух знал за них всё и находил им всем место в хоре, в котором каждый с любовью принимал участие: в спевках, в утренней и вечерней молитвах.

«...» Часто по вечерам он собирал всю 6-ю палату, и голосистые и безголосые, руководимые его опытной рукой и подсказами, устраивали настоящие концерты. Весь госпиталь был тогда на ногах, заполняя собою не только 6-ю, но даже и её коридор. Трудно было заснуть госпиталю после таких пуховских концертов. Не было у нас посему и самовольных отлучек по госпиталю и праздного шатания по городу. Залечив ранения, разбрелась 6-я по полкам...» [83].

Василий Прокофьевич Запорожцев, казак станицы Кривянской, заразился тифом в летнем Персияновском лагере на приёмке станичный лошадей.

«... Ясно вижу прямо над собой лепной, весь в причудливых узорах потолок богатой комнаты... Посредине лепнины висит на бронзовой цепи люстра. Я поворачиваю голову. Ряд коек, между ними — тумбочки. С другой стороны и напротив — тоже. Двое мужчин в застиранных

бязевых халатах кремового цвета снимают с одной из коек что-то завёрнутое в простыню.

— Да ты не за голову держи, а перехвати погмышки, так же легче будет, — инструктирует один второго, и они уносят это “что-то”.

— Ишшо один спёкся, — раздаётся шёпот сбоку, и я замечаю, что на всех койках лежат люди. Я окончательно прихожу в себя. Нет сомнения, я лежу в госпитале. “То”, что унесли вдвое в застиранных халатах, — мертвец.

<...> — Ну, очухался, парень? — подошёл ко мне санитар, видя, что я осмысленно осматриваю всё в палате. — А мы гумали, что вот-вот дашь отходную. Ну и плох же ты был! Ну, ничего — кризис миновал, теперь пойдёшь на поправку. — Какой сегодня день? — Вторник, четвёртое июня. Значит, я болею восьмой день и почти всё это время был без сознания. — А где мы находимся? Что это за здание? — Новочеркасское епархиальное училище.

Ага—знаю. Это... на Платовском проспекте, недалеко от собора. Это здание хорошо видно из станицы. Оно громадное по размерам и в четыре этажа.

<...> Потянулись скучные дни выздоровления. Состав палаты — нас было человек двадцать — менялся каждый день. Одних уносили так же, как и того, погмышки, другие выздоревев, уходили по выписке сами. На их места прибывали новые. Первые дни я был очень слаб и очень, безумно хотел есть. А есть почти не давали. То есть давали, но не то, чего хотелось. <...> Давали чай с сухарями, который я вообще-то недолюбливал, очень ограниченно жидкий бульон с двумя-тремя жировыми блёстками и кисель. И так утром, в обед и вечером. <...>

— Нельзя, говорил мне санитар, когда я просил у него кусок обыкновенного хлеба, посыпанного обыкновенной, но только обязательно крупной солью, и кружку холодной воды, — нельзя, а то сразу ноги протянешь! Протягивать ноги после того, как дело пошло на поправку, охоты у меня особой не было, и я примирился с тем, что дают. А “гачку” прибавляли каждый день, причём уже с хлебом. Бульон уже мне нравился, но его было очень и очень мало, и мне казалось, что я съел бы его сейчас в один присест не менее трёх порций.

— Нельзя, повторял санитар это противное слово, — ты ведь почти ничего не ел недели полторы, желудок у тебя пустой. Налопеешься сразу много, кишки и не выдержат — или заворот сделается, или лопнут совсем. Так что терпи, браток! Я испугался и подчинился, так как об этом говорили не только санитары, но и больные. <...> И всё же, несмотря на скудное питание, я начал поправляться.

<...> Мне уже стало совсем хорошо. Нас выздоравливающих, стали выпускать на прогулку не только во двор, но даже позволяли выходить за железную ограду, на улицу, где у ворот всегда можно было видеть большой ряд тёток, торгующих всякой домашней снедью — молоком, каймаком, пирожками, пышками, яйцами, солёными огурцами, жареной и варёной картошкой, рыбой. Мне только молча приходилось глотать слюнки, глядя, как некоторые мои коллеги по выздоровлению жадно уминали тут же всё это великолепие.

Тринадцатого июня меня выписали вместе с такими же, как я выздоравливающими и направили в Хотунок в слабосильную команду [84, с. 239—240, 244—246].

Газеты постоянно публикуют списки жертвователей для пациентов лазаретов как деньгами, так и продуктами, вещами. Несомненно, возможности населения Дона стали значительно скромнее, чем два года назад. Но удивительно, к обедневшим людям обращаются просители с фантастическими просьбами. *«Известная путешественница Л. Граббе, поставившая задачей пройти пешком все государства Европы, обращается к обществу с просьбой — оказать ей материальную поддержку. Пожертвования адресовать: Московская ул., уг. Мариинской, д. № 20, кв. Лермонтовых, княгине Кудашевой для Л. Граббе» [85].*

Замечательно ответил просительнице автор открытого письма в газету, подписавшийся «Один из общества»: *«Беспокоить общество с просьбами о пожертвовании совершенно неуместно и, в особенности, в настоящее тяжёлое время, когда каждая общественная копейка необходима для более важных общественных начинаний, как-то: для содержания лазаретов, для устройства приютов, убежищ и т. п.»*. И предложил замечательный способ раздобыть денег на путешествие, выехав в донские поля, *«где несчастные казацки вдовы и сироты ждут каких-либо работников, хотя бы на одной ноге, для уборки хлеба. За Ваш труд они заплатят Вам по 100 руб. в день и кроме того, бесплатно накормят. За месяц работы Вы получите чистыми 3000 рублей и тогда смело можете продолжать Ваше кругосветное путешествие. А потому оставьте в покое общество: оно и так устало раскрывать свой пустой кошелек» [86].*

Подобное пожелание, на мой взгляд, вполне актуально и для сегодняшних дней. Его можно адресовать многочисленным авторам различных «Дзен-каналов», постоянно выклянчивающих деньги за снабжение читателей сомнительной важности информацией.

Сентябрьские успехи Белой армии, в результате которых были взяты Курск, Воронеж и Орёл, обернулись поражениями уже в октябре. В середине ноября упорные бои шли уже на севере области в Хопёрском округе по берегам рек Дон и Хопёр. Катастрофа надвигалась и донской власти приходилось задействовать всё более жёсткие меры по комплектованию специалистами лазаретов в тылу и снабжению воинов на фронте тёплыми вещами.

16 ноября был издан приказ о массовом призыве *«на военную службу врачей и фельдшеров до 56 лет включительно для службы в тылу. Призыву подлежат все врачи и фельдшеры проживающие на территории Всевеликого войска Донского, в том числе состоящие в ополчении и в отставке по болезни за исключением подданных гужественных государств и состоящих на службе в учреждениях Главного командования» [87].* Важная деталь того времени — в именных списках призываемых обязательно указывалось наличие иммунитета к сыпному тифу. Необходимость призыва объяснялась открытием новых войсковых лазаретов и новых формирований. Пункт о наличии иммунитета, приобретаемого переболевшими тифом, в приказе не пояснялся, но было очевидно, что дело в высокой смертности врачей, фельдшеров, сестёр милосердия, заражавшихся тифом на рабочем месте, как правило, в специализированных лазаретах. В Новочеркасске одним из таковых был Войсковой лазарет № 3 на ул. Грушевской (гл. врач А. В. Евсеев) на 300 мест, работавший здесь второй год. В этом лазарете в декабре скончался от сыпного тифа, заразившись при исполнении служебных обязанностей старший ординатор, доктор Анатолий Иванович Вуколов [88]. Двумя месяцами ранее скончался доктор медицины Лев Иванович Чаусов [89]. И это лишь две из десятков смертей врачей, фельдшеров и медицинских сестёр за весь год.

18 ноября войсковой атаман А. П. Богаевский обратился к населению с такими словами: *«Наша защитница армия страдает от холода, а тыл одет в шубы и ватные, и суконные одежды. Чтобы спасти Дон необходимо раздеть тыл и одеть армию. Одежда имеется в городах и станицах, хуторах и селениях.*

<...> Чтобы одеть и обуть армию приказываю: 1) Произвести в городах и окружных станицах МОБИЛИЗАЦИЮ мужской тёплой одежды, суконного обмундирования и необходимых для их [пошива] материалов. Мобилизации подлежат: А) тёплая одежда: тёплые шапки, папахи, шлемы; шубы всех видов; полушубки; теплушки (погдёвки); тёплые шаровары; тёплые

чулки; тёплые носки; валенки и тёплые сапоги; перчатки; варежки; фуфайки; тёплые рубахи; тёплые кальсоны. Б) Суконное обмундирование: шинели (пальто), френчи, гимнастёрки и шаровары. В) Материалы, пригодные для [пошива] тёплого и суконного обмундирования. **МОБИЛИЗАЦИЯ НАЗНАЧАЕТСЯ ПЛАТНАЯ**, по справедливой оценке особыми комиссиями».

Помимо магазинов, складов, станций железных дорог и пакгаузов и прочих мест хранения тёплых вещей и материалов, мобилизация (говоря современным языком — реквизиция) касалась и населения городов и окружных станиц. И условия её были весьма суровы. «При мобилизации тёплых вещей и суконного обмундирования на каждого жителя может быть оставлено по одному комплекту вещей, указанных в п. 1 (А и Б) сего приказа с добавлением второго комплекта верхнего суконного обмундирования (костюма)».

Диапазон установленных для выкупа цен — от 1500 руб. за суконные шинели, 1000 руб. за овчинные шубы и 800 руб. за овчинные полушубки и суконные френчи до 60 руб. за тёплые носки и перчатки. Наиболее дорогой тканью оказалось сукно шинельное по 600 руб. за аршин, а самой дешёвой — бязь по 50 руб.

Далее в тексте приказа Африкан Петрович Богаевский выражал надежду на то, что успешно проведённая лишь в городах и окружных станицах реквизиция «даст возможность правительству одеть нашу многострадальную армию и таким образом избавит меня от тяжёлой необходимости отдать новый приказ о производстве мобилизации также и среди казаков и крестьян всех прочих станиц, хуторов и селений Всевеликого войска Донского».

Для подпавших под приказ донских граждан предусматривался ряд как поощрительных, так и репрессивных мер в зависимости от проявления сознательности. Всем, кто добровольно сдавал вещи и материалы, выплаты за них производились по установленным ценам, а не принимались бесплатно. Также всем гражданам, «выполнившим свой священный гражданский долг... будет предоставлено право на получение ордена «Спасения Дона» и связанных с ним прав и привилегий». Ко всем уклонившимся обещано было применить по всей строгости законы военного времени».

— «Помните, всё для фронта, всё для победы!» — подводил итог донской атаман [90].

После подобного жёсткого изъятия, начавшего с 22 ноября, было как-то нелогично снова убеждать население поделиться тёплыми вещами с обитателями лазаретов, поэтому спустя пару недель А. П. Богаевский обратил внимание

граждан на отсутствие постельных принадлежностей в онх.

«Вызывающая нужда для раненых и больных в тюфяках, матрацах и в одеялах и известная мне ограниченность и необходимость этих предметов вам самим, гражданам Всевеликого войска Донского, заставляет меня, не прибегая к мерам понуждения, обратиться к вам с призывом о добровольном оказании помощи нашим страждущим воинам и в этих вещах, в мере вашей посильной возможности бесплатно, или за особую плату по расценке комиссии, исчисляемой по стоимости материала с добавлением стоимости работы» [91].

К 1 декабря были подсчитаны поступившие супруге донского атамана Надежде Васильевне Богаевской за три месяца осени пожертвования в пользу защитников Дона, больных и раненых воинов и их семейств. Сумма составила 753 666 р. 88 к. При внимательном рассмотрении длинного списка жертвователей оказывается, что помимо экзотических даров вроде 720 р., собранных дьяконом на брачном пире в Батайске, или 1000 р., пожертвованных неким персонажем в день своего ангела, огромную сумму в 680 414 р. внёс господин Файн, директор Ростовского на Дону трамвая. Таким образом, остальные жертвования составили лишь чуть больше 73 000 р. [92].

С первых дней декабря снова напомнил о себе Комитет по устройству ёлки для раненых и больных воинов в лазаретах Новочеркаска. Его председательница М. Дубовская сообщала, что в нескольких городских театрах состоятся спектакли, а в цирке Лерри представление «сбор от которых поступит на усиление фонда для приобретения подарков на ёлку» [93]. Также председательница приглашала всех желающих «без стеснения принять личное участие» в этой благородной деятельности, обращаться в здание Духовной семинарии на Платовском проспекте, и туда же следовало направлять и все пожертвования деньгами и вещами.

Уже через неделю Н. В. Богаевская выдала на устройство ёлки в лечебных заведениях для защитников Дона 50 000 р. Забавная подробность: в эту сумму вошли 1545 рублей 9 к. пожертвований, собранных чинами лазарета № 11 в казармах на Хотунке, включавшие 415 р. 63 к. «взятые у санитаров лазарета Карасёва во время игры им в карты» [94].

В городских лазаретах прошли праздничные вечера, чаепития, раздача подарков.

Последние Рождественские ёлки стремительно исчезающего старого мира...

16 декабря во всех учебных заведениях Отдела народного просвещения были приостановлены занятия «в виду необходимости предоставить школьные здания для военных и санитарных надобностей» [95].

В последнем номере газеты «Донские ведомости» [96], вышедшем в воскресенье 22 декабря, в опубликованном приказе донского атамана объявлялось, что «города Новочеркасск и Ростов на Дону вошли в район военных действий, где вся полнота власти фактически передается Командующему Донской армией» и предлагалось правительству Всевеликого войска Донского «для работы в более спокойной обстановке временно переехать в Загонье, в пункт по выбору Председателя Совета Управляющих [Н. М. Мельникова — Е. Х.]» «Я остаюсь [в Новочеркасске] со Штабом Армии», — сообщил генерал-лейтенант Богаевский [97].

Всего через два дня, в канун Рождества Христова, 24 декабря стало ясно, что город обречён. Наступающие красные части находились от донской столицы на расстоянии десятка километров. Началась эвакуация Новочеркаска на юг. Нужно заметить, что она была не настолько стихийной, чем в феврале 1918 года, но зато более значительной. Если тогда многие оставались в городе на милость победителей, не предполагая, что их ждёт, то сейчас, помня ужасы тех нескольких месяцев, большая часть горожан стремилась его покинуть.

Организованность эвакуации отмечал её участник В. П. Запорожцев. «По Ермаковскому проспекту так же, как и по Платовскому, нескончаемо шли воинские части, гнали гурты скота, на возах и санях везли прессованное и непрессованное сено и солому. Так же, как и на Платовском, иногда части этой лавины людей, повозок, саней и лошадей останавливались, по-видимому, по мановению чьей-то невидимой, но властной руки. Другая же часть, обтекая первую, продолжала идти. Потом останавливались эти и начинали ехать и идти те. Достигнув собора, лавина эта опять по чьему-то невидимому мановению растекалась на три потока. Один поток сворачивал направо, на Платовский проспект, другой, минуя собор, продолжал движение вниз, по Ермаковскому, в направлении местной команды, а третий, отделившись за собором от второго, спускался по Крещенскому спуску в направлении станции. Было очевидно, что движение беженцев подчинялось какому-то единому плану, так как без координации времени и маршрутов могло произойти невероятное, анархическое скопление и давка людей и обозов

в одном месте, на одних дорогах и улицах» [84, с. 369 — 370].

Такой план действительно существовал. О нём удалось узнать из крохотной газетной заметки, опубликованной в июне 1919 года. Замечателен стиль изложения сообщения безвестным автором. «В настоящее время, когда положение на нашем фронте совершенно упрочилось, является возможность, не вызывая панических слухов и нервности, приступить к чисто теоретической работе по разработке плана эвакуации, чтобы иметь всегда таковой готовым и разработанным. При дежурном генерале войскового штаба Всевеликого войска Донского уже образована межведомственная комиссия» [98].

24 декабря «чисто теоретический план» был приведён в действие. Дополнительные сложности в эвакуацию донской столицы вносили беженцы из Александровск-Грушевского, к тому времени уже занятого конницей Будённого, и многочисленные новочеркасские военные лазареты, забитые до отказа не только ранеными, но и тифозными больными. Многие из этих несчастных не перенесли долгой зимней дороги по Кубанским степям, упокоившись в неизвестных могилах вдоль крестного пути к Новороссийску и Крыму.

В истории Дона день трагического исхода значительной части жителей его столицы, изумительно ёмко отражён всего в двенадцати пронзительных строчках, написанных Николаем Туроверовым в эмиграции.

Колокола могильно пели.
В домах прощались, во дворе
Венок плели, кружась, метели
Тебе, мой город, на горе.
Теперь один снесёшь ты муки
Под сень соборного креста.
Я помню, помню день разлуки
В канун Рождения Христа.
И не забуду звон унылый
Среди снегов декабрьских выюг
И бешеный галоп кобылы,
Меня бросающей на юг [99].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О всей полноте власти : [телеграмма Временному правительству, всем казачьим войскам] // Вольный Дон. 1917. 27 окт. (№ 167). С. 2.
2. Подробнее: *Халгаев Е. В.* Тот самый дом на Барочной // Краеведческие записки /Новочеркас. музей истории дон.

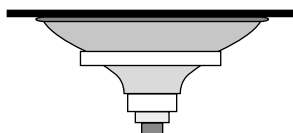
- казачества : сб. науч. трудов. Вып. 13. Ростов н/Д. : Альтаир, 2020. С. 55 – 63.
3. Лисовой Я. М. Генерал М. В. Алексеев : полит. очерк // Донская волна. 1918. № 19. (21 окт.). С. 10.
 4. Деникин А. И. Очерки русской смуты : Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 : Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2002.
 5. Жертвы большевиков // Вольный Дон. 1917. 1 дек. (№ 196). С. 3.
 6. Алексеева-Борель В. М. Как зарождалась Белая армия // Наши вести / Русский общевоинский союз (РОВС). Санта-Роза (Калифорния). 1990. № 418 – 419 (март – июнь). С. 10 – 11.
 7. В оригинале текста – Нежинцев. В подавляющем большинстве текстов 1917 – 1920 гг. в России, и позже написанных в эмиграции, в фамилии Митрофана Осиповича Неженцева допускается ошибка: второе «е» меняется на «и».
 8. Марковцы : очерки. Первопроходники-артиллеристы: Д., Виктор Ларионов, Иван Лисенко, Николай Прюц. Лос-Анджелес, [1967. без страниц].
 9. Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1984.
 10. Векслер А. Русская молодёжь за честь России : Кадеты Морского корпуса в первых боях с большевизмом // Вестник первопроходника / Изд. Калифорнийского о-ва участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода. Лос-Анджелес, 1962. № 15 (дек.). С. 11.
 11. Каледина М. П. Граждане, жертвуйте всё, что можете // Вольный Дон. 1917. 29 нояб. (№ 194). С. 1.
 12. Кровавые дни. Отклики в обществе // Вольный Дон. 1917. 29 нояб. (№ 194). С. 2.
 13. В пользу жертв борьбы с большевиками // Вольный Дон. 1917. 29 нояб. (№ 194). С. 3.
 14. Местная жизнь. Жертвы воспитанниц // Вольный Дон. 1917. 12 дек. (№ 203). С. 3.
 15. Крестные ходы в Новочеркасске // Вольный Дон. 1917. 6 дек. (№ 200). С. 3.
 16. Местная жизнь. Приезд профессора // Вольный Дон. 1917. 10 дек. (№ 203). С. 3.
 17. В пользу защитников Дона // Вольный Дон. 1917. 21 дек. (№ 211). С. 3.
 18. Скандал на вечере // Вольный Дон. 1917. 20 дек. (№ 210). С. 3.
 19. Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшиеся. К 100-летию Первого Кубанского («Ледяного») похода. М. : Посев, 2018. С. 112.
 20. Богаевский А. П. Воспоминания генерала А. П. Богаевского. 1918 год. «Ледяной поход» / Изд. «Музея Белого движения» Союза первопроходников. Нью-Йорк, США, 1963. С. 40 – 41.
 21. Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). Берлин : Изд-во С. Ефрон, 1963.
 22. Павшие на поле брани // Вольный Дон. 1918. 23 янв. (№ 18). С. 3.
 23. Вольный Дон. 1918. 24 янв. (№ 19). С. 1.
 24. Список поступивших на излечение в лазареты гор. Новочеркаска // Вольный Дон. 1918. 24 янв. (№ 19). С. 4.
 25. Хроника. Для раненых // Вольный Дон. 1918. 27 янв. (№ 22). С. 3.
 26. Лукомский А. С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. Берлин : Книгоизд-во Отто Кирхнер и Ко, 1922.
 27. Отзывчивость обывателя // Вольный Дон. 1918. 7 февр. (№ 29). С. 4.
 28. Ларионов В. Из записок добровольца // Белая армия : [сайт] URL: <http://white-force.ru/publ/4-1-0-94> (дата обращения: 7.08.2023).
 29. Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками : Воспоминания начальника штаба Донских армий и Войкового штаба ген. майора И. А. Полякова (в пяти частях). Мюнхен, 1962.
 30. Белогорский Н. В дни Каледина // Белое дело : Летопись белой борьбы : Материалы собран. и разработан. бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светлейшим. кн. А. П. Ливенном. / Под ред. А. А. фон-Лампе. Т. 4. Берлин : Медный всадник, 1927. С. 68 – 70. Из предисл.: «Н. Белогорский (псевдоним) – один из старших офицеров, принимавших участие в Великой войне в строю регулярной конницы. Во время Гражданской войны находился на Юге России в рядах армии, с ноября 1917 г. и по день эвакуации из Крыма в 1920 г. Перу Н. Белогорского принадлежит роман «Марсова маска». По некоторым данным – сослуживец А. М. Каледина.
 31. Алексеева-Борель В. М. Как зарождалась Белая армия // Наши вести / Русский общевоинский союз (РОВС). Изд. Союза чинов Русского корпуса. Санта-Роза (Калифорния). 1991. № 425 (дек.). С. 12.
 32. Ваксмут А. Русским женщинам // Вестник первопроходника / Изд. Калифорнийского о-ва участников 1-го Кубанского

- генерала Корнилова похода. Лос-Анджелес, 1964. № 33 (июнь). С. 23.
33. Акт расследования по делам о злодеяниях большевиков в 1918 году в г. Новочеркасске и других местностях Донской области // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/doc/kt/13.htm> (дата обращения: 11.08.2023).
 34. *Денисов, ген.* Записки : Гражданская война на Юге России. 1918—1920 гг. (в семи кн. с прил. 70 карт-схем, исполнен. в цветных красках). Кн. 1. Январь — май 1918 г. (с прил. восьми карт-схем). Константинополь, 1921. С. 36.
 35. *Бортневский В. Г.* Избранные труды. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 283.
 36. Граждане города Новочеркаска! // Донской край. 1918. 27 апр. (№ 4). С. 1.
 37. Лазарет дроздовцев // Донской край. 1918. 29 апр. (№ 6). С. 4.
 38. *Зотов П. Т.* «Нейтральные» офицеры // Приазовский край. 1918. 22 мая (4 июня). (№ 52). С. 3.
 39. Водный транспорт. Прибытие раненых // Донской край. 1918. 2 мая (№ 9). С. 4.
 40. В лазаретах // Донской край. 1918. 1 мая (№ 8). С. 4.
 41. Донской край. 1918. 9 мая (№ 16). С. 1.
 42. В пользу раненых // Донской край. 1918. 6 (19) мая. (№ 13). С. 4.
 43. Воззвание // Донской край. 1918. 6 (19) мая. (№ 13). С. 1.
 44. Раненые // Донской край. 1918. 8 (21) мая. (№ 15). С. 3.
 45. *П.* Наш долг // Донской край. 1918. 4 (17) мая. (№ 11). С. 4.
 46. *Суворин Б.* За Родиной : Героическая эпоха Добровольческой армии. 1917—1918 гг. Париж, 1922. С. 193.
 47. *Трушнович А. Р.* Воспоминания корниловца (1914—1934) Москва ; Франкфурт : Посев, 2004 // Сайт «Милитера» («Военная литература»). URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/trushnovich_ar/index.html (дата обращения: 8.08.2023).
 48. *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Дон и Добровольческая армия. М. : Голос, 1992. (Белое дело. Избранные произведения в 16 кн.).
 49. Приказание по гарнизону и жителям г. Новочеркаска № 39 мая 1918 г. // Донской край. 1918. 11 (24) мая. (№ 18). С. 1.
 50. Донской край. 1918. 15 (28) мая. (№ 21). С. 3.
 51. Приказание. № 1 по гарнизону и населению г. Новочеркаска // Донской край. 1918. 8 (21) мая. (№ 15). С. 1.
 52. Донской край. 1918. 11 (24) мая. (№ 18). С. 1.
 53. Помощь трудом // Донской край. 1918. 8 (21) мая. (№ 15). С. 1.
 54. Пожертвование // Донской край. 1918. 25 мая (7 июня). (№ 30). С. 4.
 55. Церковные сборы // Донской край. 1918. 11 (24) мая. (№ 18). С. 4.
 56. Церковный сбор // Донской край. 1918. 25 мая (7 июня). (№ 30). С. 4.
 57. Продовольствие города // Донской край. 1918. 12 (25) мая. (№ 19). С. 3.
 58. Воззвание // Донской край. 1918. 10 (23) мая. (№ 17). С. 1.
 59. Для раненых // Донской край. 1918. 22 мая (4 июня). (№ 27). С. 4.
 60. Пожертвование от детей // Донской край. 1918. 16 (29) мая. (№ 22) С. 3.
 61. Отчёт о вечере // Донской край. 1918. (2 июня). № 36). С. 4.
 62. Донской край. 1918. 15(28) мая (№ 21). С. 3; (№ 26). 20 мая (2 июня). С. 4.
 63. *Черныш А.* На фронтах Великой войны : Воспоминания. 1914—1918. М. : Кучково поле, 2014. 368 с. (Живая история) URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/98089/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 9.08.2023).
 64. Приказ Всевеликому войску Донскому. № 583. Новочеркасск, 25 июля 1918 г. // Донской край. 1918. 27 июля (9 авг.). (№ 81). С. 1.
 65. Донские ведомости. 1918. 30 окт. (12 нояб.). (№ 44). С. 2.
 66. Донские ведомости. 1918. 29 нояб. (12 дек.) (№ 70). С. 4.
 67. Донские ведомости. 1918. 25 окт. (7 нояб.). (№ 40). С. 4.
 68. Отчёт по устройству вечера // Донские ведомости. 1918. 16 (29) окт. (№ 33). С. 4.
 69. Приказы Всевеликому войску Донскому. № 1964. // Вольный Дон. 1919. 24 янв. (6 февр.). (№ 20). С. 1—2.
 70. По инициативе М. П. Калединой 3 декабря 1917 года состоялось учредительное собрание общества «Белого Креста». *«Задача этого общества прийти на помощь офицерам, потерявшим трудоспособность во время военных действий. Помощь будет оказываться также и семьям их. Членский взнос для военных 10 р., для невоенных 25 р. Сотрудники и соревнователи будут вносить 5 р. и 3 р.»*

- Управлял делами общества комитет в составе: председательница — М. П. Каледина, товарищи председателя Е. Д. Богаевская (супруга М. П. Богаевского) и членов М. И. Абрамовой, А. С. Дронова (городской голова) и А. С. Семянникова. (Общество «Белого Креста» // Вольный Дон. 1917. 6 дек. (№ 200). С. 4.)
71. Приказы Всевеликому войску Донскому. 25 апр. 1919 г. № 716. // Донские ведомости. 1919. 1 (14) мая. (№ 101). С. 3.
 72. ГАРО Ф. 301. Оп. 9. Д. 819.
 73. Там же. Оп. 16. Д. 1532. Л. 3; Д. 1517. Л. 8—44.
 74. Там же. Оп. 16. Д. 1515. Л. 7, 8, 10, 12—17, 20—22; Оп. 9. Д. 840. Л. 2—8, 10, 16, 18, 21.
 75. Приказы донским армиям и флоту. № 27. 31 янв. 1919 г. // Донские ведомости. 1919. 1 (13) марта. (№ 51). С. 2.
 76. О-во помощи фронту // Донские ведомости. 1919. 20 дек. (2 янв.). (№ 289). С. 2.
 77. Приказы Управляющего военным и морским отделами. 30 апр. 1919 г. № 111 // Донские ведомости. 1919. 2 (15) мая. (№ 102). С. 2.
 78. Реквизиция биографов // Донские ведомости. 1919. 2 (15) февр. (№ 28). С. 6.
 79. О лазаретах // Донские ведомости. 1919. 1 (14) мая. (№ 101). С. 3.
 80. Краткий отчёт №3 // Донские ведомости. 1919. 1 (14) июня. (№ 125). С. 4.
 81. Воззвание к гражданам г. Новочеркаска // Донские ведомости. 1919. 19 апр. (2 мая). (№ 91). С. 3.
 82. Письмо в редакцию // Донские ведомости. 1919. 27 апр. (10 мая). (№ 98). С. 2.
 83. Головань Г. А. Белый рыцарь // Вестник первопроходника / Изд. Калифорнийского о-ва участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода. Лос-Анджелес, 1962. № 15 (дек.). С. 4—5.
 84. Запорожцев В. П., Мусатова З. В. По волнам судьбы. Кн. 2 : По другую сторону баррикад. Тольятти : Современник, 2003.
 85. Хроника. К обществу // Донские ведомости. 1919. 24 июля (6 авг.). (№ 169). С. 2.
 86. Открытое письмо известной путешественнице Л. Граббе // Донские ведомости. 1919. 26 июля (8 авг.). (№ 171). С. 2.
 87. Приказ Всевеликому войску Донскому № 1901. Новочеркасск, 16 нояб. 1919 г. // Донские ведомости. 1919. 19 нояб. (2 дек.). (№ 264). С. 1.
 88. Доктор А. И. Вуколов // Донские ведомости. 1919. 18 (31) дек. (№ 287). С. 2.
 89. Доктор медицины Лев Иванович Чаусов : [некролог] // Донские ведомости. 1919. 10 (23) окт. (№ 230). С. 1.
 90. Приказ Всевеликому войску Донскому. №1914. 18 нояб. 1919 г. // Донские ведомости. 1919. 23 нояб. (6 дек.). (№ 267). С. 1.
 91. Призыв к добровольным пожертвованиям // Донские ведомости. 1919. 15 (28) дек. (№ 285). С. 1.
 92. Отчёт о поступивших пожертвованиях супруге донского атамана в пользу защитников Дона, больных и раненых воинов и их семейств со 2 сентября по 1 декабря сего года // Донские ведомости. 1919. 17 (30) дек. (№ 286). С. 4.
 93. Объявление. Воззвание // Донские ведомости. 1919. 1 (14) дек. (№ 274). С. 1.
 94. Отчёт о поступивших пожертвованиях супруге донского атамана в пользу защитников Дона, больных и раненых воинов и их семейств с 1 декабря с.г. по 7 декабря с. г. // Донские ведомости. 1919. 19 дек. (1 янв.). (№ 288). С. 2.
 95. Приказ по Отделу народного просвещения Всевеликого войска Донского. № 421. 16 декабря 1919 г. // Донские ведомости. 1919. 17 (30) дек. (№ 286). С. 4.
 96. Возможно был ещё один, экстренный номер 23 декабря, т. к. обычно по понедельникам газета не выходила. Но в нескольких доступных для работы бумажных и электронных комплектах «Донских ведомостей» последним является № 291 от 22.12.1919 г.
 97. Приказ Всевеликому войску Донскому № 2400 21 дек. 1919 г. // Донские ведомости. 1919. 22 дек. (4 янв.). (№ 291). С. 1.
 98. Городские дела. Разработка плана эвакуации города // Донские ведомости. 1919. 19 июня (2 июля). (№ 140). С. 2.
 99. Туроверов Н. Н. Двадцатый год — прощай Россия! М. : Планета детей, 1999. С. 33.

ПОСЕЛЕНИЯ

А. В. ЧИРКОВ

КАЗАНСКИЙ ТРАКТ В ИСТОРИИ ЧЕРТКОВСКОГО РАЙОНА

На северо-западе Ростовской области, в Чертковском районе, есть три небольших сельских поселения: Ольховчанское, Сетраковское и Зубрилинское. Даже по местным меркам эта восточная часть Чертковского района – «край географии», где течёт тихая деревенская размеренная жизнь, где практически все друг друга знают, а любой приезжий погостить или сбившийся с пути автомобилист, вызывают как минимум, удивление у местных жителей.

Но так было не всегда. Ещё сотню лет тому назад здесь кипела жизнь, а количество путешественников многократно превышало число местных жителей. Дело в том, что по территории этих поселений проходила одна из главных почтовых и торговых дорог Российской империи – Московско-Кавказский тракт, который соединял центральную часть России с территориями Северного Кавказа и Закавказья.

В пределах Области войска Донского участок дороги от станции Казанской до Старочеркаска назывался Казанский тракт. По нему бесконечный поток людей, лёгких повозок и гружёных телег шёл на юг и обратно. Отары овец и гурты скота перегонялись транзитом в центральные губернии и российские столицы – Санкт-Петербург и Москву, оказывая огромное влияние на жизнь и экономику местных хуторов и посёлков. Эта же дорога привела сюда и большинство предков местных жителей.

В. Е. Сыроечковский, изучая пути сообщения Москвы с Крымом в XVI веке, отмечал: «Через Северный Донец [Северский. – А. Ч.] было не менее 20 переправ. Все эти дороги и переправы давали различные возможности и варианты в путешествии на юг. Негаром мы видим, что каждая из донецких переправ создавала тот или другой татарский шлях. К северу от Донца некоторые из этих шляхов сходились с русскими дорогами, другие самостоятельно уходили на север. <...> Эта многочисленность позднейших степных дорог заставляет нас быть сугубо осторожными в попытках точного определения более ранних путей, и предостерегает от

соблазна неосторожно сблизить с той или иной из известных нам крупных дорог...» [1].

Через Дон и Азов проходили кратчайшие пути на Кавказ. Дон являлся своеобразной артерией для осуществления русской экономической политики на Кубани и Кавказе. Здесь перекрещивались сухопутные дороги из центральных губерний России, Крыма и Украины [2].

Развитие Казанского тракта пришлось на вторую половину XVIII века. После подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией от 21 июля 1774 года в состав государства вошли Керчь и Азов. Россия получила право иметь свой флот на Чёрном море, а также беспрепятственно проходить через проливы Босфор и Дарданеллы [3].

Мирный договор положил начало строительству в 1777 году оборонительной Азово-Моздокской линии. От Азова до Моздока были заложены десять форпостов и редутов, которые впоследствии образовали города Предкавказья [4].

Однако предопределил судьбу Казанского тракта указ императрицы Екатерины II от 9 мая 1785 года «Об устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» [5], в котором повелевалось построить и заселить почтовые дороги от Царицына до Кавказской линии и от Кавказской линии до Черкаска.

По мере обустройства в конце XVIII века Задонского почтового тракта, связавшего Черкасск с Кавказской губернией и соединившегося с ним Казанского тракта, образовалась единая дорожная линия большого Московско-Кавказского тракта. Дорога стала главным путём сообщения из Москвы и Санкт-Петербурга. Тракт связал столицы с Азовом, Астраханью, Екатеринодаром, Ставрополем, Георгиевском, Моздоком, Тифлисом и Ереваном.

Часть Московско-Кавказского тракта с указанием почтовых станций, проходившего по территории Воронежской губернии, была отмечена ещё на почтовой карте Российской империи, составленной в 1760 году адъютантом Академии наук И. Ф. Трускоттом [6]. Дорога

Александр Владимирович Чирков, краевед, хутор Куцаевский Чертковского района. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.)

шла от Воронежа через Павловск, Матюшину, Бычок на станицу Казанскую. Первым упоминанием следующей части тракта, — от станицы Казанской до Черкаска — стала дорожная опись Гаврилы Колпакова. Опись составлялась взамен карты «по неимению здесь знающих землемерие людей» [7, с. 144]. По указу князя Г. А. Потёмкина и правительствующего Сената в 1776 году донские старшины посылались во все части Земли войска Донского для сбора информации обо всех дорогах и селениях и расстояниях между ними. Опись не обладала особой точностью в расстояниях, но давала дополнительные исторические сведения о селениях и почтовых станах донской земли. По описи дьяка Колпакова дорога, соединившая городок Черкасск и станицу Казанскую, носила название «Тракт от Черкаска по лежащим по казанской степи почтам» [7, с. 161–162]. Тракт состоял из 14 почтовых станций в границах Земли войска Донского. Станции по этой описи ещё не имели своего названия. Ориентиром служили лишь населённые пункты и урочища, располагающиеся поблизости тракта. Расстояния и расположение почтовых станций выглядели следующим образом:

«117. От Черкасского до Усть-Оксайского стану те ж. От Усть-Оксайского стану до Грушевых хуторов 25 в. А в Грушевых хуторах дв. [дворов. — А. Ч.] 46.

118. От тех хуторов до состоящей у Тузловского мосту почты 4 в.

119. От той почты до состоящей у Каменно-го пристенка почты 32 в.

120. От Каменного пристенка до Сатковской почты 31 в.

121. От Сатковской почты до лежащих на р. Кундрючьё хуторов Краснощокских 9 в. При тех хуторах дв. 11. А переправа чрез ту речку по плотине.

122. От р. Кундрючьё до состоящей при р. Лихой почты 18 в. Чрез ту речку переправа вброд.

123. От той почты до Калитвенской станицы, коя наг Донцом 22 в. Чрез Донец переправа паромом.

124. От Калитвенской станицы до первой почты 36 в. По лежащему тракту первое селение в 5, второе в 10, третье в 5, четвёртое в 18 дв. [дворов. — А. Ч.].

125. От той почты до состоящей при р. Калитве почты 34 в. По лежащему тракту имеетца селение в 16 дв. а переправа чрез р. Калитву по имеющейся тамо мельничной плотине.

121. От Сатковской почты до лежащих на р. Кундрючьё хуторов Краснощокских 9 в.

126. От той до почты ж 29 в. По лежащему тракту имеетца селению: первое в Криворожье в 102 дв., а второе в Алховом роге в 32 дв.

127. От оной до почты ж 33 в. По лежащему тракту селению: первое в Терновых в 22, а второе при р. Альховой в 17 дв. чрез кою переправа мостом, до между теми двумя селениями имеетца р. Голой Колодезь чрез кою переправа вброд.

128. От оной до состоящей при р. Тихой почты 31 в. При самой той почты селение в 16 дв.

129. От Тихой почты до состоящей при р. Дону против Казанской станицы почты; 38 в., где чрез р. Дон переправа паромом.

130. От Казанской станицы до Матюшной почты 15 в. По лежащему тракту имеетца р. Казанка чрез, которую переправа по имеющейся гати.

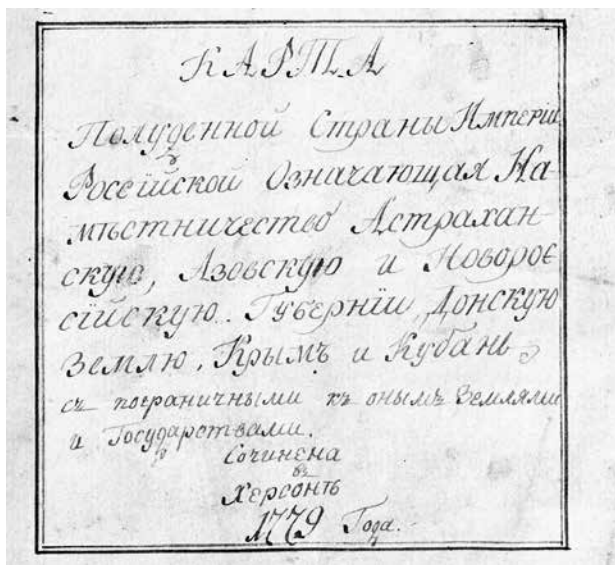
131. От оной почты до слободы Бычка 25 в. [7, с. 161–162].»

В том же 1776 году выходит распоряжение Донской войсковой канцелярии: «О целях обеспечения безопасности от «иноплеменных народов» и захвата войсковых земель и заселения территорий Войска Донского по вершинам рек Калитвы, Кагамовки, Камышиной и Лозовой своими людьми» [8, с. 58]. Любопытство к документу вызывает тот факт, что эти территории ещё в 1763 году были частично заселены старшинами [8, с. 42–43], а набирающий силу тракт дал им возможность легализовать свои поселения.

Первой картой, на которой робкой пунктирной линией был отмечен Казанский тракт, совпадавший с описью дьяка Колпакова, стала «Карта полуденной страны Империи российской, означающая наместничество Астраханскую, Азовскую и Новороссийскую губернии, Донскую землю, Крым и Кубань с пограничными к оным землями и государствами». Карта была «сочинена» в Херсоне, в 1779 году [9].

Первые официальные названия станций Казанского тракта появляются в почтовом путеводителе «Новейший российский дорожник, верно показывающий все почтовые пути Российской империи», выпущенный в Санкт-Петербурге 1796 году [10]. Маршрут дороги использовался для нескольких направлений:

- «№ 70 Другой тракт от Москвы до Таганрога, чрез Воронеж, Черкасск и крепость Ростовскую. Длина маршрута составляла 1301 версту [10, с. 32].
- № 79 — От Москвы до Екатеринограда, чрез Воронеж, Черкасск и по линии». Расстояние между городами равнялось 1837 вёрст» [10, с. 36–38].

Фрагмент карты южной части России. 1779 г.

32		33	
А. оуб Курск до	Всё	Всё	Всё
Харьковская ильб	Всё	Всё	Всё
специя что ильб	Всё	Всё	Всё
то еб	200	Всё	Всё
А. оуб Харьков	28	Всё	Всё
Мерфа	28	Всё	Всё
Новос Волонки	22	Всё	Всё
Синотурки	20	Всё	Всё
Кавказские горы	30	Всё	Всё
Прикупецкая хр-	100	Всё	Всё
маша	100	Всё	Всё
Ефремовская	15	Всё	Всё
Село Алексеевское	15	Всё	Всё
Алексеевск	15	Всё	Всё
Петровск	9	Всё	Всё
Камышевск	5	Всё	Всё
Васильевск	27	Всё	Всё
Самойловск	20	Всё	Всё
Копышевск	28	Всё	Всё
Васильевск	20	Всё	Всё
Дружбинск	45	Всё	Всё
Тамбовск	25	Всё	Всё
Тамбовск	25	Всё	Всё
Одоевск	20	Всё	Всё
Гулай Вурьян	25	Всё	Всё
Александровск	20	Всё	Всё
Молод	20	Всё	Всё
Железск	15	Всё	Всё
Харьковск	25	Всё	Всё
Привольск	15	Всё	Всё

Фрагмент из дорожника Российской империи 1796 г. [10].

На участке дороги, относящимся ныне к хутору Лозовой Зубрилинского сельского совета Чертковского района и слободе Дётево Миллеровского района, располагались две почтовые станции. Первая – Лозова – находилась между современными хутором Лозовой и Сетраковским сельским поселением; вторая – Дехтева – в 32-х верстах от неё, в слободе Дёгтево [10, с. 33].

Вскоре в расположении и названиях почтовых станций произошли изменения. Станцию из слободы Дёгтево перенесли на 4 версты в сторону села Павловка. Новая станция получила название Нижнелазовая. Почтовую станцию Лозова переименовали в Верхнелазовую [11].

В период между 1842–1845 годами Верхнелазовая почта была перенесена в хутор Сетраки и переименована в Сестриковскую [12].

Остаётся только гадать, почему в Сетраковском хуторе появилась почта с таким названием. Была ли это грамматическая ошибка писаря, оформлявшего документы, или же иногородним путешественникам, так слышалось её название из уст местных казаков. Только в начале XX века в дорожных справочниках она пишется как Сетраковская [13].

Если раньше определённое место связывали с каким либо находящимся поблизости урочищем, то с появлением тракта и почтовых станций всё чаще в документах и статистических справочниках стала встречаться привязка именно к ним. Указывали так: «населённые пункты, лежащие на тракте...», или по правую или левую сторону от него. Либо же указывали количество вёрст от населённого пункта до ближайшей почтовой станции [14].

К примеру, жители хутора Сетраков в прошении о постройке церкви в 1864 году уточняли: «хутор лежит на самом Московско-Тифлисском тракте...» [15].

Управляющий имением Н. Грекова в посёлке Ольховчик г-н Якубский разместил объявление в «Донских войсковых ведомостях» о продаже лошадей конского завода своего хозяина, в котором сообщал, что «...видеть этих лошадей и узнать о цене их можно в слободе Альховчик, (находящейся в Донецком) округе, между станциями Нижне и Верхне Лазовыми» [16].

Для составления карты Земли войска Донского «в 1847 году полковником Леммом произведена астрономическая сеть по войску Донскому, состоящая в определении географического положения мест в количестве шестидесяти разбросанных пунктов», в число которых вошла и Сестриковская почтовая станция [17].

О том, где проходил маршрут Казанского тракта в 50-х годах XIX века, можно судить по его описанию офицерами Генерального штаба: «...по левой стороне речки Лазовой, пахотным и песчаным грунтом, мимо Нижне-Лазовой почтовой станции. Далее через балки: Почтовую, Паншинкову, Рыбалкин и Гардеев Яры, мимо посёлка Павловского-Каменнова, через балку Берестовую, где мост, балку Ольховую-Лесную, мимо посёлка Альховчика – по устроенному на ней деревянному мосту, переходя за тем через рытвины от речки Лазовой, на коих мосты, балки: Широкою, Тютюнову, Журавлёву, Макееву, Чибизову, на коих мосты: мимо хутора Сетракова, при коем почтовая станция Сестриковская, и чрез балки: Сухую, Солёную, Крутинскую, рытвину Грачёву, на коих мосты, далее...» [18].

Фрагмент почтовой карты Российской империи 1842 г. Фото из Интернета

Фрагмент почтовой карты Российской империи 1871 г. Фото из Интернета

Для управления почтами войсковым атаманом назначался смотритель — почтовый комиссар, а на почтовых станциях были свои почтовые смотрители. На каждой станции, обязательно находился свежий выпуск почтового дорожника Российской империи со всеми изменениями в маршрутах и правилах, которые чётко регламентировали действия почтового смотрителя: будь то отпуск и приём лошадей, регистрация проезжающих или содержание в исправном состоянии упряжи и взимание платы за прогон [19, с. 142]. В 1852 году за прогон между местными почтовыми станциями брали плату по 1,5 копейки серебром за одну лошадь [20]. В 1871 году по 2,5 копейки за проезжающих и 1,5 рубля за почту или эстафету [21]. В 1880 году по 3 копейки, равно как для проезжающих, так и для почт и эстафет [22]. Эстафетная почта считалась особо срочной, будь то письма или посылки. Лошади менялись на каждой станции, и это был самый быстрый вид почтового сообщения того времени. Но и стоила такая почта больших денег. Например, от Москвы до Черкаска за одноконную эстафету плата составляла 100 рублей 19,5 копеек серебром [23].

В Области войска Донского в 1850 году для каждой почтовой станции, имеющей от 30 до 45 лошадей или 10 — 15 троек, выделялось для пастбищ от 1,5 — 2 квадратных версты. Для сенокоса от 100 до 120 десятин земли. Содержание и уход за лошадьми возлагались на смотрителя. Овёс для лошадей покупался на деньги, выручаемые с проезжающих [24].

К примеру, только в течение 1856 и 1857 годов по Московско-Черкасскому тракту, пользовавшихся станционными лошадьми проехало 20 337 человек. Общему числу проезжающих по тракту на собственных или вольнонаёмных лошадях учёт не вели. В счёт не шли проходы войск и этапные команды, сопровождавшие арестованных. Количество торговых и военных подвод составляло несколько сот тысяч ежегодно [25].

Начиная с 1823 года, войсковое правительство начало заключать контракты на содержание и обслуживание почтовых станций. На публичных торгах Областное правление Войска Донского выбирало лучшие предложения по содержанию станций, допуская к торгам как местных жителей, так иногородних. В основном это были представители купечества и домовитые казаки [19, с. 143].

В 1870 году Нижнеазовую почту содержали два купца — Иванов и Горожанкин. Возможно, мы бы никогда не узнали их фамилии, если бы не их жадность. По контракту, заключённому с областным правлением, помимо денежных

средств, ежегодно выделяемых на содержание, к почте прилагался земельный участок. Купцы его распахали и засеяли пшеницей. Через некоторое время, Иванов уступил содержание почты Горожанкину за 300 рублей, взамен на единоличное пользование земельным участком он получил от Горожанкина 48 рублей. Иванов рассчитывал получить весь урожай и компенсировать разницу с лихвой.

Пришло время жатвы. Горожанкин и говорит: «Землю то, я тебе продал, но пшеница моя». И не допустил Иванова к уборке. Обида взяла купца Иванова, — пошёл он к мировому судье 3-го участка Донецкого округа требовать компенсацию убытков захваченной пшеницы, в размере 498 рублей 50 копеек. Судья решил в финансовых претензиях отказать, но 91 копну убранный пшеницы отдать Иванову.

Ещё горче стало купцу Иванову, и пошёл он искать правду уже и на купца Горожанкина, и на решение мирового судьи в Департамент правительствующего сената города Санкт-Петербурга. Департамент кассационную жалобу рассмотрел, но отклонил. Решение местного суда оставил в силе: «Горожанкину — почта, Иванову — земля. Пшеница пополам» [26].

В 1866 году Богучарская уездная земская управа в докладе перед земским собранием ходатайствовала перед правительством губернии о перемене направления почтового Черкасского тракта на Богучар. Приведены были весомые доводы экономической невыгодности существующего тракта: «*Большая почтовая дорога, соединяющая губернские города Воронеж и Новочеркасск и идущая галее, в одну сторону на Москву, а в другую — на Кавказ, именуемая вообще Кавказским трактом, — проходит по Богучарскому уезду.*

На тракте этом между станциями Ковыленской и Бычковой появляются уже песчаные неудобные к проезду лога, не только весной, но и в обыкновенное время. <...> Не доезжая Матюшенской почтовой станции, перерезывает дорогу глубокий песчаный сухой лог, на котором хотя и находится длинная гать, в виде дамбы, с двумя деревянными мостами, устроенными и ремонтируемыми из сумм земского сбора, но дамба эта состоит из единственного того же сыпучего песку с незначительным количеством навоза, — мало приносит пользы, т. е. почти не улучшает проезда.

Кроме выше изложенного при взгляде на карту Российской империи, оказывается, что почтовая дорога из г. Воронежа на г. Новочеркасск, вообще на всём протяжении своём составляет ломано-кривую линию и при обогнутии

г. Богучара кривизна эта, особенно значительна. <...> Теперь, если принять в соображение то обстоятельство, что многие торговцы и другие лица из Богучара, имеющие надобности в ст. Тиховскую отправляются не по большому тракту, а прямо из города на сл. Полтавскую, Мегову, хут. Харазеев и оттуда в упомянутую станцию, делая, таким образом, только 50 вёрст и, что Богучар от ст. Нижне-Мамоновской, через сл. Журавку, отстоит на 28 вёрст; то, направив большой тракт от ст. Нижнего Мамона на только что упомянутые пункты, — получим, что расстояние между этою последнею станцией и ст. Тиховской, чрез Богучар, составит всего 78 вёрст; следовательно, в обыкновенное время, этим предполагаемым новым направлением, дорога сократится тут около 20 вёрст, а в весеннее время слишком на 30 вёрст» [27].

На тот момент изменения направления Казанского тракта не состоялось. Хотя и Богучарское уездное земское собрание ходатайствовало перед правительством губернии о перемене его направления на Богучар. На это событие можно было и не обратить внимания, если бы не один факт, — предложенный план был реализован, правда, гораздо позже, в виде части будущей федеральной трассы М 4 «Дон».

В начале своего развития Казанский тракт вызывал очень много нареканий со стороны путешественников. «Самая неисправная почта по всей России верно по дороге от Казанской станции до Егорлыцкой, т. е. чрез землю Донских казаков: лошади не везут, упряжь неисправна, казаки ездить не умеют...», — сетовал в 1816 году военачальник и дипломат Н. Н. Муравьев-Карский [28].

«В земле войска Донского почтовые станции были построены вдали от станиц (селений) и на них нельзя было достать ничего съестного, — вспоминал в 1840 году барон А. И Дельвиг. Когда мы попали на какую-то станцию, расположенную близ селения, то и там ни за какие деньги нам москалям ничего не хотели продавать, ни хлеба, ни молока. <...> На некоторых станциях были выстроены дома, ни мало не соответствующие нашему климату и зимой всегда холодные, а на других были только конюшни для лошадей и вырытые в земле помещения для ямщиков» [29]. А В. Б. Броневский в 1833 году писал: « У станционных старост, на все вопросы, один ответ: “ничего нет, и ничего не знаем!” <...> Посему каждый должен вести с собой не только хлеб, даже воду; ибо на многих станциях в колодцах вода горька и солона» [30, с. IV]. И рекомендовал путешественникам: «В Воронеже запастись вином и сухой провизией, и голодное

пространство до Новочеркаска проскакать в двои сутки» [30, с. V].

Ввиду больших расстояний между населёнными пунктами в Области войска Донского почтовые станции действительно на десятках вёрст составляли единственное убежище, где можно было переждать непогоду и обогреться. Со временем решается и этот вопрос. Уже к 1862 году для проезжающих появились ночлежные дома в хуторе Сетраков, Ольховчик и Дёгтево [31]. А в 1868 году на станциях построили уже капитальные здания. Строительство и обустройство почт войсковой казне обошлось в 8016 рублей серебром по Нижнеказовой, и в 7964 рублей серебром по Сестриковской почтовой станции [32, с. 64]. В 1873 году в хуторе Сетраков насчитывалось уже восемь постоянных дворов. А торговые лавки и питейные заведения были в каждом населённом пункте между этими почтовыми станциями [33].

После отмены крепостного права почтовые станции обеспечивали документооборот между окружными и областными начальствами и впервые созданными на донской земле волостями. Греково-Степановское волостное управление в составе сельских обществ посёлков Ольховчик и Алексеево-Лозовка и сл. Греково-Степановка располагалось в слободе Греково-Степановка [34, с. 202].

Первое время с учётом сильного сословного влияния между казачьим и крестьянским населением вся корреспонденция Греково-Степановской волости осуществлялась через Нижнеказовую почтовую станцию. Сетраковская почта принимала отправления от жителей хуторов Напаловский, Вяжинский, Бреховский, и посёлков Колодеевский и Малолозовский [34, с. 120, 121, 144].

Важную роль в этом сыграли особенности территориального деления того времени. Между юртовыми землями хутора Сетраков и земельным довольствием посёлка Ольховчик (ныне район хутора Куцаевский) проходила граница Донецкого и Усть-Медведицкого округов Области войска Донского, разделявшая округа на одноимённые начальства, распоряжения которых подчинялись все хуторские атаманы и волостные старшины той или иной территории.

Постепенно влияние сословного деления ослабевало, уступая место рациональной экономической выгоде: учитывалось расстояние от населённого пункта до ближайшей почтовой станции. С 1880 — 90-х годов Сетраковская почта стала принимать письма от жителей Сетракова, Греково-Степановки, Алексеево-Лозовского,

Куцаевского, Ольховчика и других населённых пунктов, образовавшихся после разрешения продажи войсковой земли иногородним жителям [35].

С введением земства на Дону натуральная дорожная повинность сменилась денежным сбором. Каждое сельское общество ежегодно платило определённую сумму на содержание земских почт. В волостях Донецкого округа сбор составлял от 10 до 86 копеек на каждую рабочую душу, по числу крестьян пользующихся земельными наделами [32, с. 47–48].

Серьёзным ударом по существованию тракта стал запуск 28 ноября 1871 года Юго-Восточной железной дороги, соединившей линию Козлов – Воронеж – Ростов-на-Дону. Резко стало сокращаться количество грузоперевозок и пассажиров, а также лошадей на почтовых станциях. Если в 1868 году на Сестриковской и Нижнеазовской почтовых станциях числилось по 36 лошадей [36], то к 1875 году их число уменьшилось до пяти [37].

Донецкая окружная земская управа понимала насколько серьёзно повлияла железнодорожная линия на экономическую целесообразность содержания почтового тракта. Казанский тракт требовал значительных расходов на дорожную повинность, при том, что почтовые отправления по нему стали весьма незначительными. Окружное земское собрание подняло вопрос о закрытии тракта, предполагая возможным осуществлять пересылку почтовой корреспонденции только на земских лошадях [38], и ходатайствовало перед областной почтовой службой об упразднении части Ольховорогского – Казанского почтового тракта на участке от станции Ольховый Рог до станции Тиховской.

Однако управляющий почтовой службы вынес заключение, что закрытие тракта на указанном пространстве невозможно, так как «1) ... пришлось бы упразднить существующие на тракте станции – Нижне-Азовую и Сетраковскую, тогда как одна из них согласно распоряжению министра внутренних дел об открытии почтовых учреждений в населённых местностях, должна служить пунктом приёма и выдачи корреспонденции; 2) осуществление предложенной земством меры неизбежно сопровождалось бы замедлением обмена корреспонденции в местах, расположенных по направлению Ольховорогского-Казанского тракта; и, наконец, 3) благодаря этой мере ревизия почтовых отделений, учреждённых на Тиховской и Казанской станциях, для местного почтового начальства была бы сопряжена с особыми затруднениями» [39, с. 102–103]. Вследствие

этих доводов, ходатайство о закрытии тракта между Ольховым Рогом и Тиховской станцией областной управой было отложено.

Окружное Донецкое земство искало альтернативные пути решения возникшей проблемы. Вследствие чего было решено продать почтовые станции частным лицам и возложить на них их содержание: Сетраковскую – крестьянину Борисову за 841 р. [39, с. 113], Тиховскую – обществу хутора Мешковского Мигулинской станции за 1832 р. [39, с. 114]. Рассмотрение вопроса о продаже здания Нижнеазовской станции крестьянину Борисову за 250 рублей оставалось открытым [39, с. 114].

Наши воронежские соседи поступили иначе. После открытия железнодорожной ветки Воронеж – Ростов воронежский губернатор ходатайствовал перед правительством о закрытии воронежского участка тракта за ненадобностью и обращении его в просёлок. В 1873 году тракт закрыли, станции ликвидировали, ямщиков распустили [40]. Тракт был уничтожен, то есть распустан. В 1876 году в Павловскую уездную управу поступила бумага от крестьянских обществ сёл Верхнего и Нижнего Мамона, Гнилуши, Буйловки. Крестьяне ходатайствовали «о признании того тракта скотопронным для прогона скота из Войска Донского в Воронежскую губернию» [40]. Просьба была удовлетворена.

Возникновение Донского скотопронного тракта историки относят к началу XIX века [41]. И уже к середине столетия он приобретает большое экономическое значение. Донской скотопронный тракт начинался от станции Казанской, куда сгонялись гурты скота, скупаемого прасолами в низовьях Дона, Астрахани, Ставропольской губернии и всего Причерноморья. Тракт шёл на протяжении 1430 вёрст, от станции Казанской на Козлов, Ряжск, Пронск, дальше на Коломну и Москву, а оттуда на Тверь, Новгород и Санкт-Петербург [42].

Передвижение скота на главные российские рынки совершалось по специально отведённым дорогам. Тракты были с обеих сторон обмежёваны, и границы межи строго охранялись от захватов смежных с трактом владельцев и сельских обществ. В 1861 году в Области войска Донского ширина таких трактов равнялась 60 сажням (128 метров) [43].

В Донской области скотоводство было очень развито: луговая трава составляла 60% от всей территории. На обширных степях паслись многотысячные отары овец и табуны лошадей. На десять десятин пахотной земли приходилось по семь голов крупного и десять голов мелкого скота. Из области ежегодно продавалось около

150 тысяч крупного рогатого скота и до 200 тысяч овец. Из этого количества распределение по крупному рогатому скоту происходило следующим образом: Рязань — 6% (9000 голов), Тамбов — 15,6% (28 000 голов), Москва — 42% (66 000 голов), Санкт-Петербург — 36,4% (55 000 голов) [44].

Прогон скота — «вечная война» с местными жителями. После формирования гурта и получения необходимых документов гуртоправом начиналась доставка животных к месту назначения. Проходя гоним целые тысячи вёрст, стада кормились не только подножным кормом по обочинам трактов, но и, останавливаясь на «попась», на территориях принадлежащих помещикам, сельским обществам или казачьим хуторам. Животные причиняли убыток пастбищам и сенокосам, вызывая у местных землевладельцев лютую злобу к погонщикам скота, которая перерастала в ожесточённые драки. Если не было по дороге естественных водопоев (речек или прудов), то такие побоища происходили у сельских или станичных общественных колодцев постоянно. Местные жители не позволяли пользоваться водопоями, опасаясь заразить местный скот. И их опасения были не напрасны [45, с. 64].

В 1882 году в России случилась вспышка чумной эпизоотии скота. Основной причиной распространения болезни были признаны скотопробные тракты. Предпринятые карантинные меры не давали ощутимых результатов. Гурты скота, прибывающие в станицу Казанскую для дальнейшего транзита, на границе Воронежской губернии проходили обязательный десятидневный карантин. Большое скопление животных на ограниченной территории, ещё больше спровоцировало падёж скота от этой болезни [45 с. 6–7]. В целях борьбы с чумной эпизоотией доставка скота гоним в Москву и Санкт-Петербург была полностью запрещена. С 1884 года транспортировку скота постепенно начинают переводить на железнодорожную доставку, которая совершенно изменила мясной рынок в России [45 с. 7]. Донской скотопробный тракт, просуществовавший почти 100 лет, в 1885 году закрывается [46].

Развитие механического автомобильного транспорта требовало и новых дорог. Во второй половине 1950-х годов началось проектирование и строительство автомобильной трассы «Дон» с асфальтовым покрытием. Новая семи-метровая двухполосная дорога III — II категории была окончательно достроена по всей протяжённости от Москвы до Воронежа и от Воронежа до Ростова-на-Дону в 1966 году. Это событие

поставило окончательную точку в истории большого Московско-Кавказского тракта [47].

Несомненно, ещё до середины XX века почтовый тракт использовался для транзита путешественников и грузов. Однако это был крайне медленный и уже не популярный способ передвижения «на своих», то есть на собственных лошадях. И большей частью не был рассчитан на дальние расстояния. Постепенно участки дороги некогда знаменитого Казанского тракта снова превращаются в дорогу местного значения.

В 1970–1980-е годы силами местных колхозов на бывшем тракте сделали насыпь, мощённую камнем. В конце 80-х появилось асфальтовое покрытие на участке дороги хуторов Лозовой — Сетраки. Дорога в казачьем хуторе делает резкий поворот в сторону села Алексеево-Лозовское, оставляя большой отрезок старинного Казанского тракта до села Ольховчик, похороненным под грудой вывороченных булыжников тяжёлыми грузовыми машинами, вывозящими зерно местных агрофирм. Дорога, не видевшая несколько десятков лет ремонта, сейчас вызывает у всякого проезжающего по ней такое же горькое уныние, как и два столетия назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сыроечковский В. Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия Академии наук. Отд. обществ. наук. 1932. Вып. 3. С. 210.
2. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван : Айастан, 1996. С. 230.
3. Дружинина Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение) / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 1955. С. 3.
4. Ряснянская Н. А. Влияние крепостей Азово-Моздокской укрепленной линии на процесс формирования городов юга России в XVIII веке // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2009. №1. (Серия: Общественные науки). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-krepostey-azovo-mozdokskoy-ukreplennoy-linii-na-protsess-formirovaniya-gorodov-yuga-rossii-v-xviii-veke> (дата обращения: 28.01.2023).
5. Полное собрание законов Российской империи. 1784–1788. Т. 22. № 16194. СПб., 1830. С. 388–390.

6. [Трускотт И. Ф.] Почтовая карта Российской империи / Сочинил И. Трескотт. 1760. [СПб.: Географический департамент Академии наук], 1760. URL : <https://kr.rusneb.ru/item/reader/pochtovaya-karta-rossiyskoy-imperii-3> (дата обращения: 28.01.2023).
7. Пронштейн А. П. Дорожная опись Земли войска Донского 1776 г. // Историческая география России XVIII в. Ч. 2 : Источники и их характеристика / Академия наук СССР. Институт истории СССР. М., 1981.
8. Сборник Областного войска донского статистического комитета. Вып. 13. / под ред. Х. И. Попова, А. А. Кириллова, З. И. Щелкунова. Новочеркасск : Частная дон. тип., 1915.
9. Карта южной части России: губернии Астраханская, Азовская, Новороссийская, Донская земля, Крым, Кубань с пограничными землями // Рукоп. фонд БАН №321. URL : http://ecatalog.ras.l.ru:8080/cgi-bin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?LNG=&I21DBN=NIO&P21DBN=NIOR&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=fullweb_rban_nr&C21COM=S&S21P02=1&S21P03=TRP=&S21STR=%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82.%20%D0%BE%D1%81%D0%BD.%20321 (дата обращения: 15.02.2023 г.).
10. Новейший Российский дорожник, верно показующий все почтовые пути Российской империи и новоприсоединённых от Порты Оттоманской и Республики Польской областей / Императорская Академия наук. СПб., 1796.
11. Российский почт-календарь с показанием расстояния между собой всех городов Российской империи / Главное почтовое правление. СПб. 1800. С. 137.
12. Кавказский календарь на 1848 год, изданный от канцелярии кавказского наместника. Тифлис : Тип. Канцелярии наместника кавказского, 1847. С. 97.
13. Почтовый дорожник Российской империи/Печатано по распоряжению начальника Глав. упр. почт и телеграфов. Петроград : Тип. «Сила», 1915. С. 47.
14. Список населённых мест по сведениям 1859 года. Т. 12 : Земля Донского войска / Изд. Центр. статист. ком. МВД; ред. И. Вильсон. СПб., 1864. С. 14.
15. ГАРО. Ф 226. Оп 2. Д. 5553. Л. 18.
16. Донские войсковые ведомости. Часть неофициальная. 1858. 24 мая. (№ 20). С. 80.
17. Ветчинкин В. Н. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания //Труды областного Войска донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 21, 23.
18. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. 11, ч. 5 : Земли Войска Донского / Сост. ген. штаба полковник Штюрмер. СПб., 1852. С. 59.
19. Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского / Составил член-сотрудник Императорского Русского географического общества штабс-капитан Н. Краснов. СПб. : Тип. Департамента генерального штаба, 1863.
20. Почтовый дорожник Российской империи по Высочайшему повелению изданный Почтовым департаментом, с приложением нумерной карты для отыскивания дорог и географической карты европейской России. СПб., 1852. С. 108.
21. Почтовый дорожник Российской империи с приложением нумерной карты / Изд. по Высочайшему повелению Почтовым департаментом. СПб. : Тип. Почтового департамента, 1871. С. 81 – 82.
22. Почтовый дорожник Российской империи с приложением нумерной карты / Изд. по Высочайшему повелению Почтовым департаментом. СПб. : Тип. Почтового департамента. 1880. С. 63 – 64.
23. Почтовая книга эстафет и прогонных денег от Москвы во все города России. М. : Университет. тип., 1837. С. 36.
24. Полное собрание законов Российской империи. Продолжение Свода законов Российской империи, изд. 1842 г. Т. 15 : С 1 января 1850 по 15 июля 1851 г. СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Его имп. Величества канцелярии, 1851. С. 145.
25. Михалевич В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 4 : Воронежская губерния / сост. Ген. штаба подполковник В. Михалевич. СПб. : Изд-во Глав. упр. Ген. штаба. 1862. С. 131.
26. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. Первое полугодие 1873 г. СПб. : Тип. Правительствующего сената. 1873. С. 912 – 914.

27. Журналы Богучарского очередного уездного земского собрания с 20 по 27 сентября 1866 года включительно. Воронеж : Тип. Губерн. правления. 1867. С. 130–132.
28. *Муравьёв Н. Н.* Записки Н. Н. Муравьёва // Русский архив : историко-лит. сб., издаваемый П. Бартеневым. Кн. 1. М. : Университет. тип. (Катков и К°), 1886. С. 454.
29. *Дельви́г А. И.* Мои воспоминания. Т. 1 : 1813–1842. / Изд. Моск. публич. и Румянцевского музеев. [М., 1912]. С. 292.
30. *Броневский В. Б.* История Донского войска : Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. Ч. 4 : Поездка на Кавказ. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1834.
31. *Краснов Н. И.* Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Военное обозрение Земли войска Донского / сост. капитан Краснов. СПб., 1864. С. 65–66.
32. Статистическое обозрение Войска Донского за 1868 год / Изд. Донского войскового статист. ком., сост. секретарь ком. А. Савельев. Новочеркасск : Тип. газ. «Донской вестник», 1869.
33. Область войска Донского по переписи 1873 года / Изд. Дон. войскового стат. ком.; под ред. С. Номикосова. Вып. 3, кн. 4. Новочеркасск, 1879. С. 206–207, 282–283.
34. Список населённых мест Области войска Донского по переписи 1873 года. / Изд. Дон. войскового стат. ком. под ред. А. Савельева. Прил. к Памятной книжке Обл. войска Донского на 1875 г. Новочеркасск, 1875.
35. Алфавитный список населённых мест Области войска Донского / Изд. Обл. войска Дон. стат. ком. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1915. С. 11–12, 139–140, 153–154, 415–416, 427–428.
36. Памятная книжка Войска Донского на 1868 год / Изд. Дон. войскового стат. ком. Новочеркасск : Тип. газ. «Донской вестник», 1868. С. 170.
37. Памятная книжка Области войска Донского на 1875 год / Изд. Обл. Войска Дон. стат. ком. под ред. секретаря А. Савельева. Новочеркасск : Обл. войска дон. тип., 1875. С. 53.
38. Сборник областного Войска Донского земства. 1880 г. Новочеркасск : Тип. Е. Д. Жигмановского, 1881. С. 28.
39. Сборник областного Войска Донского земства. 1877 г. Новочеркасск : Обл. войска дон. тип., 1878.
40. На земле Верхнемамонской /сост. А. А. Ковалёв, И. А. Пахомов. Воронеж : ИПФ Воронеж, 2000. С. 46.
41. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. : социальные отношения, управление, классовая борьба / Отв. ред. А. П. Пронштейн; Сев.-Кавк. науч. центр высш. школы. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1977. С. 183.
42. Военно-статический сборник. Вып. 4 : Россия / составлен офицерами ген. штаба В. Ф. Де-Ливроном, бароном А. Б. Вревским, Н. Н. Мосоловым [и др.], под общ. ред. ген.-майора Н. Н. Обручева. СПб. : Воен. тип., 1871. С. 607.
43. *Краснов Н. И.* Военное обозрение земли Донского войска /сост. ген. штаба полковник Краснов. СПб. : Воен. тип., 1870. С. 137.
44. Труды высочайше утверждённой комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1879. С. 105.
45. *Богданов Е. А., Синицин И. В.* Мясной вопрос в России и современное положение ското - и мясопромышленности в России / Изд. Ком. Моск. скотопромышленной и мясной биржи. М. : Тип. О. Л. Сомовой, 1912.
46. 1885 год в сельскохозяйственном отношении / Департамент земледелия и сельской промышленности : Вып. 3 : Общий обзор года. СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1886. С. 311–312.
47. *Иванов И. А.* Дороги мира. История и современность. [М.] : Инфра-Инженерия, 2017. С. 36–39.

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Ж. П. ГРИДАСОВА

«НЕ ХОЧУ СУДЬБУ ИНУЮ...»

В. Н. Репников. После открытия 1-й персональной выставки. Гидромелиоративный техникум. 1986 г. Фото И. Скоморохова

Очень хорошо помню 22 января 2019 года. День был по-настоящему зимним, холодным и очень ветреным. Но по своему внутреннему накалу — невероятно тёплым! Ведь Новочеркасск вспоминал Владимира Никифоровича Репникова, педагога, художника, краеведа, писателя. Человека, вся сознательная жизнь которого была связана с родным городом, посвящена ему. На улице Пушкинской, 108, у здания колледжа промышленных технологий и управления (в разные времена бывшим гидромелиоративным, сельскохозяйственным и аграрным техникумом), где Владимир Никифорович проработал более 30 лет, открывалась ему памятная доска.

Отдать дань уважения пришли не только студенты и преподаватели, но и журналисты, краеведы, художники, представители администрации города и Городской думы — все те, с кем судьба сводила Владимира Никифоровича за его долгую преподавательскую работу, художественную, краеведческую и общественную

деятельность. В каждом слове выступавших звучали слова благодарности нашему современнику, восхищения его деятельностью и творчеством. На торжественном мероприятии присутствовали и дети Владимира Никифоровича — дочь Ирина Владимировна Карпова (1968) и сын Михаил Владимирович Репников (1960 — 2020).

Выступала и я от имени журналистской организации города — Владимир Никифорович был своим среди журналистской братии! Знала его много лет — ещё с 1980-х годов, времён единственной городской газеты «Знамя коммуны». Знала с разных сторон. И как преподавателя, заслуженного учителя школы России. И как архитектора, по проектам которого возводились здания. И как краеведа, равнодушного к прошлому и настоящему родного города. И как художника, чьи акварели украшают коллекции российских и зарубежных любителей живописи. И как надёжного друга с добрым лучистым взглядом.

Владимир Никифорович был не только прекрасным художником, умеющим своей кистью творить чудеса на бумаге. Он умел открывать окошки в дивный мир искусства: был художником слова, летописцем города, его культурной и художественной жизни. Он собрал ценнейший исторический материал, который позволяет нам видеть Новочеркасск глазами очевидца, влюблённого в свой город. Его преданность Новочеркасску поражала. Даже в самые непростые времена он находил слова восхищения им!

Этот человек являл собой интересного собеседника, пытливого исследователя истории родного города, обладателя уникальных знаний о его культуре и архитектуре. Не сведущему непонятно, откуда у него эта жажда жизни, желание охватить всё и сразу: исследовать и написать, заметить и зафиксировать, преподавать и научить, узнать и поделиться, в том числе и чаштицей своих знаний и эмоций, своей доброты и любви.

Женета Петровна Гридасова, журналист, г. Новочеркасск. Заместитель председателя городской журналистской организации, член Большого жюри Ростовского регионального отделения Союза журналистов России
К 90-летию со дня рождения В. Н. Репникова

Родился Владимир Никифорович 1 мая 1933 года в городе Шахты, в казачьей семье. Когда ему исполнилось пять лет родители, отец Никифор Агапович и мама Александра Григорьевна, переехали в станицу Багаевскую — поближе к земле-кормилице. Делили маленький домик вместе с бездетными друзьями. Тут появился на свет младший брат Виктор. Тут же стали жить и осиротевшие двоюродные братья-погодки Ваня и Митя. Мама мальчиков умерла родами Мити, а через год и скончался и их отец [1, с. 5]. Окончив школу, Ваня и Митя по настоянию дяди поступили в Шахтинскую фельдшерско-акушерскую школу, но на каникулы всегда возвращались в Багаевскую.

Никифор Агапович был большим умельцем и, отправляясь с детьми к реке или в степь на прогулку, с помощью ножа мастерил то залистые свистульки, то чудные лошадки, то отличные парусники. Он занимался приобщением детей к полезным делам, научил их многому. Личный пример отца и стал определяющим в будущем Владимира — он никогда не сидел без дела, всегда находил себе занятие.

Тогда и появилась тяга к рисованию, но художественной школы не было в станице. Летом — купание в реке, всевозможные игры, работа на огороде; зимой — снежные крепости, каток, санки, лыжи. Словом, пацанам было, где разгуляться. А вот весной и осенью в непролазную грязь, в морозящий дождик всё больше сидели по домам. Для школы была кое-какая одежда, но носить каждый день её не полагалось. Сделав уроки, собирались в доме у Репниковых или у одного из друзей-ровесников, играли, мастерили. Володе нравилось рисовать, особенно когда вечером при свете керосинной лампы-семилайки родители читали детям русскую классику или рассказывали истории «из старой жизни». А родителям нравились картинки сына.

Отдельная глава жизни — Великая Отечественная война. Её началом были омрачены первые школьные летние каникулы. А уже в конце лета 1941 года на станицу Багаевскую упали и первые бомбы. Падали они с большой высоты с таким воем, что местные пацаны на всю оставшуюся жизнь запомнили и сам звук, и эти большие воронки, и поваленные деревья, и убитых животных. Впечатления были новыми и страшными. Хотя и в такой беспощадной для детства ситуации мальчишки не изменяли себе: собирали разные по форме и размерам осколки, коллекционировали их, обменивались ими.

В Багаевской к этому времени остались лишь женщины, дети и старики. Два двоюродных брата, медики по образованию, Иван и Дмитрий,

давно уже воевали. Никифор Агапович — не годный к строевой — был эвакуирован вместе с предприятием в тыл. Володя как старший сын, которому всего-то и было 9 лет, стал основным помощником матери. Игры и развлечения ушли на второй план, их заменили взрослые дела и заботы. Уход за животными, уборка база, поиск дров, обеспечение хозяйства водой, которую надо было натаскать из Дона, присмотр за младшим братишкой. Детство закончилось.

Когда немцы заняли станицу, началась оккупация, длившаяся полгода. Фашисты зверствовали. Забирали у местных практически всё съестное: запасы картофеля и сала, молоко и яйца. Выручала рыбалка, сбор ягод в лесу. Спасал и припрятанный запас картошки (лето на неё выдалось урожайным). Помогая матерям, дети таскали вязанки сушняка или подгнившие пни на топку печи [1, с. 19]. Но самым печальным была прервавшаяся связь с отцом, находившимся на другой территории, в тылу. Жили в состоянии постоянного страха. Старались не попадать полицаям на глаза.

Стало совсем невмоготу, когда начались занятия в школе. На уроки немецкого приходил фашист в военной форме и призывал прилежно изучать «великий язык». Ненависть к нацистам перешла не только на учительницу, которую ребята доводили до слёз, но и на сам язык на всю жизнь. Много лет спустя, сдавая экзамены на кандидатский минимум, Владимир Никифорович самостоятельно выучил английский [1, с. 20].

Зима 1942—43 годов была очень суровой. Снега выпадало столько, что для прохода к сараю прокапывали траншеи. Одежки были никудышные, питание слабым. Но людей будоражила мысль, а как же там наши защитники под Сталинградом? Связи не было и всё же новости просачивались: немцы остановлены на Волге, немцы окружены. И вот долгожданное — контрнаступление! С какой радостью мальчишки наблюдали за бегством фашистов из станицы! Всех погибших за её освобождение похоронили в общей могиле, которая стала позднее военным мемориалом.

С середины февраля к радости детей и родных в школе начался новый учебный год! Третий класс Володя Репников закончил экстерном. А вот семилетнее в то время образование он завершал в другой школе, так как в 1946 году родители перебрались в станицу Кривянскую.

Война бушевала уже далеко от Ростовской области, но эхо её долгое время не умолкало и на Дону. Детвора находила неразорвавшиеся снаряды и самостоятельно пыталась их

обезвредить или, играя «в войнушку» у подбитой немецкой техники, подрывалась на припасённых гранатах. Да и взрослых людей тоже подстерегали мины на пахоте полей, при разборке руин и рытье котлованов. К тому же практически каждый мальчишка имел свой арсенал.

Был он и у Володи Репникова: винтовка без приклада, боевые патроны, коллекция пороха, разнообразные наганы. Все стрельбища проводились втихую от родителей и соседей. На берегу реки паренки глушили взрывчаткой рыбу, строили блиндажи и подрывали их, запускали ракеты. Особенной популярностью у умельцев пользовался простой способ добывания огня. У трассирующей пули откусывали кончик. Затем тёрли её, нагревая о рубашку или штаны, содержимое возгоралось. Чтобы потушить, пулю вставляли горящим концом в гильзу. Однажды у Володи, демонстрирующего младшему брату свои «talанты», горящая пуля провалилась в гильзу, которая оказалась не стрелянной. И бабахнуло! Александре Григорьевне соседка, конечно, доложила о «геройстве» её старшенького, да и обмотанную тряпкой раненую руку надолго в кармане не спрячешь... *«Так меня ни до, ни после не лупили, — писал Владимир Никифорович. — Напоминал об опасной детской “шалости” времён войны двухсантиметровый шрамик»* [1, с. 31].

Дети войны, побывавшие в полосе боевых действий или на оккупированных территориях, — такие же полноправные участники тех страшных военных событий. Пребывание «под немцем», даже самое непродолжительное, оставило в их душах неизгладимый след. Война прошла через них, отобрала детство и многие возможности, предоставленные страной. Позднее эту тему на страницах местной печати Владимир Никифорович будет поднимать постоянно [2]. Может быть, поэтому в мирной жизни дети войны так стремились навёрстывать упущенное и реализовывать свои мечты?

Именно так себя вёл четырнадцатилетний Володя Репников. После окончания семилетки в 1947 году он поступил в Новочеркасский техникум гражданского строительства, преобразованный в 1948 году в Архитектурно-планировочный (ныне — Донской строительный колледж). Учился с большим увлечением, находил время и для занятий спортом, и для участия в культурно-массовых мероприятиях. Через год вступил в комсомол. Влюбившись ещё в детстве в город, который многие годы в лёгкой дымке маячил вдалеке, на возвышенности, он в свободное время бродил по его улицам и переулкам, знакомясь с архитектурными красотами.

Период увлечения акварелью ещё не пришёл, но появился недюжинный интерес к изобразительному искусству. Произвели сильное впечатление первые акварельные работы кисти преподавателей техникума. Молодой человек часами проводил и в Музее истории донского казачества, особенно в девятом и десятом залах. Тут он впервые увидел подлинные работы профессиональных художников. Не мог оторваться от картин и этюдов И. И. Крылова, Н. Н. Дубовского, художников-передвижников [3].

Техникум Володя Репников закончил с красным дипломом, став в 1951 году дипломированным техником-архитектором. По направлению уехал на работу в Мартыновский район в отдел сельскохозяйственного строительства. Занимался проектированием зданий и помещений, вёл и активную комсомольскую работу. Не забывал при этом напутственные слова педагогов о необходимости дальше учиться, развивая свой талант.

Осенью 1952 года Владимира Репникова приняли в Новочеркасский политехнический институт (НПИ). По завершению учёбы на горно-строительном факультете в 1955 году молодой специалист получил предложение работать в вузе и стал ассистентом кафедры архитектуры. Побывать в должности преподавателя получилось недолго — его призвали в армию. Однако период, связанный с НПИ, стал началом серьёзного погружения в живопись. Первые акварельные этюды Репников сделал в армии. В свободное время молодой человек рисовал портреты знакомых с натуры и по фото, используя для этого карандаши и акварель.

В эти же годы он стал публиковать заметки в армейских газетах [4]. Год спустя младший сержант Репников стал инженером стройки, которая велась хозяйственным способом. Под его руководством возводился и был сдан жилой комплекс зданий военного городка из одиннадцати четырёхквартирных домов [5].

После демобилизации вернувшись в вуз, Репников вновь стал посещать студию под руководством художника-педагога Г. В. Беды [6]. К тому же они трудились на одной кафедре, чьи художественные традиции были заложены ещё известным донским художником И. И. Крыловым. Тут же работали и сподвижники Ивана Ивановича — Н. А. Тусов, В. И. Болдырев, однофамилец известного новочеркасского архитектора С. И. Болдырева. Педагоги давали студентам основы изобразительной грамоты, побуждали к самостоятельности. Кафедра стала центром, вокруг которого группировались художественные силы города, по сути дела, прообразом

городского клуба, объединившего художников по их интересам. Именно Георгий Васильевич и стал в 1955 году организатором ежегодных городских художественных выставок [7].

С благословения Г. В. Беды в них начал участвовать и Репников. Дебютировал в 1958 году на 4-й городской художественной выставке. Для неё Георгий Васильевич отобрал три акварели. Две — «Осень в лесу», «Новостройка» — времени службы Репникова в армии и «Вид на Новочеркасск из станицы Кривянской» — послеармейского периода. Участниками выставки были профессиональные и самодеятельные художники: П. С. Келлер, Н. В. Овечкин, Н. Я. Лисименко, А. И. Потапенко, А. А. Редичкин.

Через год после защиты Г. В. Бедой докторской диссертации и отъезда на заведование кафедрой графики в Краснодарский пединститут в художественной жизни города последовало небольшое затишье. Однако с возвращением в 1961 году в Новочеркасск выпускника Московского Суриковского института Николая Овечкина художники вновь были вовлечены в кипучую творческую деятельность [8]. С помощью отдела культуры Новочеркасского горисполкома и непосредственно его заведующей Н. А. Павленко была открыта в доме № 63 на проспекте Ждановском (ныне Баклановском) городская студия [9]. Нинэль Афанасьевна умело взаимодействовала с художниками, обеспечивала им надёжную финансовую поддержку. Рос и авторитет студии в казачьей столице.

Владимир Никифорович изредка участвовал в её деятельности. Данный период его жизни был связан с женитьбой (вместе со своей супругой Галиной Павловной они проживут более полувека), получением квартиры с частичными удобствами, её обустройством, рождением первенца — сына Михаила, научной и педагогической деятельностью. К тому же в 1969 году Репникова пригласили в гидромелиоративный техникум, где он сначала преподавал, а через полтора года стал заместителем директора по учебной работе. И как итог — целых десять лет, пока был на руководящей должности, не участвовал в городских выставках. Но с кистью и с красками не расставался. Рисовал дома, из окошка, в выходные, в отпуске. Если выезжал за пределы города, в том числе в командировки, брал с собой этюдник. Побывал в разных местах Черноморского побережья и городах Кавказских Минеральных вод, в Подмоскowie и Риге, в Новгороде и Днепропетровске, в Саратове и Ростове Великом. Свои эмоции запечатлевал на этюдах, которые щедро раздаривал родным и друзьям [10, с. 3–4].

Но назвать данный период выставочным затишьем нельзя. У педагога всё же был и иной зритель — студенты! Учил их не только архитектурной грамотности. При поддержке администрации учебного заведения создал изоклуб «В мире прекрасного» [11], известный на весь город, руководил им три десятилетия и демонстрировал на выставках «Мир моих увлечений» свои работы, которые, по сути дела, стали наглядными пособиями для учащейся молодёжи. Поэтому и первая персональная выставка «Сто акварелей и рисунков Репникова» (1986), на которую Владимир Никифорович решился при поддержке директора техникума А. С. Лихолетова, разместилась в одной из учебных аудиторий. Прошла она успешно и укрепила художника-любителя в его творческих устремлениях [12].

Увлечение акварелью не мешало основной деятельности педагога. Он вдохновенно преподавал такие предметы как «История архитектуры», «Архитектурные конструкции зданий», «Планировка сельских населённых мест», руководил курсовыми и дипломными работами студентов.

В профессиональной копилке Репникова-преподавателя больше десятка методических пособий, рекомендаций и разработок. Он регулярно выступал со своими предметными публикациями в центральных журналах: «Вестник высшей школы», «Жилищное строительство», «Среднее специальное образование» [13]. Был многие годы председателем зонального объединения заведующих учебной частью техникумов Министерства сельского хозяйства РСФСР.

Главным показателем заслуг любого педагога являются успехи его учеников. Студенты-мелиораторы неоднократно становились победителями зональных конкурсов, предметных олимпиад. Среди учеников Владимира Никифоровича — руководители структурных подразделений строительных и проектных организаций, заведующие кафедрами и деканы технических вузов. Оценкой многолетнего педагогического труда стало присвоение В. Н. Репникову почётного звания «Заслуженный учитель школы РСФСР» (1986).

Как архитектор и инженер-строитель Владимир Никифорович проявил себя не только в армейские годы. И позже успел немало сделать. Переработал и привязал проект здания школы № 2 на 400 мест, расширил общежития Гидромелиоративного техникума, разработал проекты первого спортивного корпуса НПИ (два спортзала и кафедра физвоспитания) [14] и мероприятий по технической эстетике сборочного корпуса НЭВЗа. Важным этапом для себя Репников

считал проект памятника Герою Советского Союза Галине Петровой [15]. Он лично изготовил модель, которая находится в Музее истории ЮРГПУ (НПИ). Спроектировал и построил новый дом для родителей в станице Кривянской.

А события в городе шли своим чередом. Владимир Никифорович вспоминал: «В 1970 году при городском Доме культуры открывается детская художественная школа, директором которой назначили художника Н. Я. Лисименко. Преподавателем этой школы становится, тогда ещё студент-заочник Ленинградского художественного института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Владимир Иванович Кулишов. Он начинает объединять художников города. И при поддержке главного художника Управления главного архитектора горисполкома Новочеркаска Г. П. Таранова создаёт в 1971 году городской клуб художников (ГКХ). Возрождаются и ежегодные художественные выставки, на которых рядом с опытными художниками П. С. Келлером, Н. В. Борисовым, Р. Г. Паховым, П. Н. Толстых, А. И. Потапенко, Л. В. Елисеевым, Б. М. Назаровым выставляют свои работы недавние выпускники художественных училищ С. Негелькина, супруги В. и Л. Лазаренко, Б. Плевакин, Н. Ильшова, К. Сигенин, а также самодеятельные художники С. Д. Хлебников, В. А. Грезунов,

М. Е. Синельникова, А. А. Туманов. Ежегодные художественные выставки подержали уже было совсем угасшие попытки Н. В. Овечкина, переехавшего в Москву, возродить художественные традиции, заложенные Н. Н. Дубовским, И. И. Крыловым и М. Б. Грековым» [16].

Сам же Репников к активному художественному творчеству вернулся только в 1979 году благодаря С. Д. Хлебникову, с которым дружил ещё с НПИшных времён. Кафедра архитектуры вуза проводила выставку работ своих преподавателей и пригласила внести свой вклад и Владимира Никифоровича, хотя он уже десять лет не работал в НПИ [17]. Станислав Дмитриевич отобрал для экспозиции восемь акварельных листов Репникова, все они позднее участвовали и в 23-й городской выставке.

Это была знаковая для того времени выставка — первая в открывшемся выставочном зале Дома-музея И. И. Крылова. Как, впрочем, и само событие! В пятиэтажке на улице Будённовской, 94, на первом этаже, городские власти выделили помещение для выставочной деятельности художников Новочеркаска в знак примирения за снесённую мастерскую известного донского живописца И. И. Крылова, ранее стоявшую на этом месте.

Экспозиция Большого зала (есть ещё и малый) давала возможность новочеркасцам, и не только

В.Н. Репников (третий справа во втором ряду) среди участников и гостей 37-й городской художественной выставки. 22 января 1994 года. Фото И. Скоморохова

им, увидеть художественное наследие Крылова. Тут регулярно стали проводить свои выставки — отчётные ежегодные, тематические и персональные — городские художники. Лучшие работы отбирались на областные и зональные выставки. Чуть позднее, лишившись своей выставочной площадки, стали выставляться и ростовские художники. Выставки-продажи, групповые поездки на пленэр — всё это стало частью жизни и самого ГКХ, и города. В. И. Кулишов и П. Н. Коротченко были приняты в Союз художников СССР.

С открытием выставочного зала связаны имена заведующей более четверти века отделом культуры горисполкома Нинэль Афанасьевны Павленко и новочеркасского художника, члена Союза журналистов СССР Бориса Александровича Плевакина. Вместе с группой активистов, которую возглавлял Плевакин, они сумели остановить снос домика И. И. Крылова (мастерскую не удалось сохранить). Через три года хождений по кабинетам власти — от региональной до центральной — новый мемориальный Дом-музей включили в структуру Музея истории донского казачества.

Владимир Никифорович знал Плевакина с 1980-х годов, познакомившись в редакции газеты «Знамя коммуны», относился к Борису Александровичу с большим уважением за его творческое нетерпение, желание объять необъятное. Он писал о Плевакине для «Донского временника» [18]. У Бориса был альбом «Автограф», в который тот вносил автографы знаменитых писателей и художников. По его примеру Репников завёл свои альбомы. В одном из них «И серьёзно, и курьёзно» он размещал стихи, посвящения родным, друзьям, коллегам, смешные истории из жизни. Есть в этих записках стихотворение, написанное в декабре 1979 года и адресованное Плевакину. Владимир Никифорович любил дарить своим друзьям такие небольшие посвящения:

Преуспел во всём Борис:
 Портретист и пейзажист.
 График он и журналист.
 Внешне — вылитый артист.
 С знаменитыми знаетса,
 Слухи ходят: зазнаётся!
 Ну, уж это враки —
 Не такой Плевакин!

После участия в трёх вернисажах (таковы правила творческого объединения) Репников стал полноправным членом городского клуба художников. Вскоре Владимир Никифорович

был избран в правление клуба и секретарствовал долгие годы, по сути дела, являясь летописцем клуба. Регулярно он публиковал заметки и статьи о художниках, их деятельности, о выставках во всех городских СМИ и областных изданиях [16, 18, 19].

Акварель считается непростой техникой. Чтобы ею овладеть, мало только постоянной практики. И Репников учился. Читал специальную литературу, посещал персональные выставки акварельных работ в Саратове, в Русском музее и Третьяковской галерее. Много дало общение с ростовскими и новочеркасскими акварелистами В. И. Туриным, В. Н. Романенко, В. Н. Лемешевым, А. В. Тимофеевым, С. А. Незделькиной. Художники, помогая друг другу с развеской работ, часто шутили, что тяжёлая акварель штука! Тяжесть заключалась в том, что стекло является обязательным элементом оформления листов, так как оно защищает их от выгорания и придаёт блеск, выполняя ту же роль, что и лак, которым покрывают масляную живопись.

Два лучших акварелиста Новочеркаска — Владимир Репников и Станислав Хлебников — дружили до последних дней Станислава Дмитриевича в 2009 году.

Оба цельные и одарённые, поддерживали друг друга советами, острыми шутками, полными юмора прибаутками. Их и воспринимали как единое целое, даже корреспонденты газет в своих материалах по итогам выставок писали о них, как о тандеме. Сам Владимир Никифорович в своих заметках, которые вёл регулярно, часто делал интересные ремарки, иногда очень колкие, но меткие. По итогам 23-й городской художественной выставки (1979) он написал следующее четверостишие, поместив его в своём рукописном альбоме «И серьёзно, и курьёзно»:

Из двух имён
 Родился сплав:
 Нормально, Владимир!
 Отлично, Станислав!

О творческой манере В. Н. Репникова писал председатель ГКХ В. И. Кулишов: «Как воспитанник архитектурной школы он находит компромисс между строгой правдивостью изображения и художественными чувствами. Но архитектурный пейзаж остаётся преобладающим в его творчестве во всём его многообразии, старое и новое, светлое и тёмное, драматическое. Не каждый художник отважится писать Новочеркасскую ГРЭС. А для Репникова это обязательная черта в лице родного города» [20, с. 6].

Участники «Выставки пяти»: акварелисты (сидят слева направо) И. И. Глушко, В. А. Шестакова, М. Е. Синельникова. Во втором ряду (слева направо) С. Д. Хлебников и В. Н. Репников. Ноябрь 1997 год. Фото И. Скоморохова

Он воссоздаёт новочеркасскую старину. И все исторические сюжеты основаны на достоверных фактах. В лике любимого города для него обязательно всё. К лучшим его достижениям можно отнести такие акварельные листы, как «Потеплело», «Морозный вечер», «Новочеркасские курени», «Поздняя осень», «Северо-западная окраина города», «Утро. Разлив».

Творческая многолетняя жизнь Репникова с городским клубом художников дала очень интересную статистику. Владимир Никифорович вёл её сам, с присущей ему аккуратностью и точностью в своём рукописном альбоме «Мои персоналки». Первая запись сделана 11 января 1986 года, последняя — после окончания 57-й городской художественной выставки в январе 2012 года. Итого с 1958-го и по 2012 годы — 60 выставок! Из них: участие в 28 городских ежегодных, в 14 тематических и коллективных выставках. А также организация и проведение 4-х больших и 14 малых персональных выставок.

Они проходили в Доме-музее И. И. Крылова, в Доме-музее М. Б. Грекова, в учреждениях культуры и образования Новочеркаска. Работы мастера хранятся в фондах Музея истории

донского казачества, в народном Пушкинском музее Новочеркасского колледжа промышленных технологий и управления, институте агробизнеса, ЮРГТУ. Украшают они и личные коллекции любителей живописи, в том числе во Франции, Германии, Болгарии, Испании, Израйля.

Отзывы с первой большой персональной выставки (1986 г.) окрылили автора, придали ему уверенности, и он с присущим ему юмором отмечал, что не зря тратит бумагу и краски. Спустя шесть лет — в 1992-м — Владимира Никифоровича пригласили в мемориальный Дом-музей М. Б. Грекова. И он выставил на суд новочеркасцев экспозицию из сорока новых работ. Вторая персональная выставка «Уж небо осенью дышало...», открывшаяся в ноябре месяце, получила не по-осеннему тёплые отзывы в прессе и у любителей живописи.

Через три года, в 1995 году, мемориальный Дом-музей М. Б. Грекова, помня об успехе, вновь приглашает Владимира Никифоровича к себе, предоставляя ему уже две комнаты для экспозиции. Персональная выставка «Мой город. Акварели и публикации» была посвящена 190-летию Новочеркаска и включала в себя 50 акварелей

Заслуженный художник России, лауреат премии имени М. Б. Грекова В. Н. Лемешев и заслуженный учитель школы России В. Н. Репников на усадьбе мемориального Дома-музея М. Б. Грекова. Апрель 2008 год. Фото Е. Халдаева

и 50 газетных публикаций автора. Выставка имела огромный успех! СМИ писали о ней восторженно, три городских телевизионных канала рассказали о творчестве В. Н. Репникова. Член Союза писателей России И. Я. Кравченко сравнил её с солнечными бликами [21]. Редакция «37-ТВ» предложила снять ряд репортажей под рубрикой «Новочеркаску — 190». Владимир Никифорович провёл три экскурсии: по Троицкой площади, по улице Пушкинской и по архитектурному комплексу НПИ. По просьбе горожан эти «Маленькие экскурсии» неоднократно показывали в течение юбилейного года.

В 2008 году вновь в залах мемориального Дома-музея М. Б. Грекова состоялась персональная выставка мастера, четвёртая по счёту, с поэтическим названием «В разливах чистой акварели». Свои пейзажи он посвятил донской земле, портреты — родным и близким, натюрморты — душе. Все его 53 работы, по мнению коллег и искусствоведа В. И. Кулишова, «говорят об умении виртуозно руководить акварелью. Разная краска, разная бумага и разные темы, но почерк кисти одного человека, выработанный за шесть десятилетий его целеустремленной деятельности» [22].

Был на персональной выставке среди портретов друзей и близких художника и его собственный. Из обычной фотографии, обработанной с помощью компьютерной программы, имитирующей акварель, его сделал член Союза журналистов России Евгений Халдаев.

Нельзя не сказать и ещё об одном творческом желании В. Н. Репникова — писать в газету.

С городской газетой «Знамя коммуны» Владимир Никифорович начал сотрудничать в 1970-е годы будучи преподавателем гидромелиоративного техникума. Тут работал его старший двоюродный брат Иван Герасимович Репников, тот самый Ваня, что окончил Шахтинскую фельдшерскую школу и прошёл Великую Отечественную, завершив свой воинский путь в Манчжурii после победы над Японией. К этому времени Иван Герасимович закончил Таганрогский пединститут и связал свою жизнь с журналистикой и краеведением. Пример старшего брата подстегнул младшего, придал уверенности и тот начал активнее писать о техникуме, инициативах педагогов и студентов, об учебном процессе. Когда же им был создан изоклуб «В мире прекрасного», стал рассказывать о встречах и интересных событиях, происходящих в нём.

Бывая в редакции газеты «Знамя коммуны», Репников встречался с блестящей плеядой бывших фронтовиков — ныне журналистов или

В. Н. Репников. 2007 г. Фото Е. Халдаева

нештатных корреспондентов, историков, преподавателей вузов и техникумов — А. П. Биленко, Ф. А. Колядиным, О. Н. Лобовым, П. И. Молчановым, Л. А. Новак, Э. А. Николаевой, М. Н. Лавровым, В. В. Старцевым. Все они серьёзно увлекались изучением истории родного города и края, и это у Владимира Никифоровича пробудило интерес к краеведению. У каждого была своя тема. Немного писал о художниках Б. А. Плевакин. Писал об архитектуре и культуре города искусствовед, директор и преподаватель Детской художественной школы В. И. Кулишов. Репников нашёл свою тему и придал ей особое уникальное звучание.

Заметки и статьи Владимира Никифоровича, исследовательские и всё более глубокие, начинают появляться в обрамлении архитектурных пейзажей. Они сходят с акварельных листов автора на страницы городских газет и усиливают восприятие передаваемой информации. Они играют роль художественно-документальной иллюстрации к рассказу о нашем городе и крае. В поле зрения художника попадают родные пейзажи, архитектурные достопримечательности, памятные места, портреты современников.

Когда в 2000-е была закрыта городская газета «Знамя коммуны», Владимир Никифорович перешёл к её правопреемнице «Донской речи» (редактор О. Аксёнова). Затем последовала газета «Новочеркасские ведомости» (С. Сизоненко), «Вечерний Новочеркасск» (А. Ясенник). Его творческого запала хватало на всех. Журналисты любили Владимира Никифоровича за правдивость материалов, за честность и обязательность, за то, что ёмкие и познавательные статьи были написаны прекрасным литературным языком.

К этому времени Владимир Никифорович был уже глубоко погружён в историю города и донского края. Он работал в авторском коллективе над «Краткой энциклопедией Новочеркасска» [23]. Её новочеркасцы увидели на прилавках магазинов после празднования 195-летнего юбилея казачьей столицы. В этот справочник вошли двадцать репниковских статей с двумя рисунками архитекторов Ф. Деволана и Б. Рогуйского.

Расцвет краеведческой деятельности и писательства Владимира Никифоровича связан с газетой «Частная лавочка» (редактор Е. М. Надтока).

С февраля 2002 года Репников становится её обозревателем по вопросам культуры. Он уже на пенсии и творческий потенциал его огромен. Позже Владимир Никифорович так будет оценивать пятилетний период жизни: *«Благодаря*

“Частной лавочке“ я стал не только газетным, но и книжным автором» [24].

В 1999 году вышла небольшая книга «XXX лет на Пушкинской, 108» [25]. Написанная легко и непринуждённо, она была восторженно встречена любителями краеведческих историй. Через год в путевых заметках «Сто девятый» автор с присущим ему юмором ведёт рассказ о жителях станицы Кривянской, которые добираются из города в станицу автобусом под номером 109 [26]. В 2001 году последовал «НПИ в моей жизни» [27]. Владимир Никифорович украшает книгу своими рисунками и фотографиями из личного архива.

Книги В. Н. Репникова. Фото Ж. П. Григасовой

Регулярные выступления на страницах еженедельника окрылили Репникова. Возникла достаточно оперативная и регулярная обратная связь: горожане писали письма, звонили, задавали вопросы, приходили в редакцию, предлагали темы. Всё это подвигало к открытию новых страниц истории города и вселяло уверенность в важности выбранного пути и его необходимости для людей.

Помимо вопросов культуры, Владимир Никифорович вёл тему детей войны. В марте месяце 2002 года типография ЮРГТУ (НПИ) печатает небольшую брошюру «Была война» [28]. Сегодня она тоже является библиографической редкостью.

К этому времени в творческом портфеле Репникова собралось немало архитектурных зарисовок о городе. Главный редактор «Частной лавочки» Е. М. Надтока предложила опубликовать

их под рубрикой «От Платова — до наших дней» — началась подготовка к 250-летию юбилею основателя города М. И. Платова. И уже осенью 2002 года книжка вышла под названием «Мой город» [29]. В следующем году, дополненная новыми очерками и рисунками, была переиздана Ростовским издательством «Старые русские» [30]. Она имела цветную обложку и цветную вкладку — всего семь репродукций акварелей из цикла «Мой город».

А начался 2003 год с победы в областном журналистском конкурсе «Вдохновение». В День российской печати В. Н. Репников был объявлен победителем в номинации «Летописец» [31]. Писал он не только об архитектуре города, но и его людях, художниках, художественных выставках.

Летом 2004 года «Частная лавочка» открывает постоянную рубрику «200 лет Новочеркаску», которую ведёт В. Н. Репников. За время, прошедшее после выхода книги «Мой город», у него накопилось немало акварелей и очерков. Новый материал по истории казачьей столицы лёг в основу рукописи более объёмной книги. Она получила название «Прогулки по Новочеркаску» [32]. Каждый очерк иллюстрирован или фотографиями из частных коллекций, или открыткой из коллекции О. Н. Лобова, или графическими рисунками самого автора. Через год выходит продолжение «Прогулок по Новочеркаску» [33].

К 200-летию юбилею города издательство «Новопринт» выпустило в свет объёмный труд — энциклопедию «Новочеркаск» [34]. В составе редакционной коллегии работал и В. Н. Репников. В энциклопедии им отредактирован ряд материалов, помещены его статьи о вековой истории строительства Вознесенского собора, о художниках Н. А. Тусове, Б. А. Плевакине и других. Кропотливая работа творческого коллектива издательства «Новопринт» по итогам 6-го областного конкурса полиграфистов и издателей Дона имени М. И. Платова получила первую премию в номинации «Лучшая работа, посвящённая Донскому краю» [35].

В это же время Владимира Никифоровича привлекли к новой работе. В издательстве «Странник» готовился путеводитель по Новочеркаску [36]. Два раздела из девяти — «История в камне» и «Знаки времени», — посвящённые городской архитектуре и памятникам, подготовлены В. Н. Репниковым. Книга получилась красивой, на мелованной бумаге с цветными фото, но, к сожалению, с неточностями по вине издательства.

На юбилейной научно-практической конференции «Платовские чтения» в Музее истории донского казачества, посвящённой 200-летию юбилею Новочеркасска, Владимир Никифорович сделал доклад «Архитектурный ансамбль Донского политехнического института» [37]. Занимаясь краеведческим просвещением, он часто выступал перед молодёжью в библиотеках, школах, колледжах, в суворовском училище МВД, а также в мемориальных Домах-музеях И. И. Крылова и М. Б. Грекова, Доме дневного пребывания ветеранов труда.

В 2010 году умерла его супруга Галина Павловна, долго болевшая. За два года до её ухода в желании поддержать близкого человека Репников издаёт небольшой брошюрой «Письма издаека» — свои письма к жене, отправляемые ей летом 1961 года с учебных сборов офицеров запаса в Саратове. Издание интересно тем, что в письмах личностные взаимоотношения перекликаются с событиями политического характера, происходящими в стране и в мире [38]. Он особенно остро почувствовал, что пришла пора реализовать давнюю мечту: написать книгу о своей семье, о казачьем роде Репниковых. Работал много, спешил, и как-то заметил, что написанное — очень личное, и книга будет издана только для членов семьи. «Век трёх поколений» [39] — последняя книга В. Н. Репникова. Но в краеведческом отделе Центральной библиотеки им. Пушкина она всё же имеется, попав в фонд после смерти близкого Владимиру Никифоровичу человека.

Владимир Никифорович оставил современникам 11 книг, в том числе две в соавторстве [40], и множество статей. Эти увлекательные путешествия по Новочеркаску лучше любого учебника по регионоведению рассказывают об истории города.

Как педагог и мудрец Репников знал, что погружение в историю родных мест воспитывает в человеке личность, гражданина, патриота. Владимир Никифорович стал не только летописцем Новочеркасска, но и его легендой!

В его домашнем альбоме «Автограф» есть стихотворение, которое Владимир Никифорович написал к своему 65-летию. С присущей скромностью он очень сдержанно оценивает себя и результат своего труда:

По дипломам я строитель.
А по жизни — сплошь любитель.
Мне в проframках очень тесно:
То и это интересно.
По-любительски рисую,
По-любительски пишу,

Как учитель не пасую —
Сорок лет уже «пашу».
По-любительски рифмую,
До седых волос дожив,
Не хочу судьбу иную —
Я любитель, тем и жив!

В 2009 году на смерть создателя и председателя городского клуба художников, заслуженно-го работника культуры России, искусствоведа и художника Владимира Ивановича Кулишова, Репников писал: «*Есть люди, родившиеся и прожившие всю свою жизнь в одном и том же месте, но равным счётом ничего не сделавшие для него. А есть и такие, которые, не являясь коренными жителями того либо иного места, прикипели к нему душой и всю оставшуюся жизнь отстаивали его самобытность*» [41].

Эти слова в адрес многолетнего сподвижника и друга в полной мере относятся и к самому Владимиру Никифоровичу Репникову — заслуженному учителю школы России, члену городского клуба художников, краеведу и писателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Репников В. Н. Была война... Воспоминания трёх братьев : мемуары. Новочеркасск : [б. и.], 2009. 64 с. : портр.
2. Его же. Была война... // Частная лавочка. 2005. 12 февр. С. 3; Его же. Война прошла через нас // Там же. 7 дек. С. 3.
3. Кравченко И. Я. Золотые взгорки : [о выставке акварелей преподавателя гидрометеорологического техникума, заслуженного учителя школы России В. Н. Репникова] // Донская речь. 1992. 11 дек. С. 3.
4. Репников В. Беседа прошла активно: [о политзанятиях в школе молодого бойца] // Крылья Родины. 1956. 26 янв.; Его же. Воздвигаем десять домов: [о строительстве домов для военнослужащих] // Слава Родины. 1957. 31 июня.
5. Пасечников М. Люди живого дела: [о стр-ве жилого комплекса для военного городка] // Слава Родины. 1957. 1 окт.
6. Житков В. Художественная студия института [НПИ в 1960-е гг.] // Знамя коммуны. 1955. 1 окт. С. 2; Репников В. Н., Хлебников С. Д. При Беде студия не знала бед // Кадры индустрии. 1998. 16 апр. С. 3.
7. Репников В. Н., Хлебников С. Д. Неистовый Беда : [об орг. гор. выставок художеств. студией НПИ в 1960-е гг.] // Донская речь. 1998. 26 июня. С. 8.

8. Репников В. Н. Николай Васильевич Овечкин. Начало пути // Частная лавочка. 2009. 7 мая. С. 8.
9. Данцев А. К. Самодеятельная студия художников : [в Новочеркасске] // Молот. 1962. 26 мая. С. 3.
10. Репников В. Н. В разливах чистой акварели : Персон. выставка В. Н. Репникова : Пейзаж. Портрет. Натюрморт : Каталог / Музей истории дон. казачества, Дом-музей М. Б. Грекова; Авт. вступ. ст. В. Н. Репников. Новочеркасск, 2008. 16 с. : ил.
11. Князев А. Мир наших увлечений // Знамя коммуны. 1978. 21 марта. С. 2; Коваленко М. В мире прекрасного // Знамя коммуны. 1990. 3 апр. С. 3.
12. Кравченко И. Я. Сто окошек в дивный мир // Знамя коммуны. 1986. 11 янв. С. 3.
13. Репников В. Н. Опыт становления и использования конспектов-схем : [метод. рекомендации] // Среднее специальное образование. 1980. № 8. С. 40 — 42.
14. Фролов М. А. В орденоносном политехническом : [о стр-ве спортивно-физкультур. комплекса] // Знамя коммуны. 1964. 10 окт. С. 3; Белов А. На общественных началах: [о 20-ти безвозмездных проектах каф. архитектуры НПИ] // Знамя коммуны. 1966. 27 мая. С. 4.
15. Репников В. Н. Мой город : Историко-архитектурный очерк. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ, 2002. С. 39 — 41; Его же. Размышления у памятника : [Герою Советского Союза Г. Петровой] // Кадры индустрии. 1998. 5 дек. С. 4.
16. Его же. Всплески. Художественные традиции Новочеркаска : [к 40-летию гор. клуба художников] // Донская речь. 1993. 6 авг. С. 6 — 7.
17. Хлебников С. Д. Возродить традиции // Кадры индустрии. 1979. 17 февр. С. 3.
18. Репников В. Н. Он был художником и в журналистике : [О Б. А. Плевакине] // Донской временник. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. С. 142.
19. Его же. Верность : [о художнике-акварелисте С. Д. Хлебникове] // Кадры индустрии. 1981. 21 нояб. С. 3; Его же. Ах, вернисаж... : [о 35-й художеств. выставке город. клуба художников] // Знамя коммуны. 1990. 14 дек. С. 2; Его же. Выставка закончилась, жаль // Донская речь. 1992. 4 июня. С. 1; Его же. Всплески : [о художеств. традициях Новочеркаска] // Донская речь. 1993. 6 авг. С. 6 — 7; Его

- же. Новочеркасские акварели : [о выставке художника и преподавателя НПИ С. Д. Хлебникова] // Донская речь. 1994. 26 февр. С. 2; *Его же*. Здесь работал художник : [Н. В. Овечкин] // Донская речь. 1994. 22 окт. С. 3, рис.; *Его же*. Маэстро кисти : [С. Д. Хлебников] // Донской временник. Год 2011-й. Вып. 19. Ростов н/Д., 2010. С. 115 – 117.
20. Кулишов В. И. Владимир Репников. «Мой город» : выставка / Авт. вступ. ст. и сост. каталога В. И. Кулишов; Дом-музей М. Б. Грекова, Музей истории дон. казачества, Городской клуб художников. Новочеркасск. 1995. 12 с. : ил.
 21. Кравченко И. Я. Солнечные блики : [о персон. выставке В. Репникова «Мой город, Акварели и публикации»] // Донская речь. 1995. 7 марта. С. 2.
 22. Топилин М. В разливах чистой акварели : [персон. выставка В. Репникова] // Вечерний Новочеркасск. 2008. 26 марта – 1 апр. С. 19.
 23. Новочеркасск : краткая энцикл. / [сост. И. Г. Репников; отв. ред. Н. В. Белоусова]. Новочеркасск : Novoprint, 2001. 334, [1] с. : ил., портр., карт.
 24. Репников В. Н. Личная пятилетка пенсионера // Частная лавочка. 2007. 15 февр. С. 3; *Его же*. Частной лавочке – 10 лет // Там же. 2007. 22 февр. С. 3.
 25. *Его же*. XXX лет на Пушкинской, 108 : Записки ветерана техникума. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ (НПИ), 1999. 64 с. : ил.
 26. *Его же*. Сто девятый : Путевые заметки. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ (НПИ), 2000. 34 с. : ил.
 27. *Его же*. НПИ в моей жизни. Новочеркасск: Тип. ЮРГТУ (НПИ), 2001. 47 с. : ил.
 28. *Его же*. Была война : Воспоминания очевидца. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ (НПИ), 2002. 28 с. : ил.
 29. *Его же*. Мой город. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ (НПИ), 2002. 60 с. : ил.
 30. *Его же*. Мой город : Историко-культурный очерк. 2-е изд., доп. Ростов н/Д. : Старые русские, 2003. 96 с. : ил.
 31. Конкурс «Вдохновение» // Новочеркасские ведомости. 2003. 9 янв. URL: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/42177/ (дата обращения: 30.05.2023).
 32. Репников В. Н. Прогулки по Новочеркаску. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ (НПИ), 2005. 176 с. : ил.
 33. *Его же*. Прогулки по Новочеркаску : Вторая часть. Новочеркасск : Тип. ЮРГТУ (НПИ), 2006. 108 с. : ил.
 34. Новочеркасск : энцикл. / [сост. и ред. Ю. П. Белоусов, Н. В. Белоусова; авт. проекта В. Ю. Белоусов]. Новочеркасск : ООО «Новопринт», 2005. 719 с. : ил., цв. ил., портр.
 35. Итоги 6-го областного конкурса полиграфистов и издателей Дона им. М. Платова // Министерство транспорта Ростовской области : сайт. URL: <http://special.mindortrans.donland.ru> (дата обращения: 30.05.2023).
 36. Новочеркасск : два века за два дня : путеводитель / [авт.-сост. А. Н. Балацкий ; авт. текстов: В. Н. Репников, Н. И. Бунина, А. Н. Балацкий; фото А. С. Тарасов]. Новочеркасск : Странник, 2005. С. 20 – 52, 182 – 198.
 37. Репников В. Н. Архитектурный ансамбль Донского политехнического института // Краеведческие записки / Новочеркас. музей истории дон. казачества : [сб. науч. трудов]. Вып. 8. Ростов н/Д., 2006. С. 69 – 76.
 38. *Его же*. Письма издадека : лето 1961 года. Новочеркасск : [б. и.], 2008. 48 с. : ил.
 39. *Его же*. Век трёх поколений. Новочеркасск : Геликон, 2013. 212 с. : фото, портр.
 40. Репников В. Н. Бессарабов В. С. По Новочеркаску без гида. Новочеркасск : НОК, 2011. 68 с. : ил.; *Их же*. По Новочеркаску : книга-альбом. Новочеркасск : НОК, 2012. 80 с. : ил.
 41. Репников В. Н. Щедрый талант : [О В. И. Кулишове] // Официальный форум донских казаков. URL: <http://russiancossacks.getbb.ru/viewtopic.php?f = 102&t = 2695> (дата обращения: 30.05.2023).

ВСПОМИНАЯ ВАЛЕРИЯ ЧЕСНОКА

В. Ф. Чеснок

2 мая 2023 года умер Валерий Фёдорович Чеснок. Более 30 лет он возглавлял археологический музей-заповедник «Танаис». При нём музей обрёл свой нынешний облик и статус. Прекрасный популяризатор древнего Танаиса,

автор почти двух десятков книг, рассказывающих о жизни и быте его обитателей, многочисленных краеведческих статей, Валерий Фёдорович умел привлекать к своему любимому детищу творческих людей, поэтов, художников, а также школьников, для которых лично открывал увлекательный мир археологии.

Вспоминается одно из его выступлений перед краеведами об историко-культурном наследии Приазовья 11 марта 2014 года. Он затронул тогда аспекты, связанные с сохранностью, реставрацией и музеефикацией Ливенцовской крепости, памятника археологии эпохи поздней бронзы II–III тысячелетия до н. э. на окраине Ростова, земляных крепостей XVIII века (Павловской на Миусском полуострове, Аннинской вблизи Старочеркасской). *«Эти памятники пребывают в бесхозном, разорённом состоянии, требуют срочного ремонта и противоаварийных мероприятий»*, — горячо говорил В. Ф. Чеснок, призывая краеведов искать выход из создавшейся ситуации на всех уровнях исполнительной власти, активно привлекая средства массовой информации [1].

Это был его опыт создания общественного образа Танаиса. И он поделился им с читателями нашего альманаха в своих воспоминаниях, подготовленных к публикации женой, М. И. Макаровой. Воспоминания Валерия Фёдоровича, его дочери Полины и Л. Ф. Волошиновой проиллюстрированы фотографиями из семейного архива В. Ф. Чеснока.

Л. А. Штавгакер

В. Ф. ЧЕСНОК

«В СВОЕЙ ЖИЗНИ Я НЕ ВЫРАБОТАЛ ФОРМУЛ...»

Я родился в г. Чита в Сибири 22 марта 1942 года. Моя мама — Новомличенко Клавдия Гавриловна (22.1.1920 — 30.10.1999) родилась в деревне Жадино Курской области. О маминной семье: бабушка — Екатерина Фёдоровна (в девичестве — Луценко), дедушка — Александр Киреевич Новомличенко. Дети их: Гаврила, Савелий и Ксения. У Гаврилы было трое детей — Татьяна, Клава и Василий. Спасаясь от голода, в 1937 году мама уехала в Москву. Едва обустроившись, к ней перебралась сестра Татьяна. Их

брат Василий погиб в первый год Отечественной войны.

Отец — Фишман Гирш Беницианович (1914 — 1944). Брак родители зарегистрировали 31 мая 1941 года в ЗАГСе Куйбышевского района Москвы.

Отец погиб на фронте 27 апреля 1944 года в бою у деревни Туровичи Ковельского района в Белоруссии. Немного, что знаю об отце, — из рассказов мамы. Сохранились несколько фотографий, три письма с фронта и извещение

Из рукописного наследия. Авторское название «Биография для внуков». Публикуется впервые

о гибели. Мама и я носили фамилию отца, мама с отчимом не регистрировали брак, так как на меня полагалось денежное пособие. С моим совершеннолетием они оформили брак, с моего согласия я взял фамилию отчима.

С проявлениями откровенного бытового антисемитизма в детстве я не сталкивался, ограждённый, по-видимому, авторитетом родителей в школе, чтением книг. Но свою «особость» принадлежностью к какой-то странной, презираемой, загадочной, гонимой, удивительной «касте» осознавал всегда. И всегда пытался разобраться, забираясь в лабиринты истории, религии, повседневности, обычно не находя ответа. И позже своим детям напоминал: «В вас течёт и еврейская кровь, опасайтесь всех “измов”».

А жена Наташа¹ смеялась: «Прививка от ксенофобии у наших детей² естественная — на несколько поколений».

Отчим — Чеснок Фёдор Дмитриевич (23.02.1916 — 8.07.1985), фронтовик. Родители всю жизнь учительствовали в станице Тимашовской³.

Первые отрывочные воспоминания. Мы с мамой стоим на обочине дороги. Мимо нас проходят

танки. Мама куда-то торопилась, но перейти дорогу невозможно, а мама и все люди вокруг радуются и плачут. Прямо у меня перед глазами крутящиеся колёса, бесконечная лента гусениц, облака пыли. Повзрослев, когда маме рассказывал, она припоминала — это лето 45 года, танки возвращались с войны. Мне три года.

Вспоминается жёлтая стена большого дома, нас выселили и мы живём среди мебели и узлов во дворе. Потом родители сняли старый деревянный дом, кажется на окраине города. Помню заросший травой сад, за ним лес, колоннада деревьев как в сказке, вершинами заслоняющих небо, отец брал меня на охоту, стрелял диких голубей.

Я наелся вишен от перекисшей настойки вылитой за домом, меня качает, родители в растерянности, потом рвота, всё объясняется. В памяти глинобитная стена дома, тропинка ведущая от дома к лесу, и большой серый кот.

От невзгод и бездомья перебрались на Кубань к родителям отца, хутор Приречный Тимашёвского района. Здесь копилка памяти стремительно пополняется, наверное, из-за необычности обстановки.

Валерий Чеснок с отчимом и мамой. 1963 г.

¹ Наталья Викторовна Бурлей (Чеснок) — первая жена В. Ф. Чеснока.

² Дети В. Ф. Чеснока — Елена, Алексей, Надежда, Полина.

³ В 1966 г. станица получила статус города и современное название — Тимашёвск.

Родители стали работать в школе в Тимашёвске — мама учительницей физкультуры, отец — физики. Снимали обычно одну комнату в станице. Я и брат [Юрий. — М. М.] до школы жили на хуторе.

Деревянная ступка, металлическая крупорушка для кукурузных початков, большой медный таз, в котором варили варенье, обилие разнообразной керамической посуды, стоящей на полках в погребнике — небольшой постройке под камышовой крышей во дворе с погребом.

Много лет организуя в заповеднике гончарное производство, сочиняя сценарии, проводя уроки Глиняной азбуки, я со смутным чувством узнавания, удивления и радости, конечно, вдруг понимаю, что это наверно попытка восстановить лучшие воспоминания детства. Такое же чувство когда прихожу в гости к Володе Ершову¹ — в его подвале на полках энциклопедия керамических форм.

Много позднее пришло понимание, что жили ведь трудно: послевоенное время, снимали комнаты в станице поближе к школе, налоги, бесконечные заботы накормить и одеть детей, болезни. Родители построили свой дом в станице только в 1957 году. Дом из самана с тремя комнатами, в центре станицы рядом с рынком.

Приобретение буфета, стульев, стола, одежды, подписка на собрание сочинений А. П. Чехова в зелёных томах и в светло-серых обложках Джека Лондона, массивные жёлтые тома «Детской энциклопедии», покупка фотоаппарата «Смена», фотоувеличителя — были событиями. Керосиновая жестяная лампа на припечке — мама встаёт ещё с темнотой, растапливает печь, готовит завтрак; в тёплые месяцы — на примусе и керогазе. Кажется, сегодня не глядя, мог бы разжечь эти два прибора.

Сегодня, когда позади много лет, когда события легко исчерпываются воспоминаниями, впечатления и переживания детства кажутся бездонными.

Первое знакомство с телевизором: у тети Тани² на тумбочке телевизор КВН с толстой линзой, заполненной водой перед экраном. В узком проходе между кроватью и стеной собирались соседи смотреть передачи.

В один из дней на улице между домом, где жила тётя, и оградой школы напротив, собралась толпа — снимали фильм. Это было интересно

и мы [дети. — М. М.] смотрели съёмки не только с подъезда, но и с крыши. Съёмки шли несколько дней, интерес пропал, но запомнилась красивая актриса с букетом цветов, протискивавшаяся через толпу, из разговоров услышал её фамилию — Самойлова — и название фильма «Летят журавли». Увиденный фильм, кажется на следующий год, был для меня потрясением. И потом, бывая в Москве, проходил мимо школьной ограды — металлическая решётка между оштукатуренными кирпичными столбами — вспоминал удивительное лицо актрисы, марш «Прощание славянки», не поддающееся словам переживание, которое сберегал всю жизнь.

Осень, 1957 год. Запущен первый спутник Земли. Восторг всеобщий. Я записываю в тетрадку передаваемые по радио время пролёта спутника над нашей территорией, забираюсь на крышу — хоть немного, но всё же ближе к спутнику. К счастью, ночи ясные, начальный момент неуловим, кажется, что просто одна из звёзд сорвалась с места и быстро движется к горизонту. Гипнотизирующее зрелище, оно повторяется много раз, но привыкнуть невозможно, и я снова приставляю лестницу к крыше веранды. Начинаю конструировать телескоп.

Круг чтения — Джек Лондон, А. Чехов, И. Ефремов, А. Гайдар, Тиль Уленшпигель, позднее А. Пушкин, но уже с иным взрослым чувством, журналы «Техника-молодежи», «Знание — сила» — литературой я, как философ Хома Брут, очертил границу, внутри которой хранил свои переживания.

После школы поехал в Таганрог поступать в ТРТИ (имел опыт изготовления детекторного приёмника и радиопередатчика, отсюда и самонадеянность). На первом же экзамене, кажется по математике, провалился с треском. Остался в Таганроге, жил на квартире, где-то в районе металлургического завода. Работал в парке рабочим — поливал цветы, пропалывал клумбы. Надоело. Пошёл на кожевенный завод, тоже работал недолго. Запомнилось — шкуры животных на крюках, подвешенные под потолком, их надо было окунать в чаны с какой-то вонючей жидкостью, казалось, что эти шкуры пытаются сорваться с крюков и жалобно кричат, как быки, убитые спутниками Одиссея.

Устроился в стройцах металлургического завода, сказал, что имею опыт класть мостовые булыжником (прочитал в объявлении, что требуются мостовщики). Утром в первый рабочий

¹ Ершов Владимир Данилович (1949–2018), художник-керамист, поэт, один из основателей поэтической группы «Заозёрная школа». Похоронен в Терновнике поэтов на Недвиговском кладбище.

² Татьяна — сестра матери В. Ф. Чеснока.

день мне дали лопату, лом, молоток и мастерок. У обширной выбоины перед проходной высыпали машину песка, ремонтирую. Выбрал просевший булыжник, засыпал песком промоину и уложил булыжник вровень со старой кладкой. К вечеру по уложенной мною площадке проехал грузовик и всё стало как прежде. Сообразил — надо было утрамбовать песок и укладывать с запасом уровня на просадку. На следующий день переделал. Начальник цеха, собравшийся было со мной расстаться, тормознул с увольнением. Ему я обязан тем, что приобрёл профессию каменщика, пригодившуюся мне на всю жизнь. У опытных дядек в бригаде обучался методам кладки — завести угол, набрать арку, одним движением кирпича заполнить горизонтальный и вертикальный шов, искусству ударом молотка или мастерка сколоть из кирпича половинку или три четверти. Но завод не очень нравился — грохот металла, нагромождение станков, краны скрипящие над головой, прокопчённые стёкла цехов. Перешёл на Таганрогский молзавод возле старого вокзала — они набирали каменщиков для строительства в районах пунктов приёма молока. Запомнились — степь, курганы, коровники, полуразрушенные храмы, обеды на полевых станах, разговоры, ночёвки у костра тут же на стройке. Пытался что-то записывать, поражаясь недоступности чувства. Было смутное ощущение бесконечности проникновения в прошлое, чему был участником и свидетелем. Бесконечности познаваемой, стабильной, укрывающей от всех крайностей кружений ума и чувства.

С 24 декабря 1960 года по 31 марта 1961-го обучался на курсах бригадиров — огнеупорщиков по кладке промышленных печей и обмуровке котлов при Краснодарском монтажном техникуме на улице Мира. После курсов направили в Новосибирск, в монтажно-промышленное управление. География работы — Новосибирск, Бердск, Искитим, Казахстан. Впечатляло всё — дремучая тайга под Бердском, сибирские морозы и снега, сульфатные сугробы озера в Казахстане.

Командировка в Москву на стажировку; месяц жил где-то в пригороде в общежитии — большой барак из брёвен на окраине посёлка среди соснового леса. После занятий допоздна бродил по городу, возвращался в барак последней электричкой. Неделю стажировки на заводе ЗИЛ — цеха мартеновских печей, прокатных станов. Впервые увидел большой завод, потоки расплавленного металла, автомобили, сходящие с конвейера.

О полёте Ю. Гагарина услышал в Казахстане, монтировали промышленный котёл

на сульфатном заводе. Первое чувство — он почти из моего поколения.

После детства это был второй курс высшего жизненного образования.

Через год вернулся домой с намерением поступать в вуз, конечно на истфак (тогда историко-филологический факультет). Может, сказались гены — отец закончил Историко-архивный институт в Москве, работал над диссертацией о декабристах (по рассказам мамы). Поехал в Ростов-на-Дону, сдал документы в приёмную комиссию РГУ, снял комнатку на Суворова, зубрил.

Поступил с трудом — тройка по иностранному. Наверное, вытащил меня Золотов Владимир Александрович — декан факультета, помню его заинтересованный взгляд, дополнительные вопросы на экзамене по истории, в итоге профилирующий предмет — 5. Я студент. Ночным поездом вернулся домой. Чтоб не будить родных улёгся досыпать в сарае. Справку иглой от акации пришили на двери. Проснулся от капель на лицо, подумал, дождь, открыл глаза — мама, сидит на табуретке держит в руке справку о зачислении моём в университет и плачет.

С самого начала учился плохо. На курсе я самый зелёный, сокурсники — многие отслужили армию, на занятия приходили в гимнастёрках, некоторые были членами партии, заполняя первые ступеньки карьерных должностей — комсорги, члены профкома, старосты, руководители стройотрядов.

Интересовало всё в истории; открытия — Василий Осипович Ключевский — читал его взахлёб; история может быть и поэзией, и литературой, размышлением о жизни. В. Соловьёв — история это документ, обжигающий и сегодня; религия — Библию с иллюстрациями Доре подарила хозяйка дома на Социалистической, у которой снимал комнату. Ходил в православные храмы Ростова, их тогда оставалось пять: в старообрядческий на Ульяновской, в синагогу на Газетном, расспрашивал, изучал по книгам архитектуру и пытался разобраться в интерьерах и богослужении. Посещал общину баптистов. Записался в ФОП (факультет общественных профессий) на журналистику и пытался писать заметки в университетскую газету «За советскую науку». Фольклор — записался было в фольклорную экспедицию Ф. В. Тумилевича в Ставропольский край к казакам-некрасовцам, штудировал литературу о них, но опоздал, экспедиция уже была укомплектована.

Философия — читал Ницше, перелистывал Гегеля, Маркса. Но их книги настолько кипели забытыми страстями своего времени, что нужно было с галёрки перебраться на сцену, поэтому захлопнул эти книги и уже не возвращался. Уже тогда притягивала античность, не в интерпретации литературоведов и философов, а в чистоте первоисточников — эпоса, архитектуры, произведений искусства, русской поэзии, поражающей узнаваемостью в повседневности.

Археология — работал в экспедиции у Станислава Никифоровича Братченко на Ливенцовке. Копали поселения эпохи средней бронзы на нижней террасе реки Мёртвый Донец. На верхней через несколько лет Слава сделает выдающееся открытие — Ливенцовскую крепость. Археология притягивала предметностью, осязаемостью времени, необъяснимой метафизичностью диалога с любой эпохой. И, конечно же, ощущением свободы — как будто из душноватого лабиринта бесконечных съездов, пленумов, постановлений, политэкономий, твердивших, вопреки действительности, верность, неизменность, монолитность, правильность формул, лозунгов, символов, выходишь на простор, где история, как звёздное небо над костром у древнего городища — изменчива, загадочна, бесконечна. И, главное, со всей бездной хронологий и событий таинственным образом вписывается в твою собственную судьбу.

Тогда же впервые побывал в Танаисе: вначале всем первым курсом на экскурсии, кажется рассказывал нам Ю. П. Ефанов¹, а потом довольно часто бывал во время работы у С. Н. Братченко (он был первым директором заповедника). Привозили коллекции, материалы, печь с Нижне-Гниловского городища, эвакуировали в заповедник по окончании работ оборудование с Ливенцовки.

Иногда ночевал в Танаисе в щитовом экспедиционном домике. Запомнились почему-то осенние дни, непрерывные дожди, стремительные облака над дельтой, городище, притягивающее светлой печалью, смутным ощущением ожидания, прощания, утраты, вины.

Во дворе мы укладываем в пирамиду ящики с коллекциями, укрываем брезентом и листами шифера. Затаскиваем ведрами в сарай уголь. В домике печь с потрескавшейся штукатуркой, тепло, запах сырых дров, на обоях стены между окнами прищиплены газетные вырезки, фотографии, расписание электричек, в шкафу с надтреснутым стеклом — кипы книг, папок,

афиш — во всём дремлющая энергия прошедшего лета.

Дома хутора скрывали складки рельефа, и лишь крыши немногих с востока и с юга были видны, будто не преодолев любопытства, они наблюдали за новым поселенцем у городища, таким шумным в летние месяцы и пустынным в холода — надолго ли?

В музейном помещении Слава сделал первую экспозицию — вещи стояли в больших довоенного производства двустворчатых канцелярских шкафах со стеклянными вставками и петлями для контрольных замков; там же была комнатка сторожа — неизменного Костромина Николая Родионовича, в ней хранились и наиболее ценные вещи.

В экспедиционном домике стоял дермантинный, огромный, старый, засаленный до лоска диван с валиками, он сохранился до моего прихода в заповедник. Это пристанище мышей, гнездовища разных насекомых и историй о первом десятилетии заповедника мы торжественно сожгли во дворе музея зимой, кажется 1972 года.

Ну и конечно — «кружения сердца». И сейчас удивляюсь — в полтора года вместились столько.

Судьба, или ангел мой, сменяя листы, набрасывали эскизы продолжения моей биографии. Это был третий курс.

Четвёртым была армия и несколько после армейских лет — призвали со второго университетского курса. В военном билете первоначальная запись «в ракетные части» перечеркнута, заменена на стройбат. Считаю — повезло, во первых, дело, которое я люблю и умею, армия с её этнической пестротой, уставными и не уставными отношениями (строительные батальоны только-только начинали формироваться взамен амнистированных сотен тысяч заключённых), яркие характеры людей, будто «промытые» упрощённостью армейских отношений. Не знаю, но это время заставляет и сегодня на склоне лет всматриваться в себя, тогдашнего. Всматриваться с любопытством, как будто что-то из прошлого, теперь такого далёко-го может тронуть сердце и сегодня.

Три года в Средней Азии — ярко контрастный, как одежды тамошних женщин, другой мир нянчил желание остаться в нём надолго. О них в дневниках — «Записки Сергея Ваганова — рядового военно-строительного батальона.

¹ Юрий Павлович Ефанов — археолог; в 1960–1970-х гг. возглавлял университетскую археологию в РГУ.

1963–1966 гг.». (Через много лет рукописи дневников расшифровал и набрал на компьютере. Может быть издадут дети или внуки). География этих лет — Арысь, Алма-Ата, Айна-Булак, Кызыл-Арык, Ташкент.

Демобилизовавшись, вернулся в Ростов, продолжил учебу в университете. Но видно душевная вольница, то ли генетическая — от предков по отцовской линии, то ли привитая детством, усиленная тремя годами стройбата, заставляла темы для образования выбирать самому. Переходил с дневного отделения на вечернее, затем на заочное, растянув учебу почти на шесть лет. Работал каменщиком в стройуправлении, в стройцехе на Ростовском мясокомбинате, комсоргом на заводе «Красный металлист», и затем основательно несколько лет ответственным секретарём по охране памятников истории и культуры (ВООПиК) по двум районам Ростова — Кировским и Пролетарским.

Мотался по области, читал лекции от общества «Знание», выезжал в районы по жалобам о разрушении храмов, курганов и памятников. Приходилось проверять сообщения о кладях, таинственных надписях на камнях, подземных ходах — трогательные мифологические фантазии, по-своему интересные. Выводил студентов на поиски хачкаров в котловане взорванного храма Григория Просветителя, устанавливал памятные доски — на доме физиолога Павлова, Маяковскому на фасаде гостиницы «Южная», на здании старого музыкального театра.¹

Запомнились эпизоды, которые записывал, к которым приходилось возвращаться, упрямо добиваться результата или безнадежно проигрывать. О нескольких напишу, если успею — сохранились записи и документы.

Всё случайное как-то терялось по пути, оставшееся переплавлялось переживаниями, оставаясь в памяти смутным ощущением то ли счастья, то ли благодарности за чудо жизни.

Пятым курсом, с 1971 года, самым многолетним и последним стал Танаис. Незаконченный курс. С неизвестной датой, когда от многоточия останется точка.

Написать о моём Танаисе вряд ли придётся, не по летам моим. Прежде всего, это люди, их было много — работавшие десятилетиями или появлявшиеся ненадолго, все были личностями и в достоинствах и в недостатках, но главное в таланте жить. Как художник, набрасывающий портреты далеко ушедших людей, я пытаюсь

удержать в памяти образы в описании или в событии, но они ускользают, торопятся, меняются, как будто прошлое ещё не стало «культурным слоем» и необходимо подождать. А сколько ждать?! Вряд ли успею...

Хроники событий я не вёл, из фрагментов воспоминаний цельный образ не склеить, да это и невозможно; служебный архив частью ликвидирован последующими директорами. Да и что там в оставшихся бумагах! — докладные записки, сметы, отчёты, газетные вырезки. Самое ценное — фотоархив, где все остаются живыми, молодыми, с неизвестным будущим. Но его ещё надо разобрать, отсканировать, напечатать.

Главное в этом периоде — расширение территории заповедника, законодательно закреплённые охранные территории, смена юридического статуса (из филиала областного музея в самоуправляемый заповедник), строительство фондохранилищ, археологические реконструкции, практика выставочных экспозиций, востребованность Танаиса в самых различных социальных нишах (образовательных, пропагандистских, просветительских), музейная педагогика (интерактивные уроки), избирательное право, история спорта, монетная система. Огромный исторический потенциал заповедника позволял легко прививать к его древу традиционные феномены культуры — театр (спектакль по сценарию Геннадия Жукова «Афинянин», театр Анатолия Боженко), массовые праздники («Пушкин и древности», праздник Танаиса, историко-театрализованные реконструкции), изобразительное искусство, сувенирное производство — и создавать новые (музейная педагогика, Заозёрная школа, Танаис в искусстве, Донская серебряная подкова).

Сейчас понимаю — большая роль была СМИ (телевидение, радио, газеты) — везде были «свои» люди, талантливые, энергичные, которым Танаис был интересен, и этот интерес воплощался в работы недостижимые до сих пор (фильм «Здесь под античным небом Танаиса»). Я ещё напишу о них.

Ими создавался общественный образ Танаиса, как иногда с завистливой иронией определяли недоброжелатели — «пуп Земли». Я не оспаривал, называя книжки «Танаис в круге земном», «В начале была легенда», «Ветвь священной оливы», «Олимпийские боги в образе Большой Садовой», втягивая заповедник в орбиту реальных, легендарных и не очень исторических событий.

При непрерывном самостоятельном строительстве на территории усадьбы (кухня, столовая,

¹ Ростовский государственный театр музыкальной комедии (1931–1999).

душевые, баня, фондохранилища, экспедиционный дом, театральная площадка, гаражи) удавалось всё же, скорее интуитивно, формировать устойчивую планировочную структуру, сохраняющей надолго всё прежнее и в которой сегодня, как в ростке, можно предугадать перспективы развития заповедника, вписывая надежды в любые региональные и федеральные схемы развития. Спираль развития заповедника бесконечна и нянчу себя надеждой — на каком-то витке лучшее из прошлого повторится.

Основные проблемы, как и для всех в те времена, были организационные — анекдотичная местечковая власть. Намучился я с чиновниками всей таблицы о рангах. Эта странноустойчивая вертикаль, в которой мыслительные функции вытеснены распределительными, порождая, ставшим наследственным, страх потерять кресло, заставляла их мимикрировать в бюрократической вертикали под любые оттенки непременно серого цвета. Бедствие страны со времён Древней Руси. О них писать легко, но убийственно скучно: устойчивые типажи, узнаваемые в любой эпохе.

Меня всегда забавляло неизменное выражение недоумения на лицах начальников регионального уровня, приезжавших в заповедник с инспекционными целями, или в свите значимых гостей. Им казалось странным существование структуры, не имеющей прямой связи с партийной идеологией, высокоориентированными задачами. Энтузиазм при низких зарплатах казался подозрительным, деятельность не управляемой.

В первом случае визит ограничивался строгими внушениями: очистить от травы подъезд к заповеднику со стороны дороги; во втором, задачей было — накрыть стол. Надо отдать должное — всё для «накрытия» привозилось начальством с собой, в исключительных случаях (приезд послов Голландии, Бельгии, официальных делегаций музейщиков из-за рубежа) выделялись деньги.

Ставлю многоточия в каждой строке, пытаюсь сформулировать едва ли не самое важное, что хотелось бы осмыслить и сохранить — то чувство бескорыстия, энтузиазма, настойчивости, убеждённости первых создателей и строителей заповедника: Семёна Марковича Маркова, Дмитрия Борисовича Шелова, Татьяны Михайловны Арсеньевой, Станислава Никифоровича Братченко, Людмилы Михайловны Казаковой. При всей разности характеров, служебного положения, возрастов в их отношениях к работе был забываемый ныне «ингредиент» открытости,

природного аристократизма, потребности диалога с каждым, кто входил в сферу деятельности заповедника, неважно из какого времени, прошлого или настоящего. И понимание необходимости содружества музейного сообщества заповедника с археологическим — здесь границы не существовало.

Скажу коротко — им было интересно.

Заповедник неизменен — и городище и усадьба сохраняют следы разных лет — «до боли знакомый...». Оставшиеся люди поколения, его отцов-основателей, трудности и радости 60–90-х годов, спешно договаривают последние строки сценария, так удивительно совпавшего с их собственными судьбами. А время, мудрый режиссёр, уже торопит, выводя из-за кулис новых персонажей. Всемирная история — это судьба человека. Всё остальное — контекст!

Остановился, размышляю: или продолжить эту тему здесь (но будет ли это интересно моим внукам?), или вынести её в отдельную тему в другом месте? Пока прервусь.

В своей жизни я не выработал формул, которыми можно было бы нравоучительно поделиться с детьми и внуками, да они и слушать не будут. Иной раз покажется, что мир меняется стремительно, но я в это не верю, всегда остаётся то, что объединяет поколения разных эпох; оно накапливается, обнажая омерзительность политики, невежества, ненависти — «скучные ошибки веков» и, может быть, готовя человека к другим ощущениям мира. Можно позавидовать будущему — бессмертие, прогулки по вселенной, микромиру. Но всегда останется человек сомневающийся и чудо его явления в мир.

Личное же прошлое, чувствую — благодарный собеседник, особенно сейчас с возрастом, находится что обсудить, над чем подумать, что-то заново пережить.

И старость! Уже не раскатами грома, а проливным дождём, от которого не укрыться ни в повседневных делах, ни в работе, ни в книгах, ни в скупом внимании моих взрослых детей, ни в женских объятиях.

Но всё же, оглядываясь — чувство жизни как непонятого мною дара кристаллизируется в душе. Точнее, может быть у И. Бунина — сон воспоминанья! ...

« И будут дни — угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль....».

Сегодня, когда старость прилипчивой тенью следует за мной повсюду, когда вижу сочувствующие взгляды, когда избегаю женщин, помнивших меня молодым, когда мне пытаются уступить место в общественном транспорте, а бомжи на трамвайной остановке у рынка говорят мне: «Дед, выручи!». Когда прощания навсегда — очно или заочно — с друзьями, знакомыми, с людьми, которых, может быть и знал вскользь, но запомнились. И эти прощания стали обыденностью...

И на Недвиговском кладбище взглядом меряешь вырубленную в зарослях терновника аллею

для ушедших танаитов — где-то продолжится и мной...

Когда дыхание срывается не на бегу, на ходьбе ... и нет слов закончить фразу.

Оглядываешься и поражаешься простоте понимания щедрости судьбы — её пространство вместило моих детей, работу, любовь!

Наверное, возраст позволяет думать, что я могу собраться в любой момент, как только увижу, услышу или почувствую, что вот... Пора! И неотложные дела обернутся обратной перспективой как в перевёрнутом бинокле, и вся жизнь сорвётся с последним выдохом ... Куда, зачем? Нет ответа. Но остаётся надежда!

[хутор Недвиговка, 2014 — 2015 г.]
Публикация М. И. Макаровой

П. В. ЧЕСНОК

МОЙ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ОТЕЦ

В. Ф. Чеснок с дочерью Полиной

Папа не любил высокопарные слова. Человеком он был простым, но очень талантливым и, несомненно, удивительным. Я прожила с ним рядом почти двадцать восемь лет. Каждого

удивляло в нём что-то своё, например, энергичность и умение собирать талантливых людей, разительные идеи, или умение создавать и созидать то, что большинству не пришло бы в голову.

Меня удивляло его умение писать книги, с учётом того, что я очень редко заставляла его за этим занятием. Он всегда вставал в пять утра, всю жизнь — даже, когда болел. Брал ведро с саженцами, лопату, очки, телефон, блокнот и мчался в известном ему направлении. Иногда брал меня с собой. Помню из детских лет как, будучи директором или заместителем директора музея «Танаис», он сам сажал там деревья — находил свободное место и неистово втыкал в землю новые деревья — вот секрет, почему Танаис сейчас такой зелёный. И потом весь день он ходил так быстро, что мне приходилось бежать за ним вприпрыжку. Он по дороге успевал сделать множество дел, дать сотрудникам задания и, если были свободные руки, придумать им работу. Потеряешь его из виду, найти потом практически невозможно, потому что в том месте, где его видели, его уже нет.

Книги же он писал в неизвестное мне время, может они сами к нему приходили и сами писались. Потому что такому обаятельному человеку невозможно было отказать. Я спрашивала: «Па, как написать целую книгу?». И он мне отвечал: «Чадо чесночное, да просто садиться и писать». Поняла я это выражение очень не скоро,

Полина Валерьевна Чеснок, маркетолог, хутор Недвиговка Мясниковского р-на

но всё-таки. Действительно, чтоб что-то сделать, нужно это делать. Начинать не сначала, а с маленького кусочка, с одной строчки. Отец говорил: «Пиши дневник каждый день», твердил: «ни дня без строчки». И это, правда — работает, стоит только начать.

Он держал у кровати листочек и ручку, чтоб можно было проснуться и сразу записать мысль, из любой мысли может получиться книга или статья. Поэтому, говорил он: — «Не ленитесь! Всё нужно придать бумаге».

Сейчас приехав в музей-заповедник «Танаис» сложно представить, что когда-то это было два небольших домика и голое поле. Сейчас там роща, цветёт сирень, множество сотрудников, башня поэтов, городище, мост. И даже камушки в дорожке положены отцом.

Отмечу его невероятное любопытство к жизни. Ему интересно было буквально всё — сажать деревья, говорить с людьми, делать каменные дорожки. Будучи уже в преклонном возрасте он придумывал себе занятия по хозяйству, мешал раствор и ремонтировал макет города своими руками. Делал это с великим удовольствием, с трепетом к маленьким и большим делам, вниманием и уважением к деталям. Говорил, что хочет задержать момент и повнимательнее его рассмотреть. Сейчас перебираю его дневники и там он пишет про всё — про бабушек на рынке, про разговоры с детьми, про гостей, нагрянувших в дом среди ночи, чтоб попить чай с Чесноком. И это любопытство чувствуется во всех его записях, в течении всей жизни.

Педагогика занимала большую часть его работы, он пытался сделать музей интересным, историю захватывающей и познавательной. Отойти от стандартных экспозиций под стеклом и прийти к наглядности и толчку для фантазии. Этим принципам придерживался и в воспитании своих детей. На экскурсиях со школьниками срывал веточку и использовал её как волшебную палочку. Заряжал веточку в катапульту

и предлагал детям выстрелить, или перемолоть её в ручной зернотёрке, обращал внимание на надписи, высеченные в камне. На амфорах вместе с юными экскурсантами искал надписи об их происхождении; дети трогали стенки амфоры, чтоб почувствовать остатки масла, прикладывали ухо к горлышку, чтобы услышать, о чём она расскажет. На городище всё той же веточкой вырисовывал в воздухе очертания оборонительных башен и стен.

Он понимал необходимость познания истории для детей, потому что без прошлого нет будущего. Такая наглядность делала своё дело.

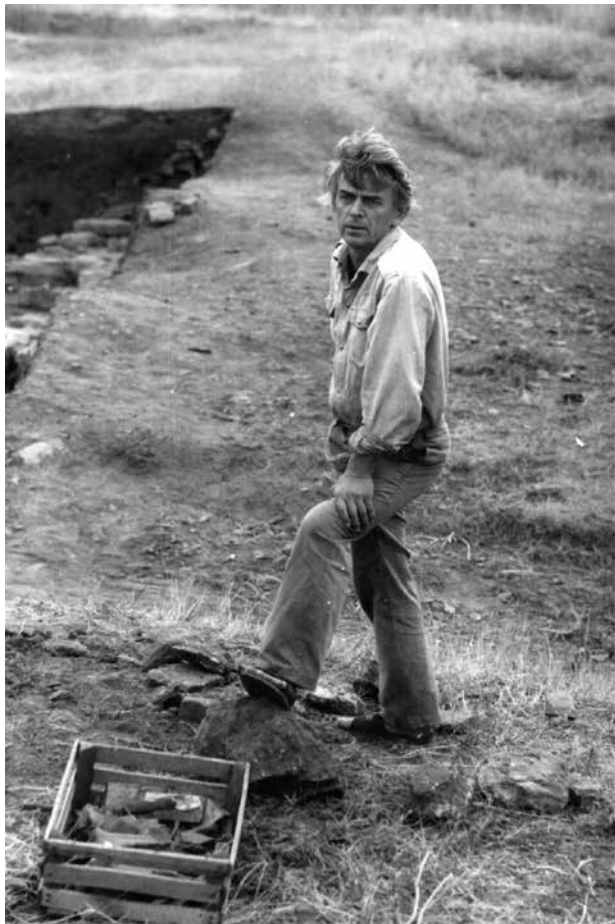
Во взрослом возрасте при знакомстве с новыми людьми, когда говорила, что я из Танаиса, часто получала в ответ рассказы о том, какая у них была интересная экскурсия там, в пятом классе. Под описание экскурсовода всегда попадал отец. Такое погружение почти невозможно было забыть. Навсегда запомнилось, чем амфора отличается от пифоса, и чем освещались помещения в древнем городе.

Так и дома со мной — он оставлял возможность пофантазировать, как бы подталкивая её. Каждый вечер предлагал рассказать мне сказку на любую тему, которую я придумаю: то про лампочку, то про собаку. Постепенно мы начинали оценивать насколько ту или иную тему можно раскрыть; потом он предлагал мне в процессе рассказа менять сюжет, когда захочется. Говорил, что мечтать, как и делать зарядку, нужно каждый день. Сейчас я чувствую эти плоды его воспитания и уроков фантазии. Где-то год назад он сказал: «Смерть мне отчаянно интересна. Хочу посмотреть на себя, встать из гроба и сказать: “Всё друзья, концерт окончен! Перерыв на обед!”» — и засмеялся.

Так и ушёл папа в пять утра, в первый рабочий день после выходных, дома, в своём кабинете, в окружении книг и своих архивов. И сейчас с коллегами и друзьями можем вспоминать только истории, которые заставляют нас улыбаться.

Л. Ф. ВОЛОШИНОВА

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ЖИВЁТ ЕГО ИДЕЯМИ

В. Ф. Чеснок. 1980-е гг.

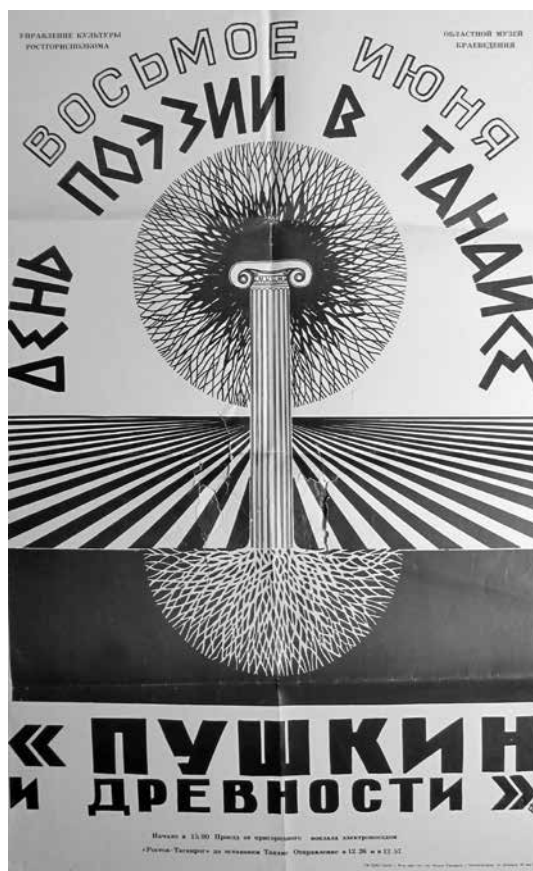
При жизни о Валерии Фёдоровиче Чесноке много писали в газетах [2]. В основном это были публикации в защиту директора-энтузиаста музея-заповедника от чиновников, которые не давали ходу его инициативам. А отзывы о нём коллег, друзей, тех, кто с ним работал, практически не звучали.

С Валерием Чесноком я познакомилась в 1976 году, когда работала архитектором в Ростовской специальной реставрационной мастерской и одновременно занималась в театральной студии при Доме культуры службы быта, которую возглавляла молодой режиссёр Людмила Хромий. Тогда Валерий Чеснок был заведующим Недвиговским филиалом областного музея краеведения «Танаис» и привлекал для сотрудничества художников, реставраторов, архитекторов,

журналистов, скульпторов, дизайнеров, актёров, режиссёров. Он старался увлечь их темой древнего города на краю Ойкумены, понимая, что магия художественных образов притягивает сильнее всякой рекламы.

Впервые наша студия приехала в заповедник ранней весной, а уже в июле мы играли на раскопе городища поэтический спектакль по стихам Уитмена, Межелайтиса, Вознесенского. Декорациями были небосвод, развалины античного города, душистое разнотравье у краёв раскопа. Там же расположились и зрители — археологи ежегодной экспедиции и немногочисленные гости.

Спектакль не мог быть удачным по разным причинам, но произвёл впечатление на зрителей. За «актёрами» в заповедник потянулись поэтические сообщества, барды. В 1980-м прошёл первый поэтический праздник, который собрался по инициативе поэтически настроенных друзей музея, среди которых была и автор этих воспоминаний. Название ему «Пушкин и древности» придумал Валерий Фёдорович.

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону

Он умел притягивать людей идеями. На них в те предперестроечные годы живо откликнулись люди творческие, уставшие от идеологических установок, жёстких производственных планов, партийных лозунгов, примитивных схем и ограничений.

Вскоре друзьями заповедника стали молодые художники Елена и Александр Ксениты, расписавшие стены музея, сделавшие первые афишу и буклет «Танаиса», члены Союза художников В. П. Буримов, А. М. Чернышёв, Г. П. Солонин, создавшие живописные реконструкции городища, талантливые художники, работающие в разных жанрах Е. Левчанко, С. Петрашкевич, Г. Гарбузов, С. Маханьков и другие.

Сергей Губа выполнил образцы античной одежды и оружия, молодая художница и дизайнер Людмила Оганова провела свою первую выставку. Дельтапланерист Евгений Шевченко сделал фотоснимки городища и дельты Дона во время своих полётов. Реставратор Геннадий Пахомов собрал из обломков каменные полочецкие изваяния для лапидария музея. Этот перечень можно продолжать.

Зная, что я архитектор, Валерий Фёдорович часто спрашивал совета по строительным вопросам и тут же добавлял, что вообще здесь, в заповеднике, строить нельзя — везде культурный археологический слой. От него я с удивлением узнала, что строение музея, которое располагалось у главного входа, возводилось как фондохранилище, но его приспособили под музей, а рядом выстроили корпуса поменьше, для фондов и временного жилья.

Впоследствии стало понятно, что самодеятельное строительство на территории заповедника было неизбежно. Конечно, В. Ф. Чеснок предпринял попытку разработать генплан заповедника, но она потерпела неудачу. Не получилось взаимодействия опытного архитектора, взявшегося за составление генплана, и археологов, которых представлял Валерий Фёдорович. Причин было много: неясны перспективы развития заповедника и возможности финансирования, не определены необходимые объёмы фондохранилищ и выставочных площадей, потребности бытового обустройства ежегодных экспедиций и сотрудников заповедника. Даже место расположения будущего капитального здания музея вызывало споры специалистов.

Воценке наших министров культуры области, от которых во многом зависела судьба заповедника, мы с ним были единодушны, ведь они были и по образованию и мышлению, по сути, то министр-баянист, то министр-финансист, то министр-пионервожатый, то министр-журналист

Могли ли они быть авторитетами для него, или достойно воспринимать его инициативы?

А подлинными авторитетами для Валерия Фёдоровича были его коллеги — директор Аксайского музея Владимир Гладченко, директор Азовского музея Анатолий Горбенко, ростовские краеведы и историки Михаил Краснянский, Иван Чардаров, Владимир Сидоров, Аркадий Айрумян, Андрей Зимин. И, конечно, археологи, долгие годы исследовавшие Танаис: Дмитрий Борисович Шелов, Татьяна Михайловна Арсеньева, Игорь Сергеевич Каменецкий, Дега Витальевич Деопик, Станислав Никифорович Братченко, Людмила Михайловна Казакова. Благодаря общению с ними, его увлекала археология «...предметностью, осязаемостью времени, необъяснимой метафизичностью диалога с любой эпохой. И, конечно же, ощущением свободы — как будто из гушного лабиринта бесконечных съездов, постановлений, политэкономий выходишь на простор, где история, как звёздное небо над костром у древнего городища, изменчива, загадочна, бесконечна. И главное со всей бездной событий в неё таинственно вписывается твоя судьба» [3, с. 10–11].

Сегодня мало кто помнит о созданном при активном участии В. Чеснока при музее-заповеднике школьном археологическом отряде «Кентавры», который под руководством опытных археологов обследовал крепость «Лютик»; другой отряд, собранный из школьников, возглавляемый археологом заповедника В. Чалым, участвовал в раскопках некрополя «Танаиса» наряду с археологической экспедицией. Впоследствии эту инициативу в области подхватил археолог В. Смоляк, организовавший группу школьников для раскопок на Среднем Дону на острове Поречном.

Всех, заинтересовавшихся темой античного города, Валерий Фёдорович настойчиво приглашал знакомиться с музейной экспозицией, сам проводил экскурсии по городищу и музею, предлагал участвовать в раскопах. Сожалел, что не часто отзывались на его предложения.

Он был увлечён идеей исторических реконструкций: макета крепостных башен и жилого дома, воссоздания глинобитной меотской хижны, древней катапульты. Римский мост проектировали инженеры, а строил свой реставрационный отряд. Соратниками в этом его начинании были Людмила Михайловна Казакова и Павел Флюгрант, непосредственно руководившие реставрационными работами в заповеднике.

Валерий Фёдорович всегда радовался неожиданным гостям музея, будь то профессор Ю. А. Жданов, посол Греции в СССР, Тур Хейердал или иностранные туристы.

За написание книг Валерий Фёдорович взялся, понимая, как необходима популяризация древнего мира Приазовья, Причерноморья, самого Танаиса. Это были небольшие, но интересные книги: «В начале была легенда» [4], «Археологический декамерон» [5], «Олимпийские боги в образе Большой Садовой» [6]. Исключением стала богато оформленная книга «Ветвь священной оливы», изданная в преддверии олимпиады при финансовой поддержке Администрации Ростовской области [7].

В серии «Античный мир юга России» вышли брошюры «Амазонки — женщины из легенды» [8], «Танаис — продолжение легенды» [9], «Как одевались предки» [10], «Танаис в круге земном» [11] и др. Эти названия втягивали древний город в орбиту мировой истории, легендарных образов и волнующих событий.

Последними, стали объёмные книги «Паруса над Меотидой» [12], «Археологический музей-заповедник “Танаис”»: история создания и развития» [3], «Танаис» [13], изданные при поддержке и финансировании Федеральной национально-культурной автономии греков России.

Валерий Фёдорович всегда был наполнен идеями: от экскурсии в соседнюю Недвиговку и Каменную балку, велосипедных поездок по Миусскому полуострову и в дельту Дона до «Серебряной подковы Дона».

Концепция Валерия Чеснока «Танаис в круге земном» включала многие начинания, реализованные благодаря энтузиастам: праздники «Пушкин и древности» и «День Танаиса», выставки «Танаис в искусстве», «Театр “Одеон”» Анатолия Боженко, педагогические проекты Татьяны Бабушкиной, уроки древних ремёсел и арбалетный тир, детские телепрограммы журналиста Евгении Апаринной. Благодаря режиссёру Ростовского телевидения Людмилы Рублевской снимался фильм «Здесь под античным небом Танаиса» с участием поэта Виталия Калашникова. Конечно, были и неудачные начинания, угаснувшие в суете повседневности, иные затаившиеся, чтобы потом вспыхнуть...

Ныне поэтические праздники дополнились фольклорными выступлениями и театральными спектаклями, утвердились и получили развитие уроки древних ремёсел, основную экспозицию пополнили зал амфорных эталонов и разнообразные тематические выставки.

За годы его жизни маленький провинциальный археологический музей стал популярным в России и в европейском зарубежье, был включён в российские туристические маршруты, а раскапываемый город стал объектом художественного и поэтического творчества.

Найдутся ли у него последователи? По крайней мере, очевидно, ещё долго музей-заповедник будет жить его идеями, его инициативами, его надеждами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Волошинова Л. Ф.* Историко-культурное наследие Азова и Приазовья : Открытые заседания Ростовского областного общества «Донской краевед». Ростов-на-Дону, 11 марта — Азов, 12 апреля 2014 г. // *Донской временник*. Год 2015-й. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014. С. 224.
2. *Аромштам М.* Синьор Чеснок / Фото *К. Пашиньяна* // *Огонёк*. 2000. N 27 — 28. С. 55 — 57; *Лезвин А.* Новые парадоксы старого Танаиса // *Труд*. 2000. 28 дек. 2001. 3 янв. Рост. регион. вып. С. 14; *Мирзабекова Н.* Музейный романтик // *Ковчег Кавказа*. 2002. N 3 (апр.). С. 18 — 19; *Бульбич О.* Хранитель древностей // *Крестынин*. 2000 21 — 27 дек. С. 3; *Колобова А.* Министерство внутренних дел от культуры : [Критич. ст. в адрес министра культуры Рост. обл. В. А. Иванова и его зам. В. С. Касьянова по поводу предстоящей смены рук. музея «Танаис» В. Ф. Чеснока] // *Литературная газ.* 2000. 6 — 12 дек. Юг России. С. 14.
3. *Чеснок В. Ф.* Археологический музей-заповедник «Танаис» : история создания и развития / проект реализован ОО ФНКА греков России при поддержке Федер. агентства по делам национальностей в рамках гос. программы «Реализация государственной национальной политики». Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2020. 120 с.
4. *Его же.* В начале была легенда : рассказы о Танаисе. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1987. 111 с. : ил.; *Его же.* В начале была легенда... : круг мифов, легенд и сказаний о великой реке и древних народах на ее берегах. Ростов н/Д. : NB, 2005. 67, [1] с., [4] л. ил.
5. *Его же.* Археологический декамерон : Рассказы. Ростов н/Д. : NB, 2015. 167 с.
6. *Его же.* Олимпийские боги в образе Большой Садовой. Ростов н/Д. : ГинГо, 2010. 119 с. (Античный мир Юга России).
7. *Его же.* Ветвь священной оливы : боги и герои античных стадионов на территории России / [Гос. ист. музей, Гос. музей-заповедник «Танаис», Гос. Эрмитаж и др. ; фото Ю. Улетовой и Р. Петрова].

- Ростов н/Д. : Омега Паблицер, 2007. 359 с. : ил.
8. *Его же.* Амазонки — женщины из легенды / [Ростов н/Д. : NB, 2005]. 22, [1] с., вкл. обл., [2] л. ил. : ил. (Античный мир юга России).
 9. Танаис. Продолжение легенды. [Ростов н/Д. : NB, 2005]. 25, [1] с., вкл. обл. : ил.
 10. *Его же.* Как одевались предки / В. Ф. Чеснок. [Ростов н/Д. : NB, 2008]. 7, [1] с., [2] л. ил. : ил. (Античный мир юга России).
 11. *Его же.* Танаис в круге земном: легенды и факты [2-е изд., изменён. и испр.]. Ростов н/Д. : РОФССЭР «Танаис», 2007. 38 с. : ил.
 12. *Его же.* Паруса над Меотидой : [прил. к соврем. летописи «Ростовский порт. История в лицах»] Ростов н/Д. : [б. и.], 2021. 223 с. : цв. ил., фотопортр.
 13. *Его же.* Танаис / проект реализован ОО ФНКА греков России при поддержке Федер. агенства по делам национальностей в рамках гос. программы «Реализация государственной национальной политики». Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2020. 120 с.

Ж. П. ГРИДАСОВА

«НО В ПАМЯТИ ТАКАЯ СКРЫТА МОЩЬ...»

Е. В. Халдаев. Фото И. Е. Халдаева

Никто не предполагал, что эта публикация станет его последним материалом.

Теперь пишу о Евгении Васильевиче Халдаеве (26.07.1959 – 25.08.2023), известном новочеркасском журналисте и краеведе, увы, в прошедшем времени...

В заголовок сами собой легли строки из стихотворения Давида Самойлова. Женя любил его творчество. Впрочем, как и хорошую поэзию и прозу — русскую и зарубежную, и музыку — классическую и современную. Был он личностью очень образованной, яркой и талантливой, и в то же время не публичной. Восхищали его энциклопедичность, жажда жизни, одержимость действием. Изумляли усердие, терпение, настойчивость и любовь к своему делу. Поражали целеустремлённость и трудолюбие, с какими он работал многие годы. Трогала своей поучительностью верность, с которой он вёл свою, выбранную, тему.

А устремлённость объять необъятное удивляла! Поэтому строки из самоейловского стихотворения «но в памяти такая скрыта мощь, что возвращает образы и множит...», как никакие другие, подходят к характеристике жизни и деятельности Евгения Васильевича. Они стали, по сути, лейтмотивом его поисков и открытий.

Под «необъятным» скрывалось Женино желание повернуть людей к изучению истории своего места, малой Родины, края, где нам выпало жить, к той таинственной связи с давними предками, которые давно растворились в земле, но потрудились на славу нашего с вами Отечества.

В конце июля 2023 года мы говорили с Женей о его «Новочеркасских лазаретах Гражданской войны» перед сдачей статьи во «Временник» [1].

Его гражданская совесть была тем самым сердечным пульсом, тем важным биомаркером, который лишал состояния покоя по поводу нашей национальной старины, за годы десятилетий подвергшейся разрушительному опустошению. Всё его творчество было посвящено защите уцелевшего!

Евгений Васильевич Халдаев пришёл в журналистику из комсомола в 80-х годах прошлого века. Как коренной новочеркасец, предки которого по материнской линии носили фамилию Ефремовых, он с любовью окунулся в историю казачьей столицы и донского края. Это были годы работы в «Кадрах индустрии» НПИ (ЮР-ГПУ). Затем, в 90-е, будучи сотрудником «Новочеркасских ведомостей», стал вести «Станичный вестник». Ему много раз приходилось общаться с заслуженным работником культуры России, искусствоведом и признанным краеведом Кулишовым — они были едины в желании заполнить белые пятна летописи казачьей истории. И когда Евгений Васильевич поделился с Владимиром Ивановичем тем, что хотел бы заниматься Новочеркасским казачьим некрополем, тот, как старший товарищ и опытный краевед, посоветовал не брать на себя неподъёмный груз: главный казачий погост был практически уничтожен в 30-е годы XX века.

И всё же Халдаев взялся за данную тему, начал поднимать эту необозримую целину, став летописцем некрополя и первооткрывателем многих имён исторических личностей, возвращая их нам [2; 3; 4]. Хорошо помню, как всё начиналось. Мы познакомились близко, когда в 1992 году Евгений Васильевич пришёл в «Пресс-центр» администрации города, и мы стали работать в одном коллективе. Уже вовсю шёл процесс воссоздания памятника прославленному атаману и основателю Новочеркасска М. И. Платову. На намечающееся празднование ожидалось потомки казачьих родов, ушедших в эмиграцию во время Великого исхода XX века. Необходимо было найти места упокоения героев Отечественной войны 1812 года. И Евгению Халдаеву было поручено заняться этим вопросом.

Тогда могил соратников Платова найти не удалось. Но возник реестр памятников или того, что от них осталось. Список этот методично пополнялся после посещения погоста. Одновременно начался поиск в дореволюционных газетах и книгах информации, в архивах — послужных списков тех людей, чьи фамилии вносились в создаваемый реестр. Помогал Евгению Васильевичу все эти годы в работе сын Илья — друг и единомышленник. Сейчас Илья формирует архив отца, в котором без малого семьсот тысяч файлов!

Мне нередко задавали вопрос: почему Халдаев занялся изучением казачьего некрополя? За каждой фамилией, лёгших на городском погосте, он видел незримых героев. Из их судеб и складывается история места и страны. Женя очень хотел, чтобы появился музей памяти достойных людей Новочеркасска. Чтобы народ понимал историческую преемственность в потоке чередующихся времён.

Погрузившись в историю некрополя, мечтал показать, что и посмертно прадеды и деды составляют нас уму-разуму своими примерами. Даже за каждой разбитой могильной плитой стоит конкретная личность, легендарная для своего времени, повествующая нам о своеобразном национальном паролке: «любовь и преданность Отечеству!». Память — это колоссальная духовная сила!

В старину верили в защиту предков. Вот как писал русский историк, профессор русской истории и литературы Йельского университета Николай Ульянов ещё в мае 1962 года: «Если правда, что умершие поколения управляют судьбами народов в меньшей мере, чем живые, то есть ещё у нас заступники» [5].

Музей памяти появился! Вместе с ним и истории атаманов Андриянова и Мартынова, Иловайского и Платова, лейб-гвардейца Кононова, родов Хрещатицких, Югановых и Севастьяновых, других личностей. Героев, вписавших в историю города, края, страны страницы казачьей доблести и мужества во славу своего Отечества. В 2014 году стартовал интернет-проект don-nekropolis.ru, а в 2016-м — «Новочеркасский некрополь. Утраченное» [6].

О Евгении Васильевиче Халдаеве можно сказать, что он — человек второй половины жизни. Когда накоплен духовный и интеллектуальный потенциал и ясна жизненная позиция. Когда твои знания так глубоки и энциклопедичны, что из найденных фактов можешь собрать историческую картинку, повернув время вспять.

Каждая его публикация в газетах «Частная лавочка» [7; 8; 9; 10; 11; 12] или «Деловой Новочеркасск», в «Краеведческих записках» Музея истории донского казачества [13; 14] или «Донском временнике» [1; 2; 3; 4; 17], участие в проектах «Вехи, ознаменованные десятилетиями» [16] или конкурсе журналистов «Искра Юга-2022», книга «Аллея памяти в Новочеркасском некрополе» [15] или цикл экскурсий по казачьему погосту в рамках его проекта «Дорога чести и долга» — это кропотливый труд, упорные многолетние исследования. И даже личное подключение к решению исследуемого вопроса.

Е. В. Халдаев — лауреат конкурса «Искра Юга-22». Фото И. Е. Халдаева

Летом 2020 года Евгению Васильевичу позвонили из суворовского училища МВД, что было расположено на проспекте Платовском, с просьбой о помощи. Мы вместе отправились в образовательное учреждение, где к нам присоединился иерей Георгиевского храма отец Александр, который окормлял суворовцев.

Оказывается, после установки межевого забора, в углу плаца была обнаружена часть надгробного памятника. До революции в том районе находился старообрядческий храм, при котором совершались захоронения. С этого камня и началась история рода Севостьяновых, чей предок был священнослужителем в Успенской единоверческой церкви.

Евгений Васильевич занялся не только изучением истории династии Севастьяновых [17], но и сам перевёз надгробный камень к Успенской часовне на Архангельской площади, что стоит теперь на месте бывшего храма. Камень был освящён в октябре 2021 года при участии представителей городского сообщества и духовенства к 109-летию протоиерея Ивана Севастьянова. Точка в долго не решаемой проблеме была поставлена.

Всё исследуемое Евгений Васильевич пропустил через себя. Была в этом многолетнем творческом процессе не только радость открытий, но и боль, и даже отчаяние, когда его просьбы

и обращения не слышали те, кто по долгу службы должны бы услышать и помочь, или просто беззащитно использовали найденные им факты.

Вот ещё пример. При участии Халдаева были восстановлены на старом городском кладбище памятники начальнику артиллерии Всевеликого войска Донского генералу Фёдору Андреевичу Юганову и первому горному инженеру Всевеликого войска Донского Николаю Андреевичу Юганову. А в музее Михайловского храма, где служил их отец, протоиерей Андрей Михайлович Юганов, открыта экспозиция, посвящённая этой династии.

Таких удивительных открытий и свершений, к которым был причастен Евгений Васильевич, немало! Он был свидетелем и участником эпических мероприятий XX века по перезахоронению останков донских героев генералов М. И. Платова, В. В. Орлова-Денисова, И. Е. Ефремова, Я. П. Бакланова и архиепископа И. Доброзракова в усыпальнице Войскового Вознесенского кафедрального собора. Как член комиссии по перезахоронению оставил нам, его современникам и потомкам, детальное описание этих событий [18].

В наш век обесценивания духовности и патриотизма Евгений Васильевич философски рассуждал, что сегодняшние мы — это промежуточный отряд

Е. В. Халдаев на открытии памятного камня у Успенской часовни на Архангельской площади. Новочеркасск, октябрь 2021 г. Фото И. Е. Халдаева

между вчера и завтра. И падающие обветшалые памятники при нашем полном безразличии — это осквернение памяти многих предыдущих поколений, ибо вместе с вековыми твердынями падают и наши нравственные крепости.

В стихотворении «Память» Давида Самойлова есть и такие строки: «Я зарастаю памятью, Как лесом зарастает пустошь...». Вот эту пустошь человеческого беспамятства целенаправленно и засаживал своим историко-краеведческим творчеством Евгений Васильевич Халдаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Халдаев Е. В.* Новочеркасские лазареты Гражданской войны // *Донской временник* : краевед. альм. / *Донская гос. публичная библиотека.* Вып. 32. Ростов н/Д., 2023. С. 39 – 70.
2. *Его же.* Цепочка добра к часовне памяти // *Донской временник.* Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 133 – 142.
3. *Его же.* Дело о катафалке с балдахинном // *Донской временник.* Год 2017-й. Вып. 25. Ростов н/Д., 2016. С. 122 – 125.
4. *Его же.* Похоронены и забыты : Уничтоженные воинские братские кладбища Новочеркаска. 1914 – 1920 // *Донской временник.* Год 2018-й. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 88 – 95.
5. *Ульянов Н.* «Поверим же в чудо русской истории!» // *Русская народная линия* : Православие. Самодержавие. Народность : сайт. URL: https://ruskline.ru/analitika/2015/06/12/poverim_zhe_v_chudo_russkoj_istorii (дата обращения: 20.09.2023).
6. *Новочеркасский некрополь. Утраченное* : сайт. URL: <https://don-nekropolis-utraty.ru/> (дата обращения: 20.09.2023).
7. *Халдаев Е. В.* Другой Новочеркасск // *Частная лавочка.* Новочеркасск. 2015. 20 авг. С. 11; 27 авг. С. 4.
8. *Его же.* Первый день Добровольческой армии // *Частная лавочка.* 2017. 16 нояб. С. 7.
9. *Его же.* Русская государственность будет создаваться здесь // *Частная лавочка.* 2017. 23 нояб. С. 7.
10. *Его же.* Добровольцы первого призыва // *Частная лавочка.* 2017. 7 дек. С. 7.
11. *Его же.* От Алексеевской — к Добровольческой // *Частная лавочка.* 2017. 14 дек. С. 7.
12. *Его же.* Добровольческая армия: памятные места, история поиска // *Частная лавочка.* 2018. 8 нояб. С. 1, 7.
13. *Его же.* Опыт исследования казачьего некрополя в городе Новочеркасске за период с 1993 по 2016 годы // *Краеведческие записки / Новочеркасский музей истории дон. казачества* : сб. науч. тр. Вып. 12. Ростов н/Д. : Алтайр, 2016. С. 135 – 145.
14. *Его же.* Тот самый дом на Барочной... от военного лазарета к общежитию Добровольческой армии // *Краеведческие записки* : сб. науч. тр. Ростов н/Д. : Алтайр, 2020. Вып. 13. С. 55 – 63.
15. *Его же.* Аллея памяти в Новочеркасском некрополе. Новочеркасск : [б. и.], 2020. 52 с. : ил.
16. *Его же.* Казачий некрополь // *Вехи, ознаменованные десятилетиями* : сб. материалов, посвящённый 210-летию Новочеркаска / *сост. Ж. П. Григасова.* Каменоломни : ЭСМА-ПРИНТ, 2015. С. 158 – 179.
17. *Его же.* Три поколения Севастьяновых. Неизбежность выбора // *Донской временник.* Год 2021-й. Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 34 – 55.
18. *Его же.* Два дня в мае : [Перезахоронение останков дон. генералов М. И. Платова, В. В. Орлова-Денисова, И. Е. Ефремова, Я. П. Бакланова и архиеп. И. Доброзракова в Новочеркасском Вознесенском войсковом соборе, 15 мая 1993 г.] // *Деловой Юг* : сетевое изд. URL: <https://delovojuug.ru/dva-dnya-v-mae/> (дата обращения 17.09.2023).

МИР ИСКУССТВА

А. Я. СЕЛИЦКИЙ

З РАСТОВА Ў МИНСК — ИЗ МИНСКА В РОСТОВ

Театры Дона и Беларуси: из истории гастролей

В сентябре 2023 года прошли Дни культуры Ростовской области в Республике Беларусь. Эти четыре насыщенных событиями дня стали важным шагом на пути реализации соглашения между правительствами Ростовской области и Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и социально-культурном сотрудничестве, подписанном в конце минувшего года. События масштабной акции, в которой приняли участие 19 учреждений и творческих коллективов Ростовской области (в общей сложности более 700 человек), разворачивались на шести площадках в трёх городах — Минске, Витебске и Слуцке.

В состав мощного донского десанта входили два наиболее крупных театральных коллектива области — Музыкальный театр и Театр драмы имени М. Горького, показавшие по два спектакля, которые посмотрели четыре тысячи зрителей.

Едва ли не любое событие, даже кажущееся беспрецедентным, имеет свою предысторию. В нашем случае — самую прямую: это далеко не первая аналогичная культурная миссия. Нынешний приезд в Минск двух ростовских театров вписывает новую страницу в историю творческих связей театров Дона и Беларуси. Насчитывает эта история ровно семь десятилетий: началась она в далёком 1953 году, когда Ростовский театр музыкальной комедии, чьим правопреемником выступает Ростовский музыкальный театр, отправился в столицу Белоруссии, чтобы представить своё «солнечное искусство». Работали в здании Дома офицеров, в меньшей степени пострадавшем в годы войны. Одновременно в донской столице гастролировал Большой театр республики, и тоже — любопытное совпадение — в Доме офицеров, незадолго перед этим восстановленном.

Начиная с того же 1953 года пересекались на встречах маршрутах и труппы драматические.

Для каждого театра гастролы всегда были и остаются важным способом расширения

зрительской аудитории и, что тоже немаловажно, увеличения доходов. Гастрольный процесс в советскую эпоху централизованно управлялся в масштабах всей страны, для его регламентации были созданы специальные органы — Гастрольное бюро СССР (1946–1956), затем Государственное концертное объединение СССР (Госконцерт). Выезды длились до полутора-двух месяцев, вывозился едва ли не весь текущий репертуар. Согласно повсеместно распространённой практике, помимо полноформатных спектаклей на театральной сцене, обязательно проводились творческие встречи и концерты в сельских клубах, на промышленных предприятиях, в садах и парках, в редакциях газет.

Ещё одна характерная примета тех лет — рецензии: развёрнутые, вдумчивые, подробные, не упускающие из виду ни одной составляющей спектакля. Настоящий подарок для историка театра! Реальность последних десятилетий не оставит потомкам подобных свидетельств: «шагреновая кожа» квалифицированной художественной критики ужалась до досадного минимума, а из нестоличной печати практически исчезла.

Сохранившиеся документы, в основном, 1950–1960-х годов — афиши, газетные публикации (объём последних по разным гастрольным поездкам существенно разнится) — помогают восстановить факты взаимного культурного общения.

Представить хронику гастролей прошлых лет, вписав её в пунктирно намеченный исторический контекст и ознакомив с некоторыми участниками событий, и является целью статьи.

Ростовский театр музыкальной комедии в Белоруссии

1953, 17 июля — 18 сентября, Минск

Спектакли шли в окружном доме офицеров и клубе МВД (оба зала — на 1000 мест). За 62 дня

Александр Яковлевич Селицкий, доктор искусствоведения, профессор Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, советник художественного руководителя Ростовского музыкального театра

Минск. Дом офицеров. 1950-е гг.

спектакли театра посмотрели около 70 тысяч зрителей.

В афише: 19 наименований зарубежной классики и советской оперетты, среди которых «Летучая мышь» И. Штрауса, «Фиалка Монмартра» и «Сильва» И. Кальмана, «Свадьба в Малиновке» Б. Александрова, «Трембита и «Девичий переполох» Ю. Милютина, «Сын клоуна» и «Вольный ветер» И. Дунаевского, «Табачный капитан» В. Щербачёва, «Голубой гусар» Н. Рахманова, а также новинка — «Самое заветное» В. Соловьёва-Седого.

О репертуаре, точнее, о жёстких правилах его формирования, следует сказать специально. Ещё в 1926 году, когда в СССР не существовало ни одного *государственного* легкожанрового музыкального театра, «на места» был разослан секретный примерный список рекомендованных произведений, а с 1929-го, когда первые такие театры появились, списки оперетт, разрешённых и запрещённых к постановке, стали регулярно публиковаться, и публиковались по 1950 год включительно. Хронология и география *огосударствления* такова: 1927 год — Москва, 1929 — Ленинград и Харьков, 1931 — Ростов и Иваново и т. д. Уже к 1936 году их было в стране не менее 17-ти, к 1941 году — 33. Напомним, что театры оперетты в абсолютном большинстве были стыдливо названы театрами

Б. Даль в спектакле «Самое заветное»

музыкальной комедии: по причине своей «буржуазности» под подозрением властей находился и сам жанр, и его интернациональное название. Доказывать свою лояльность театры должны были «политически грамотно» составленной афишей, а именно соблюдением численного преимущества за произведениями советских авторов. А после выхода партийного постановления «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (1946) контроль ужесточился и стал тотальным. На театры оперные он не распространялся.

Но вернёмся к гастролям 1953 года. Они имели ряд особенностей. Во-первых, в Минске ещё с довоенных времён существовал оперный театр, сверстник Ростовской музкомедии (который — ещё одна параллель — несколько лет тоже не имел собственного здания). При том, что опера и оперетта — явления разные, квалифицированный зритель неизбежно сравнивал, предъявлял к гостям высокие эстетические требования. Во-вторых, надо было выдержать заочное соперничество и в рамках одного и того же жанра: незадолго перед этим в столице Белоруссии выступали Ивановский и Воронежский театры музыкальной комедии, показавшие, в том числе, спектакли из ростовского репертуара.

Любопытный штрих, который характеризует быт начала 1950-х годов: гастролёры размещались в частном секторе, где постельное бельё квартирантам не предоставляли, и потому приказом по театру предписывалось иметь таковое при себе.

Главная газета республики через месяц после начала гастролей отмечала *«богатый репертуар, хороший артистический ансамбль, вдумчивую режиссёрскую работу, старательную отделку музыкальной фактуры спектаклей»*. Особо выделилась постановка «Сын клоуна», в которой, благодаря универсализму артистов, были созданы *«убедительные сцены циркового представления, местами сочетающиеся с опереточным комизмом»* [1].

Артистический ансамбль труппы был и впрямь замечательный, недаром ростовский коллектив в 1950 — 1960-е годы негласно значился среди лучших опереточных театров огромной страны — наряду с Одесским и Свердловским. Минская пресса горячо приветствовала Рафаила Аллова, Бориса Даля, Ирину Вильшанскую, Евгению Горбачеву, Александра Горелика, Георгия Капаницына, Александра Ветрова (все они несколько лет назад были представлены на большой фотовыставке «Легенды Ростовской музкомедии» в Ростовском музыкальном театре).

А. Шилин в спектакле «Табачный капитан»

Белорусская печать обратила внимание на впечатляющие работы старейшего мастера сцены Александра Шилина. Он прослужил в Ростове с 1938-го до своей кончины в 1956 году, сыграв более 30 ролей и поставив десять спектаклей как режиссёр. В Минске главными творческими удачами артиста, который тогда приближался к своему 60-летию, «Советская Белоруссия» назвала созданные им героические характеры Петра Первого в «Табачном капитане» и Кутузова в «Голубом гусаре». Вот как видит рецензент образ Петра Первого в исполнении Шилина: *«Пытливый взгляд в будущее, широта мышления и сила воли Петра характеризуют в нём мощную натуру. Перед зрителем возникает могучий человек, дерзновенно устремлённый вперед»* [2].

Оперетта «Голубой гусар» требует небольшого комментария. В 1945 году забытый ныне композитор Николай Рахманов написал её по знаменитой героической комедии в стихах Александра Гладкова «Давным-давно» (1940), которая во время и после войны шла во многих театрах и пользовалась огромной популярностью. Неудивительно, что она обрела вторую жизнь в музыкальной комедии, славу которой не скоро затмит культовый фильм «Гусарская баллада» Э. Рязанова с музыкой Т. Хренникова

(1962). В газете читаем: «*Пьеса... в сценическом решении Ростовского театра приобрела светлую, оптимистическую окраску и воспринята зрителем с большим одобрением. ...Сдержанная, вдумчивая игра А. Шилина помогает ему рисовать образ старого фельдмаршала таким, каким зритель представляет его по бессмертной эпопее Л. Н. Толстого “Война и мир”*» [3].

Высокую оценку актёрской работе Шилина дал Евгений Тикоцкий, авторитетный в республике композитор и педагог, в скором времени — народный артист СССР, автор одной из первых белорусских опер «Михась Подгорный», а также оперы «Алеся», которую минский театр привезет в Ростов в 1968 году. Он писал: «*Ростовский театр лишней раз показал, что героическая тема способна с большой силой и убедительностью прозвучать в оперетте... Петр I в исполнении А. Шилина предстает перед нами заботливым создателем русского флота, борцом за переговую по тем времена науку, пламенным патриотом своей могучей родины... Кутузов — Шилин — это умный полководец, согретый необычайной внутренней теплотой и человечностью*» [4].

Не остался незамеченным и яркий комедийный талант Александра Аллегрова. Двенадцатилетним мальчуганом Саша Саркисов выступал в цирковом ансамбле, там за легкость и подвижность ему дали прозвище «аллегрис», близкое музыкальному термину *allegro* (итал. — веселый, бодрый). Артистическую карьеру он начал в Бакинском театре музыкальной комедии, где его знали уже под сценическим псевдонимом Аллегров, ставшим красивой «афишной» фамилией. В Ростовской музкомедии он блистал полтора десятилетия (1946–1961), здесь женился на актрисе Серафиме Сосновской, здесь родилась их дочь — знаменитая эстрадная певица Ирина Аллегрова. Цитированный выше Е. Тикоцкий аттестовал Аллегрова как любимца минчан, который во многих своих ролях вызвал горячие симпатии зрителей.

Одна из них — в комедии «Кето и Котэ». Рецензент сетует, что обычно переполненный зрительный зал в тот день не выглядел многолюдным и предполагает причину: зрители не рискнули прийти в театр, разочарованные неудачной одноимённой экранизацией классического грузинского водевиля (1948). И «*были приятно поражены, когда увидели во многом отличное от кинофильма музыкально-драматическое произведение... веселый, сатирический едкий спектакль, примечательный многими актёрскими удачами*». В частности, куплеты, исполненные Аллегровым с партнёром Юрием

Заслуженный артист РСФСР и АзССР А. Аллегров

Савельевым, «*вызвали бурную реакцию зала*» и по настоящему публики были повторены на бис [5]. Добавим, что много позже по той же пьесе в Ленинградском Большом драматическом театре в постановке Г. Товстоногова и с музыкой Г. Канчели увидит свет рампы прославленный спектакль «Ханума» (1972), а с 2019 года своя версия представления с неизменными аншлагами идёт на камерной сцене Ростовского музыкального театра.

1956, 4 августа — 7 октября. Минск, Гомель

Через три года театр во второй и последний раз за свою историю выехал в братскую республику.

В афише: «Вольный ветер» и «Белая акация» И. Дунаевского, «Вас ждут друзья» В. Белица, «Табачный капитан» В. Щербачёва, «Морской узел» Е. Жарковского, «Весёлая вдова» Ф. Легара, «Продавец птиц» К. Целлера, «Летучая мышь» И. Штрауса, «Принцесса цирка» И. Кальмана и др.

За 62 дня гастролей более пятидесяти спектаклей театра и многочисленные творческие

И. Мишина и В. Христенко в спектакле «Вас ждут друзья»

встречи, выездные концерты в двух городах и сельских районах посетили около 70 тысяч зрителей.

Как видно из перечня, среди сочинений советских авторов фигурирует оперетта «Вас ждут друзья», мировая, как говорят сегодня, премьера которой состоялась в Ростове в 1955-м, то есть за год до вывоза её на гастроли. Принадлежит она перу Валентина Белица, занимавшего тогда должность главного дирижёра театра, до и после этого работавшего во многих городах страны. Произведение, рождённое в родных стенах, — не случайный эпизод в истории коллектива, а наглядная демонстрация последовательной репертуарной политики. Театр можно смело назвать лабораторией советской оперетты: благодаря активному творческому сотрудничеству с современниками, к лету 1941 года, то есть к 10-летию существования Ростовской музкомедии в афише значились 11 классических оперетт и 17 советских, 10 (!) из которых — детища ростовчан. В их числе композиторы Семён Заславский, Илья Шапошников, Алексей Артамонов. Позднее известный советский композитор В. Мурадели

доверит ростовчанам первую постановку своей оперетты «Москва — Париж — Москва» (1968). А в 1975 году на ростовской сцене прогремит «Бабий бунт» (автор идеи и либреттист — главный режиссёр театра Кирилл Васильев, композитор Е. Птичкин), который станет одной из «визитных карточек» театра, обойдет десятки сцен страны и поныне сохраняется в репертуаре Ростовского музыкального.

На этом пути не каждое новое название сулило безусловную удачу. Оперетта «Вас ждут друзья» посвящена теме вполне «газетной»: выпускники советских вузов отправляются на работу «по распределению», но среди них встречаются и молодые люди, не желающие покидать крупные города. Известный белорусский музыковед, автор трудов о музыкальной культуре республики оценил постановку неоднозначно. По его компетентному мнению, спектакль далёк от совершенства: отдельные музыкальные номера оторваны от сценического действия и слишком условны, некоторые образы схематичны. *«Вместе с тем, — продолжает рецензент, — спектакль пленяет отличным актёрским ансамблем* (это качество коллектива

минская газета констатирует не впервые! — А. С.), *высокой музыкальностью, ощущением хорошего чувства жанра. <...> Высокий музыкальный уровень спектакля выражается не только в хорошей певческой культуре солистов и хора, но и в отличной слаженности звучания оркестра. Дирижер В. Белиц — автор музкомедии — проявляет гибкость в аккомпанементе и красочность, нужную виртуозность в оркестровых эпизодах* [6].

**Большой театр Беларуси
в Ростовской области**

**1953, 24 июля — 6 сентября
Ростов, Новочеркасск, Таганрог, Шахты**

Примерно в те же сроки, что дончане играли опереточные спектакли в Минске, Ростов впервые посетила труппа театра оперы и балета из братской республики. Ростов, на протяжении всей своей истории до 1999 года (когда открылся новый музыкальный театр на Большой Садовой) лишённый стационарной оперной труппы, а до 2001 — и труппы балетной, с радостью и энтузиазмом принимал театры из разных городов СССР. Первый приезд минчан в Ростов и города области состоялся в 1953 году (а затем они

утоляли «культурный голод» донских поклонников оперы и балета ещё три раза). Коллектив театра прибыл в Ростов в полном составе.

В афише: 15 опер и 7 балетов. Среди классических оперных названий: «Иван Сусанин» М. Глинки, «Князь Игорь» А. Бородина, «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Евгений Онегин», «Мазепа» и «Иоланта» П. Чайковского, «Фауст» Ш. Гуно, «Кармен» Ж. Бизе, «Травиата» и «Риголетто» Дж. Верди. Золотой фонд балета представляли «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Эсмеральда» Ц. Пуни, «Дон Кихот» Л. Минкуса, «Жизель» А. Адана.

Открылись гастролы оперой «Тихий Дон» И. Держинского. Видный ростовский композитор Тихон Сотников откликнулся на спектакль рецензией отнюдь не комплиментарной. Будучи собирателем и знатоком казачьей песни, он сожалеет, что Держинский не обращается к донскому фольклору, а его собственные мелодии далеки от него и мало выразительны. Но спектакль в целом оценивает положительно [7]. Рецензентом постановки оперы Чайковского «Мазепа» выступил А. П. Артамонов. Алексей Павлович не одно десятилетие отдал службе в ростовских театрах в качестве заведующего музыкальной частью, дирижёра и композитора, в своё время сотрудничал с Ю. Завадским,

Ростов. Дом офицеров. 1950-е гг.

чья московская труппа несколько лет играла в Ростове, позднее работал художественным руководителем и дирижёром Ростовской филармонии. В том же 1953 году он был избран председателем Ростовского отделения Союза композиторов СССР и оставался в этой должности более 20 лет. Прекрасно разбирающийся в искусстве сцены, музыкант не ограничился похвалами относительно логичности мизансцен и динамики исполнения, обратил внимание на слабости воплощения ряда образов оперы, прежде всего центрального — гетмана Мазепы, а также на недочёты оркестрового и хорового звучания [8].

1964, 28 мая — 8 июля. Ростов, Таганрог, Новочеркасск, Шахты, Новошахтинск

Через 11 лет белорусские артисты вновь вышли на ростовские подмостки.

В афише: 12 опер и 6 балетов, оперетты. Ростовчане увидели, в частности, оперу С. Танеева «Орестея», впервые на советской сцене поставленную в Минске годом ранее. Спустя полвека донская столица познакомится на сцене Ростовского музыкального театра с собственной «Орестеей», поныне сохраняющей статус музыкально-театрального раритета. Редкий гость на отечественной сцене и «Отелло» Верди, произведение, которое требует наличия в труппе голосов огромной мощи и выносливости в сочетании с актёрским мастерством высшей пробы. С него гости и начали свои выступления и получили два подряд отзыва в печати [9; 10].

Судьба порой выписывает такие выражи, посылает в будущее такие знаки — только фиксируй и удивляйся! В составе вокальной труппы гостей — выходец с Дона Анатолий Генералов. Его детство прошло в станице Верхне-Курмоярской; окончив школу, юноша ушёл на фронт, День Победы встретил под Прагой, имеет боевые награды. Демобилизовавшись из армии, работал на заводе, участвовал в самодеятельности, пел в Ансамбле песни и пляски кубанских казаков, затем получил образование в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных в Москве. С 1954 года работал солистом белорусской оперы, исполнителем партии драматического баритона. В будущем он станет народным артистом республики. Дебютировал Анатолий в 1955 году в опере «Алеся», которую ростовчане увидят в 1968 году [11]. Ростовская газета выделила его работу в опере Бизе «Искатели жемчуга», где народный артист республики убедительно исполнил партию Зурги. «Роль эта — одна из немногих в опере, заключающих

А. Генералов

в себе возможность внутреннего развития характера. Актер умело пользуется этой возможностью. Его Зурга мыслит, страдает, нравственно меняется» [12].

1966, 28 мая — 2 июля. Ростов, Новочеркасск, Шахты

Интервал между вторыми и третьими гастролями минчан на Дону оказался гораздо короче — два года. Выезжала вся труппа театра — 285 человек.

В афише: 11 опер, 8 балетов: мировая классика, произведения белорусских композиторов, детский спектакль. Состоялись также сольные концерты ведущих вокалистов и мастеров балета.

В составе балетной труппы, как и в предыдущий приезд, — ведущая солистка театра, народная артистка БССР Алевтина Корзенкова, чей тогда ещё не рождённый сын Олег Корзенков через несколько десятилетий станет первым главным балетмейстером Ростовского музыкального театра.

Автор «Вечернего Ростова» высоко оценивает исполнение ею партии в «Спартаке»: «Выразительна, эмоциональна Эгина. Чувственность, коварство, холодный расчёт — вот что движет

А. Корзенкова

римской куртизанкой. Лишь однажды просыпается в ней нотка искренности — в отношениях с красавцем рабом Гармодием, юным сподвижником Спартака. Но жестокость натуры гасит светлое чувство в зародыше» [13].

1968, 1 августа — 16 сентября, Ростов, Новочеркасск, Шахты

Спустя ещё два года театр из Белоруссии вновь нанёс визит в Ростов и города области.

В афише: 14 опер, 10 балетов: мировая классика, произведения белорусских композиторов, детский спектакль. Дано более 70 представлений. Заранее отпечатанные сводные афиши снабжались наклейками: «Все билеты проданы».

Донская периодика выделила особо постановки по произведениям современников, в числе которых опера К. Молчанова «Брестская крепость», впервые увидевшая свет ramпы за год до этого [14]. На этот раз удостоилась двух рецензий опера Е. Тикоцкого «Алеся» — в «Вечернем Ростове» и «Молоте» [15; 16].

На сегодняшний день приезд в Донской край Большого театр Беларуси — последний. Обе стороны надеются, что в ближайшее время надолго прерванная традиция возобновится: согласно упомянутому в начале статьи соглашению, после Дней культуры Ростовской области в Республике Беларусь планируется провести Дни белорусской культуры на Дону, в которых главный театр республики непременно примет участие.

Афиша ГАБТ БССР. Ростов, 1968 г.

**Ростовский академический театр
драмы им. М. Горького в Белоруссии**

Летопись контактов Ростовской драмы с Республикой Беларусь пока не очень обширна, но тем ценнее каждая её страница.

1966, 28 мая – 2 июля, Минск, Гомель

В афише: «Пучина» А. Островского, «Цыган» А. Калинина, «Разбуженная совесть» В. Шаврина, «Чти отца своего» В. Лаврентьева, «Камешки на ладони» А. Салынского, «Между ливнями» А. Штейна, «Вычеркнутый из жизни» А. Кронина, «Орфей опускается в ад» Т. Уильямса, детский спектакль «Приключения Чанду» А. Иловайского.

В Минске труппа работала одновременно на двух площадках, давая по два параллельных спектакля в вечер. При таком напряженном графике театр репетировал новые постановки, премьеры которых представил на гастролях: «Хитроумная влюбленная» Л. де Вега и «Последний день холостяка» Л. Митрофанова.

Большой интерес публики и прессы вызвал «Цыган» — перенос на сцену романа донского писателя А. Калинина, тогда еще не экранизированного и не легшего в основу оперы ростовского композитора Л. Клиничева. Газета «Звезда»

А. Кржечковская, впоследствии народная артистка РСФСР

Сцена из спектакля «Женитьба»

Сцена из спектакля «Жарты»

(на белорусском языке) по прошествии некоторого времени после начала гастролей пишет, что хотя показаны уже разные спектакли, которые могли бы стать предметом анализа, но это желание *«отступает на задний план перед желанием говорить о спектакле “Цыган”. Это целиком ростовское произведение, от начала до конца. Место действия — донской хутор. Автор повести — земляк наших гостей. Драму по мотивам этой повести написал Н. Провоторов, режиссер и актер театра. Он же осуществил постановку. К тому же “Цыганом” ростовчане открыли гастролы в Минске»*. На Провоторове, который ещё и исполняет главную роль, *«держатся все центральные сцены»* [17]. О том, *«как спорили и помогали один другому три главных создателя спектакля, соединившиеся в одном человеке»*, о том, что Провоторов-актёр *«всё заклонил собой на сцене»*, другая газета высказалась более критично, что ясно выражено в заголовке публикации: *«Победил актёр»*. Впрочем, несколько противореча себе, журналистка отмечает, что в отдельных сценах вся нагрузка ложится на плечи Клавдии в исполнении Ангелины Кржечковской [18].

2019, 23 – 24 сентября, Витебск, Минск

В следующий раз артисты ростовской драмы демонстрировали своё искусство на белорусской земле после большого перерыва, уж в другую эпоху. И измерялась эта поездка

другими величинами — два дня, два спектакля в двух городах. Гастролы, в ходе которых коллектив выступал также на Северном Кавказе, в Крыму, Севастополе, Калининграде, были приурочены к 155-летию театра. В афише: *«Собака на сене»* Л. де Вега (показана в Витебске на сцене Национального академического драматического театра им. Я. Коласа) и *«Женитьба»* Н. Гоголя (в Минске на сцене Драматического театра Белорусской армии). К сожалению, газетные рецензии на это событие разыскать не удалось.

Национальный драматический театр им. Якуба Коласа в Ростове

2012, 27 сентября, Ростов

Наряду с 13 российскими труппами, коллектив из Витебска принял участие в V Всероссийском фестивале «Русская комедия» и показал на Малой сцене Театра им. М. Горького «Жарты» («Шутки») — вечер белорусских водевилей на языке оригинала. Включение в афишу фестиваля спектакля, созданного не в Российской Федерации, не прошло мимо внимания донской театральной общественности. В репортаже газеты «Наше время» приводились слова арт-директора фестиваля народного артиста России Н. Сорокина: событие это — *«не случайность, а первый шаг к тому, чтобы “Русская комедия” стала фестивалем международным»* [19].

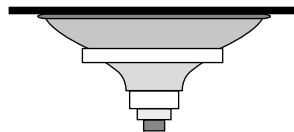
Чтобы не заканчивать на печальной ноте, чтобы у читателя не сложилось впечатление, будто «всё в прошлом», ведь театральные гастроли и впрямь утратили былой размах, напомним об отрывающихся в последние годы новых перспективах. На смену единому планированию гастрольной деятельности в масштабах всего СССР приходит другая система – система грантов, отдельных проектов, организуемых разными культурными институтами. Это и гастрольный проект «Поехали!», и грант «Культурная Афиша», это программы «Большие гастроли» и «Мы – Россия», отдельные гранты на обменные гастроли. Будем надеяться, что в этом смысле у современных театров всё впереди!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гастроли Ростовского театра музыкальной комедии // Советская Белоруссия. 1953. 19 авг. С. 3.
2. Романович Е. «Табачный капитан» // Советская Белоруссия. 1953. 20 сент. С. 3.
3. Гастроли Ростовского театра музыкальной комедии // Советская Белоруссия. 1953. 17 сент. С. 3.
4. Тикоцкий Е. Жизнерадостное искусство // Советская Белоруссия. 1953. 22 сент. С. 3.
5. Таран Ю. «Кето и Котэ» // Советская Белоруссия. 1953. 17 июля. С. 3.

6. Нисневич И. «Вас ждут друзья» // Советская Белоруссия. 1956. 24 авг. С. 3.
7. Сотников Т. «Тихий Дон» // Молот. 1953. 7 авг. С. 3.
8. Артамонов А. «Мазепа» // Молот. 1953. 13 авг. С. 3.
9. Никольский В. Яркий спектакль // Молот. 1964. 2 июня. С. 3.
10. Борисов Н. «Отелло» // Вечерний Ростов. 1964. 3 июня. С. 4.
11. Гурвич С. Дорогой искусства // Молот. 1968. 16 авг. С. 4.
12. Борисов Н. «Искатели жемчуга» // Вечерний Ростов. 1964. 11 июня. С. 4.
13. Новиков Б. Легенда рождается вновь // Вечерний Ростов. 1966. 14 июня. С. 3.
14. Кутайцева И. «Брестская крепость» // Вечерний Ростов. 1968. 12 сент. С. 3.
15. Неделин М. «Алеся» // Вечерний Ростов. 1968. 5 авг. С. 4.
16. Касьяненко В. Девушка из Полесья // Вечерний Ростов. 1968. 7 авг. С. 4.
17. Стрельцов Б. Донской спектакль // Звезда. 1966. 12 июня. С. 4.
18. Орлова Т. Победил актёр // Литература и мастацтва. 1966. 14 июня. С. 2.
19. Каминская М. «Русская комедия» расширила границы // Наше время. 2012. 4 окт. С. 1.

Автор выражает искреннюю признательность директору Большого театра Беларуси Екатерине Николаевне Дуловой и руководителю литературно-драматической части театра Ольге Егоровой за присылку ценных архивных материалов.

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ В ЛИЦАХ

«ЖИВА ... ТРАДИЦИЯ РОСТОВСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ»

Дора Константиновна Жак (18.11.1911, Петровск-Порт — 12.05. 2002, Москва), известный библиотеквед, кандидат педагогических наук, много лет трудилась в научно-методическом отделе библиотекведения и библиографии Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (1951–1984) [1].

Д. К. Жак

Начало её трудовой деятельности относится к 1930 году, когда она работала в отделе библиографии библиотечного коллектора Госиздата в Ростове-на-Дону; в 1932-м «стажировалась в лучших детских библиотеках города: на заводе «Красный Аксай» у Анны Михайловны Пташевской и в библиотеке имени Величкиной на Новом Поселении (или Нахаловке); с 1 декабря... была

зачислена на должность заведующей детским отделением библиотеки имени Сталина (бывшая — имени Кольцова) [2, с. 105]; в 1936-м закончила библиотечное отделение Ростовского педагогического института¹.

В Ростовскую областную научную библиотеку имени К. Маркса (ныне Донская публичная) Д. К. Жак пришла осенью 1944 года. Директор библиотеки В. В. Вейцман предложил ей должность заведующей отделом обработки. «В этой библиотеке я получила неоценимый практический опыт, — вспоминала Дора Константиновна. — Дело в том, что помимо обязанностей непосредственно заведующей отделом обработки, мне было поручено возглавить проверку фонда огромной библиотеки после оккупации; кроме того возникла необходимость составления инструкции, где была бы зафиксирована последовательность процессов движения книги в большой библиотеке с фондом свыше миллиона книг. Всё это... немало помогло мне впоследствии в научной работе.

В Ростове мною была задумана ... и сделана моя первая печатная работа — библиографический справочник «Писатели Советского Дона» (Ростов н/Д., 1948. Вып. 2)» [2, с. 106].

«Годы работы в Ростовской областной библиотеке [1944–1947. — Л. Ш.] — один из лучших периодов в моей работе (хотя и не в жизни, ведь ещё шла война)...» [3].

Прошло 50 лет и вдруг удивительным образом Д. К. Жак встретила с библиотекой своей молодости. Нет, она в Ростов не приехала: ей прислали из Ростова только что вышедшую книжку о Ростовской областной научной библиотеке имени К. Маркса [4].

«Дорогая Мирочка! Это собственно ещё не письмо Вам. Письмо я напишу, когда получу Ваше. А сейчас несколько слов по поводу книжки о библиотеке им. К. Маркса, которую Вы мне прислали», — писала Д. К. Жак своей невестке М. С. Жак в октябре 1993 года. — Может быть, кому-нибудь когда-нибудь и пригодятся эти заметки, <...> не надеясь, что напишите Вы и что остался кто-нибудь ещё, кто может это сделать, хочу выполнить свой долг, выражаясь высоким стилем» [5, с. 211].

Из письма Д. К. Жак [17.02.1999 г.] — Л. А. Штавдакер// Личный арх. авт.

¹ Диплом «защитали ... под Новый (1936) год» (Воспоминания Дони Жак : рукоп. // Лич. арх. Ю. А. Лихтер). Дату эту подтверждает фотография на с. 131.

Так называемые автором «заметки» передала мне незадолго до своей смерти Мария Семёновна Жак (1901–1995), жена поэта Вениамина Константиновича Жака, старейший библиотечный работник, которую в городе называли «культурной энциклопедией Ростова».

М. С. Жак

По сути это была настоящая рецензия, одновременно содержащая ценную информацию по истории библиотеки 1920 – начала 1940-х годов. Впервые в ней прозвучали слова Д. К. Жака о «*ростовской школе библиотечных работников, которую создавали В. Н. Кессених и З. С. Муратова*» [5, с. 213] и о том, как важны для создания истории библиотеки живые встречи и воспоминания. Фраза – «*ростовская библиотечная школа*» – не однажды встречается в письмах Д. К. Жака. Не исключая и принадлежность её Доре Константиновне, либо кому-то из ростовских библиотекарей 20-х – 40-х годов, в дальнейшем реализовавшихся в профессии в столице. Несомненно, в эти годы и была заложена система библиотечного дела на Юге.

Я написала Доре Константиновне письмо и получила разрешение на публикацию этих и других «*заметок*», которыми она делилась со мной на протяжении семи лет, спеша «*помочь сохранить память о тех людях, с которыми работала, о милом, таком поистине культурном городе, каким был Ростов в 20–30-х годах; о трудных первых послевоенных годах*» [6]. Было лишь одно её условие: «*Мои записки можете использовать по своему усмотрению, если будете публиковать, можете сокращать, убирать то, что Вам покажется лишним, не уважительным. Но, пожалуйста, ничего не добавляйте от моего имени*» [6].

Письма Д. К. Жака положили начало научному изучению истории Донской публичной библиотеки, в основе которой лежат документы, переписка и воспоминания участников событий.

Благодаря Доре Константиновне в «Донском временнике» появился раздел «История библиотеки в лицах». Особую роль здесь сыграла уникальная фотография первого и единственного выпуска библиотечного факультета Ростовского пединститута, которую Д. К. Жак подарила библиотеке.¹

В письме 23 октября 1996 года Дора Константиновна писала: «*Посылаю Вам фотографию нашего выпуска ... пришлите мне копию, а оригинал оставьте у себя. Всё равно, после моей смерти, ему лучшее место в краеведческом отделе вашей библиотеки. Может быть и в экспозицию когда-нибудь выставите. Если хотите, я напишу, что знаю и помню о каждой фотографии...*».

О многих земляках, с кем ей посчастливилось общаться в жизни, Д. К. Жак успела рассказать: о В. В. Вейцмане, З. С. Муратовой и М. В. Рабиновиче, Л. Я. Горцовой и Ю. Э. Массальской, Н. Г. Бригадирове и М. Д. Савкиной. В поисках родственников библиотечной династии Кессених она стала нашим связным между Москвой и Петербургом, Таганрогом и Ростовом. Большая часть публикаций по истории библиотеки за годы нашего общения состоялась при её непосредственном участии.

Дора Константиновна написала в библиотеку 18 писем, и хотя все они были адресованы мне, это очень «библиотечные письма». В каждом из них – краеведческая информация, профессиональные замечания и дружеские советы. Слог и стиль писем настолько живой и непосредственный, что можно было бы усомниться, что их автору 90 лет.

¹ На выпускной фотографии библиотечного отделения Ростовского пединститута – дата выпуска 1935 год.

Дора Константиновна Жак была самой младшей в большой семье. Её «мама получила орден «Материнской славы» 2-ой степени. Всего она родила 6 сыновей и 5 дочерей. Толи наследственность была хорошая, то ли родители очень любили друг друга, но скажу без ложной скромности — дети были, что говорится как на подбор — удачные. — вспоминала Д. К. Жак. — Из пяти сыновей (один умер маленьким в 1,5 года, и то из-за недосмотра няньки) четверо были незаурядными личностями, каждый в своей области:

1. Ефрем (Фоя, Эфроим) [1899, Ростов н/Д. — 10.06.1923, Ленинград]¹, безусловно талантливый художник, подававший большие надежды, соратник К. Ротова. К сожалению, он мало что успел сделать; большинство его работ в виде альбомов, отдельных рисунков и проч. погибли во время войны, в том числе в пожаре Красногварского музея, куда были перевезены фонды Ростовского музея, куда, в свою очередь, их сдал, уезжая в эвакуацию младший брат — Веньямин.

Остались три книги с его иллюстрациями: «Сказки» Салтыкова-Щегрина, «Сказки» Андерсена и сказка «Волк с железной головой». Первые две в соавторстве с К. Ротовым и Б. Покровским. Все три выпущены, когда он был студентом в Художественном училище Петрограда. Ни у кого из нас ни одной книжки не сохранилось, только фотокопии, которые мне удалось сделать при помощи фотолаборатории АН СССР из фондов библиотеки им. Ленина. Хочу отметить, что на выставке в ГБЛ, посвящённой Андерсену, «Сказки» были открыты на странице с иллюстрациями Ефрема Жака. В 24 года он погиб.

2. Меур Жак — выдающийся агроном; 14.01.1940 г. одним из первых защитил диссертацию на только что введённые в стране научные степени кандидатов и докторов наук. В 1925 г. он окончил агрономический факультет Донского ин-та с/х и мелиорации по двум специальностям — животноводства и растениеводства. Вся его дальнейшая жизнь была

Слева направо: стоят Ефрем, Давид, Раха, Меур; сидят Лия, Мира, Константин Самойлович, Роза Абрамовна, Абрам. На коленях у Розы Абрамовны — Доня (Д. К. Жак). Петровск-Порт (ныне Махачкала). 1916 г. Из семейного архива Ю. А. Лихтер (г. Москва)

¹ Постраничные комментарии к «Воспоминаниям Дони Жак» здесь и далее в квадратных скобках составлены её дочерью Ю. А. Лихтер, археологом, кандидатом исторических наук, г. Москва

Д. К. Жак с мужем А. И. Лихтером. 1995 г. Москва. Из семейного архива Ю. А. Лихтер

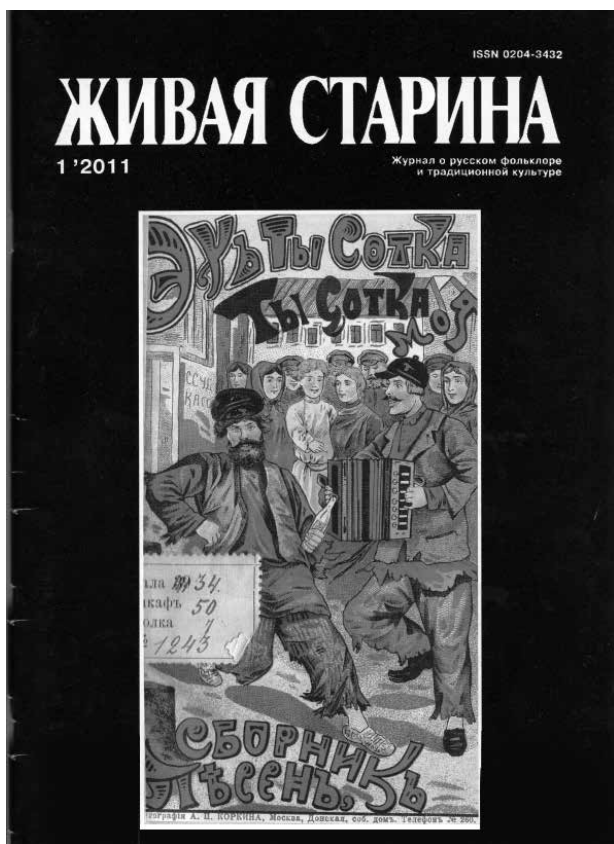
посвящена научной работе, главным образом, животноводству.

Жена его даже ревновала: когда Меур возвращается из командировки, то он спешит сначала в телятник, а потом уже к Галке (маленькой дочке). Война застала его в Днепрпетровске, в должности зав. кафедрой животноводства Днепрпетровского с/х ин-та. В первые же дни войны он записался в народное ополчение; оттуда перешёл в регулярную армию и домой уже не вернулся — погиб 20.04.1943 г. в боях за Невскую Дубровку, оставив жену и двоих детей.

3. Давид Жак [19.03.1903, Петровск-Порт — 01.11.1973, Москва]. Несомненно, самый умный из всей семьи. В силу обстоятельств революционного времени, с 1920 г., т. е. в возрасте 17 лет он стал, если не главой, то главным кормильцем семьи, т. к. отец не мог работать (“чуждый элемент”), Меур был на Врангелевском фронте, Фоя уехал учиться. Оставались, кроме родителей ещё четверо младших и сестра Мира, которая работала в двух местах. Давид же по

рекомендации его гимназического учителя Авдея Ильича Гозулова поступил на работу в Донстат. управление, где быстро выдвинулся и проработал всю жизнь в этой системе: сначала в Ростове, потом в Ленинграде. Исключение составили годы войны, когда он попал в армию прямо с территориальных сборов и проработал в штабе Ленинградского фронта до весны 1945 г. Ездил по “гороге жизни”, был ранен осколком, но вернулся в чине майора и был направлен в Главное стат. управление в Москву, где и проработал до ухода на пенсию в 1973 г. Уже после войны защитил кандидатскую диссертацию.

4. Вениамин Жак [31.01.1905, Петровск Порт — 30.03.1982, Ростов н/Д.] — поэт, журналист, учитель многих и многих начинающих поэтов, в том числе, к сожалению, и Анатолия Софронова. Был очень популярен в литературной, околосредовой и молодёжной среде Ростова. Писал очень много и, конечно, не всё равноценно. Если бы отобрать лучшее, получилась бы очень неплохая книжечка стихов, особенно из первоначальных не “исправленных”

Обложка журнала с публикацией песен из репертуара Д. К. Жак с её комментариями

вариантов. Когда я читаю стихотворение Новеллы Матвеевой “Исправленный”, мне кажется — это о нём» [7].

Наше знакомство с Дорой Константиновной состоялось, когда ей исполнилось 83 года. Она обладала великолепной памятью, хотя в письмах иногда и жаловалась, что память слабеет.

Дочь вспоминала: «Первой и главной её любовью всю жизнь была книга. Но кроме этого она очень любила петь, запоминала песни так же легко, как стихи. А песни звучали везде — во дворе, где пели девушки-прислуги, в трамваях, где пели беспризорные, на бирже труда, где собиралась молодёжь. Она запоминала песни и пела всю жизнь, причём в 80 лет могла выдать песню, которой от неё никогда не слышали ни дети, ни муж. Всем нам хотелось сохранить хотя бы часть этого богатства, [подчёркнуто автором предисловия. — Л. Ш.] и в 1990-е гг. её сын В. А. Лихтер записал пение матери на видеокамеру. Недавно он оцифровал эту запись» [8].

По этой же причине и я решила опубликовать письма Доры Константиновны в Донскую публичную библиотеку, несмотря на их частичное цитирование ранее [9]. Ведь сегодняшний день библиотеки очень быстро становится историей — историей библиотеки в лицах.

Л. А. Штавакер

ПИСЬМА Д. К. ЖАК — Л. А. ШТАВДАКЕР

(1995—2001 гг.)

Ноябрь 1995 г., Москва

Уважаемая Лариса Александровна!

Посылаю Вам то немногое, что мне удалось написать о людях, с которыми я работала в библиотеке им. К. Маркса [10]. К сожалению, я не написала о двух самых ярких и самоотверженных личностях — о Муратовой и Моисее Вульфовиче Рабиновиче. Я считаю, что слишком мало знаю о них, особенно о Моисее Вульфовиче, чтоб полноценно рассказать о них, об их роли в становлении Ростовской школы библиотечного дела. Ведь немало ведущих работников и даже подвижников этого дела любимого нами и так мало уважаемого «высоким» начальством, да и широкими кругами сравнительно интеллигентных людей — вышло из Ростова. Только в Москве и в Ростове назову хоть по именам: Вера Николаевна Кессених, Евсей Рискин, Ольга Владимировна Данилова (Глездинёва),

Зинаида Семёновна Живова, Мария Даниловна Савкина (Котляревская), Евгения Фёдоровна Плотницкая, Иосиф Мамонтович Кириллов и многие, многие другие.

Лично я бесконечно многим обязана Зинаиде Семёновне Муратовой (и Марии Семёновне Жак), а ведь она считала себя «ученицей» Моисея Вульфовича. Её восхищала его преданность своему делу. Она как-то сказала мне, что осталась в Ростове и не вернулась в Петроград, где училась на Бестужевских курсах, именно поэтому.

Я очень надеялась, что напишет о них Мария Семёновна, которая была связана с ними тесной дружбой, особенно с Зинаидой Семёновной, но: Вы, наверно, знаете, что Мария Семёновна уже ничего не напишет. Мне кажется, Наташа Зайцева [11] говорила, что Мария Семёновна дала Вам коротенькую биографию Зинаиды Семёновны, которую писал мой брат

*М. В. Рабинович, М. Л. Рабинович, Зимина, М. Д. Савкина. Ростов-на-Дону, 1936 (?) г.
Из семейного архива Ю. А. Лухтер*

Вениамин Константинович Жак [12], кажется для словаря библиотекведов, который затевался в 1970 году в Ленинграде, да так и не состоялся. Свой экземпляр я отослала тоже в Ленинград в ассоциацию (союз, или как-то ещё) бывших бестужевков; но что называется, ни ответа, ни привета не получила.

Мои записки можете использовать по своему усмотрению, если будете публиковать, можете сокращать, убирать то, что Вам покажется лишним, не уважительным. Но, пожалуйста, ничего не добавляйте от моего имени. Передаст Вам их мой племянник Владимир Павлович Барсуков. Он — историк, тоже страстный краевед, хотя библиотеками, как мне кажется, специально не интересовался. Может быть, Вам стоит связаться с сыном Марии Семёновны Сергеем Вениаминовичем? [13].

Ещё просьба — не путайте, пожалуйста, Моисея Вульфовича с его женой Марией Львовной. Фамилия их не склоняется; первый инициал совпадает и частенно возникает путаница.

Директором краевой (областной) библиотеки была Мария Львовна. Моисей Вульфович возглавлял городскую сеть; официально он был до войны заместителем директора Центральной городской

библиотеки, то есть возглавлял всю сеть городских библиотек; так как в Ростове сохранялась разумная централизация сети. Официально директором был тот или иной партийный чиновник, а бессменным хранителем массовых библиотек города был Моисей Вульфович.

Наташа [11] говорила, что осенью будет в Москве и может зайти ко мне. Буду очень рада, если смогу что-нибудь добавить и уточнить. Будьте любезны, также напишите мне сможете ли вы использовать мои записки; очень хочется помочь сохранить память о том времени, когда мы так беззаветно работали; о тех людях, с которыми работала, о милом, таком поистине культурном городе, каким был Ростов в 20 — 30-х годах; о трудных первых послевоенных годах.

С приветом и уважением Д. Жак

Р. С. У меня хранятся несколько писем З. С. Муратовой из Грузии — Рабиновичам [14]. Наследников не осталось. А письма представляют, по-моему, большой интерес. Если Вы считаете возможным как-то использовать их, опубликовать хотя бы частично, я бы могла передать их с Наташей. Жаль, если они погибнут без вести.

Д. Жак.

Москва, 10.09.96 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

С полгода назад, в разговоре по телефону Вы сказали, что хотели бы получить от меня короткий автобиографический очерк, который намереваетесь включить в следующий выпуск «Донского временника». По крайней мере, я так Вас поняла.

Правда, во втором разговоре (летом, с моей дочерью) Вы об этом уже не упоминали. Может быть передумали?

Во всяком случае, я такой очерк написала [2]. Не знаю, пригодится ли он для «Временника»? Статья получилась скорее библиотековедческая (библиотечная), а не краеведческая, так как и вся-то моя сознательная жизнь связана с библиотеками.

Я взяла за основу автобиографию, которую написала в 1970 г. для «Словаря советских библиотечников». Он был задуман, но (насколько я знаю) не осуществлён ленинградскими библиотечниками под руководством Екатерины Аркадьевны Горш.

Однако, с того времени прошло больше 25 лет, четверть века; полностью сменилось поколение библиотечных работников и многое, что не надо было объяснять современникам, совершенно непонятно нынешнему читателю. Поэтому я подробно останавливаюсь на причинах появления той или иной работы, объясняю мою позицию в постановке и решении затронутых проблем.

В общем, если Вы думаете, что статья может представить интерес для «Временника», то я её Вам перешлю. Если нет, останется у меня в «архиве». Может быть когда-нибудь кому-нибудь пригодится. Во всяком случае, я рада, что её написала.

Д. К. Жак.

Р. С. Уважаемая Лариса Александровна! Я благодарна Вам за интерес к истории библиотечного дела, библиотек и моего любимого Ростова. Желаю Вам дальнейших успехов. Сердечный привет Наташе Зайцевой и другим Вашим соратникам.

С приветом и глубочайшим уважением,
Д. Жак.

Москва, 23.10.96 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Посылаю Вам фотографию нашего выпуска. Лариса [15] говорит, что у вас хороший фотограф. Если он сделает хорошую копию, да еще на картоне, то пришлите мне копию, а оригинал оставьте у себя. Все равно, после моей смерти

ему лучшее место в краеведческом отделе вашей библиотеки. Может быть и в экспозицию когда-нибудь выставите. Если хотите я напишу, что знаю и помню о каждой фотографии; иногда хотя бы имя и отчество, или место работы.

Посылаю Вам также первый вариант моего автобиографического очерка [2]. Заголовок поставьте, какой хотите, мне кажется наиболее удачным последний, а впрочем, он тоже не слишком мне нравится. Я говорю — первый вариант, потому что мои читатели (сын и дочь) нашли, что вышло очень сухо, надо больше написать о людях, привести конкретные факты, эпизоды. Муж, наоборот, считает, что не надо выходить за рамки чисто делового, краеведческого материала. А как Ваше мнение? Я, конечно, много знаю и помню, вплоть до шуточных стихов, частушек, забавных эпизодов. Но надо ли это Вам? И не займет ли это слишком много места? Это уже будет не очерк, не статья, а говоря высоким стилем, мемуары. Я может быть это и напишу (если успею), но уже для себя, для семейного архива. Напишите Ваше мнение (или позвоните). Посылали ли Вы запрос в архив Ленинской библиотеки? Что Вам ответили? Не надо ли было Ларисе [15] навести справки?

Будьте здоровы. Желаю успехов. Привет Наташе [11].

Д. Жак.

Москва, 25.02.97 г.

Здравствуйтесь, уважаемая Лариса Александровна!

Спасибо за книжку, спасибо за письмо, за тёплые слова, и, особенно, спасибо за Вашу прекрасную работу по спасению из забвения имён людей, так или иначе причастных к истории нашего любимого, благодатного, многострадального края. Поздравляю Вас с 20-тилетием работы краеведческого отдела и Вашей лично — хорошая дата! Уже многое сделано и так ещё много впереди: Дай Вам Бог сил, здоровья и терпения для этой благородной и благодарной работы.

Я собираюсь в ближайшее время взяться за примечания к фотографии выпуска. Подумать только, что если бы не сохранился этот уникальный экземпляр, то, возможно, нельзя было бы доказать даже факт существования этого выпуска! Сохранила фотографию, скорее всего, Мария Даниловна [16]. Во всяком случае, мне её переслала Мария Семёновна после смерти Марии Даниловны, правда без всяких пояснений. Но могу сказать точно: ни я, ни Зинаида Семёновна [12] её с собой

Преподаватели и аспиранты Московского библиотечного института. 1951 г. Слева направо сидят: Т. П. Елизаренкова, О. С. Чубарьян, И. Марков, Д. К. Жак (аспирантка), Г. И. Маркова. Стоят: А. Б. Горбатова, В. И. Василенко, Э. Выборнова, Д. А. Гольдштейн, Г. Марковская, И. С. Магалиф, Юрий Лейфер, Е. М. Зайцева, О. И. Талалакина. Из семейного архива Ю. А. Лихтер

в эвакуацию не увезли. Зинаида Семёновна вырезала только свою фотографию и вместе с ней мою, поскольку они помещены рядом и моя с краю. А я, уходя из Харькова с двухлетним сыном, поклялась себе, что даже не подойду к письменному столу, чтоб не соблазниться и не взять ни одной лишней бумажки, кроме документов. Так погибли рисунки моего брата (немногие, которые были у меня), письмо Гайдара, моя дипломная работа, многие фотографии.

Итак, я собираюсь в самое ближайшее время взяться за работу, о которой мы с Вами говорили: написать примечания к фотографии выпуска — что о ком знаю и помню. Не раздумали ли Вы? Надо ли это? Пусть не печатать, но хотя бы сохранить.

Но сегодня ночью, просматривая «Памятные даты года» во «Временнике» я подумала — сколько имён я могу назвать, возможно, неизвестных Вам, но опять же возможно, представляющих интерес для краеведения, для истории Ростова и людей живших в нём.

Я ограничусь только перечнем имён и отсылками к людям, которые могли бы что-нибудь сообщить более подробно.

Известно ли Вам, что Оган Степанович Чубарьян, зам. директора и и. о. директора Ленинской библиотеки в 60–70-е гг. — уроженец Нахичевани; в Ростове (Нахичевани) он начал свою библиотечную деятельность. Об этом он говорил на 75-летию В. Н. Кессених, рассказывая, как приходил к ней в методкабинет. Его сын Александр Оганович Чубарьян — известный историк, живёт и работает в Москве.

Соколик Абрам Соломонович — выдающийся физик, доктор физ.-мат. наук, родился в Ростове, окончил там гимназию, в конце 1921-го — в 22-м гг. уехал в Петроград. После войны и эвакуации вместе с Институтом химической физики переехал в Москву. На его счету немало значительных изобретений. Сын его, талантливый физик (никак не связанный с Ростовом) умер в Иерусалиме уже довольно давно. Но, безусловно, подробные сведения о нём можно получить от его племянниц: Татьяны Анатольевны Шишкарёвой, которая живёт в нескольких кварталах от вашей библиотеки и, особенно, от старшей племянницы — Инны Иосифовны Мовшович в Москве.

Не считите за нескромность, но я буду говорить о своих братьях. Что же поделаешь, если

была большая семья и из пяти братьев — четверо были безусловно одарённые, каждый в своей области [17]. <...>

В конце 30-х годов известным краеведом в Ростове был Борис Владимирович Лунин. По крайней мере, именно его пригласили вести кружок краеведения во Дворце пионеров, открывшемся в 1936 г. Это была большая честь для Дворца. Во время войны он эвакуировался в Среднюю Азию, кажется в Ташкент, да так там и остался и, кажется, тоже занялся краеведческой работой. У него было много публикаций и в ростовский период и в Средней Азии. Вы, наверно, о нём знаете; наверно, что-нибудь и публиковали уже, но я на всякий случай написала.

Лариса Александровна! Все это ни к чему не обязывающие заметки. Просто спешу зафиксировать то, что хранится в памяти. Если хватит у Вас времени и терпения все прочесть, буду благодарна, а если что-то можно будет использовать, буду рада.

Прочла я Ваши статьи во «Временнике». Сколько же труда за этими десятью страничками. Действительно: «изводишь единственного слова ради тысячи тонн словесной руды». Сколько потребовалось разыскать и изучить материалов; какая работа!

Желаю Вам и Вашим сотрудницам успехов и удовлетворения от работы. Буду благодарна, если Вы напишете мне хоть несколько строк по поводу дальнейшей работы. А я постараюсь найти время и силы для неё.

С уважением, восхищением и благодарностью, Д. Жак.

Москва, 17.02.99 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Только что прочитала в «Книжном обозрении», что Донская библиотека стала победителем конкурса «Окно в Россию» за 1997/98 год «за выдающийся вклад в сохранение и развитие культуры России».

От всей души поздравляю Вас и, конечно, весь коллектив библиотеки. Не сомневаюсь, что немалая доля в этом вкладе — Ваш труд. Я слышала (вернее читала в письме) восхищённый отзыв о Вашем детище «Донской временник» от моей давней библиотечной приятельницы из Краснодара: «Вот бы и нашей библиотеке выпускать такой ежегодник!» Но для этого, наверно, нужны такие энтузиасты, как Вы и Ваши сотрудники.

Итак, жива и продолжается традиция Ростовской библиотечной школы, давшей немало энтузиастов, посвятивших себя нашему

прекрасному, и так необходимому именно сейчас библиотечному делу.

Желаю Вам и Вашему коллективу дальнейших успехов, сил и здоровья.

С глубоким уважением, Д. Жак

P. S. А почему только сейчас подведены итоги конкурса за 1997/98 год? Или это запоздалая информация?

Д. Ж.

Москва, 12.07.99 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Только вчера получила Ваше милое письмо от 11 марта (!) и «Временник» за 99 г.

Спасибо Вам за добрые слова, далеко не заслуженные мною. Право, мне иногда кажется, что Вы переносите на меня те чувства, которые вызвала Мария Семёновна. Вот это была действительно прекрасный, редкий человек. Как, впрочем, и её муж — Веньямин Константинович [18]. Редкие были люди.

Мне очень жаль, что так нелепо получилось с письмом. Мальчик, которому Сергей Веньяминович [13] поручил передать мне журнал с вложенным письмом просто зыбыл его в Ростове и только после того, как ему напомнил Сергей, мать его выслала по почте. Жаль очень, ещё потому, что вероятно из-за этого мне не удалось познакомиться с Евгенией Михайловной [19]. А это было бы так приятно; я очень люблю Ростов (тот мой прежний еще Ростов), хотя вот уже больше 50 лет живу в Москве, но москвичкой не стала. А годы работы в Ростовской областной библиотеке, — один из лучших периодов в моей работе (хотя не в жизни, конечно, ведь ещё шла война). Я чувствовала себя там на своём месте.

Журнал Ваш год от года хорошеет. Какая бумага! Какое прекрасное полиграфическое оформление, хотя я мало в этом понимаю. Я его ещё как следует не смотрела. Прочитала отрывки из мемуаров Марии Семёновны [20], полюбовалась на фотографию её с Зинаидой Семёновной [12]. Но прочту обязательно всё внимательно, как и предыдущие. Не помню, писала ли я Вам, что моя краснодарская приятельница по библиотечной работе, с моей подачи выписала по МБА ваш «Временник» и от души позавидовала, что их библиотека не ведёт такой работы.

Что касается моих каких-то материалов, то до 2001 года так далеко, а мне так много лет, что загадывать не приходится. Мне хотелось написать хоть несколько строк о каждом, кто запечатлён на нашем групповом портрете, но обещать не могу. Память слабеет, времени

для умственного труда всё меньше, всё съедает бесконечная домашняя работа. Попробую, ведь у меня сохранилась копия его.

Мне было очень приятно, когда бывшая жена Сергея Веняминовича, Инна Васильевна Жак рассказала мне о своей случайной встрече. В поезде попутчицей оказалась племянница Веры Александровны Давыдовой, которая родилась после её смерти. Ведь Вера умерла очень рано — в 1936 году, от тромба в сердце, как Зинаида Семёновна Муратова. И эта племянница рассказывала Инне, каким подарком для неё было увидеть фотографию Веры на юбилейной выставке в библиотеке.

Очень правильно, что Вы отобрали у меня этот снимок. Вот он уже работает и, может быть будет ещё работать, а у меня он лежал где-то в ящике, уже никому, кроме меня, не нужный. К тому же, ведь он не принадлежал мне. Я, уходя из Харькова с двухлетним сынишкой, не взяла ни одной фотографии, ни одного письма, ни одной бумажки, кроме документов. Жалею только о рисунках старшего брата, ведь от него почти ничего не сохранилось, кроме иллюстраций в книгах. Думаю, что этот портрет спасла Мария Даниловна Савкина [16]. У Марии Семёновны он вряд ли был; Муратова не взяла его, это я знаю точно, она только вырезала свою фотографию, а так как моя была рядом, то она вырезала их вместе. После смерти Зинаиды Семёновны, Мария Семёновна мне эту двойную фотографию переслала, она у меня. Скорее всего, портрет сохранился у Марии Даниловны, и вероятно, она тоже не брала его в эвакуацию, но он сохранился (я так думаю) у её родных или родных её мужа. Этих подробностей я, конечно, не знаю, могу только строить предположения. Извините меня за помарки и косые строчки, возраст берёт своё. Пожалуйста, пишите мне, не забывайте. Огромное спасибо за журнал, за внимание, меня уже мало кто помнит и вспоминает. Поэтому всякое проявление внимания, тем более незаслуженного, так дорого.

Привет Наташе Зайцевой, Ларисе Поповян. Надеюсь, что моя встреча с Евгенией Михайловной и с Вами ещё состоится.

С уважением и благодарностью, Д. Жак

Москва, 1.01.2000 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Поздравляю Вас и весь коллектив отдела краеведения с Новым годом и желаю новых творческих успехов в вашей прекрасной работе по сохранению памяти о нашем любимом

городе, о нашей библиотеке, о наших библиотекарях, самоотверженных тружениках.

К сожалению, у меня нет возможности написать Вам на такой прекрасной, красивой бумаге, как пишете Вы. Одно удовольствие подержать такое письмо в руках.

Я благодарна Вам за доверие к моим способностям ещё что-то написать, но боюсь, что это вряд ли осуществимо. Дай Бог, кое-как справиться с ответами на письма. Очень хотелось мне написать хоть что-то, что я помню о тех, кто запечатлён на снимке нашего выпуска: хотя бы раскрыть инициалы, указать кто, где, кем работал, но боюсь, что и это не успею. Я очень благодарна Вам, что Вы не забываете меня и присылаете очередные выпуски «Временника». Я прочитываю их «от доски до доски». Вы, вероятно, знаете, что последний выпуск я получила чуть ли не с полугодовым опозданием и только поэтому не могла своевременно поблагодарить Вас. Как интересна история Ростова, изложенная в разделе «Исторические чтения», как много она объясняет в возникновении наименований улиц и переулков; я их все ещё помню. Как жаль, что до сих пор не восстановлены наименования трёх проспектов: Малый, Средний и Большой.

Хочу поделиться с Вами своей радостью: после многих лет я, наконец, нашла упоминание о моём брате — художнике Ефреме Константиновиче Жак (может быть Вы помните, я Вам о нём писала). И вот в книге «Художники Дона», изданной в Ленинграде, издательством «Художник РСФСР», в 1987 г., но написанной вашей ростовской исследовательницей Ю. Л. Рудницкой на стр. 10 — правда одной строчкой и с перевернутым вторым инициалом: «*Ранний этап творческой биографии умершего молодым графика Е. В. (вместо К.) Жака также связан с Ростовом*». Как же я обрадовалась! Пусть хоть одна строчка, но, всё же не полное забвение. А строчкой выше упоминается и уже известный К. Ротов.

Извините меня за длинное письмо, но хотелось с Вами поделиться.

С глубоким уважением, Д. Жак.

Москва, 1.03.2000 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Спасибо за очередной номер Вашего прекрасного детища. Конечно, как всегда, я получила его с некоторым опозданием и, опять же, как всегда, отвечаю также с опозданием. В каждом номере Вы помещаете такие интересные материалы о людях, связанных с Ростовом,

Ростовской областью, Доном. Как только у Вас хватает времени, интуиции на эти, иногда даже совсем неожиданные сведения.

А, знаете, я случайно была в Таганроге в то время, когда там проводилась украинизация и даже была на одном занятии, но запомнила только, что Евгения по-украински Явга. Впрочем, впоследствии я жила на Украине, узнала украинский язык, литературу и очень люблю украинские песни.

Вы, конечно, несколько (мягко говоря) преувеличили значение моих работ по библиотечному делу, но, будем надеяться, что эти слова не попадут на чей-нибудь язычок. Впрочем, может быть это просто опечатка или пропущено какое-то слово. Да и вообще, это неважно. А вот за слова о Марии Семёновне Вам большое спасибо, она действительно была удивительно светлый человек; за свою долгую жизнь я немало встречала хороших людей, но таких, как она по пальцам можно перечесть.

Теперь о деле. Вы как-то писали мне, предлагая поместить что-либо в следующем юбилейном номере 2001 года. Если я, по обыкновению не опоздала, то хочу Вас просить в разделе «Памятные даты года» поместить заметку о моём брате Меире Константиновиче Жак. Он, как и все мы, родился не в Ростове, а в Петровске; в Ростов переехал в 1918 г. 10 ноября 2001 г. будет 100 лет со дня его рождения. Как я понимаю, он немало сделал в науке. <...> [О М. К. Жак подробнее в воспоминаниях Д. К. Жак на с.122 – 123. — Л. Ш.]. Если все это Вас заинтересует и ещё не поздно, можно было бы всё это уточнить. Жены его, конечно, уже нет, но дети живут в Израиле. Я поддерживаю с ними постоянную связь, и при современной технике связи всё можно было бы проверить оперативно.

Будьте здоровы, желаю успехов.

С глубоким уважением, Д. Жак.

Москва, 14.04.2000 г.

Дорогая и уважаемая Лариса Александровна!

Посылаю Вам краткую биографическую справку о моем брате Меире Константиновиче, которую прислала мне из Израиля его дочь. Первую часть, по её словам, он составлял сам; а начиная с 41 г. дополняли, очевидно, его жена и дочь. Я позволила себе внести несколько уточняющих деталей в виде подстрочных примечаний, которые, если сочтёте нужным, можно перенести в текст. Для «Памятных дат», мне кажется сведений достаточно, а более подробные воспоминания писать некому, да для Вашего издания, наверно, и не нужно. Есть фотография

братской могилы с розами у его имени, которую сделала его дочь. Я не знаю, в какой край или область сейчас входит Уруп и как называется этот населённый пункт. Тогда надо было ехать поездом из Ростова до станции Богословская (Богословское?) и оттуда вёрст 40 лошаадьми. Ну, а Каял — это, конечно, под Ростовом.

Теперь обо мне. Мне кажется, что для «Памятных дат», если Вы хотите, сведений достаточно. А вновь писать обо мне биографическую заметку, после того, как несколько раз у вас печатались мои воспоминания неловко, слишком навязчиво.

В статье Татьяны Васильевны Борисенко в «Библиотекаре» есть некоторые неточности [1, с. 124 – 126]. Боюсь, что по ней прошёлся какой-нибудь не слишком сведущий редактор из журнала. Я же увидела её уже напечатанной в день, когда мои «девочки-бабушки» принесли мне журнал в качестве юбилейного подарка. Даже фотографию, без моего, конечно, ведома они выбрали с моей дочерью.

Для Вашего сведения хочу уточнить кое-что:

Я, конечно, не была автором пособия «Сельская библиотека». Это пособие составлено коллективом авторов из 12 – 13 человек, под редакцией В. Н. Кессених. Мне там принадлежат две главы — третья и четвёртая — о фонде и каталогах, а также редакция таблиц классификации и сопутствующие им приложения. Нельзя также сказать, что я принимала участие во всех изданиях «Таблиц классификации» для массовых, детских и областных библиотек. Вряд ли создатели ББК числили меня в числе своих сотрудников, хотя по мере сил я старалась защищать там интересы массовых библиотек. И, наконец, сроду я не посещала «вернисажи и театральные премьеры». Ранг — не тот! Любила, конечно, театр и пока была возможность ходила, также, как и в кино, иногда на выставки.

Конечно, понимаю, что это всё юбилейные преувеличения, но мне как-то неловко, тем более, что многое другое в статье обо мне правда; и я благодарна моим милым сотрудницам за неё, но повторять каждые 10 лет такие славословия стоит ли?

Матлину [21] я знаю, она работала у нас в научно-методическом отделе, но вместе работать нам как-то не пришлось.

С месяц назад я послала через сына по e.mail Сергею Вениаминовичу [13] рукопись статьи-рецензии на книгу Гонтмахера «Евреи на Донской земле» [23], с тем, чтоб он её Вам передал. Но 30.03 он её ещё не получил, а позже — не знаю. На всякий случай, я посылаю её Вам бандеролью. Захотите — используйте.

Слева направо сидят: В. Н. Кессених, М. Д. Савкина (Котляревская); стоят: Д. К. Жак, ?, ?, З. С. Муратова. Ростов-на-Дону, 1936 г. Из семейного архива Ю. А. Лихтер

Постараюсь раздобыть (или указать Вам адреса), какие-нибудь биографические сведения о Вере Николаевне Кессених [22].

Вот кто, действительно, стоял у истоков библиотечного дела и создания «Ростовской библиотечной школы»! К сожалению, думаю, что в Ростове никого не осталось, мне посоветовали искать в Таганроге и Москве. Об этом я подробнее напишу Вам в другой раз. Сейчас хочу побыстрее отправить это письмо с биографией брата. Кстати, он писал свое имя «Меер»; наверно, и в документах у него так. Сейчас более принято «Меир» — выбирайте сами.

Нет ли у Вас в библиотеке факса или e.mail? Можно было бы гораздо оперативнее общаться. Если есть, мне можно посылать по e.mail сыну на работу: likhter@ciam.ru, что означает: Лихтер (его фамилия), ЦИАМ (название института), Россия. Он так переписывается с товарищем, живущим в Штатах.

Ну, кажется, ничего срочного не забыла.

С приветом и благодарностью, Д. Жак.

Москва, 9.05.2000 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Ваше письмо я, конечно, получила уже довольно давно. Сын мне сначала прочёл его по телефону, а потом принёс отпечатанным домой. И, конечно, я хотела немедленно Вам ответить и, как всегда, за текушкой хозяйственных и прочих бытовых дел даже не успела поздравить Вас с праздниками. Для меня не только 9 мая самый великий день в году, но и 1 мая остаётся праздником.

Я рада, что Вам понравилась моя рецензия на книгу Гонтмахера. Мне самой она кажется несколько многословной и сумбурной. Если Вы найдете возможным её несколько «причесать» я бы, конечно, не возражала.

Очень хочу найти достойный материал о В. Н. Кессених, но пока не очень получается. Я сама не была с ней настолько близка, хотя мы знали друг друга много-много лет и я многим ей обязана, особенно в военные и послевоенные годы, но написать воспоминания не смогу. Обещала написать одна сотрудница

по научно-методическому отделу — Евгения Ефимовна Троицкая [24], но это последний московский период её жизни и работы: сначала в министерстве, а потом в Библиотеке им. Ленина.

Но... мне рассказала сотрудница Веры Николаевны ещё по министерству, а потом вместе с ней в метод. отделе Лидия Авраамовна Ермолаева (она и сейчас ещё работает в библиотеке), что незадолго до смерти Вера Николаевна сама составила альбом из документов, фотографий и проч. о своей жизни и работе. Этот альбом она показывала им — группе сотрудников по м-ву и библиотеке, которые регулярно её посещали. Вот, если бы найти этот альбом!

В Москве мне ещё не удалось разыскать кого-либо из родственников Веры Николаевны. Жила здесь её любимая племянница Мария Борисовна Кессених (Маруся) — самый близкий ей человек. Но она — моя ровесница; жила ещё, не знаю. Должны быть и ещё племянники или скорее внучатые племянники. Но по телефону в Москве справку о телефоне или адрес получить невозможно. Буду искать другие пути. Ермолаева мне сказала, что на похороны В. Н. приезжал её младший брат из Таганрога с дочерью; они организовали похороны и, она думает, что альбом скорее всего у них. Но с того времени прошло уже лет 20, брата тоже уже, наверное, нет в живых; а племянница могла переменить фамилию. Всё же, если у вас есть связь с Таганрогом, пусть они там поищут Кессенихов — фамилия редкая, и однофамильцы вряд ли возможны. Брата звали Александр Николаевич.

Я, конечно, постараюсь сделать, что могу. Спасибо Вам за такую нужную краеведческую работу — восстановление памяти великих тружеников, библиотекарей 20 — 30-х годов.

Бывает ли у Вас в библиотеке Сергей Вениаминович [13]? Что-то давно я от него ничего не получала.

Получила на днях письмо из Краснодара от моей тамошней библиотечной приятельницы — Галины Николаевны Шаршиной, бывшей зав. отделом обработки краевой библиотеки. Она пишет о праздновании 100-летия (!) краевой библиотеки, на которое приезжали представители из Москвы и из других областных библиотек, в том числе и из Ростова. Вы не ездили? Она описывает, как всё хорошо и неформально было организовано. Прислала мне фотографию библиотеки; рядом памятник Пушкину, очень симпатично.

А у нас в Москве поставили перед Ленинской библиотекой совершенно чудовищный памятник Достоевскому (?). И памятник сам по себе

уродливый и установлен так, что Достоевский сидит задом (именно задом, а не спиной) к входу в читальные залы библиотеки.

До свидания, Лариса Александровна! Эх, приехали бы Вы в Москву, я бы Вам столько порассказала о ростовских библиотеках тех лет. А написать — всего не напишешь. Будьте здоровы и счастливы, желаю успехов в работе. Привет библиотеке, Наташе Зайцевой, Ларисе Поповян, Пушкинской улице и всему моему любимому Ростову.

С уважением, Д. Жак

Москва.

[Письмо без даты, ориентировочно — июнь 2000 г. — Л.Ш.]

Уважаемая Лариса Александровна!

«Отыскался след Тарасов!». Разыскала я, всё-таки, племянников Веры Николаевны Кессених. 2.06. вечером говорила с одним из них по телефону — Александр Владимирович, живёт в Москве; это сын брата Веры Николаевны — Владимира Николаевича, бывшего профессора (математики?) в Томском университете, а потом в МГУ. Александр Владимирович тоже учёный, уже на пенсии. Сначала он стал говорить, что у него почти ничего нет, какие-то обрывки, но потом обещал и найти, и написать, и послать Вам. Я дала ему Ваш адрес: и почтовый, и e.mail (он спросил его). Его адрес: 121552, Москва, ул. акад. Павлова, 34, кв. 1, Александру Владимировичу Кессениху. Телефон его 140-45-00. Вероятно, ему можно писать и по e.mail, но я не успела как-то спросить.

Другой племянник — Владимир Александрович, сын младшего брата из Таганрога, живёт в Петербурге [25] (телефон и адрес мне обещали также дать).

Лариса Александровна! Напишите Александру Владимировичу, пока он не забыл и не остыл. Это письмо я попрошу сына послать по e.mail (к сожалению, он у нас некоторое время не работал — с этим связана задержка. Сын). А если получу что-нибудь здесь, то отправлю бандеролью. Но Кессенихам напишите сами, от библиотеки, чтобы это носило более основательный и официальный характер; и электронный адрес он просил написать во избежание ошибки (я-то диктовала его по телефону).

Привет Вам и всему коллективу.

С наилучшими пожеланиями, Д. Жак

Москва, 26.08.2000 г.

Уважаемая Лариса Александровна!

Только сегодня до меня добралось Ваше письмо, отправленное Вами на имя моего сына 4.08. Он был в отпуске, 21-го вышел на работу и сегодня привёз мне письмо и отредактированную рецензию. Спасибо Вам за редакцию; мне кажется, что рецензия стала более чёткой и стройной. У меня только два небольших замечания.

1. В фразе о Штейне [26] Вы в выражении «постольку поскольку» сняли первое слово; получился несколько другой оттенок. Если Вам не нравится это выражение, можно его заметить: «насколько», или «в той мере, в какой». Как Вам понравится.

2. На последней странице, о З. С. Муратовой. Насколько мне помнится, я писала, что «руководила работой детских библиотек З. С. Муратова», а не только отделом. Что касается заметки обо мне, то (как я узнала позавчера в разговоре с Евг. Еф. Троицкой [24] совсем по другому поводу), «мои девочки» действительно написали, но не знали, как отправить, и отправила Е. Е. сама. Ещё раз спасибо Вам за такое внимание к моей особе. Мне даже кажется, что не слишком ли много Д. К. Жак мелькает на страницах «Донского временника»? Спасибо.

Д. Жак

Москва, 12.02.2001 г.

Уважаемая и дорогая Лариса Александровна!

Вчера получила «Временник», пока только один экземпляр для меня. Остальные Сергей [13] обещает переправить со следующей оказией. Совсем как в XIX веке! Огромное Вам спасибо!

Ваш ребёнок с каждым годом растёт, полнеет и хорошеет. Хотя мне немножко жалко прежней более красочной обложки. Я, конечно, его ещё целиком не читала (но прочту обязательно). Посмотрела в основном «жаковские» материалы. Ещё раз спасибо! Жаль только, что попадают опечатки, и подчас очень досадные. Например, Лидочку Кац умудрились выдать замуж за родного брата (стр. 150). Кац был женат на Анне Клепкер, как говорили — лучшей пианистки Ростова. Её убили немцы в 1942 году. А Лидочка — его сестра, тоже очень талантливый человек. Вот о ком бы следовало написать, хотя сама она была совсем не «письменный человек», но очень талантливая.

Эх, Лариса Александровна, неужели мы с Вами так и не встретимся? А сколько бы я Вам порассказала; ведь всего не напишешь.

Есть опечатки (или ошибки) забавные. Например, Вениамину Константиновичу Жаку сократили срок жизни на 50 лет (стр. 147); указаны годы 1905—1934 (?). Непонятно, когда же он успел не только жениться, но и прожить «долгую жизнь», как пишет Мария Семёновна [27].

Я просто тронута вниманием, которое Вы проявили ко мне, в сущности, довольно рядовому библиотечному работнику, разыскиваете авторов для статьи, фотографии и проч. Но вот как раз эта фотография меня очень огорчила. Я её совсем не помню и даже не очень узнаю себя, если не считать, как всегда небрежной причёски. Конечно, фотограф мне польстил, ну да это дело десятое, не тем я огорчилась, а датой, указанной под фотографией — 1983 г. А брат умер за 10 лет до этого, в 1973 г. Да и мне на снимке явно не 70 лет (83 — 11 = 72).

Не обижайтесь на меня за придирки. Всё равно для меня этот «Временник» — подарок, привет из Ростова. Когда получу остальные экземпляры, обязательно доставим их адресатам. А Евгений Ефимовне позвоню, если не сегодня, то в ближайшие дни.

Вы, наверное, уже готовите следующий выпуск за 2002 год. Желаю Вам успеха, хотя и не уверена, что его увижу.

А забавно было читать собственный некролог! Милые мои «девочки-бабушки», как я их называю. И чего они только про меня не написали! [1, с. 124 — 126].

Будьте здоровы, желаю Вам успехов и сил. Привет всем библиотекарям и всем ростовчанам.

Д. Жак.

P.S. А рецензия после вашей правки получилась неплохая. Правда, Вы её «причесали». Д. Ж. [23].

Москва, 15.03.2001 г.

Здравствуй, дорогая и уважаемая Лариса Александровна! Я, кажется, Вам ещё не написала, что в конце довольно длинной цепочки, авторские экземпляры «Временника» оказались у меня. На следующей неделе (24.03) мои «девочки-бабушки» обещали собраться у меня, чтоб разобрать их по принадлежности. Галина Андреевна Надежина обещала экземпляр Е. Е. Троицкой отвезти домой её дочери. А самой Евгении Ефимовны уже нет. 5-го марта её похоронили — инсульт [24].

Я, собственно говоря, поэтому и тороплюсь Вам написать. Ведь Вы, вероятно, уже работаете над следующим выпуском — 02-го года.

Так, как я предполагаю должна быть и статья Е. Е. о Вере Николаевне Кессених. Наверное полагается траурная рамка (?). Сама Евгения Ефимовна живо интересовалась судьбой своей статьи: и была несколько разочарована, что в том номере её нет. Как будто предчувствовала... Но дочь её ответила Галине Андреевне на вопрос «нужно ли привозить ей этот номер?». — «Обязательно!».

Я думаю, что тем более важно будет для семьи получить следующий выпуск. Ведь это последняя её печатная работа. Переслать можно будет или через Матлину [21] или через меня. Даже, если меня уже тоже не будет («на роковой стою очереди») мои сделают всё возможное, чтоб передать его по принадлежности.

А Кессенихи так и не откликнулись?

Примите мои запоздалые поздравления с 8 марта — первым весенним праздником. Ведь в Ростове, наверное, уже совсем весна? А Москва завалена снегом, который медленно тает, заливая дворы и тротуары: сугробы в человеческий рост. А морозов совсем не было!... Не запомню в Москве такой зимы.

А как Дон? Не грозит вам затоплением?

Я помню весной 1928 г. он разлился так, что набережная была залита вся. Мы со старшей сестрой ходили смотреть на разлив. На Большом (Воршиловском) проспекте вода стояла до начала каменной балюстрады, которая ограждала крутой спуск от Старо-Почтовой (Станиславского) до набережной. Зрелище было впечатляющее!

Как Вы живёте? Как здоровье? Как работаете? Я уже выражала Вам своё восхищение ростом «Временника» за какие-нибудь шесть лет. Но всё же желательно поменьше опечаток.

Желаю дальнейших успехов. Будьте здоровы. Если могу ещё чем-нибудь быть полезна, буду рада.

С уважением, Д. Жак.

Москва, 3.04.2001 г.

Дорогая и уважаемая Лариса Александровна! В пятницу 30-го сын мне принёс ваше письмо, отправленное 29-го из Ростова. (Чудеса электронной почты!) Но только вчера вечером (2.04) мне удалось связаться с дочерью Евгении Ефимовны.

Не могу передать, как я огорчена исчезновением статьи Евгении Ефимовны. Я понимаю, что у Вас теперь достаточно подробного и достоверного материала о Кессенихах, и не только о Вере Николаевне, но и о Борисе Николаевиче и Евгении Атабеевне. Очень радостно, что нашёлся

альбом, составленный Верой Николаевной. О нём мне рассказывала Лидия Андреевна Ермалова. Она так и предполагала, что альбом находится у самого младшего брата — Александра Николаевича, который приезжал на похороны В. Н. из Таганрога, где он тогда жил. Я видела его один раз на 90-летию Веры Николаевны; он очень уговаривал её переехать к нему, но она предпочла остаться в Москве. Очевидно, Владимир Александрович его сын.

Дорогая Лариса Александровна, не смею давать Вам советов, но нельзя ли каким-то из современных способов скопировать этот альбом и, если не опубликовать его во «Временнике» (наверное, это не нужно), то сохранить в фонде. Может быть пригодится?

Но теперь самое главное для меня — что случилось со статьёй Евгении Ефимовны?

Статья была, я её читала, даже сделала несколько мелких замечаний. Я вот чего не понимаю. Дочь Евгении Ефимовны — Елена Васильевна (к сожалению, фамилии её пока не знаю) говорит, что она сама отправляла пакет в библиотеку, хотя она не проверяла содержимое, но считает, что там была статья обо мне. Но ведь это должен был быть второй пакет!? Ведь к этому времени Вы с Евгенией Ефимовной были уже заочно знакомы? Поэтому она и взялась организовывать моих «девочек» для написания и отправки статьи. А как состоялось первое знакомство?

Очевидно (вероятно, возможно) со статьи о Вере Николаевне? Лариса Александровна, я Вас умоляю: посмотрите внимательно, не отложили ли Вы её как материал для «02» года, когда были заняты подготовкой номера к «2001-му» году?

Елена Васильевна сказала, что ещё не смотрела «мамин архив» (ведь только месяц прошёл), но поищет обязательно. Так обидно, если статья — маленькая, может быть даже заметки, затерялась. Евгения Ефимовна столько в неё вложила! Она ведь уже не выходила сама и всё приходилось просить кого-нибудь: посмотреть и скопировать личный листок в отделе кадров, точные названия и даты её работ (тут я могла ей ещё помочь, хоть по телефону).

Когда я получила первый экземпляр журнала от Сергея Вениаминовича (остальные пришли много позже) и позвонила ей, она так обрадовалась, заинтересовалась, хотя и была разочарована, узнав, что её статья будет только в следующем году.

Увы, ей не пришлось увидеть и этот номер. 24-го у меня были «девочки» (в возрасте от 63-х до 70 лет), забрали свои экземпляры и Галина

Андреевна Надежина обещала отвезти Елене Васильевне. Пока не отвезла.

Лариса Александровна, Вы извините, что я отнимаю у Вас столько времени своей болтовнёй, но если речь заходит о Ростове — столько воспоминаний... Хоть и прожила я там из всей своей длинной жизни лишь 20 с небольшим лет, но это были годы юности, увлечённой работы. Вот прочла я на стр. 67 несколько строк об открытии Дворца пионеров. А ведь я принимала в этом самое непосредственное участие; я была заведующей библиотекой (вернее читальным залом). Не помню самого открытия, но хорошо помню то чувство праздника, которое владело всеми нами — и взрослыми, и детьми.

Надо было подготовить библиотеку, фонд, документацию, оформление. А ведь я продолжала числиться в штате сети Горполитпросвета (у Дворца, наверное, штат ещё только формировался). Вот и приходилось работать «в свободное от работы время». Правда, помогали все. Зинаида Семёновна Муратова [12] своим великолепным почерком заполняла инвентарные книги; Нина Осиповна Зеленская, она же Гербстман, она же Нина Грацианская) [28] занималась художественным оформлением зала. Зинаида Семёновна Живова отправилась в Москву комплектовать фонд; денег дали по тому времени немало, а покупать было нечего, не только в Ростове, но и в Москве. Не помню только, далось ли нам сделать каталог. Вряд ли! А какой ажиотаж был среди читателей-активистов детских библиотек. Надо было получить пропуска, да ещё и успеть их раздать. (Были совсем анекдотические случаи).

Но вот, кстати, о З. С. Живовой, мне кажется Вы могли бы поместить материал о ней во «Временнике» за 2003 г. Она, если не ошибаюсь, 21/II-1908 г., т. е. ей будет 95 лет. З. С. работала в Ростове в детском методкабинете, примерно в 29–30-м году, потом поступила в Московский государственный библиотечный институт (МГБИ), окончив его, до поступления в аспирантуру, вернулась в Ростов, в методкабинет, как раз в эти же годы. А по окончании аспирантуры осталась в МГБИ и была одним из самых ярких преподавателей Ростовской библиотечной школы. Все подробности о ней можно узнать от её дочери — Александры Иосифовны (Иосафовны) Живовой, которая живёт в Москве. От неё же можно получить сведения и об отце её — И. М. Кириллове. Тоже незаурядный работник. Если меня уже не будет, то Вам в этом поможет Сергей Веньяминович [13]; он очень дружит с Сашей и её мужем, Виталием Петровичем Горбачевским.

Простите, что я так разболталась. Желаю Вам успехов. Какой чудесный журнал Вы отгрохали! Я его пристально изучаю. Будьте здоровы. Дай Вам Бог сил, здоровья, успехов.

Всем привет. Д. Жак.

Москва, 1.05.2001 г.

Дорогая и уважаемая Лариса Александровна! Вчера позвонила мне Елена Васильевна Литвинова — дочь Евгении Ефимовны [24] и сказала, что она нашла и черновик, и «чистовик». Очевидно, Евг. Ефим. забыла вложить её в конверт с остальными материалами. Мы договорились, что сразу же после праздников — 3.05 — она отправит Вам чистовой экземпляр письмом с уведомлением. А я спешу Вас предупредить по e-mail (буду опять просить сына). Я надеюсь, что статья не опоздает и попадёт во «Временник» 2002 года [29]. Черновые, на всякий случай, Елена Васильевна, конечно, будет хранить, пока не узнаем, что письмо благополучно дошло.

Лариса Александровна! Я поздравляю Вас и всех сотрудников отдела и библиотеки с прекрасными майскими праздниками. В Ростове, наверное, уже совсем весна: белые платья, тюльпаны, ландыши. В Москве, на удивление, сегодня тоже чудесная погода. А чаще всего 1-го мая бывает дождь.

Будьте здоровы, счастливы, благополучны. Не откажите в любезности, сообщите мне, когда получите рукопись и успеет ли она в номер.

С уважением, Д. Жак.

Москва, 6.06.2001 г.

Дорогая и уважаемая Лариса Александровна! Простите, что как всегда, с некоторым опозданием отвечаю на ваше письмо. На этот раз не хотелось прибегать к помощи «Емели», как говорят ребята, и пишу более подробное письмо. Извините за каракули, пытаюсь писать поразборчивее.

Получили ли Вы фотографию Евгении Ефимовны? Её дочь, Елена Васильевна, сказала, что отправила её сразу же после майских праздников.

Должны были напечатать её некролог и в московском журнале «Библиотека» (или как он теперь называется?). Но это уже не моя забота. Её в Москве знают, ведь она коренная москвичка и, по-моему, в отличие от меня, всю жизнь прожила и проработала здесь. Я же, что могла — сделала, благодаря Вам. О Живовой и Кириллове Вам лучше всего связаться с Сергеем

Вениаминовичем [13]. С Сашей они дружат с самого детства: ведь Зинаида Семёновна Живова была одним из самых близких друзей Марии Семёновны и Вениамина Константиновича [родители С. В. Жака. — Л. Ш.]. Когда Сергей приезжает в Москву, то и останавливается не у нас, а у них, там и просторней и интересней. И до последних лет был очень удобный адрес. Вы, наверное, знаете, что Сергей Вен. переехал на новую квартиру. Не сомневаюсь, что он продолжает бывать в библиотеке, но, на всякий случай, сообщаю Вам его новые координаты ...

О Саше Живовой могу сообщить только телефон — 952-07-12. Есть и адрес, но без почтового индекса: Ленинский пр. 22, даже без номера квартиры. Всё это я могу, конечно, узнать, но мне кажется, что проще и удобнее Вам связаться с ней напрямую через Сергея. Муж Саши — Виталий Петрович Горбачевский, известный журналист, зам. редактора журнала «Знамя» при Бакланове. У него, несомненно, есть личный e-mail и Вам гораздо проще и оперативнее будет связываться с ними напрямую, чем через меня. К тому же, кто может лучше рассказать о своих родителях, чем Саша? Оба они люди пишущие; Саша, по-моему, кончала журналистский факультет, а сейчас преподаёт литературу в школе. Я, конечно, не отказываюсь помочь, чем могу, но мне кажется, в этом случае моя помощь не нужна и может оказаться даже лишней. О Кириллове я вообще почти ничего не знаю, а о Зинаиде Семёновне мало и не подробно.

Теперь о моих письмах. Я, по правде сказать не знаю какой они могут представлять интерес, к тому же я могу и ошибаться; например, о разливе Дона: я не совсем уверена было то в 1928-м или 29-м году. Я вспоминаю по семейной ситуации. Она складывалась так именно в эти два года. В общем посмотрите сами; я вполне рассчитываю на ваш такт. Помните только мою просьбу о Гайдаре, только то и так, как писала Мария Семёновна [20]. Мне, конечно, хочется рассказать о нём: какое впечатление произвёл его приезд на нас, ростовских библиотекарей и читателей детских библиотек: живой писатель! И не кто-нибудь, а сам Гайдар.<...>¹

Москва, 17.08.2001 г.

Дорогая, уважаемая Лариса Александровна! Надеюсь, Вам передали фотографию, которую я совершенно случайно обнаружила в своих

залежах. Как я написала на обороте, это Моисей Вульфович Рабинович с молодыми Жаками, Сергеем Вениаминовичем и его женой Инной Васильевной.

Моисей Вульфович здесь совсем старенький, слабый, может быть вообще это последняя его фотография. Это, конечно, не тот рыцарь библиотечного дела, всегда готовый ринуться в бой за библиотеку, но всё же, мне кажется, место этого снимка в краеведческом архиве библиотеки. Ведь после моей смерти в семье даже не вспомнят, кто это был. Я колебалась послать её по почте, но тут захотелось познакомиться с последней женой Сергея Инесса Степановна (очень милая, живая, общительная женщина) и любезно согласилась Вам её доставить. Получили?²

Лариса Александровна! Надеюсь, Вы не обидитесь, если я сделаю два замечания по поводу оформления текста во «Временнике».

Хотя в обоих случаях речь пойдёт о моём тексте. Но, право же, дело не в этом. Хотя я никогда не занималась издательским делом, но у меня богатый читательский опыт.

1. Заголовком статьи обо мне в последнем номере «Временника» Вы (или авторы) выбрали цитату из моих воспоминаний и предпослали ей мою фамилию. В общем, выглядит так, как будто я — автор этой статьи. Мне кажется, следовало оформить заголовок, как оформляют эпиграфы: оставив в качестве заголовка цитату, начать с неё, взяв её в кавычки, а потом в скобках мелким шрифтом указать автора цитаты.

2. В оглавлении вы не раскрываете содержание библиографического обзора. (Между прочим, в больших журналах это делают подробнейшим образом). А так как в этом номере было всего две рецензии; даны они в подбор, то вторую рецензию (в данном случае мою) никто, в том числе и я, не обнаруживает сразу. Поверьте, что во мне горит не авторское самолюбие. Я бы отметила тоже, если бы было наоборот.

Просто мне хочется, чтоб в Вашем (подчёркиваю с большой буквы в Вашем) журнале всё было на высоте: и содержание, отсутствие опечаток, и хорошо оформленная вёрстка. Ведь поразительно, каких успехов Вы добились, сравнивая внешний вид журнала за те шесть лет, что я его получаю. Да и содержание, конечно.

К сожалению, Лариса Поповян мне не дозвонилась.

Я ведь стала плохо слышать, а муж мой совсем не слышит звонков, жаль. Ну будьте здоровы! Желаю успехов Вам и всему вашему

¹ Концовка этого письма утрачена. — Л. Ш.

² К сожалению, эта фотография в библиотеку так и не попала. — Л. Ш.

маленькому коллективу энтузиастов. Всегда Ваша соратница Д. Жак.

P.S. И ведь места в оглавлении было достаточно для раскрытия содержания обзора.

Д. Ж.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Борисенко Т. В., Бутовская В. В., Нагездина Г. А.* «Интерес к книге и библиотеке сохранится у меня до конца моих дней» (Д. К. Жак) // *Донской временник. Год 2001-й / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2000. С. 124–128.*
2. *Жак Д. К.* Воспоминания библиотекаря // *Донской временник. Год 1998-й. Ростов н/Д., 1997. С. 103–108.*
3. Из письма Д. К. Жак [12.07.1999 г.] – Л. А. Штавакер // *Личный арх. авт.*
4. *История Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса / И. Ю. Воронцова, Л. В. Куприянова, Т. В. Трофимова, О. А. Хазова, В. В. Шакитько;* отв. ред. д-р филол. наук А. И. Станько. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1992. 74 с.
5. *Жак Д. К.* «...Несколько слов по поводу книжки о библиотеке им. К. Маркса» // *Донской временник. Год 1996-й. Ростов н/Д., 1995. С. 211–216.*
6. Из письма Д. К. Жак [ноябрь, 1995 г.] – Л. А. Штавакер // *Личный арх. авт.*
7. *Жак Д.* Воспоминания Дони Жак : [рукоп.] // *Лич. арх. Ю. А. Лихтер (Москва).*
8. *А песни звучали везде...» :* Из репертуара Д. К. Жак : [Публикация Ю. А. Лихтер песен 1920–1930-х гг. с комментариями Д. К. Жак] // *Живая старина : журн. о рус. фольклоре и традиционной культуре. 2011. № 1. С. 22–25.*
9. *Штавакер Л. А.* «Я очень люблю Ростов (тот мой прежний Ростов) ... москвичкой я не стала» : Памяти Д. К. Жак (1911–2002) // *Донской временник. Год 2003-й / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2002. С. 63–65.*
10. *Жак Д. К.* «...О людях, с которыми работала в библиотеке им. К. Маркса» // *Донской временник. Год 1996-й. Ростов н/Д., 1995. С. 232–245.*
11. *Зайцева Наталья Николаевна,* главный библиограф отдела краеведения Донской публичной библиотеки. В 1994–1995 гг. училась заочно в Москве в Институте переподготовки и повышения квалификации работников культуры.

12. *Муратова Зинаида Семёновна (1890–1958),* заведующая отделами Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса – методическим (1944–1953) и межбиблиотечного абонементов (1954–1958) (см.: *Жак В. К. Подвиг // Донской временник. Год 1996-й. Ростов н/Д., 1995. С. 217–231).*
13. *Жак Сергей Вениаминович (1930–2012),* профессор, основатель и заведующий кафедрой исследования операций Ростовского государственного университета (1976–2008), доктор технических наук. Основатель и руководитель научной школы Ростовского государственного университета «Оптимальное проектирование и смежные вопросы».
14. *Муратова З. С.* Меня прозвали «ласточкой» : [Письма З. С. Муратовой – М. Л. и М. В. Рабиновичам. 1941–1942 гг.; Из семейного архива Д. К. Жак] // *Донской временник. Год 2005-й / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2004. С. 216–219.*
15. *Поповян Лариса Капреловна,* главный библиограф отдела краеведения ДГПБ.
16. *Савкина (Котляревская) Мария Даниловна (1903–1984),* в 1953–1956 гг. – заместитель директора Ростовской областной научной библиотеки им. К. Маркса (см.: *Ханутина А. Л. Слово о друге // Донской временник. Год 1998-й. Ростов н/Д., 1997. С. 109–110).*
17. Подробнее о своих братьях Д. К. Жак вспоминает на С. 122–124.
18. *Жак Вениамин Константинович (1905–1982),* поэт, автор более 50 сборников стихов. Его перу принадлежат переводы грузинских, украинских, адыгейских поэтов, очерки, литературоведческие статьи (См.: *Жак С. В. Строгая мудрость поэта. – Жак В. Над зыбкой поверхностью дней... : [подборка стихов] // Донской временник. Год 2005-й. Ростов н/Д., 2004. С. 18–19).*
19. *Колесникова Евгения Михайловна –* директор Донской государственной публичной библиотеки с 1997 г.
20. *Жак Мария Семёновна (урождённая Браиловская; 1901–1995),* жена поэта В. К. Жака (См.: *Жак М. С. Я помню : Главы из воспоминаний, связанных с библиотеками // Донской временник. Год 1999-й. Ростов н/Д., 1998. С. 149–152).*
21. *Матлина Слава Григорьевна,* библио-тековед, Москва. 25–26 октября 2000 г.

- принимала участие в межрегиональной научно-практической конференции «Библиотека в системе региональной культуры на рубеже веков» (Ростов н/Д., Донская публичная библиотека). Автор статьи «Библиотечное краеведение: от поисков утраченного времени — к обретению национальной идеи» (Донской временник. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. С. 222 — 224.).
22. Кессених Вера Николаевна (1892 — 1982), организатор библиотечного дела, педагог, методист.
 23. Жак Д. К. [Рецензия на кн. М. Гонтмахера «Евреи на донской земле. История. Факты. Биографии». Ростов н/Д., 1999] // Донской временник. Год 2001-й. Ростов н/Д., 2000. С. 219 — 221.
 24. Троицкая Евгения Ефимовна (7.12.1907 — 2.03.2001) : [некролог] // Донской временник. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 12.
 25. По материалам личного архива Владимира Александровича Кессених (г. Санкт-Петербург) подготовлены публикации о библиотечной династии Кессених (Донской временник. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 237 — 241).
 26. Штейн Моисей Абрамович был основателем и многолетним директором Ростовского библиотечного техникума (ныне колледж культуры).
 27. Жак М. С. Я помню... // Донской временник. Год 2001-й. Ростов н/Д., 2000. С. 147 — 158.
 28. Александрова (Зеленская) Нина Осиповна (6.10.1904 — 30.07.1990) — в 20-х гг. поэтесса, известная в Ростове под псевдонимом Н. Грацианская, с 1954 по 1969 гг. работала в Ростовской областной научной библиотеке им. К. Маркса: с февраля 1958-го по апрель 1961 г. — библиографом; с апреля 1961 по октябрь 1969 г. — заведующей отделом читальных залов (См.: Александрова Н. Повесть о моей жизни; Предисловие: Котовсков В. О Есенине и не только о нём... // Дон. 1997. № 4. С. 216 — 249; Котовсков В. Стихи Н. Грацианской памяти С. Есенина // Дон. 1995. № 10. С. 264 — 265).
 29. Троицкая Е. Е. Вера Николаевна Кессених // Донской временник. Год 2002-й. Ростов н/Д., 2001. С. 11 — 12.

Выражаю большую признательность Ю. А. Лихтер (г. Москва) за предоставленные документы из семейного архива, а также Е. С. Жак и Е. С. Полинской (г. Ростов-на-Дону).

Публикация Л. А. Штавакер

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. И. АФАНАСЕНКО

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МИУС-ФРОНТЕ

Медведев М. В. *На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе. Январь — август 1943 г. М. : Центрполиграф, 2022. 191 с. (На линии фронта. Правда о войне).*

Максим Валерьевич Медведев — кандидат исторических наук, профессиональный военный историк, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, много лет занимается исследованием событий Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на донской земле. Он один из авторов монографии «Большая излучина Дона — место решающих сражений Великой Отечественной

войны 1942—1943 гг.» (Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Медведев М. В. Ростов н/Д., 2016), автор многих научных статей по военной тематике в ведущих научных журналах России и зарубежья.

Книга М. В. Медведева по своему содержанию близка тематике краеведческого альманаха «Донской временник», который знакомит учёных и краеведов Дона с новыми исследованиями о ратной истории и славе Донского края. Современное изучение проблем истории Великой Отечественной войны предполагает введение в научный оборот новых источников, разнообразие подходов к теме боевых действий в годы войны на Миус-фронте. Эта тема активно используется сейчас в политике памяти, особенно в свете последних событий на Украине.

445 суток кровопролитных боев на рубежах небольшой речки Миус, протекающей вдоль юго-восточных отрогов Донецкого кряжа, стоили советским воинам больших потерь, которые составили более 830 тысяч человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными. Сражение на Миус-фронте в 1941—1945 гг. входят в пятёрку самых кровопролитных битв Великой Отечественной войны и многие десятилетия оставалось за пределами научных интересов профессиональных историков. Благодаря создателю и первому научному руководителю Южного научного центра академику Геннадью Григорьевичу Матишову в 2010 г. была издана, а через год дополнена и переиздана монография «Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г.» (авторы: Г. Г. Матишов, В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко), давшая старт объективному научному исследованию событий войны 1941—1945 гг. наДону и Северном Кавказе. В 2012 г. вышло фундаментальное исследование «Война. Юг. Перелом (лето 1942 — осень 1943 гг.)», подготовленное

Владимир Иванович Афанасенко, старший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН. Рецензия подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2023 г. № 122020100347-2

академиком Г. Г. Матишовым, доктором исторических наук Е. Ф. Кринко, а также научными сотрудниками В. И. Афанасенко и Т. Г. Курбат.

И всё же тема освобождения в 1943 году временно оккупированной территории Ростовской области и прорыва, считавшихся неприступными немецких оборонительных рубежей Миус-фронта, распиаренного нацистской пропагандой Йозефа Геббельса как «восточная граница Третьего рейха», ещё до конца не исчерпана. И, по моему глубокому убеждению, как профессионального военного историка, книга Максима Валерьевича Медведева является ценным вкладом в исследование боевых действий при освобождении временно оккупированной территории Ростовской области и прорыва Миус-фронта, особенно в год 80-летия этого исторического события. Автор опирался на большой массив архивных источников по боевым действиям всех родов войск, на собственные интервью с участниками событий 1943 г., личное знание особенностей ландшафта и климата на своей малой Родине (в пос. Надежда Матвеево-Курганского района Ростовской области), находившейся в центре событий 1941 – 1943 гг. на Миус-фронте, многолетний опыт поисковика и участника военных реконструкций. Всё это дало должный результат и накопленные знания нашли отражение в рецензируемой монографии М. В. Медведева. Несмотря на небольшой формат и объём (191 страница), книга иллюстрирована 55 фото, схемами и картами описываемых боевых действий, что делает более наглядными описываемые события, лица героев этих исторических сражений.

Для меня, как военного историка, большой интерес представило скрупулёзное исследование наступательной операции Южного фронта в период с 17 июля по 2 августа 1943 г., детали и результаты которой противоречиво оценивались как военачальниками – участниками этой операции с нашей и немецкой стороны – в их послевоенных мемуарах, так и историками – советскими, российскими и зарубежными.

Особую ценность представляют уникальные документы о численности и вооружении частей, соединений и объединений (полков, бригад, дивизий, армий Южного фронта), данные помесечно в 12 приложениях в конце текста книги, список военных аббревиатур, детальная библиография по теме исследования. Корректное использование понятийного аппарата, точность словоупотреблений, ясность и аргументированность выводов и оценок автора превращают чтение данной работы в увлекательный процесс познания масштабных исторических событий как для научных работников, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов и аспирантов соответствующего профиля, так и для всех краеведов и читателей, интересующихся историей ратной славы Ростовской области. Желаю приятного и полезного знакомства с интересной и познавательной научной работой молодого донского учёного, военного историка и патриота, постановлением Президиума РАН № 153 от 27.06.2023, удостоенного медали Российской академии наук по направлению «История» за цикл работ «Волго-Донской регион в 1941 – 1943 гг.: организация обороны, специфика и результаты боевых операций».

М. В. МЕДВЕДЕВ

ФЕНОМЕН БОЕВОГО БРАТСТВА

Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / [отв. ред. Е. Ф. Кринко]. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.

Тема участия народов СССР в Великой Отечественной войне давно разрабатывалась в советской и российской историографии, но при этом не находила комплексного изучения в рамках статистического и военно-антропологического

исследования. В советской историографии значительное внимание уделялось дружбе народов СССР и их общему вкладу в Победу в Великой Отечественной войне, а также роли Коммунистической партии в её достижениях.

Максим Валерьевич Медведев, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2023 г. № 122020100347-2

**НАРОДЫ СССР
НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
СТАТИСТИЧЕСКОЕ И ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА:
ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ

К 100-ЛЕТИЮ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Военно-исторический труд представлен высококвалифицированными сотрудниками не только Южного научного центра Российской академии наук, но и историками из других ведущих научных учреждений страны. Ответственным редактором и одним из авторов выступил крупный специалист на юге России в области истории Великой Отечественной войны — доктор исторических наук Евгений Фёдорович Кринко, он также автор и соавтор многих других крупных трудов в данной области [1, 2, 3, 4].

Авторы книги начинают анализ вопросов с историографии проблемы, где детально рассматриваются как отечественные, так и зарубежные работы. Благодаря этому, удалось *«не только оценить при помощи современных методов и доступных источников, каким был вклад конкретных советских этносов в победу в войне, но и понять, как он представлен в современной системе профессиональных знаний, политике памяти, мемориальной культуре и коммеморативных практиках»* (с. 10).

Особый интерес вызывает обращение авторов к статистическим методам анализа участия народов СССР в Великой Отечественной войне. Именно в РККА служило подавляющее большинство призванных по мобилизации и ушедших добровольно на фронт граждан СССР.

Главное внимание уделяется национальному составу и условиям службы в Красной армии представителей разных национальностей. Благодаря общим усилиям всех народов, населявших СССР, в борьбе с нацистскими захватчиками удалось достичь освобождения Советского государства и разгрома нацистской Германии.

Основной задачей авторов книги выступает анализ роли народов СССР в действующей армии в период Великой Отечественной войны, а также отражения данных вопросов в пространстве исторической памяти СССР и постсоветских государств при помощи различных статистических и историко-антропологических методов.

В годы Великой Отечественной войны Красная армия стала одним из действенных органов советской власти, проводящим национальную политику, идеологическую работу и политическое просвещение граждан. В 1941 — 1944 гг. из представителей титульных народов 11 союзных республик и 4-х автономных республик РСФСР было сформировано 55 национальных соединений. Формирование национальных соединений в Красной армии являлось важной задачей для решения мобилизационных вопросов, однако данный процесс сопровождался и рядом вытекающих проблем. Тем не менее, путём проб и ошибок была организована политико-воспитательная работа с нерусским контингентом военнослужащих.

Не меньший интерес представляет изучение феномена фронтового товарищества, который в разной степени был присущ всем, без исключений, родам войск и воинским специальностям. В годы Великой Отечественной войны это особенно было важно там, где в бою ярко проявлялись взаимодействие и взаимовыручка. Частые риски для жизни в боевой обстановке создавали особую дружескую атмосферу на фронте. Но даже при выстраивании системы фронтового быта советским бойцам приходилось непросто без помощи боевых товарищей.

Заключительный круг вопросов составили проблемы представления участия народов СССР в Великой Отечественной войне в пространстве памяти СССР и постсоветских стран. Опираясь на различные источники, в том числе архивные материалы и полевые исследования, были определены этапы и тенденции формирования мемориальных практик, выявлены их истоки в военные и первые послевоенные годы, опыт и результаты коммеморации в последующие десятилетия, роль государственных органов в деле сохранения памяти об участниках войны.

Достаточно важно, что авторы отмечают новейшую тенденцию в исторической науке, связанную с появлением современных аналитических инструментов и позволяющей более эффективно осуществлять поиск необходимых информационных ресурсов. Формирование баз данных в исследовательской практике является наиболее проверенным способом структуризации, используемым историками. Это позволяет в совокупности отразить структурно-функциональные и динамические особенности предмета изучения.

Показаны и современные политические вызовы, которые оказали существенное влияние на развитие зарубежной историографии, особенно это заметно в постсоветских странах. Получившие независимость после распада СССР, постсоветские государства ищут новую идентичность. Использование здесь исторической памяти занимает немаловажное место в современных политических кризисах. Авторы неслучайно в рамках данной работы уделяют основное внимание тенденциям в развитии историографии проблемы в таких государствах, как Украина, Беларусь, Казахстан, страны Южного Кавказа, Центральной Азии и Балтии, отражающим динамику не только профессиональных взглядов, но и политики памяти.

Коллективный труд «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны:

статистическое и военно-антропологическое исследование» имеет качественное оформление, снабжён таблицами и графиками. Перед читателями профессионально выполненная работа авторского коллектива, которая заинтересует не только специалистов в области истории, студентов исторических факультетов, но и всех, кто интересуется вопросами истории Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кринко Е. Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М. : Союз, 2004. 311 с.
2. *Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг., 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
3. *Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
4. *Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Мегведев М. В.* Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942 – 1943 гг.). Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 456 с.

А. Н. МАЛЮКОВА

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ

Колесов Г. С. Помните. Каменоломни : ЭСМА-ПРИНТ, 2022. 128 с.

Геннадия Семёновича Колесова, писателя, почётного гражданина Весёловского района, судьба наделила щедрым творческим даром и непреходящей любовью к донской земле, откуда пошли истоки его родословной. Он – автор целого ряда книг об отчем крае («Малиновый звон», «Родные люди», «Белый снег», «Казачи – люди Боговы», «Тёплая земля», «Скиф – герой Эллады», «Прости, земля» и др.) Но в центре творчества – родной Дон в трагические периоды своей истории.

Читая книгу Г. С. Колесова «Помните», невольно погружаешься в события 80-летней давности, которые пережила донская земля

на переломе решающих сражений 1942–43-х годов, так образно, живо и скрупулёзно их воссоздание. Но не только это. Прислушаемся к авторскому заявлению: «Я не историк, целью настоящей работы является ... передача ныне живущим потомкам воинов гордости за их самоотверженность, подлинный героизм» (С. 46). Актуальность такой задачи в наше время бесспорна.

«Война закончена, когда похоронен последний солдат» – этот непреходящий вердикт великого русского полководца А. В. Суворова лейтмотивом проходит через обжигающие страницы книги. С глубоким интересом

Людмила Николаевна Малюкова, доктор филологических наук, профессор, литературный критик, г. Таганрог

узнаёшь, что в донской глубинке ныне существует клуб «Память — поиск», его неравнодушные члены и сам автор — активные поисковики, что донская земля, политая кровью, до сих пор хранит не открывшиеся тайны боёв. В 2012 году в Манычской круче обнаружены воинские захоронения: наряду с человеческими останками — патроны, обереги в кожаных мешочках, истлевшие деревянные медальоны, в которых уже невозможно прочесть имён. Но установлено: все они воины 110-й Калмыцкой дивизии и почти все погибли в тяжёлых боях под станицей Богаевской, и теперь в центре посёлка Весёлый есть холм памяти и славы, мраморные плиты. В хуторе Слобода ещё сохранились окопы, ямы блиндажей, дворы буквально усеяны нашими и немецкими автоматными гильзами, находят и неразорвавшиеся гранаты. А в 2020 году в одном из дворов хутора обнаружили захоронение из тридцати четырёх человек: ножи, портсигары, ключи от дома, вероятно, с надеждой скорого возвращения — всё сдали в музей на вечное хранение, а Самбекским высотам — одно из орудий. Только в Весёловском районе торжественно захоронили девяносто двух воинов.

В жанровом отношении эта книга — добротная исследовательская публицистика, в которую включены путём тщательных поисков биографии героев, совершивших подрыв Манычской плотины, воспоминания близких, полученных в результате встреч или по переписке, фронтовые сводки, документы военных лет и реминисценции ветеранов, мемуары советских военачальников и вермахта и т. д. Автор во многом следует методу «блокадной книги», совмещая прошлое с настоящим: опросы, воспоминания, отбор наиболее значимого материала. Его внимание акцентировано на малом участке донской земли — хуторе Каменном Мечётинского района, затерявшимся в задонской степи с несколькими десятками саманных строений вдали от железной дороги, превратившимся вдруг в огненный плацдарм, уносящий тысячи жизней (только за пять дней боёв — 4123 убитых!). Встречи с участниками и свидетелями, пережившими те беспримерные по жестокости события, магнитофонные стенограммы, наброски, лица, запечатлённые на фотографиях, словно на кинематографической ленте высвечивают жгучие страницы января — февраля 43 года. Уникальные герои документальной повести:

заслуженная учительница Анна Павловна Богданчук, тогда 17-летняя девочка, которой пришлось поднимать окоченевшие останки убитых; Дмитрий Кузьмич Баранчук, доцент института, в прошлом старший сержант, испытывавший лично штыковую атаку и ледяной брод солёного лимана, дважды раненный в жестоких боях под Ростовом, он двое суток пролежал в поле, пока, не отогнав фашистов, не пришли санитары; и едва не сожжённая заживо фашистами, дочь Героя Советского Союза, прекрасная и в почтенном возрасте Валентина Ивановна Лубяная. Человеческая память и пережитое военное лихолетье не имеет времени.

2010 год, первая встреча автора с очевидцем событий А. П. Богданчук – станица Мечётинская, уютный домик, чай с вареньем. Тихо льётся беседа о тревожной современности и надеждах: всё образуется, нужно верить. Вероятно, у русского человека вера в крови. Постепенно разговор переходит к главному. Анна Павловна говорит с затяжными паузами, с дрожью в голосе и со слезами на глазах: *«... на этой балке трупов было не пройти. <...> Нас, молодых девчат, на санях старики привезли из Мечётки собирать убитых, а мы все в кучу сбежались, в голос плачем, отойти боимся. Снег весь в крови, где рука, где нога, где полчеловека изуродованного, танком раздавленного. Накричались, а старшие просят: помогайте, девоньки, помогайте, рогные. Наго. Силосная яма была глубокая, глинная. В неё свозили обгорелых, заочевневших, изувеченных мёртвых солдат. Документы собирали. Где разбирали агрес, потом отсылали письма родным. <...> В буркуне, над речкой – боец на корточках, молоденький, ружьё склонилось, шапка сбоку,... а глаза голубые-голубые... Как нам хотелось его отогреть, похоронить по-другому. Морозы сильные стояли, не смогли выпрямить, так и положили в общую могилу... Слойми старики выкладывали то, что осталось от людей, шинелями перекадывали изорванными, окровавленными. Никогда этого не забудешь, никогда! <...> После такого ада домой вернулась другим человеком, закаменела вся»* (С. 15, 16). С не остывающей болью и горечью Анна Павловна останавливается на злодеяниях фашистов с мирным населением, на тех, кто оказался пособниками, «поменяв шкуры». Запомнились псаломщик, встретивший врагов хлебом-солью на рушнике, бывший царский генерал и атаман войска Донского, бежавший за рубеж, П. Краснов, прибывший в немецком мундире, при Георгиевских крестах с призывом встать под знамёна освободительной армии. Вспоминает о своей первой юношеской любви, не дожившей до Победы.

Рассказ Анны Павловны о боях в хуторе Каменном автор резюмирует и дополняет исследованием поисковика Д. И. Санина, публикуя главу «Бои в Каменном» из его книги «Боевые рубежи Маныча» (С. 12–14).

События разворачивались стремительно и неожиданно. После провала фашистов под Москвой с лета 42 года направление главного удара перенеслось на юг страны. Три крупнейших поражения Красной армии: Харьковская трагедия, неудачная попытка освобождения Крыма, губительный Миллеровский котёл, 24 июля был оставлен Ростов. В результате враг закрепился на правом берегу Дона, открыв дорогу на Сталинград. Необходим был грандиозный рывок для перегруппировки советский войск, который бы приостановил молниеносное продвижение неприятеля. Таким героическим событием стал уникальный взрыв плотины Весёловского водохранилища на Маныче, задержав фашистов на четверо суток: отходящие от Ростова 12-я и 37-я армии были спасены от окружения. Но кем и как был совершён этот невероятный подвиг долгое время оставалось загадкой.

Тщательное исследование привело автора к мысли: первым источником раскрытия этого события стала народная память. Однако в этом сказались и некая неосновательность: очевидцам запомнился лишь взрыв такой невероятной силы, что валились заборы, звенели стёкла и вода поднималась на несколько метров. Анализ на основании карт также не давал ожидаемых результатов: отсутствовали пометки продвижения противника в сторону водохранилища. Не было полной ясности и в современных публикациях: по интернету «гулял» видеоролик «Как солдат две армии спас», безымянным героем оставался и в сообщении ростовского историка В. И. Афанасенко в «Донском временнике» (Год 2012-й. Вып. 20, с. 87), где извещалось: *«неизвестный герой-диверсант ... вечером 27 июля ценой жизни взорвал плотину <...> образовался пролом шириной более ста метров, через который хлынул мощный поток воды, заливая двух-трёхкилометровую пойму Маныча и снося понтонные переправы врага»*. Помощь пришла от друзей поисковиков, от военного исследователя из Элисты С. Г. Ершова. Из обнаруженных сводок 27.7.42 г. стало известно: в результате слабой обороны Манычстроя переправа была нарушена, Весёловская плотина атаковывалась с юга и с севера, из 400 человек с шестью пулемётами вышли на южный берег девятью с двумя пулемётами. Горечь этой фронтовой страницы неизгладима.

В таком крошечном аду были и свои герои. Открылось очевидное: плотину удалось заминировать сапёрам 9-го механизированного батальона капитана В. Ф. Коренькова, но взорвать не успели, — захватили диверсанты дивизии Бранденбург, не найдя взрывчатку. Непосредственно подрыв осуществила 2-я рота старшего лейтенанта А. Цилюрика.

На этом работа Г. С. Колесова не прервалась. В книге впервые обнародованы биографии ранее безымянных сапёров, их лица, воспоминания близких.

Глава «Герои, спасшие две армии от окружения» включает судьбы девяти участников: их боевой «послужный список», страницы жизни в мирное время. Не все из них дожили до Победы. Погибли в боях в Краснодарском крае сапёры Ф. Ф. Федеков и П. Т. Рябенко, лейтенант Ф. Ф. Шеманов. Судьбы других героев затерялись в вихрях неумолимого времени: о командире взвода М. Х. Мухамедшине известно лишь, что он закончил службу военным комиссаром в Сочи, а непосредственный участник минирования плотины В. Н. Попов вышел в отставку в звании майора в 1956 году.

Более обстоятельные сведения удалось обнаружить об А. А. Цилюрике. Он закончил Военно-инженерную академию и был уволен в запас в звании полковника в 1968 году. О лейтенанте госбезопасности А. А. Акуленко многое стало известно благодаря воспоминаниям сына, полковника милиции республики Крым, и внучки, проживающей в США, выславшей фотографии деда и важные материалы о нём. К сожалению, пока не удалось найти наследников бесстрашного командира батальона капитана В. Ф. Коренькова: не осталось ни деревни, где прошли его юные годы, ни живых свидетелей.

Три блока книги («Холодное солнце хутора Каменный», «Взрыв», «Достоин, но не удостоен») содержат целый ряд малоизвестных документов, позволивших по-новому взглянуть на отдельные эпизоды событий 1942–43-х годов.

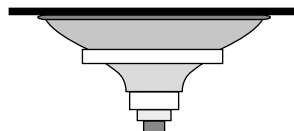
Так были открыты обстоятельства гибели под хутором Тузлов лётчика Григория Жовтоножко, горящий самолёт которого буквально рухнул на снеговую землю. Дважды раненый Жовтоножко успел расстрелять из авиационной пушки приближающихся на автомашинах

фашистов, последнюю пулю оставив себе. Вокруг имени этого героя собиралось немало легенд. В итоге скрупулёзные поиски привели в Белоруссию, где проживал его сын Владимир, усыновлённый и ничего не знающий до тридцати лет о своём кровном отце.

Листая страницы книги, невольно проникаешься чувством глубокого патриотизма и благодарностью к её автору и бескорыстным личностям его поисковой команды, без которых публикация могла и не состояться. На счету каждого из них десятки полевых экспедиций, перезахоронений с воинскими почестями и возвращений через бездну лет безымянных имён. Их многолетний труд обобщён в книгах, статьях, очерках. Мичман и строитель А. Н. Бочаров, проживающий в Ремонтненском районе, автор книг «Возвращённые имена», «Они вернулись с Победой», «Из истории сёл наших» и др. На основе его публикаций издан учебник для школ «История Ремонтненского района». Создатель и руководитель военно-патриотического движения «Поклон солдатам Великой Победы» С. Г. Ершов — автор книги «Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы». Д. Н. Саниным, историком и директором Егорлыкского историко-краеведческого музея, членом областного клуба «Память — поиск» написана книга «Боевые рубежи Маныча» и создана книга памяти «Будем помнить». Своя интересная история поискового движения у капитана в отставке И. А. Шмыгаля, редактора и составителя Книг памяти шести районов области.

Между тем квинтэссенция этой книги — прочувствованный в процессе исследования ответ её автора усомнившимся маловерам («а нужно ли ворошить прошлое?»): *«А вы придите, скептик, в эту Каменку, стойте молча у холма упокоения, как я стоял с живыми тогда ещё участниками давней трагедии. Задумайтесь... Они — последние на нашей земле герои великой войны. Герои! Их судьбы — кровь, страх, голод, боль, потери — и преодоление. Достойная жизнь, сохранённая память»* (С. 7).

Книга Г. С. Колесова написана хорошим литературным языком. Она не только пробуждает память о трагическом прошлом, но и вызывает тревожные размышления о нашем нелёгком времени.

ДЕВЯТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Ростов-на-Дону – Таганрог, 28–29 сентября 2023 г.)

Н. С. МАТВЕЕВА

РОЛЬ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ, РАЗВИТИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Краеведческая деятельность – обязательное и приоритетное направление деятельности библиотек Российской Федерации, не зависимо от их типа и форм собственности.

Под краеведческой деятельностью библиотек мы подразумеваем «*профессиональную деятельность библиотек по обеспечению и развитию потребностей в краеведческой информации*» [1, с. 1]. При этом целями данной деятельности являются: «*обеспечение доступности краеведческой информации о территории; продвижение источников объективной и достоверной краеведческой информации о территории; формирование и развитие потребностей в краеведческой информации*» [1, с. 2]. Нельзя не согласиться с А. А. Ляпковой в том, что «*краеведческая деятельность любой библиотеки зависит от особенностей населённого пункта и региона – его историко-культурных, природных и иных характеристик, которые определяют своеобразие условий жизни населения*» [2, с. 147].

Краеведческая функция деятельности библиотеки (как в материальном так и в виртуальном виде) по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества проявляется «*в сборе, хранении и предоставлении в общественное пользование региональных и местных документов и информации о них; в подготовке библиографической продукции; в ведении каталогов и баз данных; в организации массовых мероприятий (вставки, праздники, конкурсы и др.); издательской деятельности*» [2, с. 148; 3].

Сегодня библиотеки всё больше выступают центрами, объединяющими и координирующими деятельность по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры казачества своего региона и / или в целом российского

казачества в рамках реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. [4]. «*Библиотеки играют важную роль в сохранении исторической памяти, укреплении гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрегионального согласия на основе роли традиционных ценностей, истории и самобытной культуры казачества*» [5, с. 142]. При этом историко-краеведческая работа осуществляется совместно с казачьими обществами и иными объединениями казаков, органами местного самоуправления, образовательными организациями системы непрерывного казачьего образования (детские сады, школы, казачьи кадетские корпуса, вузы), научными структурами и учреждениями культуры.

Важной задачей краеведческой деятельности в рамках сохранения, популяризации историко-культурного наследия российского казачества является формирование электронного комплекса ресурсов, который доступен не только читателям библиотеки или даже жителям населённого пункта или района, области, но и вообще любому человеку, независимо от места его нахождения и времени. Так, например, с 2021 года Российская государственная библиотека (РГБ) реализует проект «*Электронная библиотека казачества на платформе Национальной электронной библиотеки*» [5].

Электронная библиотека казачества, имеющая девиз «*Казачество – на страже рубежей Отечества*», уникальное цифровое пространство знаний, включающее современные и исторические издания, книжные памятники, материалы научных исследований, отражающие знания о российском казачестве [6; 7]. Сегодня

Наталья Сергеевна Матвеева, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра истории и культуры казачества Российской государственной библиотеки, член постоянной комиссии Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества по содействию развитию казачьей культуры, г. Москва. Сообщение на Чтениях (Таганрог, 29 сентября 2023 г.)

Электронная библиотека казачества

4 942 книги в коллекции

[Перейти](#)Уникальная коллекция документов об истории, культуре, традициях
русского казачества[Показать все](#)

Подрубрики:

[История казачества](#)[Великие казаки России](#)[Православие и казачество](#)[Казачество в научных изданиях](#)[Методическая полка](#)[Художественная литература о казачестве](#)[Детская книга](#)[Военное дело и казаки](#)[Культура русского казачества](#)[Казачье образование](#)[Издательская деятельность казачества](#)[Казачество в произведениях изобразительного искусства](#)[Картографические издания](#)

Электронная библиотека казачества на платформе Национальной электронной библиотеки. Фото Н. С. Матвеевой

коллекция включает 4942 документа, оцифрованных и переданных в Национальную электронную библиотеку РГБ и другими библиотеками Российской Федерации. Документы в ЭБК распределены по 13 рубрикам: история казачества; военное дело и казаки; великие казаки России; культура русского казачества; православие и казачество; казачье образование; казачество в научных изданиях; издательская деятельность казачества; методическая полка (в помощь работникам учреждений культуры и образования, центров казачьей культуры, войсковым казачьим обществам и иным объединениям казаков); казачество в произведениях изобразительного искусства; художественная литература о казачестве; картографические издания; детская книга.

Издательская краеведческая деятельностью библиотек направлена на особое отношение к месту своего обитания — малой родине, Отечеству. В частности, с 2017 года Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ежегодно проводит межрегиональную научно-практическую конференцию «Амурское казачество: вчера и сегодня»

и выпускает по итогам одноимённый сборник научных трудов [8].

В 2022 году научная библиотека Кубанского государственного университета выпустила каталог литературы, посвящённый кубанскому казачеству, хранящейся в фонде библиотеки [9].

С издательской краеведческой деятельностью тесно связана и деятельность по продвижению литературы по истории и культуре русского казачества, которую также реализуют библиотеки. Так, Кольванская централизованная библиотечная система (Новосибирская область) в 2023 году выпустила буктрейлер по книге члена Союза писателей Российской Федерации, историка, полковника Сибирского казачьего войска, заслуженного работника культуры Российской Федерации Ю. А. Фабрика «Песни и марши сибирских казаков».

Библиотеки привлекают творческие коллективы носителей самобытной казачьей культуры к участию в культурно-просветительских проектах, информационно-агитационных акциях и других краеведческих мероприятиях. Так на базе библиотеки № 11 имени Д. В. Давыдова (г. Москва) работает уже несколько лет

Обложка сборника материалов межрегиональной научно-практической конференции «Амурское казачество: вчера и сегодня». Фото Н. С. Матвеевой

фольклорный ансамбль казачьей песни «Стожары», Щёлковская центральная библиотека (Московская область) активно сотрудничает с ансамблем казачьей песни «Кладезь» и др.

Значительное количество конкурсов и краеведческих акций проводят библиотеки по сохранению, развитию и популяризации истории и культуры российского казачества. Например, межрегиональную акцию «Атаман Войска Донского» объявила библиотека имени И. В. Мичурина (Ростов-на-Дону) в рамках указа Губернатора Ростовской области от 23.09.2022 № 97 (2023 год объявлен в Ростовской области годом атамана М. И. Платова, который проявил доблесть во всех войнах Российской империи конца XVIII – начала XIX века). Отметим, что на базе РГБ в августе 2023 года в гибридном формате прошла конференция «Юбилей легендарного атамана Войска Донского М. И. Платова. Наследие», организованная региональной общественной организацией «Землячество ростовчан „Донская станица“» [10].

В августе – сентябре 2023 года прошёл II Международный конкурс казачьей песни,

посвящённый 150-летию советского фольклориста, этнографа и музыковеда А. М. Листопадова. Соорганизаторами конкурса выступили РГБ, Культурный фронт России (региональное отделение Ростовской области), общероссийская общественная организация «Союз казаков России», Войсковое казачье общество «Всеволокое войско Донское» и др. Учредителем и основным организатором конкурса стала Ассоциация международного социально-культурного сотрудничества обществоведов «Наш Мир» (хутор Погорелов, Белокалитвинский район Ростовской области). В библиотеках Российской Федерации прошла целая серия мероприятий, посвящённых А. М. Листопадову. В частности, в Нижнепоповской сельской библиотеке Белокалитвинского района Ростовской области прошёл литературно-музыкальный час фольклора «Собиратель донских казачьих песен», в Донской государственной публичной библиотеке была организована выставка и прошёл круглый стол.

Обложка каталога литературы, посвящённой кубанскому казачеству. Фото Н. С. Матвеевой

Фольклорный ансамбль казачьей песни «Стожары», (худ. рук. И. В. Калинина), г. Москва. Фото пресс-службы «Стожары» (<https://vk.com/folkstozhary>)

На конференции «Юбилей легендарного атамана Войска Донского М. И. Платова. Наследие». Слева направо: директор Благотворительного фонда имени донского атамана М. И. Платова С. А. Яицкий, руководитель Центра истории и культуры казачества РГБ Н. С. Матвеева, председатель РОО «Землячество ростовчан „Донская станица“», генерал-майор, Герой Российской Федерации С. А. Липовой. Фото: М. Говтвань, г. Москва, август 2023 г.

Среди традиционных методов обслуживания, которые используются для реализации краеведческого направления, можно назвать выставки, посвящённые истории и самобытной культуре казачества. Так, по инициативе депутата Государственной думы Российской Федерации В. П. Водолацкого Центром истории и культуры казачества РГБ в мае 2023 года разработана выставка, включающая 15 планшетов, рассказывающих о роли казаков в военных событиях XVI—XXI вв. Она распространена в электронном виде для всех желающих. Целью выставки является повышение интереса к изучению истории казачества, противодействие её фальсификации, восстановление исторической справедливости, воспитание молодежи. Пять комплектов выставки были переданы через Всевеликое войско Донское на новые субъекты Российской Федерации. В частности, 1 сентября 2023 года выставку торжественно открыли на базе Луганской областной универсальной научной библиотеки имени М. Горького [11].

Фрагменты выставки «Казачество на страже рубежей Отечества». Фото Н. С. Матвеевой

При реализации краеведческого направления деятельность библиотеки тесно переплетается с музейной. Например, в библиотеке-филиале № 4 имени А. Губина (посёлок Горячеводский г. Пятигорска) работает музей истории и культуры терского казачества

Говоря о роли библиотек в сохранении, развитии и популяризации истории и культуры российского казачества нельзя не упомянуть деятельность библиотек казачьих обществ и иных объединений казаков. В 2021—2023 гг. открыты библиотеки в штабе Союза казаков-воинов России и Зарубежья Волгоградской областной общественной организации «Волгоградский округ донских казаков», штабе Оренбургского войскового казачьего общества и др. Так, с целью популяризации истории и самобытной культуры казачества библиотека Оренбургского

В библиотеке-филиале №4 имени А. Губина г. Пятигорск. Слева направо: руководитель Центра истории и культуры казачества РГБ Н. С. Матвеева и заведующая библиотекой-филиалом № 4 Н. Г. Рядская.
Фото Н. С. Матвеевой

регионального отделения межрегиональной общественной молодежной казачьей организации «Есаул» выпустила альбом-раскраску «Жизнь и быт казака» (тираж 100 экз.) на основе проекта оренбургских художниц Е. Гнедаш и П. Вепринцевой и под руководством историка Д. Хвесьюка-Пикалова [12].

Таким образом, библиотеки не только концентрируют в своих фондах ресурсы по истории и культуре российского казачества, но и являются проводником информации об этих ресурсах, выступая посредником, задачей которого является не только и не столько накопление и систематизация информации, сколько её актуализация среди пользователей.

Практики краеведческой работы библиотек в рамках сохранения, развития и популяризации истории и культуры российского казачества бесспорно создают условия по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, достижению национальных целей развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Руководство по краеведческой деятельности общедоступных (публичных) библиотек Российской Федерации: принято на Всероссийском библиотечном конгрессе (XXIII ежегодной конференции РБА). Владимир, 17 мая 2018 г. URL: ruk_kraev_pub.pdf (rba.ru) (дата обращения: 25.09.2023).
2. Ляпкина А. А. Краеведческая деятельность современной сельской библиотеки (на примере работы библиотек Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 147 – 159.
3. Истомина З. В., Мурашова Г. В. Организация, методика и содержание краеведческой работы в библиотеке: методические рекомендации // Biblio.net : сайт: https://biblioobzor.blogspot.com/2015/06/blog-post_22.html (дата обращения: 25.09.2023).
4. Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 – 2030 годы : указ Президента Рос. Федерации от 09.08.2020 № 505 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023).
5. Матвеева Н. С. Просветительская деятельность библиотек в современных реалиях (на примере проекта «Электронная библиотека казачества на платформе Национальной электронной библиотеки») // Румянцевские чтения – 2023: материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост.: Е. А. Иванова. М. : Пашков дом, 2023. С. 136 – 142.
6. Электронная библиотека казачества // Национальная электронная библиотека (НЭБ). URL: https://rusneb.ru/collections/1221_kazachestvo/ (дата обращения: 25.09.2023).
7. Матвеева Н. С. Электронная библиотека казачества на платформе Национальной электронной библиотеки: формирование, содержание, продвижение) // Информационный контекст культуры: ресурсы, технологии, сервис: материалы II междунар. науч.-практ. онлайн-конф. / сост.: Тикунова И. П., РГБ. М. : Пашков дом, 2023. С. 75 – 87.
8. Межрегиональная научно-практическая конференция «Амурское казачество: вчера и сегодня» // Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьева-Амурского : сайт. URL: <http://www.libamur.ru/page/6681.html> (дата обращения: 25.09.2023).
9. Кубанское казачество : каталог литературы, посвященной кубанскому казачеству, хранящейся в фонде Научной библиотеки Кубанского государственного университета / авт.-сост.: Н. С. Протасова, Т. И. Шихова, В. В. Чижова; науч. ред. М. А. Хуаде. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. 136 с.
10. В РГБ прошла конференция, посвященная атаману Матвею Платову // Российская государственная библиотека : сайт. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/matvey-platov> (дата обращения: 25.09.2023).
11. Открытие выставки «Казачество на страже рубежей Отечества» // Центр истории и культуры казачества [Российской государственной библиотеки, группа в контакте]. URL: https://vk.com/centerkazak_rsl?w=wall-215543042_1208 (дата обращения: 25.09.2023).
12. Жизнь и быт казака : альбом-раскраска / Под ред. Д. С. Гнедаш. Оренбург : МО МКО «Есаул», 2023. 8 с.

С. Ф. ТОКАРЕНКО

РЕДКАЯ НАХОДКА КАМЕННОЙ БАБЫ
В МАРТЫНОВСКОМ РАЙОНЕ

Нижнее Подонье — исторический перекрёсток Великой степи, где одни культуры приходили на смену другим, вытесняли предшественников или, наоборот, сами растворялись в них. Великое переселение народов началось в раннем средневековье, примерно с конца IV века. Из Азии пришли сюда вначале разнородные гуннские племена, затем — тюркские: хазары, печенеги, половцы. Этот период освоения наших степей закончился до XIV века господством Золотой Орды.

Открытая степь, великолепнейшая донская природа, обилие воды и рыбы (к существующим рекам и ручьям прибавлялись древние русла и множество озёр, ныне высохших), тёплый климат, обширные пастбища и охотничьи угодья во все времена привлекали людей.

Арабский летописец ал-Джувзджани писал в XIII веке: «Туши (Джучи), старший сын Чингизхана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, ... нашёл, что во всём мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. И он решил остаться в этих степях, и так поступали все другие, более ранние кочевники». [Цит. по: 1. с. 110].

Тюркские племена и их потомки принесли свою религию — культ почитания предков, великих предводителей, героев-воинов, среди которых были и женщины.

У кочевников религиозные действия выражались в ритуалах и жертвоприношениях перед каменными фигурами. Они высекались из песчаника, известняка, ракушечника, мела и гранита и считалось, что душа предка обитает в этих изваяниях. Типы и варианты изображений, размеры изваяний были самые разные.

«Впервые во всём накопленном годами литературном материале» о каменных бабах [2, с. 93] разбирался археолог, коллекционер древностей, меценат, основатель Московского археологического общества, граф Алексей Сергеевич Уваров (1825 — 1884). В 1869 году на Первом археологическом съезде он выступил с сообщением «Сведения о каменных бабах» [3]. Его статья представляет «обзор как сведений, которые имеются о каменных бабах, так и

мнений, изложенных писателями о происхождении этих памятников» [3, с. 501]. Внимание автора привлекли 649 найденных и описанных памятников. В таблицах, приложенных к труду, он постарался «распределить каменные бабы по категориям, обращает внимание на костюм, головной убор, поясные привески, оформливает (так в оригинале — С. Т.) все свои замечания, требования и мечты в вопросные пункты, которые им впервые были разосланы по всем губерниям (подчёркнуто мной. — С. Т.) и до сих пор служат основой для собирания сведений по вопросу» [2, с. 93].

Особый интерес для нас представляют каменные бабы, найденные на юге. Автор упоминает семь изваяний, размещённых в городском саду в Новочеркасске (таблица I, №№ 1, 2, 3, 4, 9, 12, 13) и снятых «посредством фотографии»; сообщает, что «fig 5 и 9 срисованы Стемпковским между Таганрогом и Мариуполем, поставлены теперь в деревне Елагинской» [3, с. 505], о рисунке десяти баб в окрестностях Азовского моря, «от корреспондента Ф. И. Фатеева ... из земли войска Донского» [3, с. 506], приводит свидетельства Зуева (в 1781 и 1782 гг.) и Палласа (в 1793 и 1794 гг.) о находках каменных баб во множестве в губерниях Екатеринославской (428), градоначальстве Таганрогском (54), Земле войска Донского (37), подчёркивает, что «в окрестностях Маныча и Егорлыка в Ставропольской губернии и теперь ещё много каменных баб...» [3, с. 512]. Подробно описывая изображения фигур, их одежду, украшения [3, с. 513 — 514], А. С. Уваров делает несколько важных выводов, в частности: «чрезвычайно грубая отделка некоторых изваяний, резко отделяющаяся от сравнительно искусной обработки других изваяний, неоспоримо доказывает, что эти памятники не принадлежат к одному и тому же времени» [3, с. 514], <...> все изваяния, известные под именем каменных баб по общему между ними сходству и по существующему между этими изваяниями общему типу как в расположении фигур, так и в подробностях, должны принадлежать одному и тому же народу, но на разных степенях его развития [3, с. 516]».

Сергей Фёдорович Токаренко, археолог, краевед, г. Семикаракорск. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.)

Разнообразие мнений о принадлежности каменных баб тому или иному народу привёл в своём обзоре «Современное состояние вопроса о “Каменных бабах” или “Балбабах”» Н. И. Веселовский (1848 – 1918) [4]. Половец он не выделяет среди других народностей. Тем не менее, это обстоятельство не помешало С. А. Плетнёвой, с 50-х годов XX века занимающейся изучением половцев, считать Н. И. Веселовского своим предшественником и «первым исследователем решительно заявившем, что они (каменные бабы. – С. Т.) оставлены половцами» [1, с. 7].

«Расселение половцев по степям в настоящее время хорошо прослеживается благодаря каменным статуям. – пишет С. А. Плетнёва. <...> Чужие для половцев степи, через которые они, правда, могли беспрепятственно проходить в своих походах на западные страны, но не могли ставить там свои вежи, а значит и хоронить в этой чужой земле своих родичей и воздвигать в их честь статуи» [5]. У себя дома, на постоянных сезонных поселениях для половцев обязательной была «установка вблизи становищ и на кочевых маршрутах многочисленных святилищ предков с одной, двумя, десятью и более каменными статуями» [1, с. 112]. «Статуи ставились на постаментах и, к тому же, на высоких местах. <...> Скульпторы отлично знали и свойство камня выветриваться на открытом воздухе. Для сохранения своих произведений они тщательно шлифовали поверхность, на что также уходило много времени, умения. Затем они раскрашивали их какими-то органическими красками. Таким образом, статуи выглядели весьма живописно и, безусловно, производили сильное впечатление на всех проезжающих мимо и на собственных родичей» [1, с. 126 – 127].

На XIII Археологическом съезде (1905) его председатель, археолог графиня П. С. Уварова, озвучила имеющиеся данные по 1133 каменным изваяниям, среди которых 350 было найдено в Области войска Донского [3, с. 95 – 96].

Однако уже к началу XX века «большинство каменных изваяний были использованы местными жителями для надворных построек, погребов, межевых столбов, дорожных знаков. Другая часть была развезена по поместьям или попала в районные музеи.<...> В настоящее время каменные статуи хранятся в коллекциях Новочеркасского, Днепропетровского, Таганрогского, Ждановского и Одесского музеев» [6], а также в областном, краеведческом [7].

При этом с «лёгкой руки» С. А. Плетнёвой в XXI веке каменных баб уже уверенно называют половецкими [8].

«Возле х. Каныгина, недалеко от ст. Разгорской до Великой Отечественной войны посреди виноградников стояло множество половецких каменных баб. На вопрос о том, кто и когда оставил в садах эти изваяния, старая жительница хутора ответила: “Испокон веков стоят уголы, а кто и зачем их поставил, не знаем”. Сейчас этих фигур уже нет. Одна из них в музее Закруткина» [9]. Ранее, вместе с другой такой же, эта каменная баба обозначала границы рынка на юго-восточной окраине станицы Кочетовской.

Каменное изваяние во дворе музея В. А. Закруткина в ст-це Кочетовской. Фото С. Ф. Токаренко

В отношении «баб», бывших возле хутора Каныгина, существует версия, что часть из них или их фрагменты стали ограждением на старых улицах, в частности Калинина и Колхозной, в нижней части хутора. Такие камни устанавливали через некоторые промежутки вдоль стен и изгородей, чтобы избежать повреждения их железными осями повозок и телег. В городах для этого делали специальные тумбы, в сельской местности – закапывали в землю крупные продолговатые камни. Относятся ли на самом деле эти камни к бывшим «бабам» пока не проверено – только версия.

Необычная и немного забавная судьба сложилась у каменного изваяния, очень выразительного и монументального, стоявшего в Весёловском районе.

Геннадий Семёнович Колесов, писатель и житель хутора Весёлый, в ответ на мой запрос писал: «Приветствую Вас, Сергей

Оградительные камни на улице Калинина в хуторе Каныгин. Фото С. Ф. Токаренко

Каменное изваяние из Весёловского района. 1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона. Фото Г. С. Колесова

Фёдорович! От скифской бабы, стоящей на кургане при впадении Калауса в Маныч осталось одно фото. В шестнадцатом году я участвовал в краеведческой конференции, проходящей в Дивном. Организаторы собрались было повезти нас полюбоваться раритетом, но разведка донесла, что увезли его в неизвестном направлении для украшения усадьбы ногайского нувориша. Такая легенда. А баба

знатная с расчерченными кругами и арабской вязью. Такие дела... » [10].

Следует отметить, что «баба» не скифская и «вязь» не обязательно арабская.

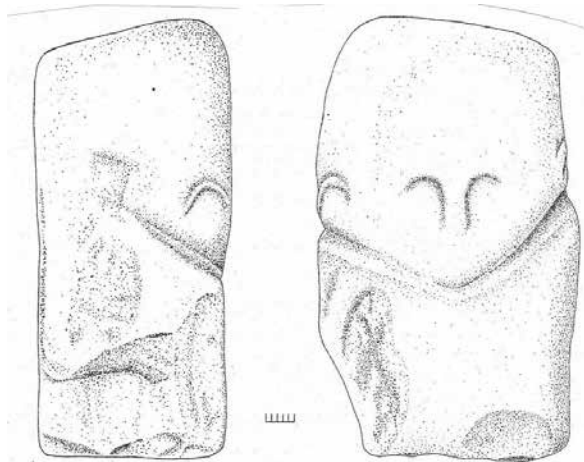
«Ныне хоть три дня скачи, ни одной бабы каменной посреди степи не встретишь: теперь прописаны они в донских музеях. Лишь изредка ещё можно натолкнуться на каменную бабу на каком-нибудь хуторе и – совсем диковинный

случай — на чьём-нибудь подворье» — так отвечал ростовский археолог Леонид Сергеевич Ильюков в интервью газете «Наше время» о перспективах обнаружения новых объектов [11].

Именно такой случай представился мне. Несколько лет назад я был у родственников в хуторе Комаров Мартыновского района. Напротив их дома, через улицу, возле ворот домовладения лежал крупный продолговатый камень, гранит, вероятно бывший когда-то частью ограды. Он имел антропоморфные (человекоподобные) черты и явные следы ручной обработки.

Владелица домовладения и, соответственно, камня вначале предложила забрать его даром, но, когда я неосторожно проявил интерес, быстро передумала. Это частая и обычная ситуация, когда ненужная прежде вещь становится ценной в глазах владельца, если кто-то посторонний проявляет заинтересованность — как говорил в подобной ситуации герой известного мультфильма: «Такая корова нужна самому...».

Каменное изваяние из хутора Комаров. Рисунок Г. Е. Парусимовой на цветной вклейке (Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. 5. Ростов н/Д., 2019)

Позже, при встрече с Игорем Николаевичем Парусимовым, сотрудником ростовского Археологического научно-исследовательского бюро я рассказал о находке. Парусимов отреагировал оперативно и профессионально: поехал в хутор, выкупил «бабу», погрузил на автоэвакуатор и отвёз в Волгодонский эколого-исторический музей.

«Каменная скульптура оказалась тюркской, и, что самое интересное, редкой для Нижнего Дона... Изваяние изготовлено из гранита, столбовидное, подквадратной в сечении формы. Нижняя часть утрачена при неизвестных обстоятельствах, однако поиск относительно хорошо сохранившихся аналогий привёл нас к

убеждению, что мы имеем дело с фигурой-бюстом, а не с фигурой до пояса [12, с. 69].

Скульптуру использовали в качестве воротного столба, поэтому на ней видны остатки металлических штырей навесов.

«Голова только намечена на фоне монолита, отделена от «торса» относительно узкой, аккуратно выполненной подтёской-выемкой, как бы очерчивающей голову, — приём, встречающийся на многих тюркских изваяниях, шеи нет. Форма головы — подквадратная, а в профиле — трапецевидная». <...> По сути, лицо безглазое и безбровое, неживое. <...> Уши показаны толстыми валиками-дугами, напоминающими как бы разомкнутую букву «С», ... необычно большие относительно небольшого лица, ... ассиметричны, правое ухо ниже левого [12, с. 69–70].

А. В. Евглевский, А. С. Онищенко и И. Н. Парусимов, тщательно исследуя технику обработки лица скульптуры, отметили отсутствие глаз как явление «относительно редкое во всём евразийском ареале тюркских изваяний, кажется никогда не встречающееся на классических гревнетюркских и развитых типах половецких скульптур», а также оригинальный (уникальный) способ изображения ушей как «редчайшую черту на каменной монументальной пластике» [12, с. 70–71]. Ориентируясь на находки ближайших аналогий комаровскому изваянию из трёх районов — Прииртышья, Семиречья и Южного Урала, учёные выстроили схему появления изваяния из хутора Комаров на Нижнем Дону. При этом они обратились к истории кочевавших в этом ареале кимаков, карлуков, уйгуров, печенегов.

«Такой пёстрый состав, а в дальнейшем этнокультурные связи между кимаками и кыпчаками с одной стороны, и огузами, с другой, не могли не наложить отпечаток на их этнокультурные процессы, на материальную и духовную культуру. — сделали вывод авторы. <...> Относительно фигур-бюстов есть версии об изготовлении их другими тюркскими племенами (карлуки, уйгуры, печенеги, огузы), и хотя все они довольно шаткие, игнорировать их в любом случае не стоит, тем более, что накопившаяся обширная источниковая база изваяний даёт возможность вновь, но критически рассмотреть все этнокультурные гипотезы. <...>

Поэтому совершенно напрасна непоколебимость консерваторов-кыпчаковедов, утверждающих, что в Евразийских степях только кыпчаки-половцы устанавливали скульптуры» [12, с. 75].

Они же определили и хронологические рамки находки из хутора Комаров — IX—XII вв.

«Что касается этнической привязки фигур-бюстов, то это занятие довольно рискованное...— уверены авторы. — Мы солидарны с теми, кто такие попытки оговаривает» [12, с. 78].

Например, доктор исторических наук Л. Н. Ермоленко считает: «Пока не представляется возможным убедительно соотнести изваяния с конкретными племенами, известными по письменным источникам, поэтому определения “гревнетюркский” и “кыпчакский” в значительной мере условны. Они скорее характеризуют эпохальную, чем этническую принадлежность памятников» [13].

Таким образом, «этническую атрибуцию изваяния из х. Комаров пока логично определить как неполовецкую... Относительно редкие для тюркских изваяний черты лица, как безглазие, безбровость и отсутствие рта, форма и посадка ушей, вероятно, свидетельствуют о том, что носителями этих изобразительных приёмов были представители отдельных этнокультурных групп, но каких именно, возможно, покажет время» [12, с. 78–79].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Плетнёва С. А. Половцы. М. : Наука, 1990.
2. Уварова П. С. К вопросу о каменных бабах // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. Т. 2. М., 1908. Раздел III : Материалы. С. 92–96.
3. Уваров А. С. Сведения о каменных бабах // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. / (Изд. под ред. гр. А. С. Уварова). Т. 2. М., 1871. С. 501–520.
4. Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 32. Одесса, 1915. Отд. оттиск. 40 с. + 14 табл.
5. Плетнёва С. А. Половецкая земля. Злато слово : Слово о походе Игоревом, Игоря

сына Святославова, внука Олегова : Переводы и поэтические переложения; Русь и степь в эпоху «Слова о полку Игореве». М. : Молодая гвардия, 1986. С. 383.

6. Викторов А. Как сохранить «каменные бабы» // Декоративное искусство СССР. 1984. № 8. С. 42.
7. Волошинова Л. Каменное войско // Молот. 2009. 11 дек. С. 8.
8. Хлебнов В. А. Найдена каменная баба // Перекрёсток. (Белая Калитва). 2020. 10 нояб. С. 14; Калегина А. О. Классификация половецких каменных изваяний на территории г. Новочеркаска // Краеведческие записки : [сб. науч. трудов]. Вып. 12. Ростов н/Д., 2016. С. 281–287; Ширина Т. Н. Половецкая каменная баба // Родионово-Несветайский вестник. (Новошахтинск). 2019. 25 июля. С. 3.
9. Токаренко С.Ф. Кочевники. Опыт хронологии // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 3. Новочеркасск, 2007. С. 24.
10. Колесов Г.С. — Токаренко С. Ф. Письмо от 08.09.2021 // Личный архив автора.
11. Каминская М. Что наша степь без баб... // Наше время. 2001. 12 июля. С. 3.
12. Евглевский А. В., Онищенко А. С., Парусимов И. Н. Тюркское изваяние IX–XII вв. из хутора Комаров на Нижнем Дону: простые черты сложного образа // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. 5. Ростов н/Д., 2019. С. 69–80.
13. Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения) / Кемеровский гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 70.

Л. Ф. ВОЛОШИНОВА

ЭЛИНСКОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО РОСТОВА-НА-ДОНУ

В Ростове-на-Дону в XIX веке жили и работали многочисленные выходцы из Греции, сыгравшие видную роль в коммерческой и общественной жизни города. Среди таганрогских контор, которые водворяются в Ростове к 1850 году, были «Ралли-Скараманга», «Рудоконаки сыновья и К°», «Муссури», «Мариолики» [1]. Позднее список таганрогских, ейских, мариупольских предпринимателей, ведущих свои торговые дела в Ростове, пополнили К. Н. Маврогордато, Х. А. и Ф. А. Феофани, М. С. Вальяно, Кондоянаки, М. С. и Е. Л. Зифо, Фаллиеро, Д. М. Целентис [2; 3].

Греки составляли значительную часть Ростовского биржевого общества (21 человек из 151 члена) [4]. А среди ростовцев греческого происхождения этого периода, проявивших себя в области просвещения и искусства, нельзя не вспомнить первого городского фотографа А. Антонопуло, первого владельца типографии П. С. Муссури, зачинателя оперетты на Юге России, антрепренёра Г. С. Вальяно, директора Петровского реального училища Н. М. Сарандинаки, директора Ростовского музыкального училища Н. К. Авьерино. Все они были выходцами из Таганрога.

Члены ростовской греческой колонии, как называли их в городе, вносили денежные средства на сооружение памятника Александру II, возведение городской больницы, попечительствовали отдельным начальным училищам города. Но остро осознанная потребность в познании родного языка, культуры и канонов веры побудила их искать духовного наставника. Им становится Савва Парисис — священник старейшей христианской церкви из Керчи.

Коммерческие связи греческих предпринимателей Ростова с этим городом всегда были основательными. И неудивительно, что именно отсюда греческой колонией был приглашён будущий глава благотворительного общества.

«Он родился в 1869 году, в Галлиполи ... Здесь получил начальное образование, затем окончил богословскую школу в Константинополе. Секретарствовал у митрополита в Серресе (Македония), учительствовал и заведовал школами в родном Галлиполи. После землетрясения 1894 г. перебирается в Константинополь. Знакомится

с русским послом и при его содействии едет в Россию, в Киевскую духовную академию. Получив звание кандидата богословия, был определён настоятелем древнего греческого Претеченского храма в Керчи и заведующим его школами. В 1905 г., по приглашению ростовской греческой колонии, переехал в Ростов-на-Дону; “здесь по его инициативе и при ближайшем участии греков, живущих в сем городе” строится церковь в честь Благовещения Пресвятые Богородицы со школой. О. Савва был первым настоятелем храма “ и пользовался большой популярностью и уважением прихода”» [5].

11 марта 1906 года газета «Южный телеграф» сообщала:

«Местной греческой колонии разрешено совершение богослужений на греческом языке в маленькой церкви Св. Николая Чудотворца, помещающейся под колокольню местного старого собора» [6].

Однако такой храм не удовлетворяет членов греческой общины. Об этом свидетельствует сообщение в газете от 26 мая с. г.: *«Покойным В. М. Котляровым завещано было городу для духовно-просветительных целей подворье. Так как подворье это довольно обширно и выходит на две улицы Скобелевскую и Сенную, то Элинское благотворительное общество вошло в управу с предложением о продаже ему этого места за 15 тыс. руб. для постройки на нём каменного греческого храма. Поданное по этому поводу заявление вносится управою на разрешение Городской думою» [7].*

Впервые в печати вчерашняя греческая колония называется Элинским благотворительным обществом. Это прошение не было удовлетворено. Дума иначе распорядилась завещанным домовладением. Но вновь созданное общество продолжает искать место для возведения греческого храма.

16 февраля 1907 года на очередном заседании Городской думы был *«заслушан доклад Городской управы по ходатайству Элинского благотворительного общества о продаже ему для постройки Греческой церкви и училища при ней городского места на углу Ткачёвского переулка и Мало-Саговой улицы по цене 20 руб. за кв. саж.» [8, с. 90].*

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.)

Согласно заключению Финансовой комиссии в присутствии 23-х гласных единогласно постановили: *«отчудить Эллинскому благотворительному обществу в собственность для постройки греческой церкви и училища усадебного участка городской земли на углу Ткачёвского пер. и Мало-Садовой улицы общию мерою 936,33 кв. саж., предназначавшийся ранее для нужд Музыкального общества, за плату по двадцать руб. за кв. саж. с отнесением расходов по совершаемой купчей крепости на счёт приобретаемого участка, причём включить в условие, что если Эллинским благотворительным обществом в течение трёхлетнего срока со дня совершения купчей крепости храм и училище не будут сооружены, то Городское управление имеет право отобрать отчуждаемый участок земли обратно, возвратив обществу уплаченные за этот участок деньги по 20 руб. за кв. саж.»* [8, с. 91].

Автором проекта храма во имя Благовещенья Пресвятой девы Марии стал архитектор И. П. Злобин [5], недавно исполнявший должность епархиального архитектора в Новочеркасске. Осветили выстроенный храм в сентябре 1909 года [9].

Вот как описал его городской архитектор Г. Н. Васильев, который и возводил храм:

«Греческая церковь построена на средства местной греческой колонии. Стены церкви кирпичные, кладка на сложном растворе, с облицовкой инкерманским известняком; из него же сделаны колонны, карнизы и прочие наружные украшения. Внутренние потолочные перекрытия и колонны — железобетонные системы Геннебика. Отопление центральное водяное, с вытяжной вентиляцией. Иконостас мраморный (из греческого мрамора с острова Самос)» [10].

Традиционное объёмно-пространственное решение храма было характерно для русского классицизма. Оно включало парадный вход-притвор, молеальный зал и алтарную часть, расположенные по единой оси запад-восток. Двухъярусная звонница над притвором и невысокий световой барабан с пологим куполом высились над нижним ярусом церкви. Три входа были украшены четырёхколонными дорическими портиками с треугольными фронтонами. Верхний ярус звонницы в виде ротонды украшали ионические колонки и венчал пологий купол. Художественный облик храма формировали архитектурные детали в греческом стиле (неогрек). Росписи в церкви выполнил известный нахичеванский художник Е. Г. Черепяхин [5].

Главными жертвователями на строительство храма были владелец крупнейшего ростовского пароходства Харламий Афанасьевич Феофани

и владельцы табачной фабрики Иван и Ахиллес Асланиди. Харламий Феофани после завершения строительства являлся её ктиторм и членом Совета Эллинского благотворительного общества [11]. В тот год канцелярия общества помещалась при фабрике братьев Асланиди (на углу Таганрогского и Скобелевской (ныне пр. Будённого и Красноармейская). Первым председателем общества был Ахиллес Христович Асланиди.

В том же 1909 году после внезапной смерти своего брата Феодора, Харламий Феофани в память о нём решает на свои деньги завершить строительство двухэтажного здания греческого училища [11].

После окончания строительства церковь и училище становятся своеобразным духовным центром Эллинского общества. При храме усилиями С. Парисиса вскоре была собрана библиотека на греческом языке. Он же в 1912 году стал первым заведующим училища [12, стб. 138]. В 1913 году его сменил священник греческой церкви Эл. Хр. Попандопуло, учителями были Аф. Ст. Варакас, Ек. Аф. Зисиада, Нат. Ст. Паниатели [13, стб. 377].

Следует отметить, что в Ростове в предреволюционные годы было немало жителей греческого происхождения, избравших педагогическое поприще. В сентябре 1916 года в Петровском реальном училище отметили 35-летие педагогической деятельности преподавателя Петра Григорьевича Кундиуса [14]. Он был статским советником, учителем математики, председателем Педагогического совета женской гимназии З. Г. Ширяевой [15, стб. 358—359]. В 1910-е годы в частной гимназии В. И. Белинской работал преподавателем Юрий Павлович Феррари [16, с. 113]. В те же годы Екатерина Минаевна Иорданова была основательницей и учительницей 1-й Ростовской н/д бесплатной воскресной школы [13], её помощницей — Софья Михайловна Трифилова [15, стб. 374]. Учителем ручного труда работала в Ростовских мужском коммерческом и женском училищах Наталья Васильевна Эвморфопуло [15, стб. 357, 362]. В 6-м городском мужском училище, размещавшемся в городском доме, трудилась учительницей Валентина Петровна Попандопуло (вероятно родственница священника Греческой церкви) [12, стб. 133].

Ряд членов греческой колонии Ростова входили в популярные городские сообщества.

В 1909 году при основании Общества любителей истории, природы и древностей его членами стали Н. В. Эвморфопуло и Л. Л. Грандефилов [17], в 1912 году к ним присоединился священник греческой церкви о. Савва Парисис [18].

Из других городских объединений стоит назвать общество «Лаун-Тенис» с председателем правления С. А. Эвморфопуло [16, с. 198], общество моряков торгового флота с почётным членом Ел. Ст. Диамантиди [12, стб. 161], Русское музыкальное общество с директорами Е. Г. Кундури, К. Д. Диамантиди, М. С. Маврогордато [12, стб. 166].

Ещё один малоизвестный факт из жизни греческого общества Ростова связан с попыткой издания в городе газеты на греческом языке «Этники драсис». Следует пояснить её предисторию. В 1908 году выходец из Трапезунда П. Филиппидис начал выпускать в Батуми либеральную газету «Драсис», которую спустя год переименовали в «Этники драсис» (национальная деятельность). Средства были выделены частным предпринимателем Ставросом Галиносом. В 1911 году газета переезжает в Екатеринодар. В 1913 году её переводят в Ростов-на-Дону [19].

Газета «Приазовский край» сообщала: «г. Градоначальником выдано свидетельство дворянину Н. Э. Дэспотули на издание под его редакцией в Ростове газеты на греческом и русском языках «Этники драсис». Газета будет выходить от 2 до 3 раз в неделю» [20]. Печатать предполагалось в типографии «Электра» владельца Ник. Гер. Муссури, располагавшейся в доходном доме по Дмитриевской улице [15 (Типографии), стб. 699].

Николай Эммануилович Дэспотули был инспектором Российского транспортного и страхового общества [15 (Список жителей), стб. 134], проживал на квартирах в разных доходных домах.

К сожалению, ни одного номера газеты «Этники драсис» ныне не найдено. Известно только, что выпуск всех национальных газет был запрещён с началом Первой мировой войны. Но Николай Эммануилович не оставил просветительской деятельности после июля 1914 года. Через несколько лет он уже владел типографией «Электра» в Ростове, а в 1919 году печатал в своей типографии небольшим тиражом газету «Русская мысль» [21].

В начале Первой мировой войны Эллинское благотворительное общество в здании греческого училища по Ткачёвскому переулку разместило лазарет для раненых воинов на 40 кроватей. Он числился под номером семь [22].

Следует отметить, что у общества нашлись не только помещения и деньги на оборудование лазарета, но и врачи для его функционирования. В начале 1910-х годов в Ростове вели врачебный прием доктор Дмитрий Георгиевич Кантисидис, Георгий Константинович

Капетанаки, Фаина Ант. Мельникова-Капетанаки, зубной врач Ал. Пав. Хартахай и другие [13, стб. 460, 461, 469]. Несомненно, что они в той или иной мере содействовали и помогали работе лазарета.

Не прекращало свои действия общество и в годы Гражданской войны. О чём говорит газетное сообщение лета 1918 года:

«1 июля состоялось общее собрание членов Эллинского благотворительного общества, на котором был утверждён отчёт правления за 1917 год и смета на 1918 год. Далее состоялись выборы членов правления общества, председателем которого был избран единогласно Г. И. Чироникос (почётным председателем и благотворителем), так как пожертвовал в пользу общества 50 тыс. руб., % с которых должны идти на содержание эллинского училища» [23].

После установления советской власти в Ростове Эллинское благотворительное общество, как и все подобные ему, прекратило существование. Но оставшиеся в городе греки консолидируются вокруг действующей Благовещенской церкви. В этом плане интересно заявление, которое они направляют в Отдел юстиции Донисполкома заведующему отделению церкви от государства.

«Вследствие отношения Вашего на имя религиозной общины Греческой церкви Благовещения от 23 мая с /г. за № 71, имеем честь сообщить, что постановление (п. 8) Донисполкома от 28 / 8 / 20 г. не выполнено до сего времени, так как полагалось, что действие декрета об отделении церкви от государства не распространяется на греческую церковь в Ростове н/Д. Мы полагаем, что местный греческий храм, сооружённый исключительно на средства эллинских граждан и Эллинского правительства и постоянно содержащийся на средства местных эллинских подданных граждан, которыми приобретён также и участок земли под церковь на средства собранные путём добровольных пожертвований и сборов, как храм иностранный, не подлежит отделению от Российского государства, с которым он и не был, в сущности, ничем соединён; утварь же, иконы и проч. имущества (кстати сказать, весьма скромны, так как после происшедшего 2 года тому назад святотатства церковь лишилась всех драгоценных предметов и имеет лишь самый необходимый инвентарь, не представляющий ценности), не подлежат передаче под учёт российских властей.

В виду изложенного, мы, принимая на себя полностью дальнейшее содержание храма, настоящим обязуемся не допускать в церкви политических собраний, раздачи книг, брошюр и воззваний,

листок и пр., а равно произнесения проповедей и речей враждебного советской власти направления или направленных против отдельных представителей сов. власти. Кроме того обязуемся не совершать набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти, подчиняясь всем распоряжениям властей о порядке пользования колокольнями.

1921 года мая 29 дня город Ростов н/Д.» [24].

Заявление подписали 81 прихожанин греческой церкви. Большая часть из них были членами вчерашнего благотворительного общества, хотя ни Саввы Парисиса, ни вчерашних членов правления среди них не было.

Заявление возымело действие. Церковь оставалась действующей до начала 1930-х годов. Это последний известный ныне акт действия вчерашних членов ростовского Эллинского благотворительного общества.

Здание бывшего греческого училища уже в начале 1920-х годов передали общеобразовательной средней школе.

Судьба обоих зданий в XX веке сложилась непросто. В конце 1960-х храм знаний реконструировали. Ныне это Дворец бракосочетания, храм веры тоже пережил реконструкцию. Три его оставшиеся стены были включены в новое здание Театра кукол.

Ныне в Ростове выстроена новая греческая Благовещенская церковь в три раза больше по объёму прежней и в ином, псевдовизантийском, стиле. Но это уже другая история. Правоприемником Ростовского эллинского благотворительного общества ныне является греческое просветительское общество «Танаис».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чалхушьян Г. Х. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону // Донской временник, Год 2000-й. Ростов н/Д., 1999. С. 151.
2. Донско-Азовский календарь на 1892 високосный год / сост. И. А. Тер-Абрамиан. Ростов н /Д. : Типо-литогр. И. А. Тер-Абрамиан, 1891. С. 174.
3. Донско-Азовский календарь на 1893 г. / сост. И. А. Тер-Абрамиан. Ростов н /Д. : Типо-литогр. И. А. Тер-Абрамиан, 1892. С. 188, 190.
4. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани н /Д. : в 6-ти т. Т. 2. Ростов н/Д., 1994. С. 58 – 61.
5. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 5. Ростов н /Д., 1999. С. 255.
6. Ростовская жизнь // Южный телеграф. 1906. 11 марта. (№ 1170). С. 3.

7. Ростовская жизнь // Южный телеграф. 1906. 26 мая. (№ 1258). С. 2.
8. Журналы Ростовской на Дону городской думы за 1907 год : Журнал III очередного собрания Ростовской на Дону городской думы, заседания 16 февраля 1907 года. № 12. Ростов н/Д., 1908. С. 90 – 91.
9. Хроника. Освещение храма // Приазовский край. 1909. 20 сент. (№ 248). С. 4.
10. Васильев Г. Греческая церковь в Ростове-на-Дону (Табл. 13) // Зодчий. СПб., 1917. № 35 – 38. С. 200.
11. Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых / Изд. М. С. Гугеля. М., 1913. [С. 177].
12. Весь Ростов на Дону с Нахичеваном, пос. Азовом и Ростовским округом / Изд. И. А. Тер-Абрамиана. Ростов н/Д., 1912.
13. Весь Ростов и Нахичевань н/Д. 1913 г. / Изд. Ф. С. Элькина и П. М. Кулькеса. Харьков, 1913.
14. Хроника : [Юбилей П. Г. Кундиуса] // Приазовский край. 1916. 17 сент. (№ 245). С. 3.
15. Весь Ростов и Нахичевань н/Д. 1914 г. / Изд. Ф. С. Элькина и П. М. Кулькеса. Харьков : Типо-литогр. Р. Радомышельского, 1914.
16. Чеботарёв Г. А. Ростов-Нахичеван на Дону : справ. книжка. С планом г. Ростова, рис., портр. и видами. Ростов н/Д., 1911 – 12.
17. Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы Т. 1. Ростов н /Д., 1912. С. 260, 286.
18. Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы Т. 2. Ростов н /Д., 1914. С. 306.
19. Argzigus В. Греческая диаспора в северо-восточных районах Причерноморья в XX веке / Пер. с греческого О. А. Хорошиловой, И. Каколири. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2020. С. 65 – 66.
20. Хроника // Приазовский край. 1913. 21 сент. (№ 247). С. 2.
21. Волошинова В. Ф., Шумов В. В. История донской журналистики / авт.-сост. В. Ф. Волошинова, В. В. Шумов. Ростов н /Д. : Подрядчики, 2007. С. 98 – 99.
22. Список абонентов Ростовской н-Д. городской телефонной сети. Ростов н /Д. : Тип. Т-ва Павлова и Славгородского, 1914. С. 33.
23. Хроника : В эллинском обществе // Приазовский край. 1918. 4 июня. (№ 37). С. 3.
24. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 172.

А. Б. ИЗЮМСКИЙ

НАРОДНЫЕ УЧИТЕЛЯ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

(по материалам ГАРО)

Памяти моей бабушки,
Анны Абрамовны Гаркави,
учительницы народной школы в 1916 – 1920 гг.

Приход к власти императора Николая II отмечен ростом общественного движения, затихшим было в годы правления его отца. Особенно недовольство властью стало проявляться в связи с нарастающим социальным противостоянием в условиях экономического и политического кризиса начала XX в. Немалую роль в этом конфликте сыграли народные учителя, т. е. преподаватели начальных земских или казённых (министерских) и церковно-приходских школ. Разумеется, власти понимали, насколько важна политическая благонадёжность людей, воспитывающих подрастающее поколение. В соответствии с законом учитель, претендующий на должность, утверждался уездным (на Дону окружным) училищным советом под председательством местного предводителя дворянства или епархиальным под председательством представителя церковного начальства. Однако острая потребность в образовательных кадрах часто приводила к тому, что сложные процедуры выполнялись достаточно формально.

В фонде Донского областного жандармского управления ГАРО хранится более 30 следственных дел, затрагивающих судьбу нескольких десятков учителей, которые позволяют лучше представить их роль в общественных событиях переломной эпохи. Первое из таких дел относится к 1903 году.

Осенью жандармскому управлению и епархиальному начальству поступил донос Михаила Черникова (сына атамана) и Ивана Романова, казаков хутора Нижне-Царицынский, обвинивших местного учителя приходской школы Алексея Любимова (19 лет, из крестьян Донской области), что тот «много говорил о священной истории, называя её выдумкой и сказкой», а также утверждал, «что Государь неправильно делает: не даёт земли крестьянам, а казакам даёт много, при этом он, между прочим, позволил себе сказать: “Какой Николка Государь, он, еби его мать, неправду делает” и ещё несколько

раз бранил государя скверноматерными словами» [1, л. 12 – 12 об.]. В ходе других бесед учитель якобы заявлял, «что государь плохо управляет Россией, что он делает много несправедливостей, что земли пораздавал именитым людям, а крестьян заставляет голодать, что в России теперь много людей, которые, окончив университет, не ищут должностей, а идут на фабрики и в уезды и там среди рабочих и крестьян организуют кружки и общества с целью произвести бунт» [1, л. 13]. Священноначалие немедленно откликнулось на донос, и Любимова быстро уволили. А вскоре появился секретный документ, ярко демонстрирующий согласованность действий церковных и полицейских властей:

*«Донской епархиальный
учительский совет*

Секретно

Января 9 дня 1904 г.

*В областное
жандармское
управление*

№ 39

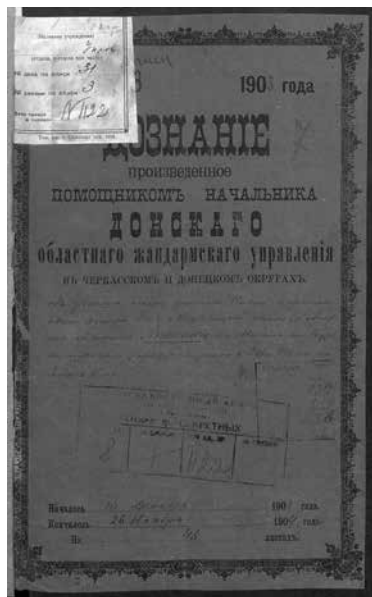
г. Новочеркасск

*Усть-Мегведицкое окружное отделение
Донского епархиального училищного совета от
12 декабря 1903 года за № 1156, сообщило совету
о том, что заведующий Нижне-Царицынской
школой грамоты священник Фёдор Семёнов ра-
портот от 16 ноября того же года за № 147 до-
нёс оному отделению, что учитель заведуемой
им школы Алексей Любимов нередко бывает в
нетрезвом виде, хотя и вне классных занятий,
по-видимому заражён учением Толстого, ко-
торое проводит в среде своих товарищей по
винопитию при тостах за революцию и свобо-
ду, непочтительно относится к Особе Госуда-
ря Императора. В дополнение к изложенному
местный хуторской атаман от 25 того же но-
ября за № 96 сообщал отделению, что при до-
просе жандармским унтер-офицером Пановым
свидетелей о поступках Любимова, факты,*

Александр Борисович Изюмский, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.)

изложенные в рапорте о[тца] заведующего школою подтвердились. Ввиду вышеизложенного, отделение по журналу своему от 9 декабря 1903 г. постановило учителя Любимова, ввиду проявленных им проступков несовместимых с должностью учителя церковной школы, уволить. На журнале совета по сему предмету его Высокопреосвященство 7 сего января изволил написать такую резолюцию: “О бывшем учителе Любимове надлежит секретно сообщить жандармской полиции. О чём Донской епархиальный училищный совет в исполнение предписанной резолюции имеет честь сообщить областному жандармскому управлению”.

Председатель совета
протоиерей Митрофан Симашкевич [2]
Делопроизводитель
священник Михаил Гиляревский»
[1, л. 21 – 21 об.].

Из Дела Донского областного жандармского управления об учителе А. Любимове. Из фонда ГАРО

Жандармское управление, в отличие от священноначалия, спешить не стало. Было назначено дознание, во главе его поставлен опытный следователь ротмистр Хлебников. Он заподозрил, что вредные взгляды подследственный мог позаимствовать у преподавателей, которые помогали ему готовиться к учительским экзаменам — студента Рязанцева и учителя Овсянникова. Оба они жили в Воронежской губернии и донские жандармы попросили содействия у воронежских коллег. Те обыскали подозреваемых, причём ротмистр Федоренко обыскал даже приходское училище, в котором работал Овсянников, но ничего не нашёл. Последний

(32-х лет, из казаков Распопинской станицы) в ходе второго допроса заверил жандармов, что «я по своим убеждениям консерватор, свободомыслием никогда не страдал и всегда относился и продолжаю относиться вполне отрицательно ко всякого рода проявлениям противоправительственной деятельности» [1, л. 13]. В конце-концов, ротмистр Хлебников пришёл к заключению об отсутствии у дела судебной перспективы, обосновав это следующим образом:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 7
1904 года ноября 25 дня на станции
Филоново Юго-вост. ж. г.

Я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр
Хлебников, принимая во внимание

1) что оскорбление царствующего императора, т. е. преступление, предусмотренное 24 ст. Улож. о нак., а по закону 7 июня 1904 года — 103 ст. Угол. Улож. 1903 г., совершено Алексеем Алексеевым Любимовым в сентябре 1903 г., до дня рождения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, а потому, в силу Всемилостивейшего манифеста 11 августа 1904 г. Любимов ответственности за это преступление не подлежит. 2) что по закону 7 июня 1904 г. о применении к государственным преступлениям статей Угол. Улож. 1903 г., прочие деяния Любимова, заключающиеся в распространении злобных политических слухов, не имеют признаков преступлений, означенных в ст. 1030—1031 Уст. Угол. Суд., а потому, по соглашению с товарищем прокурора Усть-Медведицкого окружного суда А. М. Шелоумовым, ПОСТАНОВИЛ: 1. За силою Всемилостивейшего манифеста 11 августа 1904 г. не привлекать Любимова к ответственности по ст. 103 Угол. Улож., и представить дознание для прекращения в этой части его, согласно ст. 1035/22 Уст. Уг. Суд., прокурору Усть-Медведицкого окружного суда. 2. За отсутствием в прочих деяниях Любимова, изложенных в постановлении от 8 июня 1904 г. за № 5, состава деяний, в ст.ст. 1030 и 1031 Уст. Уг. Суд. указанных, не привлекать Любимова в качестве обвиняемого и за эти деяния, а допросить его в качестве свидетеля с соблюдением 722 ст. Уст. Уг. Суд.

Ротмистр Хлебников
Товарищ прокурора Шелоумов» [1, л. 47].

В результате учитель Любимов потерял работу, но избежал уголовного преследования.

Другое обвинение было в апреле 1904 года предъявлено учительнице приходской школы хутора Заплавский Берёзовской станицы

Анне Дубновой (21 год, дочь почтового служащего). На неё донесла из ревности подруга — жена сидельца¹ винной лавки Екатерина Усатенко, обвинив в хранении революционной литературы. Обвинение подтвердилось: при обыске были изъяты три номера эсеровской газеты «Революционная Россия» и брошюра «Реформа генерала Ванновского». Назначенный следователем ротмистр Прогнаевский [3] установил, что Дубнова получила эти издания от сестры Александры, ученицы женской гимназии города Камышин. При повторном обыске у Дубновой было также изъято письмо сестры, из которого явствовало, что та активно участвует в манифестациях и сходках учащихся. Поскольку учительница нелегальную литературу никому не давала, её не стали привлекать к ответственности, но из школы она была уволена. Что же касается сестры, то хотя «можно заключать, что Александра Дубнова принадлежит к числу лиц политически неблагонадежных, что она участвовала дважды в противуправительственных манифестациях в гор. Камышине, будучи одним из видных действующих лиц, и что она ведёт деятельную переписку с неблагонадежным в политическом отношении элементом в гор. Саратове», но «принимая во внимание, что настоящим дознанием не добыто улик для привлечения Александры Дубновой в качестве обвиняемой за распространение революционных изданий с преступной целью, по соглашению с товарищем прокурора Усть-Медведицкого окружного суда А. М. Шелюмовым и на основании 208 ст. Уст. Угол. Судопр. ПОСТА-НОВИЛ: представить в подлиннике упомянутое письмо Александры Дубновой вместе с копиями протоколов осмотра за № 1 преступной литературы, обнаруженной у Анны Дубновой, и протокола допроса её в качестве свидетельницы начальнику Донского областного жандармского управления для препровождения этих документов начальнику Саратовского губернского жандармского управления на благоусмотрение» [4]. Дело было закрыто.

Более серьёзное событие произошло тогда же в станице Иловлинской. Бывший жандарм, урядник Иван Бузулуцков написал в жандармское управление, будто в станице «организована партия лиц с наклонностями в духе социализма», к ней причастны местные должностные лица и в станичном правлении «печатают пропагандические прокламации, которыми хотят поколебать верность престолу и отечеству донцов» [5, л. 2—2 об.]. Вначале ему не поверили,

так как Бузулуцкова знали «за постоянно-го клязника, осаждающего власти неосновательными жалобами» (посылал военному министру, министру внутренних дел и самому царю), и к тому же он отсидел восемь месяцев за прежние злоупотребления. Но всё же заявление решили проверить, тем более, что доносчик прислал экземпляр, найденной у входа в станичное правление, листовки под заглавием «Донцам-товарищам». Следователем снова был назначен ротмистр Хлебников. Исследовав прокламацию, он установил: «По своему содержанию воззвание это имеет целью вызвать в казачьем населении недовольство существующим государственным порядком, устанавливающим воинскую повинность, и уверением, что социал-демократы рука об руку с казаками изменят существующий государственный порядок своими силами, помимо Власти Верховной — внушается сомнение в неприкосновенности прав сей власти» [5, л. 13]. Листовки, распространяемые в станице, были написаны от руки и затем отпечатаны на имевшемся в станичном правлении множительном аппарате (мимеографе). Приглашённые эксперты (два учителя чистописания) установили, что их написал помощник местного писаря 17-летний Павел Колесов. Последний признался, что помог размножить возвания по поручению бывшего атамана Ивана Чурина при посредничестве его сына Александра, с которым дружил. Он показал на допросе: «Я замечал неоднократно, что атаман Иван Чуринов выражал старикам нашей станицы недовольство существующим порядком начальства, которому, по его словам, никак не угодишь, жаловался на тяготу службы и на то, что казакам плохо жить» [5, л. 30]. У младшего Чурина нашли на чердаке 45 экземпляров прокламаций. Под подозрение попали также учителя Беликов и Воробьёв и находившийся под надзором полиции губернский секретарь Григорьев, которому, как показал священник Иоанн Макаров, покровительствовал бывший атаман. Однако при обыске у них ничего не нашли. Григорьева попытались допросить, но он отказался отвечать на вопросы и даже подписать протокол об отказе от показаний.

Ротмистр Хлебников пришёл к выводу, что возвания «по своему содержанию несомненно относились к казакам, служащим в строевых частях, и что вследствие этого является основание предположить, что они рассылались по этим частям» [5, л. 44]. Александр Чуринов, 20-летний учитель двухклассной министерской

¹ Сиделец — продавец в лавке.

школы признал себя виновным в размножении прокламаций, но автором их назвал своего товарища по училищной семинарии Степана Шарова, к тому времени уже умершего. В итоге ротмистр Хлебников признал виновными только Александра Чурина и Павла Колесова. Первый был арестован, а второй отдан под надзор полиции.

Бурные события революции 1905–1907 годов привели к резкому росту выявленных фактов участия донского учительства в оппозиционной деятельности. Весной 1905 года в Сальском округе был арестован учитель Манычско-Грузской приходской школы Георгий Алексеев 22 лет, из казаков Баклановской станицы за то, что предложил местным крестьянам прочесть социал-демократическую листовку «Письмо рабочего казакам». Прокламация не была рассчитана на крестьянскую аудиторию, к тому же крестьяне оказались неграмотны и передали листок местному подрядчику, который обратился в полицию. Следствие было поручено упоминавшемуся выше ротмистру Прогнаевскому, который обыскал дом Алексева в хуторе Верхне-Себряковский, обнаружив там листки с революционными песнями и инструкцию «Как держаться на следствии и суде», рекомендующую «при жандармских дознаниях ни при каких условиях не давать показания» [6]. Алексеев не воспользовался советом инструкции и стал давать показания, но строились они на категорическом отрицании вины: прокламацию он якобы нашёл на дороге, а что касается других бумаг, то не понимает, как они оказались в его вещах. Ротмистр Прогнаевский установил, что два брата Алексева учились в новочеркасской семинарии и послал туда запрос об их поведении. Ему ответил инспектор Кириллов [7], который дал обоим братьям негативную характеристику и прислал их автографы. Впрочем, сравнение почерка показало, что оба семинариста не имеют отношения к найденным у Алексева бумагам. После известного манифеста 17 октября 1905 г. дело было прекращено по амнистии. Таким образом, Алексеев не понёс никакого наказания. Из-под ареста его освободили сразу после задержания, а со службы уволили уже летом не за революционную деятельность, а «за самовольные отлучки из школы».

Той же весной «ввиду имеющих у начальника Донского охранного отделения сведений о политической неблагонадежности» была задержана в Ростове учительница Александра Синайская, 25 лет, дочь сельского дьякона [8, л. 1]. Она закончила Московские педагогические курсы с дипломом народной учительницы,

но к моменту ареста жила за счёт домашних уроков. При обыске у неё обнаружили огромное количество прокламаций и нелегальных брошюр, одна опись которых составила около трёх страниц. Хотя имелись агентурные сведения о её причастности к распространению нелегальщины, она не признала вины, заявив, что часть изданий ей не принадлежала, а другие для неё «имели чисто педагогический интерес, т. к. были оттиски прошедшего, где выставлялся ряд требований рабочих к хозяевам» [8, л. 15]. Наказания она не понесла, благодаря недоступному для современных «правоохранителей» правосознанию юристов Российской империи, о котором свидетельствует следующий документ:

«М[инистерство] Ю[стиции]

Секретно

Прокурор Таганрогского окружного суда

Г. помощнику начальника

Июля 1-го дня 1905 г.

Донского областного жандармского

№ 1687

управления в Ростовском округе

г. Таганрог.

Рассмотрев препровожаемое при этом дознание по обвинению дочери дьякона Синайской в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Уг. Улож., и приняв во внимание 1) что для личности состава этого преступления требуется, чтобы было установлено хранение преступных изданий с целью распространения; 2) что основанием к обвинению Синайской к такому хранению послужило нахождение у неё некоторых изданий в нескольких экземплярах, а именно: «воззвания Донского комитета к работницам модных мастерских» в количестве двадцати одного экземпляра; брошюры «Основной государственный закон Российской империи» в пяти экземплярах; «письма петербургских рабочих к ЦАРИЮ и священника Гапона к министру внутренних дел» в двух экземплярах; «всеподданнейшего адреса Харьковского губернского земского собрания» в двух экземплярах и записка о совещании в Москве 19 губернских предводителей дворянства и 3) что, как видно из протокола осмотра всех этих изданий, ни одно из них по своему содержанию не подходит к таким, распространение коих карается по 128 и 129 ст. Уг. Улож., предлагаю Вашему Высокоблагородию внести дознание о Синайской чрез начальника Донского областного жандармского управления в порядке, указанном 1035/26 ст. У.У.С. в Донское областное совещание для прекращения его

за отсутствием в приписываемом Синайской деянии признаков преступления.

Прокурор Н. Лучин» [8, л. 38 – 38 об.]

Серьёзным толчком для более активного участия донских учителей в общественном движении послужили непосредственно события 1905 года. Наиболее ярко это проявилось в городе Александровск-Грушевский (ныне Шахты). 10.09.1905 г. там в Пушкинской читальне состоялось собрание местной интеллигенции под председательством учителя Щучкина. На нём обсуждался вопрос соответствует ли ожиданиям народа законосовещательная Дума, созыв которой провозглашал царский манифест от 6.08.1905 г. Собравшиеся избрали делегатом на съезд городских и земских деятелей в Москве учителя народной школы Воронкова (36 лет, из казаков Перекопской станицы) [9], который, по донесению пристава Колпакова, заявил: «Высочайше учрежденная 6-го августа Государственная дума никуда не годится по весьма многим причинам, как то: в Государственную думу не допущено прямого, тайного и равного избрания представительства, а лишь избирается мелкая буржуазия – алтынники и черносотенцы, коим чужды интересы народа, не допущены даже представители от фабричных рабочих, вынесших на своих плечах всю тяготу преследования при домогательстве себе прав и давших толчок к учреждению Государственной думы, не допущены свобода слова, печати, нет гарантий личности и неприкосновенности имущества представителей, а при этих условиях Дума является лишь учреждением, необходимым не народу, а правительству (бюрократии) для восстановления своего престижа, подорванного доверия и восстановления государственного кредита» [10] и призвал бойкотировать такую Думу. На Воронкова немедленно завели дело «за дерзостное неуважение верховной власти», но вскоре прекратили его по амнистии. Однако, дерзкий учитель не успокоился. После выхода манифеста 17 октября Воронков и другие учителя, как докладывал в Петербург начальник жандармского управления генерал Тиханович, «прекратили в школах занятия, собрали детей в здании 3-х классного городского училища, прочли им Манифест, объяснили его значение и затем с красными флагами и под звуки “Марсельезы”, которую исполнял небольшой оркестр, взятый из трактира, они повели детей к зданию городской и мещанской управ, потом в церковь, где был отслужен молебен... После молебствия на церковной площади учитель Воронков произнёс речь небольшому числу собравшихся о значении Манифеста, упирая на

то, что свободы добились социал-демократы, которым он и провозгласил “ура”. В заключение он объяснил, что с этого дня ежедневно по вечерам в здании народной читальни будут происходить митинги, на которых ораторы будут разъяснять народу значение той свободы, которая, наконец, дана после столь упорной борьбы» [11, л. 65]. В донесении же полицмейстера Колпакова указывалось, что в «противоправительственной демонстрации» участвовали не только учителя (были названы 11 фамилий) и другие представители интеллигенции, но даже пристав Нижне-Чирской станицы подьесаул Запорожский и «может быть его прямому начальству будет небезынтересно познакомиться со взглядами подчинённого на свои обязанности» [11, л. 156].

В других случаях народные учителя не только участвовали в антиправительственных акциях, но и побуждали людей к активным действиям. Так, согласно докладу начальника Ростовского округа, «по воследованию Высочайшего Манифеста 17 октября сего года о даровании населению свободы совести, слова, союзов, собраний и гражданской неприкосновенности личности, учителя Васильево-Петровского двухклассного церковного училища Александр Гаврилов, Александр Родосский, Илларион Тарасов и Афанасий Громаков приобрели в гор. Ростове-на-Дону несколько экземпляров означенного Манифеста и поехали по соседним деревням объявлять его; причём являлись в сельские правления и сзывали крестьян, читая им Манифест, разъясняли, что Высочайше дарованную свободу нужно понимать так: “Раздел земли, хотя бы она составляла чужую собственность, не платить существующих податей, игнорирование всякою властью, в частности же и полицейской, а в заключение сего и свободное самоуправление”. Подобное искажённое разъяснение Манифеста, преподанное населению вышесказанными учителями, в значительной степени подействовало на них и среди их произвело полнейшую анархию, самопроизвол и непокорность властям, так, например, Васильево-Петровские крестьяне начали самовольно распахать землю арендатора Пастушенко, а земледельцу Наливайченко грозили в случае неуступки добровольно им земли, самоуправно разделить её между собою, имущество его разграбить, а остальное сжечь. Упомянутые учителя во всём вышесказанном являются первыми виновниками в возникшей смуте среди крестьян села» [12, л. 146 – 146 об.].

Упомянутый здесь Илларион Тарасов (25 лет, из крестьян Екатеринославской

губернии) тремя месяцами спустя снова привлёк внимание охранных структур, когда поступило сообщение, что перед рождественскими каникулами он раздал своим ученикам прокламации, в которых говорилось, что «Царь Николай II, последний русский царь, глупый, и у него голова глиной набита, и вообще порицался Государь и правительство» [13, л. 3]. Учитель был арестован, но отрицал свою вину, заявив, что раздавал ученикам «только дозволенные цензурой листки издания „Донской речи“» [13, л. 12]. Проверить имевшиеся свидетельства не удалось, так как перепуганные родители уничтожили розданные листки. Тарасов был отдан под надзор полиции, но его сняли, когда прокурор Таганрогского суда нашёл доказательства вины недостаточными.

Накануне нового 1906 года в селе Кагальник Ростовского округа учительницы местной церковно-приходской школы Ирина Мазараки, 21 года, дочь священника, и Евдокия Звягинцева, 19 лет, из крестьян Воронежской губернии, согласно поступившему в полицию донесению, зайдя в избу-читальню, «читали собравшимся в большом количестве крестьянам листы издания Парамонова, озаглавленные „Какie народные представители не нужны народу“, „Как должны расходоваться народные деньги“, „Что такое прямое и тайное избирательное право“» [14, л. 54], порицая при этом образ правления в России. Обеих арестовали и отправили в Ростовскую тюрьму. Позже Анастасий Мазараки, священник местной церкви, упрямил отдать дочь Ирину ему на поруки, так как «она заведует домашним хозяйством и служит для меня единственным утешением» [14, л. 10 об.]. Евдокия Звягинцева была выслана по месту прописки в Воронежскую губернию и отдана под негласный надзор полиции.

В селе Шабельск того же округа местная учительница Елена Петрова, 22-х лет, из крестьян Донской области, призывала местных жителей вступать в Крестьянский союз, а «землю дворянскую, купеческую, казённую, удельную и всякую иную передать в пользование всему трудящемуся народу, т. е., что земля должна принадлежать только тому, кто обрабатывает её силой и трудами своей семьи без наёмных работников» [15, л. 12]. Она была арестована; следствие по её делу вёл подполковник Карпов [16]. Свидетели не подтвердили, что учительница призывала к насильственному захвату частных земель. Тем не менее, подполковник Карпов нашёл её виновной в подстрекательстве против государственного порядка и «в виду полученных указаний на политическую неблагонадёжность

учительницы Елены Семёновой Петровой, для выяснения обстоятельств дела постановил: Елену Петрову подвергнуть временному задержанию с содержанием в одиночном помещении при Ростовской тюрьме» [15, л. 6].

Несколько сельских учителей приняли активное участие в антиправительственных выступлениях в Хопёрском округе. Начальник жандармского управления генерал Тиханович связывал это с влиянием, которое оказывал на них бывший народный учитель, а впоследствии член комитета по земским делам Василий Бирюков. В донесении наказному атаману генерал указывал, что «связь между Бирюковым и учителями существовала и на некоторых из них он безусловно имел влияние, отнюдь не в пользу правительства, последнее он при каждом удобном и неудобном случае всячески бранил и говорил, что оно в своих видах и целях только обманывает народ. Следствием всего этого явилось то, что некоторые сельские учителя были замечены в преступной пропаганде среди сельского населения, подверглись аресту и привлечены к судебному следствию» [12, л. 29]. Публичные выступления Бирюкова, — подчёркивал Тиханович, оказывают серьёзное влияние на местное население: «На митинге 24 октября в помещении цирка в станице Урюпинской, в котором собралось свыше 1000 человек, Бирюков произнёс зажигательную речь, громя правительство и чиновников так, что поселил среди слушателей большое возбуждение. Его же слова в этой речи по поводу несправедливого владения богатствами со стороны одной части населения и бедности другой по причине угнетения первым произвели на присутствующий простой народ такое действие, что его качали на руках и устроили ему овацию, а затем долго ходили слухи о разгроме богатых людей и купеческих лавок, так что местной администрации пришлось принять решительные предупредительные меры, чтобы не допустить погрома» [12, л. 29 об. — 30]. Он предложил арестовать Бирюкова и без суда выслать его за пределы области. Неизвестно, как отреагировал наказной атаман на это предложение.

Неоднократно архивные документы фиксируют выступления народных учителей против мобилизации казаков для усмирения народных волнений и охраны помещичьего имущества. Так, в станице Раздорской учитель церковно-приходской школы Варламов «во время беспорядков осенью 1905 года на рудниках Кукса, Чурилина и Ованесова убеждал казаков, вызванных для охраны, не слушаться законного распоряжения и не ехать на рудники» [17], причём его

поддержал атаман хутора Сусатского Тихонов. Власти возбудили дознание, но оно не имело серьёзных последствий, кроме того, что учителя станичный атаман вычеркнул из числа выборных станичного сбора. Во 2-м Донском округе агитацию против несения казаками полицейской службы вели, согласно донесениям, учителя Раскуров, Абашкин и Колубяков, но более всех учитель 4-х классового училища Иван Траилин, 40 лет, из казаков Есауловской станицы, который «особенно сильно пропагандировал в том духе, что казаки не должны идти на службу по мобилизации. На сборище в квартире Саватеева в то самое время, когда в Н. Чирской происходила мобилизация второочередных казачьих частей, по показанию одного из свидетелей, Траилин при дебатировании вопроса об этой мобилизации с жаром сказал, что вечером он пойдёт в Народный дом и собравшимся там призванным казакам прямо скажет, чтобы они ехали домой, и это будет самое лучшее, и что человек 20 призванных казаков уже так поступили» [18, л. 80а]. Траилин был арестован, его дальнейшая судьба в деле не отражена.

Аресту подвергся и учитель церковно-приходской школы Трёхостровянской станицы Александр Фролов, 30 лет, из казаков названной станицы. Он в январе 1906 года прибыл в хутор Малогулубинский, чтобы купить топлива (кизяка) для училища, и зашёл с этой целью к казаку Чепегину. Там уже сидело за водкой несколько местных жителей, и нового гостя, конечно, пригласили к столу. В ходе застолья один из казаков «поинтересовался узнать у Фролова: для чего казаки мобилизуются и идут на внутреннюю службу. Он ответил, что они дураки и бараны, идут и посланы защищать чёрт знает кого: пузанов-купцов да помещиков, а свои семьи бросают в нищете. На замечание, что казаки идут по высочайшему повелению, Фролов ответил: «Насрать на это повеление, оно не от царя, а от начальства» [19, л. 9 об. — 10]. После этого Фролову пришлось два месяца провести в тюрьме, из которой его освободили под залог 500 рублей. Ротмистр Хлебников, который вёл дознание, нашёл вину учителя в подстрекательской агитации установленной, но прокурор Новочеркасской судебной палаты решил, что улики для этого недостаточно и предложил закрыть дело.

Летом 1906 года поступил донос на учителя приходской школы посёлка Скараманга Таганрогского округа Степана Краснова, 24 года, из казаков Преображенской станицы, что тот часто ходит пешком по сёлам и ведёт разговоры с крестьянами, предположительно «вооружает их против правительства» [20, л. 3 об.]. Как

утверждал полицейский урядник Безпалов, говоря с ним о роспуске Государственной думы, Краснов заявил, что надо разогнать правительство, да и самого царя «стебануть по шапке». Полицейский протокол отмечал: «На замечание Безпалова “неужели назначите еврея?” ответил “а еврей не человек, что ль”» [20, л. 2—2 об.]. Любопытно, что, по словам знакомого с Красновым помещика Якушева, «до появления смуты в России Краснов был безупречен в политическом отношении, да же несколько консервативен по взглядам на некоторые вопросы. Последние же годы, по словам свидетеля, Краснов стал обнаруживать сочувствие врагам правительства и революционерам, из-за чего между ним и свидетелем при разных встречах завязывались споры» [20, л. 3].

Впрочем, проводивший следствие пристав Титов не нашёл в действиях учителя состава преступления и закрыл дело.

В станице Потёмкинской тогда же попытались предъявить обвинение в подстрекательстве к беспорядкам учителю приходского училища Николаю Пименову, который на похоронах своего коллеги Никитина произнёс «недобрую речь», направленную против власти. У Пименова произвели обыск, но ничего компрометирующего не нашли. Ротмистр Розалион-Сошальский, назначенный следователем, допросил десятки свидетелей, но в конечном итоге пришёл к выводу, «что хотя свидетельскими показаниями и установлен факт произнесения речи бывшим учителем ст. Потёмкинской Николаем Фёдоровичем Пименовым на похоронах учителя Никитина, бывших в ст. Потёмкинской 24 октября 1906 года, в которой, между прочим, Пименов говорил, что деньги, собираемые с народа на воспитание детей, расходятся по карманам палачей-правителей, администрации и начальства, которые грабят народ, что правительство не только не заботится об улучшении народного образования, а напротив, ставит тому всевозможные преграды, и что правительство распустило Государственную думу, а членов её прячет под суд, но речь эта не заключает в себе возбуждения к совершению какого-либо преступления, порицания или неуважения Верховной власти, т. е. преступления, предусмотренного 129, 128 или иной статьей Угол. Улож.» [21]. Обвинения с учителя были сняты.

В материалах жандармского управления приводятся примеры агитационной деятельности народных учителей, когда дело доходило до прямых выступлений масс против имущей части населения или представителей власти. Есть впрочем, и один противоположный случай

(за пределами Донской области подобные встречи не раз, но на Дону зафиксирован только один). В хуторе Калач после издания манифеста 17 октября местные жители чуть не разгромили школу. Окружной атаман в докладе начальству указывал, что там «стали циркулировать слухи о том, что учителя местного 2-х классного училища ведут тайную пропаганду против правительства и в своих беседах утверждают отсутствие Бога и Государя. Поводом к этим толкам послужили несколько несогласных бесед, произведённых учителями, на которые приглашали местных чернорабочих в здание школы» [11, л. 178]. Пошли слухи, будто учителя выбросили иконы и топтали царские портреты. Толпа явилась к полицейскому приставу и потребовала ареста учителей. Проверка школы показала, что слухи были ложные, но толпа не успокаивалась и «послала директору народных училищ телеграмму о немедленном удалении из школы учителя Кондратия Попова — виновника всех этих недоразумений, беседования с рабочими и, как говорят, «науськовавшего их на зажиточный элемент». Затем в телеграмме была изложена просьба, чтобы обязать учителей водить детей в церковь по праздничным, воскресным и торжественным дням, что они перестали делать после 17 октября с. г.». После этого толпа стала было расходиться, но тут же «к школе потянулась новая толпа пьяных конопатчиков и плотников (человек 200)». Далее, как отмечает окружной атаман, «бывшие в школе учителя Сенин и Брагин выскочили из окна школы с противоположной стороны здания и скрылись. Получив сведения, что учителя скрылись, пристав разрешил несколько человек [так в тексте. — А. И.] войти в школу и убедиться, что св. иконы и портрет Государя Императора находятся на месте. Вошедшие убедились в том, но увидели в комнате заведывающего школой, что портрет Государыни Императрицы стоит на комоде без рамы, а последняя лежала в углу. Они взяли раму, вынесли её к толпе и старались доказать, что учителя с целью изломали раму, чтобы оказать неуважение к особе Её Императорского Величества. Присутствовавшие заволновались и снова стали требовать выдачи учителей или немедленного их арестования». С трудом полиции и приглашённому священнику удалось удержать пришедших от насилия. Кончается донесение окружного атамана весьма выразительно: «После долгих препирательств толпа стала расходиться и к наступлению ночи вся разошлась, унеся с собою раму с портрета. Ночь прошла спокойно. Учителя все бежали» [11, л. 178 об. — 179].

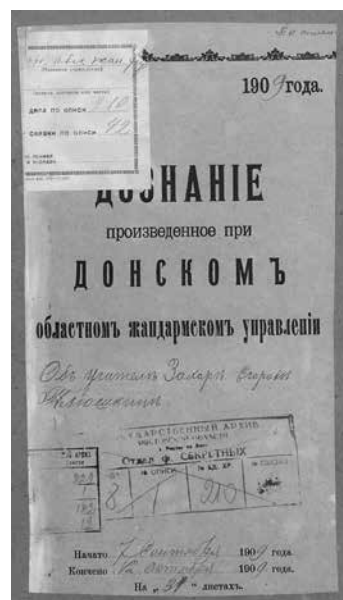
По мере спада общественного движения сведения об активном участии народных учителей в открытой оппозиционной деятельности делаются редкими. Последний такой случай относится к 1907 году, когда учитель министерской школы Григорий Бокачёв (сын урядника, возраст в деле не указан) вместе с железнодорожным служащим Александром Столяровым «на частной сходке крестьян» в слободе Мачиха говорили, что «крестьянам плохая жизнь, несчастная, что крестьяне находятся в руках начальства, как мухи в паутине. Чтобы улучшить жизнь, надо быть всем вместе, гружно добиваться своих прав. Теперешнее начальство, разных чиновников, заседателей, министров не надо. Начальство будем избирать сами из своей среды. Приглашали составить приговор о том, что депутаты в Государственной думе должны требовать этого» [22]. Ротмистр Розалион-Сошальский, изучив все пункты, которые Бокачёв и Столяров советовали вставить в наказ депутатам, признал преступными три: о передаче крестьянам государственных, удельных, церковных и частных земель, о возвращении уже выплаченных выкупных платежей и о замене всех косвенных налогов одним прямым. Столяров был арестован, а учитель скрылся и был объявлен в розыск. Больше повезло в том же году казаку Каменской станицы Дмитрию Виденкину, готовившемуся к сдаче экзамена на права учителя. Про него, как отмечал полицейский протокол, распространились слухи, что «Виденкин ведёт предвыборную агитацию, разбрасывал листки с именами выборщиков, каковые листки действительно стали появляться в станице» [23, л. 8]. В ходе обыска в хуторе Старая Станица, где жил казак, у него нашли большое количество нелегальной литературы, а также «три куса бумаги в 1/16 листа каждый с надписью на них одного содержания, кого следует выбирать в выборщики в Государственную думу, с целью распространения среди населения, запись лиц, указывающих в выборщики, тождественна с записью лиц на записках, подброшенных уже некоторым лицам без подписи в конвертах» [23, л. 5]. Однако ротмистр Эльшевич, проводивший следствие, нашёл, что действия Виденкина не содержат состава преступления и дело закрыли.

В 1908—1909 годах полицейские власти области предприняли ряд проверок содержания библиотек народных училищ. В Маньково-Березовской двухклассной школе (Донецкий округ) нашли семь нелегальных книг, большей частью издательства «Донская речь». Учитель Филипп Мяконьков объяснил, что они, наряду

с десятками других, были жертвованы почётным блюстителем училища Николаем Поляковым [24]. Чем закончилась эта история, из дела не видно. В Милость-Куракинском народном училище (Таганрогский округ) обнаружили программу партии народных социалистов и книгу А. Менгера «Политическая и частная жизнь в государствах будущего». Учительница Екатерина Ванина, 45 лет, вдова, считалась полицией человеком «поведения неodobрительного», поскольку поддерживала дружеские отношения с лицами, отбывавшими наказание за политические проступки [25]. Выяснилось, впрочем, что эти книжки случайно оставил в библиотечном шкафу школы её сын студент, который читал их «из любопытства», да и сами они не входили в списки запрещённой литературы. Дело закрыли «за совершенной негостаточностью улик». В библиотеке школы грамоты посёлка Сазоновский Усть-Мечётинской волости нашли семь нелегальных книг и брошюр. Учитель Лука Журавлёв (из казаков Казанский станицы, возраст в деле не указан) показал, что получил их «от своего товарища по Александро-Грушевской церковно-учительской школе по имени Григорий, но фамилии не помнит» [26]. Поручик Нестеровский, которому поручили следствие, установил, что учитель никому не давал читать эту литературу, и дело было прекращено с несколько странным обоснованием «за необнаружением виновных».

В 1909 году возникли довольно громкие дела, связанные с обвинением учителей в революционной агитации. В Донецком округе поступил донос, что учитель Тарасовской земской школы Захар Плюшкин, 36 лет, из крестьян Донской области, «распространяет среди местного населения, в особенности среди казаков, брошюры противоправительственного содержания» [27, л. 2-а]. Донос этот подал учитель Колодезянской земской школы станицы Митякинской Фёдор Тимощенко, 22-х лет, из казаков Гундоровской станицы, по совету священника Василия Гурбанова, враждовавшего с Плюшкиным. Сообщником последнего был назван крестьянин Галушкин, у которого полиция провела обыск. Ничего запретного при этом не нашли и изъяли только жалобу, написанную на священника, как законоучителя. Вскоре выявилась и личная заинтересованность Тимощенко, заявившего жандармскому ротмистру Крякину, что «ему, Тимощенко, необходимо скорее удалиться из земской школы учителя Плюшкина, который всем строит каверзы и занимает казённую квартиру, которую следовало бы отдать ему, Тимощенко» [27, л. 16 об. — 17]. Впрочем, доносчик

не добился ничего, кроме неприятностей, на которые он жаловался в жандармское управление: «Когда же об этом узнал наш г. инспектор Фёдор Фёдорович Черничкин, то он призвал меня и грозил мне за то, что я сообщил г. ротмистру, четырёхмесячным заключением в тюрьму и при многих учителях называл меня “provokatorom”, а многие из учителей при г. инспекторе говорили “это Азеф” и г. Черничкин ещё добавил: “Как у тебя хватило совести доносить на своего брата учителя”» [27, л. 22 об.]. Начатое дознание прекратили «за негостаточностью улик, собранных против Плюшкина».

Дело из Донского областного жандармского управления об учителе З. Плюшкине. Из фонда ГАРО

В хуторе Поляков Милютинской станицы три жителя пожаловались окружному атаману на учителя приходского училища Юрина и преподавателя гимнастики урядника Арсенова, якобы распространяющих нелегальную литературу и отговаривающих учеников от присяги царю. Хуторской атаман заявил полиции, что «учитель их посёлка Александр Трофимов Юрин принадлежит по убеждению к лагерю крайне левой партии, общество посёлка им недовольно, так как детей он учит плохим нравственным качествам, позволяет в классе говорить с ними противоправительственные речи, дети не стали теперь к родителям и старшим оказывать должное почтение, редко посещают церковь и безобразничают по улицам хутора» [28, л. 13 об.]. В ходе обыска у преподавателя гимнастики не нашли ничего, кроме номера левого, но легального журнала «Жизнь», зато в доме учителя были изъяты револьвер, кинжал

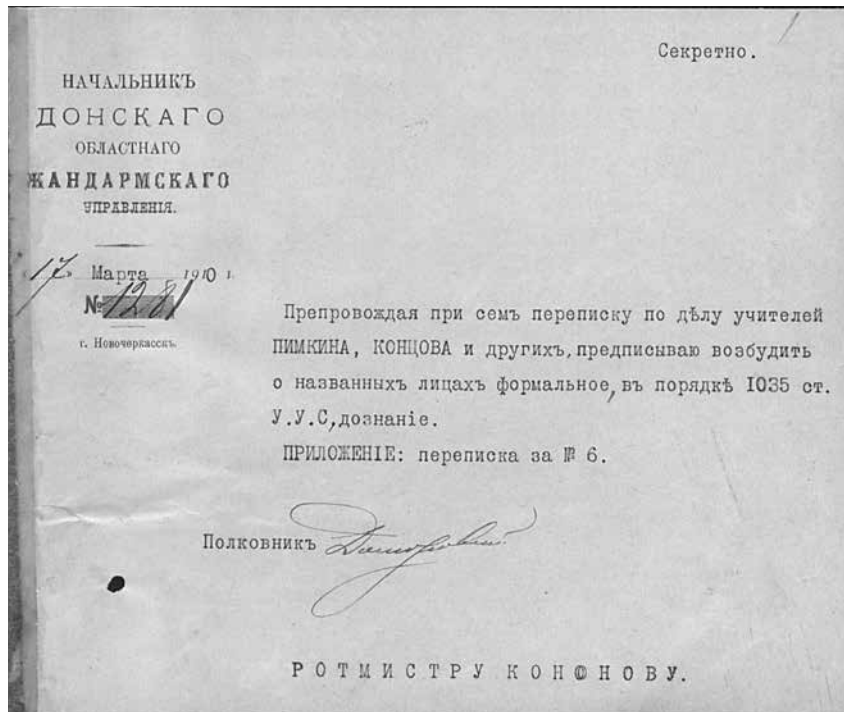

(на которые тот не имел разрешения) и две нелегальные книжки — «За дело», издания эсеров-максималистов, и «О царской власти» с нападками на монархию. Школьный сторож Иван Рябцев показал, что однажды слышал, как учитель читал последнюю книжку молодому казаку Ивану Полякову и тогда же, играя на скрипке, пел песню, начинавшуюся словами «Отречёмся от старого мира». Учитель Юрин, 22-х лет, из казаков Михайловской станицы, был арестован и отправлен в Каменскую тюрьму, а жандармский поручик Нестеровский начал следствие. Юрин отрицал свою вину, утверждая, что донос спровоцирован сторожем Рябцевым, которого он хотел уволить за плохое несение службы. Неприязнь к себе атамана и других хуторян он объяснял тем, что им не нравились его педагогические приёмы (мягкое обращение с учениками, изучение с ними русских песен, отказ от рукоприкладства), а также нежелание участвовать в попойках и кланяться незнакомым людям. Нелегальные книги учитель якобы купил в магазине ещё в 1905 г., хотя изданы они были в 1907 и 1908 гг. Но поручик Нестеровский почему-то удовлетворился объяснением и перешёл к допросу свидетелей. Неожиданно оказалось, что большинство жителей относилось к учителю хорошо. Авторы доноса заявили, что знают его мало, но поверили Рябцеву. Остальные же хуторяне категорически отвергали обвинение и давали о Юрине положительные отзывы, а допрошенные ученики заявили, что учитель «приказывал нам быть почтительным к родителям, ходить в церковь, с охотой идти на службу к Государю Императору» и пел с ними не революционные песни, а «Боже, царя храни» [28, л. 30]. Следовательно ничего не оставалось, как предложить освободить подозреваемого «за негостинностью улик».

Практически одновременно «в почтовом отделении слободы Гуляй-Борисовки Черкасского округа была обнаружена рукопись, содержащая стихотворение, в коем имелись выражения, оскорбительные для особы Государя Императора и на обратной стороне каковой значилось «Посвящается Ф. П. Гурдесову». Полиция выяснила, что у крестьянина Гурдесова «проживал учитель Андрей Марков Базикин, который имел намерение написать какое-то стихотворение Гурдесову и почерк коего имеет сходство с почерком, обнаруженного в почтовом отделении стихотворения» [29]. Учитель Базикин, 41-го года, из азовских мещан, был отправлен в ростовскую тюрьму с назначением залога в 50 рублей (его стихотворение в деле отсутствует).

Настоящий всплеск поиска врагов власти из рядов учителей произошел в 1910 году. Весной с разницей в несколько дней по учебным лагерям четырёх округов прокатились волнения, вызванные тяжёлыми условиями службы и низким авторитетом командного состава. Казаки отказывались выходить на учения, а кое-где избивали наиболее нелюбимых офицеров и громили палатки начальников. Наказной атаман барон Таубе не мог допустить, чтобы практически одновременное выступление казаков произошло без внешнего подстрекательства и в секретном послании начальнику жандармского управления требовал «*раскрытия всей истинной подкладки дела*» с помощью агентуры. В Хопёрском округе подстрекатели были действительно найдены, правда, не жандармами, а военным следствием. Выяснилось, что некоторые казаки, в частности, Дмитрий Тупикин, урядник Иван Орлов и учитель Пётр Фетисов уговаривали призванных на учёбу «*устроить беспорядок и выгнать офицеров из лагеря, а самим разъехаться по домам*» [30, л. 177 об.]. Учитель Фетисов, 24-х лет, из казаков Качалинской станицы, служивший писцом в лагерной канцелярии, был 30 сентября 1910 года приговорён военным судом к бессрочной каторге, хотя доказать, что именно его подстрекательство сыграло решающую роль в волнениях, не удалось.

Иначе сложилась ситуация в 1-м Донском округе. Там отдали под суд 104 казака, но ни один не имел отношения к политической оппозиции. Тогда помощник начальника Донского жандармского управления ротмистр Роговский попытался придумать подстрекателей, обвинив в революционной агитации четырёх человек, включая бывшего учителя, а ныне помощника адвоката Фёдора Лиховозова и учителя Луку Быстрова. В ходе обыска у Лиховозова нашли нелегальную литературу, а у Быстрова «*много рукописей... и в каждой из них дерзко порицаются власти и им тенденциозно приписываются качества с явным намерением возбудить неуважение и враждебное настроение к властям*» [30, л. 18—18 об.]. Ротмистр Роговский тут же доложил начальству, что «*при наличии полученных данных заставляет полагать, что возникшие беспорядки являются результатом работы третьего элемента и что подготовка беспорядков могла иметь свою организацию*» [30, л. 19]. Эта информация настолько встревожила официальный Петербург, что, как сообщил Департамент полиции, сам П. А. Столыпин «*придаёт настоящему делу особо серьёзное значение*» [30, л. 137]. Впрочем, найти какие-то доказательства вины арестованных (кроме показаний лжесвидетеля

Из Дела Донского областного жандармского управления об учителях Пимкине и Концове. Из фонда ГАРО

Якова Черечукина) ротмистру Роговскому [31] так и не удалось и задержанных пришлось освободить.

В Сальском округе волнений на учениях не было, но там случился трагикомический эпизод, раздутый местным начальством чуть ли не до уровня восстания броненосца «Потёмкин». Как известил жандармское управление окружной атаман, «казак пригласительного разряда Атаманской станицы Порфирий Крылов, как дознано в настоящее время, готовившийся к экзамену на должность учителя и вращавшийся в среде учителей Атаманской станицы, с целью возбудить казаков, находящихся в лагере, против начальства, заявил им, что мясо, выдаваемое им к обеду, с червями» [32]. Правда, оказалось, что Крылов, 21 года, не возбуждал казаков, а только заявил жалобу начальству, однако подобный поступок приравнивали к бунту (мясо признали не червивым, а лишь засиженным мухами). Казак был сразу отправлен в окружную тюрьму, в доме у него при обыске изъяли чемодан с «нелегальной» литературой (о декабристах, социализме, политических партиях и т. п.). Узнали, что книжки он получил в подарок от бывшего хуторского учителя Семёна Михайлова, которого часто заменял на уроках. У того тоже устроили обыск, хотя хозяин находился в отъезде. Стали проверять и других учителей, с которыми общался Крылов. Правда, выяснилось, что книги были легальными, и Михайлов

получил их, как приложение к выписываемой газете «Биржевые ведомости». Несмотря на это, дознание продлилось более полугода, назначенный следователем штабс-ротмистр Нестеровский допросил множество свидетелей о поведении Крылова, Михайлова и местных учителей и закрыть дело решился, только обосновав это рядом оговорок (за жалобу казак уже наказан в дисциплинарном порядке, книжки не значатся в списках запрещённой литературы, имелись в единичных экземплярах, для чтения другим Крылов их не давал и т. п.). Подозреваемого оправдали «за неостаточностью улик».

В том же году окружной атаман Хопёрского округа Черкесов [33] получил донос священника Виктора Петровского [34], обвинившего в революционной пропаганде ряд местных жителей, в том числе учителей Пимкина и Концова и трёх преподавателей гимнастики.

У всех провели обыски, но нелегальные брошюры нашли только у преподавателя гимнастики Павла Чиликина, 40 лет, урядника Усть-Бузулукской станицы из хутора Речешный, и учителя Леонида Концова, 22-х лет, казака Усть-Бузулукской станицы из хутора Куличковский. У Чиликина обнаружили ещё и дневник, в котором он допускал резкие высказывания против властей и несения казаками охранной службы. На допросе последний объяснил это следующим образом: «Я не отрицаю, но опять-таки эти

мысли навеяны были текущими событиями — прочитанными в газетах: того повесили, другого сослали, засадили в тюрьму. Точно такая же мысль высказана мною и в записи от 13 декабря 1907 года по поводу предложения в охрану, что чувствовал, то и сказал» [35, л. 23]. Отзывы о нём были разные, но хуторской атаман отметил: «Чиликин в хуторе у нас считается самым умным и развитым, потому что он постоянно читает книги и газеты и своими разговорами о книгах гурно влияет на хуторян, в особенности на молодёжь» [35, л. 24]. Учитель Концов местным начальством и некоторыми жителями также считался неблагонадёжным, тем более, что его брат был повешен за революционную деятельность. Так, 50-летний казак Иван Захаров заявил следователю: «Концов на хуторе у нас служит 2 года и занимается в хуторе развращением молодых казаков, собирает их к себе в училище и читает им разные книги против Царя, Бога и всего нашего правительства и не признаёт нашей православной церкви; надо всем смеётся и называет нас дураками, что мы Богу молимся. Всю эту забастовку учитель устраивает с гимнастёркой вместе. И развратили наш хутор до безобразия. У меня раньше в училище ходил нынешний год мальчик, а его и взял чрез то, что приходит домой и начинает говорить, что Бога и Царя не надо. Я тогда пошёл к учителю, как соседу, и говорю ему, как же так вы учите, что мальчишка мой начинает ни Царя, ни Бога не признавать и говорит, что в пост можно есть скоромное. Учитель и говорит мне, а ты, дурак что ли, знаешь к чему время идёт, что теперь тебе не старина, теперь, сам знаешь, в других землях нету царя и такого дурачьего правительства, как у нас, и то живут, да как ещё живут». Надо сказать, что казак Захаров, не имея возможности расправиться с учителем, отыгрался на своём сыне: «Придя домой, взял кнут и давай своему мальчишке жопу пороть, давать ему забастовку, и перестал его учить, а то, как бы хуже не было» [35, 26—26 об.]. Сам учитель отрицал эти обвинения и утверждал, что читал с молодыми казаками не революционную литературу, а рассказы Чехова и фантастику Жюль Верна. Впрочем, после нескольких месяцев следствия жандармский ротмистр Кононов, который вёл дознание, нашёл, что доказательств непосредственной революционной деятельности подозреваемых недостаточно и закрыл дело.

После 1910 года случаи привлечения учителей за участие в революционной деятельности встречаются редко. В Ростове в 1911 году была арестована «учитель от заработка» Валентина Ермолаева, 29 лет, дочь учителя, сочувствующая

эсерской партии. Она обвинялась в том, что «вела беседы с крестьянами в духе социал-революционной программы», а также имела поручение эсера Богословова «о производстве среди членов местной организации гележных сборов на издание газеты, каковое поручение Ермолаева не могла исполнить только ввиду отсутствия в Ростове организации» [36]. Ермолаеву отправили в ростовскую тюрьму, дальнейшая её судьба неизвестна.

В 1914 году, всего за несколько дней до начала Первой мировой войны, на шахтах и станциях области были разбросаны листовки, призывавшие к поддержке бастовавших петербургских и бакинских рабочих. По обвинению в их распространении задержали в селе Крым Ростовского округа учителя армянского двухклассного училища при церкви св. Сергия Багдасара Мясникова, 28 лет, из мещан г. Нахичевани-на-Дону, который уже подозревался в сочувствии эсерам. Так как, помимо распечатанных листовок, был найден их рукописный оригинал, проводивший дознание ротмистр Лисинский пригласил экспертов (учителей гимназии). Первая экспертиза подтвердила авторство Мясникова, но вторая опровергла его. Поскольку, как отметил следователь, обвинение базировалось прежде всего «на сходстве почерка, каким сделаны его карандашные заметки, с почерком, которым написан черновик означенного воззвания, найденный в вагоне близ ст. Шахтная», Мясников был хоть и не сразу, но освобождён [37]. В годы войны революционная агитация со стороны учителей жандармами не отмечалась.

Обобщая материал, хранящийся в фонде жандармского управления, нельзя не прийти к выводу, что именно народные учителя были наиболее радикальной частью донской интеллигенции. В этом фонде редко встречаются дела на врачей, инженеров, представителей творческих профессий, а учителя гимназий упоминались только, как эксперты изъятых документов. Среди обвиняемых в революционной деятельности большинство составляли молодые люди, не достигшие 25 лет, обычно из трудовых семей, не было ни одного выходца из дворянской или купеческой среды. Вероятно, близость к народным низам в сочетании с полученным образованием и знакомством с социально-политическими теориями сыграла роль в формировании убеждений этих людей. А поскольку Донская область не была наиболее революционной в Российской империи, можно предположить, что подобное явление достаточно характерно и для других её регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 856.
2. Симашкевич Митрофан Васильевич (1845–1933), с 1919 г. — митрополит Донской и Новочеркасский. В 1926 г. примкнул к т. н. «григорианскому расколу» и умер, не примирившись с официальной РПЦ. Тем не менее, 24.11.2004 г. его останки были торжественно перезахоронены в ограде Михайло-Архангельской церкви Новочеркасска (см.: Митрофан (Симашкевич) // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=3131629&oldid=131435882> (дата обращения: 03.07.2023).
3. Прогнаевский Михаил Васильевич (1870–1920), с 1916 г. полковник отдельного корпуса жандармов. Известен как следователь по делу о похищении Казанской иконы. Накануне революции занимал должность председателя военно-цензурной комиссии при штабе Казанского военного округа. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Умер и похоронен в г. Феодосия (см.: Изетов Р. Полковник жандармерии Прогнаевский Михаил Васильевич. URL: https://vk.com/wall647287136_4 (дата обращения: 11.07.2023).
4. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 17. Л. 38.
5. Там же. Д. 858.
6. Там же. Д. 49. Л. 14 об.
7. Кириллов Андрей Александрович (1856–1922), церковный историк, инспектор Донской духовной семинарии, действительный статский советник (См.: Агафонов А. И. Андрей Александрович Кириллов // Донской временник. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. С. 164–168).
8. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 586.
9. Воронков Митрофан Семёнович (1868–?), заведующий приходским училищем в г. Александровск-Грушевский, впоследствии депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы. Состоял в Казачьей группе и Конституционно-демократической фракции. В 1917 г. назначен Временным правительством комиссаром в Донской области. Участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Дальнейшая судьба неизвестна. (см.: Воронков Митрофан Семёнович // Википедия. [2023]. Дата обновления: 30.06.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=7067053&oldid=131362359> (дата обращения: 30.06.2023).
10. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1082. Л. 2 об.
11. Там же. Д. 39.
12. Там же. Д. 67.
13. Там же. Д. 595.
14. Там же. Д. 621.
15. Там же. Д. 613.
16. Карпов Сергей Георгиевич (1864–1909), помощник начальника Донского жандармского управления в Ростовском округе, впоследствии полковник, начальник охранного отделения в Петербурге. Был убит своим агентом учителем А. А. Петровым, связанным с эсеровской партией. (См.: Карпов Сергей Георгиевич // Википедия. [2023]. Дата обновления: 27.04.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=4052304&oldid=130067645> (дата обращения: 11.07.2023).
17. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 88. Л. 15.
18. Там же. Оп. 2. Д. 56.
19. Там же. Оп. 1. Д. 56.
20. Там же. Д. 522.
21. Там же. Д. 637. Л. 24.
22. Там же. Д. 1289. Л. 3.
23. Там же. Д. 928.
24. Там же. Д. 178.
25. Там же. Д. 1121. Л. 54.
26. Там же. Д. 180. Л. 5.
27. Там же. Д. 182.
28. Там же. Д. 988.
29. Там же. Д. 688. Л. 13.
30. Там же. Д. 216.
31. Подробнее о противоправных действиях ротмистра Роговского (см.: Изюмский А. Б. Казачьи волнения на военных сборах // Тринадцатые Константиновские краеведческие чтения. Ростов н/Д., 2021. С. 47–54). Осенью 1918 г. он был расстрелян в Петрограде. (См.: Расстреляны в 1918 году во время красного террора. Возможное место погребения — Петропавловская крепость. По материалам Центра «Возвращённые имена» к тому Книги памяти «Петроградский мартиролог, 1917–1923» // URL: vizz.nlr.ru/img/pages/news/20141030/1918.pdf).
32. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 224. Л. 2.
33. Черкесов Андрей Иванович (1855–?), полковник, окружной атаман Хопёрского округа в 1906–1912. Позже в отставке. В феврале 1918 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и отправлен в Москву, но затем освобождён. Дальнейшая судьба

неизвестна. (См.: Полевая А # Урюпинский музей # лучше дома # музей это интересно # история) URL: https://vk.com/wall360037748_1333 (дата обращения: 11.07.2023).

34. Петровский Виктор Николаевич (1877 – ?), священник, служил в Воронежской епархии, в 1901 переведен в Донскую епархию. С 1902 г. состоял священником Христорожественской церкви

Усть-Бузулукской станицы, с 1913-го – Троицкой церкви Алексеевской станицы (См.: Духовенство области войска Донского : [сайт]. URL: [view-source:http://duhovenstvovd.ru/etrovskie1.html](http://duhovenstvovd.ru/etrovskie1.html) (дата обращения: 11.07.2023).

35. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 222.
36. Там же. Д. 737. Л. 34 – 34 об.
37. Там же. Д. 774. Л. 28.

С. П. ЧИБИСОВА

МАРИИНСКИЙ ДОНСКОЙ ИНСТИТУТ В 1917–1919 ГОДАХ

(по материалам ГАРО)

В 1853 году, в год столетия со дня рождения основателя города легендарного М. И. Платова, в Новочеркасске было открыто первое женское среднее учебное заведение – Мариинский Донской институт благородных девиц. Покровительницей института стала императрица Александра Фёдоровна, непосредственное попечение о нём приняла на себя августейшая атаманша, цесаревна Мария Александровна. В честь неё институт получил наименование Мариинский, а домовый храм при институте освятили в честь небесной покровительницы цесаревны – святой равноапостольной Марии Магдалины. Неслучайно и само торжество открытия института произошло именно 22 июля – в день памяти этой святой.

Первоначально в институт принимались только дочери потомственных дворян. Совет института возглавлял донской наказной атаман, институтом управляла назначенная высочайшим повелением начальница. По штату комплект воспитанниц был определён в 150 девиц. Они делились на казённокоштных и своекоштных¹, преимущество при поступлении на казённые вакансии и благотворительные стипендии получали сироты. Александровские реформы 2-й половины XIX века сказались на социальном составе института. С середины 1860-х годов для обучения в нём были допущены дочери купцов, торговых казаков и личных дворян (офицеров и чиновников). Сначала все институтки были пансионерками, но с конца XIX в. часть воспитанниц стали приходящими.

В Донском институте было 8 классов, в каждом классе находилось до сорока учениц. Учебные программы, близкие к гимназическим, отличались преподаванием музыки, пения, танцев, игры на рояле и методикой обучения иностранным языкам: французскому и немецкому, на которых успешные выпускницы могли свободно изъясняться. Особое внимание уделялось религиозному и нравственному воспитанию девиц. Настоятель институтской церкви одновременно преподавал воспитанницам Закон Божий и состоял их духовником.

Созданный под Высочайшим покровительством Мариинский Донской институт многократно посещался царской семьёй и членами Дома Романовых. В мае 1887 года царская семья участвовала в закладке нового здания института, построенного в 1891 году и сохранившегося до наших дней. Обучение в институте было престижным, и многие жители Дона старались определить в него своих дочерей. Количество воспитанниц постоянно росло, достигнув к 1 января 1917 года 322 девицы [1].

После Февральской революции 1917 года Временное правительство упразднило Ведомство императрицы Марии. Донской институт, в числе других подобных учреждений, перешёл в управление Министерства государственного призрения [2].

Одновременно с представительством Временного правительства на Дону был созван Войсковой круг и проведены выборы войскового атамана.

Светлана Павловна Чибисова, историк, заведующая отделом «Атаманский дворец» Новочеркасского музея истории донского казачества. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.)

¹ Казённокоштный студент – студент, находившийся на полном содержании государства (в отличие от своекоштного – живущего на свой счёт). – БСЭ.

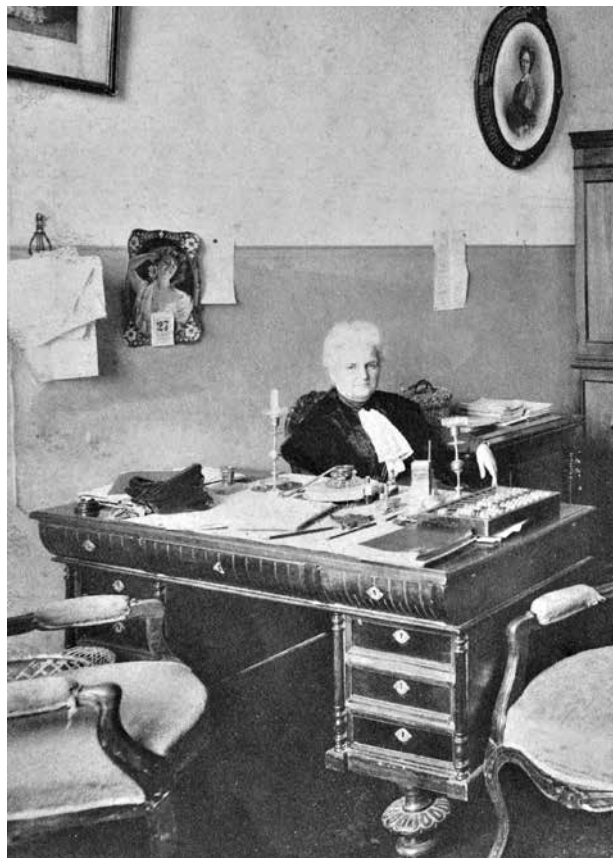

*Мариинский Донской институт. Новочеркасск, начало XX в.
(РГИА. Ф. 759. Оп. 91. Д. 24. Л. 11)*

В учебном отношении институт состоял в ведении образовательных структур Донского войскового правительства и Министерства народного просвещения, в административно-хозяйственном плане он подчинялся Министерству государственного призрения. Получая по-прежнему финансирование из центра, институт управлялся, как и раньше, коллегиальным органом — Советом института.

Начавшийся процесс революционного переустройства общественной жизни привёл к изменению состава Совета в сторону его расширения и демократизации. Председателем Совета стал выборный войсковой атаман Донской области, членами Совета по должности остались, как и раньше, предводитель донского дворянства, начальница, инспектор классов, член по хозяйственной части. Новшеством стало введение в состав Совета института представителей от родительского комитета и учебно-воспитательного персонала, причём, в количестве, превышающем число членов Совета, входящих в него по должности. Теперь коллегиальному обсуждению и принятию решений в Совете подлежали не только учебно-воспитательные, но и административно-хозяйственные вопросы. Однако, кроме большей гласности о ходе текущих дел, порядок управления повседневной жизнью института изменился мало.

Во главе института оставалась начальница, обладавшая всей полнотой административной власти.

*Надзирательница Мариинской женской гимназии
В. Ф. Викгорст. 1915 г. Саратов. Фото из фонда
Саратовского областного музея краеведения
(СОМК, КП-55775/19)*

Этот пост с 17 марта 1916 года занимала вдова подполковника Вера Фёдоровна Викгорст (1867 – 1945), происходившая из дворянской лютеранской семьи. Опытный педагог, она была переведена в Новочеркасск после десяти лет руководства Мариинской женской гимназией в Саратове [3, л. 6].

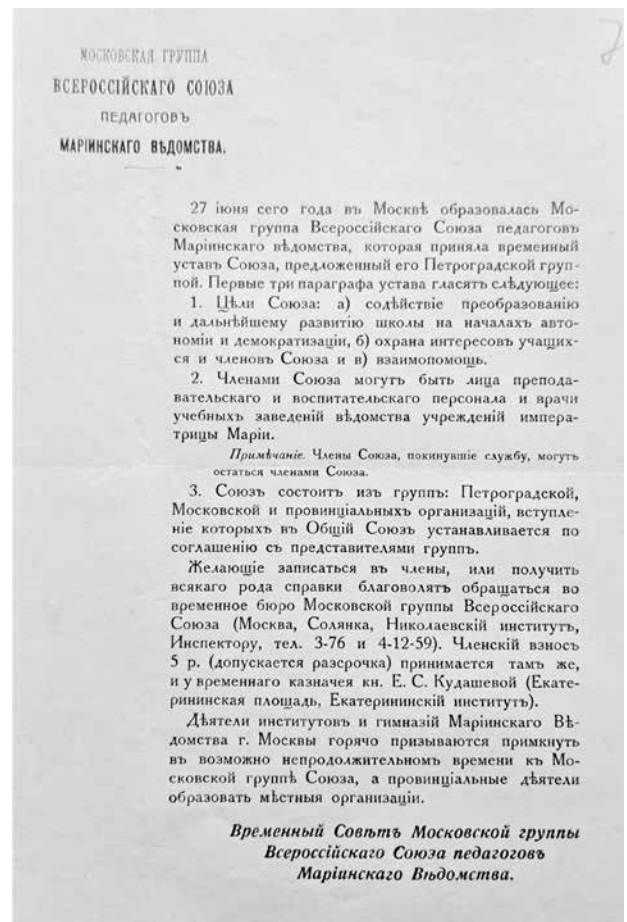
Её отец – генерал-лейтенант Фёдор Фёдорович Мец (1842 – 1914), военный инженер, был начальником Московской Брестской железной дороги. Муж – Лев Александрович Викгорст (р. 1860) был военным, как и трое их сыновей. На 1917 год один из сыновей-офицеров был убит на германском фронте, другой, награждённый золотым оружием, пропал в бою без вести. Дочь Елизавета Львовна, сестра милосердия военного времени, проживала с матерью в Новочеркасске.

Результатом общественного подъёма 1917 года стало возникновение разнообразных общественных организаций, в том числе был организован Всероссийский союз педагогов учреждений Мариинского ведомства. В своём воззвании «К педагогам Мариинского ведомства» инициаторы из Петрограда призывали коллег к активности: *«Россия вступила в эру великих реформ. Неумолимая необходимость требует, чтобы каждый отдал себе ясный отчёт в том деле, которому он служил до сих пор, чтобы каждый принял участие в строительстве новых начал будущей жизни. Школа призвана сыграть большую и почётную роль в перерождении России. А для этого, раньше, сама школа должна преобразоваться коренным образом. Если педагоги не возьмут в свои руки дело преобразования, оно попадёт во власть новой бюрократии и сил безответственных, быть может, чуждых задачам воспитания и образования, и реформа примет катастрофический характер. Самое существование школы, а с нею и вообще культуры в нашем отечестве окажется под сомнением. Да не будет этого! Педагоги должны выйти из привычного футляра и взяться за дело преобразования со всей полнотой энергии»* [4, л. 10].

27 июня 1917 года образовалась Московская группа Всероссийского союза педагогов Мариинского ведомства, которая приняла временный устав Союза, предложенный Петроградской группой. Цели Союза провозглашались следующие: содействие преобразованию и дальнейшему развитию школы на началах автономии и демократизации; охрана интересов учащихся и членов Союза; взаимопомощь. Столичные группы призывали провинциальных педагогов скорее образовать местные организации и присоединиться к Союзу, центр которого находился

в Петрограде в Училище ордена св. Екатерины на Фонтанке, 36 [4, л. 7].

В октябре 1917 года была создана Донская группа Всероссийского союза педагогов учреждений Мариинского ведомства, имевшая свой Устав. В ноябре Министерством государственного призрения был созван Всероссийский съезд представителей учебно-воспитательного персонала Ведомства учреждений императрицы Марии, на который командировали в качестве делегата от института преподавателя географии Бориса Ефимовича Волкова [4, л. 23].

Листовка Московской группы Всероссийского союза педагогов Мариинского ведомства. 1917 г. (ГАРО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.)

С декабря 1917-го по апрель 1918-го Новочеркасск находился в эпицентре боевых действий Гражданской войны. Большая часть воспитанниц была распущена по домам, в институте оставались только сироты, которым некуда было деваться. Часть помещений института заняли под постой войска, что нанесло имуществу и обстановке значительный урон.

С установлением на Дону в мае 1918 года власти правительства Всевеликого войска

Донского (ВВД) Мариинский Донской институт, как и другие учебные заведения, перешёл в непосредственное подчинение Отдела народного просвещения ВВД. Но, и на этот раз в институте сохранились особенности управления, то есть Совет института в прежнем виде, возглавляемый лично выборным войсковым атаманом. Сторонники более глубокой демократизации в течение нескольких месяцев ставили на разных уровнях вопрос об автономии института «в смысле предоставления педагогическому совету права самостоятельно путём выборов пополнять свой состав, избирать все органы управления школой и руководить жизнью института в пределах норм, установленных законодательным порядком». Окончательное решение приняли на учебно-воспитательной конференции 26 мая 1918 года после обмена мнениями, большинством 24-х голосов против 13-ти «введение автономии в институте было признано нежелательным».

Вторым вопросом обсуждалась возможность «каких-либо изменений в форме управления институтом». В результате, признали желательным «сохранение прежних органов управления, т. е. Совета, учебной конференции и воспитательной конференции, причём Совета в том составе, какой он имел в течение 1917-го и начала 1918 года, т. е. с участием в нём представителей учебной конференции, воспитательной конференции и родительского комитета». Подавляющим большинством голосов (32 против 2-х) конференция постановила ходатайствовать перед правительством об утверждении в законодательном порядке состава Совета института из двенадцати человек: представителя правительства, начальницы института, инспектора классов, члена совета по хозяйственной части, предводителя дворянства или представителя иной общественной организации, двух представителей от учебной конференции, двух представителей от воспитательной конференции и трёх представителей от родительского комитета.

В Мариинском Донском институте на январь 1919 года в десяти классах состояло 377 учащихся. Обучали воспитанниц 26 преподавателей [4, л. 15].

Обеспечение жизнедеятельности института в условиях Гражданской войны составляло труднейшую задачу и требовало от руководства напряжения всех сил.

На 10 января 1919 года на довольствии в институте состояло: воспитанниц — 244, пепиньер [выпускниц, оставленных при институте для педагогической практики. — С. Ч.] — 6, пользующихся столом — 5, приходящих — 6,

служащих — 37, прислуги — 83, а всего — 381 человек [5, л. 33]. При этом, за январь 1919 г. «стоимость пищевого довольствия в день 1-й воспитанницы составила в среднем 3 р. 80 к., 1-й прислуги в среднем — 2 р. 50 к., на отопление за тот же период было израсходовано угля — 4640 пудов, кизяка — 2340 штук» [5, л. 32]. Начальнице В. Ф. Викгорст ежедневно нужно было решать, чем кормить и во что одеть воспитанниц, каким образом обеспечить текущий ремонт и отопление здания института. Своевременная доставка угля с Грушевских рудников часто была невозможна из-за отсутствия транспорта или идущих боевых действий. Для поддержания приемлемой температуры в здании требовалась ежемесячно одна тысяча пудов каменного угля, которую приходилось доставать «заимобразно», при личном содействии донского атамана [5, л. 20, 36].

В протоколе заседания Совета института от 14 марта 1919 года подробно описывалась непростая ситуация в хозяйстве: «Начальница института заявила, что письменный ответ на ходатайство института о срочном открытии кредита в 230 388 р. на содержание воспитанниц и отопление зданий до сего времени от Отдела народного просвещения ВВД не последовал, несмотря на то, что ходатайство это было возбуждено ещё 2 марта с. г., ... и лишь 13 марта тов. Управляющего Отделом народного просвещения А. П. Петров лично передал эконому института В. Н. Герцогу, что для сей цели ассигновано Советом управляющих 30 000 р. на 6 месяцев, т. е. по 5000 р. в месяц. При обсуждении сего заявления Совет отметил настоятельную потребность в денежных средствах как для питания и лечения воспитанниц, так и на покупку угля для отопления зданий, полное отсутствие денег в кассе, а также невозможность, по-видимому, для Отдела народного просвещения исходатайствовать открытие институту для сего кредитов в потребном размере и совершенную неадекватность для сего открытого в спешном порядке кредита (по 6190 р. на месяц) и дополнительного ныне открытого в 5000 р. на месяц ... а, главное, отказ поставщиков отпускать продукты для питания до уплаты за ранее поставленные продукты. В виду изложенных мотивов Совет постановил просить начальницу института лично ходатайствовать перед вр. и. д. донского атамана — председателем Совета управляющих отделами об экстренном открытии кредита на указанную надобность в потребном размере, предварительно предупредив о таком ходатайстве управляющего Отделом народного

просвещения, а также ходатайствовать перед ним же о распоряжении Управлению военных инженеров ВВД об отпуске институту заимозаменяемо угля» [6, л. 3].

Значительный ущерб нанёс институту постройкой войск, что потребовало затрат на ремонт шкафов, парт и дверей на сумму 1375 рублей. В апреле — августе 1918 года, когда была повреждена институтская мебель, в здании института, по утверждению Совета, «квартировали следующие воинские части: гроздовцы, корниловцы, 10-й и 27-й казачьи полки» [7, л. 3]. Переписка с целью получения компенсации заняла почти весь 1919 год, в результате 5 октября был получен отказ в возмещении расходов от главного военного контролёра тылового района Донской армии по причине не представления Советом Мариинского Донского института «в подтверждение своей претензии никаких документов, как то: удостоверений о времени занятия института воинскими частями, актов осмотра инвентаря до и после ухода войск, подлинных счетов лиц, которым произведены были уплаты за ремонт мебели и т. п.» [7, л. 2].

В виду необходимости принять чрезвычайные меры для борьбы с сыпным тифом донской атаман, генерал от кавалерии П. Н. Краснов отдал приказ со 2 февраля 1919 года определить все учебные заведения «в распоряжение Военно-санитарного инспектора, переместив Смольный институт в Мариинский институт, передав тех институток Мариинского института, которые имеют в Новочеркасске родителей — по домам...» [5, л. 87].

В связи с этим Совету института 13 февраля пришлось обратиться в продовольственный отдел Новочеркасской городской управы с настоятельной просьбой «увеличить ежедневный отпуск хлеба Донскому Мариинскому институту на 180 лотков» [5, л. 19]. Смольному институту, эвакуированному из Петрограда в Новочеркасск ещё в октябре 1917 года, выделили целый этаж; оба института сохранили отдельное управление и педсостав, но большая часть хозяйственных проблем легла на руководство Донского института.

На конец марта 1919 года Совет института сообщал следующие данные о составе воспитанниц: «1) в институте ныне (за исключением окончивших в сем году) состоит 322 учениц[ы], из коих 282 донских казачек и 40 иногородних (иных казачек нет) и из этих 322 учениц — 210 пансионерок и 112 приходящих учениц; 2) из 210 пансионерок — 11 детей военных, убитых в войне с большевиками, 63 — детей лиц ныне находящихся на фронте в борьбе с большевиками,

51 — детей лиц, погибших в Европейской войне, 27 — детей лиц, участвовавших в Европейской войне, а ныне не участвующих в войне с большевиками по инвалидности и т. п. причинам, 11 воспитанниц имеют братьев, находящихся ныне на фронте, не имея родителей, участвовавших в войнах, и 17 круглых сирот; из остальных 30 пансионерок — 12 детей военных, находящихся ныне в штабах, а не на фронте и 8 детей, родители коих неизвестно живы или нет; 3) из 112 приходящих учениц — 34 детей лиц, находящихся ныне на фронте в борьбе с большевиками, 5 детей лиц, убитых в Европейской войне, 12 детей лиц, участвовавших в Европейской войне, и 6 сирот. Из 40 иногородних большинство приходящих, а пансионерки почти все дети лиц, убитых на войне или ныне находящихся на фронте Всевеликого войска Донского» [5, л. 38].

Для восполнения дефицита продуктов питания, в марте 1919 года начальница института предложила организовать трудовую дружину из воспитанниц института для выполнения огородных работ. Совет постановил просить Отдел народного просвещения о разрешении организовать трудовую дружину из воспитанниц по огородным работам и о ходатайстве пред интендантом ВВД «об отпуске институту потребных для сего огородничьих инструментов или же о специальном ассигновании институту для приобретения таких инструментов 4000 р. [6, л. 4].

В обоснование своей просьбы Совет Мариинского Донского института уведомлял руководство, «что: 1/ для устройства огорода во дворе института имеется до 500 кв. саженей земли; 2/ для огородных работ требуется лопат железных 20, мотыг 10, граблей железных 10, поливальников 10, вёдер 10 и вилок малых для рыхления земли 10 шт.; 3/ предполагается посеять морковь, петрушку, пастернак и бурлак, а также посадить картофель, помидоры и лук; 4/ семена предполагается получить от местного сельскохозяйственного общества или приобрести в Ростове-на-Дону в садовом заведении Фалина и 5/ урожай предполагается обратить в пользу института для стола воспитанниц» [5, л. 61]. С 1 мая огородная дружина приступила к работе в составе 45 человек [5, л. 64].

Зимой 1919 года при институте была сформирована также техническая дружина, куда приглашались «бывшие и нынешние» воспитанницы для шитья одежды партизанскому отряду генерала Э. Ф. Семилетова и для изготовления бинтов на нужды лазаретов.

Согласно отчёта от 5 июня 1919 года, представленного Советом института в Бюро

трудовых дружин учащихся г. Новочеркаска, начиная с 1 февраля в технической дружине (по шитью) работали 111 воспитанниц, кроме персонала; за 4 месяца «было сшито 200 мешков и около 100 рубах для партизан отряда генерала Семилетова, перешито из 750 угольных мешков 155 матрасов; воспитанницами младшего возраста приготовлено 20 тысяч аршин бинтов для 1-го Донского лазарета и выщипано много корпии» [5, л. 64].

С 1 мая по день эвакуации из Новочеркаска в конце августа 1919 года в здании института был размещён войсковой лазарет № 14 на 120 человек, где служили сёстрами милосердия классные дамы Л. Штубендорф, В. Дагедль и З. Старооскольская. Также в резерве военного санитарного управления состояли воспитанницы института сёстры милосердия Денисова, Зоя Ежова и Карташёва [5, л. 174].

С момента открытия лазарета при институте шла непрерывная работа для его обеспечения всем необходимым, учесть которую было «очень трудно», примерно за месяц технической дружиной было «сшито 120 матрасов, столько же починено халатов, до 60 заштопано одеял, сшито много наволочек» [5, л. 64].

С 13 марта 1919 года при Мариинском Донском институте были открыты бесплатные шестинедельные курсы для подготовки сестёр милосердия. Предполагалось принять 130 слушательниц из окончивших в текущем году Мариинский, Смольный институты и другие учебные заведения. На курсы принимались лица не моложе 17 лет и имеющие при том среднее образование не менее 4-х классов. Занятия проходили по расписанию в актовом зале Донского института и в помещении ветеринарного института. Совершеннолетние слушательницы должны были дать подписку о беспрекословном подчинении по окончании курсов законным распоряжениям начальства, а несовершеннолетние — согласие на это родителей или опекунов. Запись на курсы производилась в лечебнице Общества донских врачей у доктора Сударкина ежедневно от 11 до 13 часов [5, л. 51].

Совет Мариинского Донского института 2 апреля 1919 года уведомил Отдел народного просвещения ВВД, что всего поступивших на курсы сестёр милосердия при институте — 61, из них 49 воспитанниц института и 12 лиц из учебно-воспитательного персонала [5, л. 52].

Среди преподавателей находились настоящие светила науки, например, профессор Юрьевского ветеринарного института Б. К. Гревинг (1879—1933), читавший «такие важные предметы, как фармакология и фармация» [5, л. 56].

Персонал института и учащиеся¹ оказывали помощь Донской армии. Так, один из циркуляров правительства ВВД за 1919 год предписывал делать 3% отчисление из содержания служебного персонала «для нуждающихся больных и раненых воинов Донской армии». Эти средства передавались супруге донского атамана для дальнейшего распоряжения. Например, 16 апреля 1919 года пожертвованные таким образом служащими института 2810 руб. 80 коп. были переданы Надежде Васильевне Богаевской [5, л. 60]. Пятьдесят воспитанниц института также приняли участие в сборе пасхальных подарков для Донской армии и раненых [5, л. 40].

В июне 1919 года правительство ВВД приняло решение о разработке плана эвакуации города Новочеркаска на случай такой необходимости. Была создана городская комиссия, в которую вошёл инспектор классов Новочеркасского реального училища Г. Смирнов, назначенный заведующим отделом эвакуации по Отделу народного просвещения. С 19 июня началась его активная переписка по этому вопросу с начальницей Мариинского Донского института. Эвакуация имела своей целью «сохранить ценности, имеющие военное, экономическое и культурное значение, а также сохранить служебный персонал, необходимый для правильного функционирования учреждения». В инструкциях подчёркивалось, что «разработка плана эвакуации есть работа теоретического характера, вызвана она не той или иной обстановкой на фронте, а исключительно необходимостью, при всякой боевой обстановке иметь всегда готовый и подробно разработанный план эвакуации» [8, л. 25].

Весь план эвакуации, согласно инструкции, распался на две части: максимум и минимум. Под максимумом подразумевался тот план эвакуации, при котором намечалось к вывозу наибольшее количество ценного и самого необходимого казённого груза, а также и наибольшее число лиц служебного персонала, обслуживавшего данное учреждение. Под минимумом, соответственно, минимально необходимое количество как имущества, так и людей. Необходимо

¹ В конце статьи опубликованы три Приложения: «Список преподавателей Мариинского Донского института на 1 января 1919 г.», «Ведомость о личном составе Мариинского Донского института /на ноябрь 1919 г.» из фонда ГАРО и «Список выехавших в эмиграцию воспитанниц Мариинского Донского института в декабре 1919 г.», составленный С. П. Чибисовой по разным источникам.

было также продумать последовательность работ подготовки эвакуации по дням. План эвакуации предполагалось разработать в кратчайший срок и не позднее 29 июня 1919 года. В результате начальница института В. Ф. Викгорст представила требуемую информацию, сведённую в «Ведомость казённого груза, подлежащего эвакуации в Мариинском Донском институте» [8, л. 28].

	Наименование груза	Вес в пудах	
		максимум	минимум
1.	Церковная утварь	25	10
2.	Книги учебные и библиотечные	600	300
3.	Географические, исторические и естественно-исторические карты	50	20
4.	Музыкальные инструменты (рояли и пианино)	780	150
5.	Одежда и белье воспитанниц	450	225
6.	Постельные принадлежности	135	70
7.	Кровати	500	250
8.	Кухонная и столовая посуда, скатерти, салфетки, ножи и вилки...	500	250
9.	Мебель (стулья)	40	20
10.	Дела канцелярии и денежные книги	100	50
	Итого:	3180	1345

Для эвакуации имущества вместе с частным багажом персонала требовалось 148 подвод (минимум — 66), считая по норме 30 пудов груза на одну подводку. Для эвакуации 425 человек (300 воспитанниц, 60 прислуги, 62 служебного персонала и 3-х членов семейств) требовалось 16 вагонов и 10 дней на сборы. В минимальном варианте для эвакуации 214 человек (150 воспитанниц, 30 прислуги, 31 служебного персонала и 3-х членов семейств) нужны были 8 вагонов и неделя на сборы. Потребные денежные средства обозначались соответственно в 53 937 руб. 87 коп. и в 27 000 руб. [8, л. 29]. Назначенные к эвакуации лица служебного персонала были обязаны выехать, независимо от их желания. Каждое служебное лицо имело право взять с собой членов семьи, находящихся на его иждивении, и не более десяти пудов принадлежавшего ему и его семье имущества [8, л. 32].

В августе объявили набор воспитанниц на 1919/1920 учебный год. Своекоштные

воспитанницы могли быть приняты как принимающие за плату 500 руб. в год. Полу-пансионеры, при нахождении в институте с 9 часов утра до 8 часов вечера, должны были платить 2000 руб. в год. Полные пансионеры, проживая в институте, получая стол, одежду и книги, оплачивали 3000 руб. в год [5, л. 126 об.] Плата за обучение музыке была повышена постановлением Совета института от 7 сентября 1919 года с 130 руб. до 250 руб. в год с каждой обучающейся музыке [3, л. 34]. Услуги фирмы Е. З. Петрова по ремонту и настройке роялей и пианино институту обходились недёшево, эта сумма составляла 10 000 руб. в год и была включена в годовую плату учащихся [3, л. 35].

Еще 23 июня 1919 года, готовясь к приёму воспитанниц, Совет Мариинского Донского института обратился в Отдел торговли и промышленности ВВД с просьбой изготовить для воспитанниц института 610 пар бумажных чулок «согласно прилагаемым образцам» [5, л. 107]. В то же время Совет уведомлял Отдел народного просвещения ВВД об имеющихся в институте «к началу наступающего учебного года свободных вакансиях: войсковых дворянских — 5; царских — 2; благотворительных стипендий — 1; Романовских — 1; своекоштных — 37» [5, л. 110].

В августе — сентябре после ухода лазарета № 14 и к предстоящему съезду воспитанниц к началу занятий, здание института усиленно ремонтировалось. Приводился в полный порядок весь инвентарь, кроме того, велись активно зимние заготовки топлива и продуктов [5, л. 155]. Отдел продовольствия ВВД выделил для института 400 пудов пшеничной муки [5, л. 164]. За этот период для ремонта кровли и сточных труб зданий Отделом торговли и промышленности ВВД институту было отпущено в общей сложности 240 пудов кровельного железа [5, л. 116].

Приёмные испытания в институте в 1919 году были назначены на 23 сентября, с 9 часов; переэкзаменовки — на 28 сентября; съезд воспитанниц — на 27 сентября; молебен перед началом занятий — 1 октября; начало учёбы — 2 октября [5, л. 136].

25 октября 1919 года донским атаманом генерал-лейтенантом А. П. Богаевским был утверждён «Устав женских институтов, находящихся на земле Всевеликого войска Донского». В уставе говорилось, что «институты существуют для распространения женского воспитания и образования, основанного на религиозно-нравственных и здоровых гражданских началах, в частности же для более полного и совершенного усвоения новых языков. Общая цель воспитания девиц в институте заключается в

приготовлении их к добросовестному и строгому исполнению предстоящих им обязанностей, дабы они могли быть хорошими гражданами, добрыми жёнами и матерями семейств и хорошими воспитательницами детей. Институты являются всесловными полуоткрытыми учебными заведениями; в них принимаются девицы не только на полное содержание, но и полу-пансионерками и приходящими ученицами. Воспитанницы состоят в институтах или на бесплатном содержании, или за установленную плату. Общий комплект воспитанниц определяется штатом» [6, л. 7–8]. С введением нового устава был установлен традиционный, или «нормальный счёт классов» – от меньшего к большему.

Согласно новому уставу, система организации и функционирования института несколько изменилась. Главное управление было поручено Управляющему Отделом народного просвещения. Прежний Совет института был ликвидирован, упразднена должность члена по хозяйственной части, а на базе учебной конференции был сформирован Педагогический совет. Непосредственно учебное заведение возглавлялось, как и раньше, начальницей. Но теперь её избирал Педагогический совет из лиц, имеющих высшее педагогическое образование, известных своей педагогической опытностью и с педагогической службой не менее пяти лет, с последующим утверждением в должности Управляющим Отделом народного просвещения. Прежние обязанности и власть начальницы по управлению институтом остались фактически без изменений. Ответственность её даже возросла, поскольку теперь она возглавляла не только учебно-воспитательную, но и хозяйственную часть.

Педагогический совет собирался один раз в месяц и состоял, под председательством заведующего учебной частью, из начальницы, всех без исключения лиц учебно-воспитательного персонала, врача и представителей родительского комитета в количестве, не превышающем 1/3 учебно-воспитательного персонала. Ведению Педагогического совета «подлежали: 1) вся учебно-воспитательная часть учебного заведения, а равно изыскание и проведение всех мер, клонящихся к её улучшению и расширению в пределах, установленных законоположений; 2) выбор двух представителей в хозяйственный комитет на срок в один год; 3) ежегодное составление кандидатских списков на должности начальствующих лиц; 4) переработка общих положений, регулирующих внутренний распорядок институтской жизни; 5) выработка мер для поддержания дисциплины среди учащихся;

6) переработка программ, преподаваемых предметов и изыскание мер к наилучшей постановке обучения и воспитания; 7) выработка мероприятий для развития самостоятельности учащихся и их организаций; 8) изыскание мер для надлежащей постановки физического воспитания; 9) приём и увольнение учащихся, перевод из класса в класс и присуждение им свидетельств, аттестатов и наград при окончании курса; 10) избрание комиссий воспитательской, предметных, классных, библиотечной и членов в Родительский комитет; 11) определение личного состава и выработка инструкций избранным комиссиям; 12) распределение уроков между преподающими; 13) утверждение времени испытаний и избрание членов испытательных комиссий; 14) утверждение списка учебников, пособий, выпуска книг для библиотек и приобретение предметов для учебно-вспомогательных кабинетов; 15) избрание из своей среды секретаря, библиотекаря и заведующих кабинетами; 16) назначение стипендий учащимся, когда эти стипендии состоят в непосредственном распоряжении института; 17) рассмотрение годовой сметы и отчёта; 18) освобождение учащихся от платы за право учения; 19) установление размера этой платы; 20) определение числа письменных работ и вознаграждение за них из специальных средств; 21) прием воспитанниц в дополнительные и специальные классы; 22) обсуждение вопросов, связанных с открытием параллельных отделений и новых классов» [6, л. 9]. Также был сформирован хозяйственный комитет под председательством начальницы, состоящий из эконома, заведующего учебной частью и включающий по одному представителю от учебного, воспитательского персонала и Родительского комитета, избираемых сроком на один год. Хозяйственный комитет заведовал денежными суммами и всем имуществом института; распоряжался доходами и расходами на основании установленных правил и особой инструкции; осуществлял надзор за содержанием здания, помещений и имущества института, своевременностью и правильностью заготовок и поставок, назначением и производством торгов и подрядов, ежемесячно проверял операции эконома. Хозяйственный комитет рассматривал и утверждал образцы материалов для белья и одежды воспитанниц, а равно обуви их и всех положенных для них вещей, согласно нормальной табели.

В результате проведённых реформ управления института в 1917–1919 годах появилась возможность для влияния родителей на жизнь института.

Общее родительское собрание состоялось в институте 27 октября 1919 года: присутствовало 60 человек из 129 родителей воспитанниц института, находившихся в это время в г. Новочеркасске. В этот день прошли выборы членов Родительского комитета по классам. Председателем Родительского комитета был избран генерал-лейтенант Чеботарёв, «товарищем председателя — контр-адмирал Кононов, секретарём — полковник Андреев, которые имели высший образовательный ценз, а второй товарищ председателя — Вера Андреевна Лютенскова имела средний образовательный ценз» [3, л. 54].

На следующем собрании родителей 13 декабря 1919 года были избраны «представители от Родительского комитета в Педагогический комитет института: от 1 класса — г-жа Куликова, от 2 класса — адмирал Кононов, от 3 класса — г-жа Давыдова, от 4 класса — г-жа Формаж, от 5 класса — г-н Алексеевцев, от 6 класса — г-жа Гиляревская, от 7 класса — г-жа Лютенскова, от 8 класса — г-жа Грекова. В Хозяйственный комитет были избраны: генерал Соколов, кандидатом адмирал Кононов. Казначеем Родительского комитета избрана г-жа Гиляревская» [6, л. 2].

В конце декабря дела на фронтах Гражданской войны сложились не в пользу белых армий, которые должны были оставить территорию Донской области.

Начальница института В. Ф. Викгорст сумела организовать эвакуацию воспитанниц, выпросив несколько вагонов у атамана А. П. Богаевского в его личном поезде. Из Новочеркаска во главе с начальницей выехали около пятидесяти воспитанниц, две классные дамы Е. Л. Кандаурова и Н. В. Шефферлинг, эконоом В. Н. Герцог, члены семейств этих служащих и, вероятно, кто-то из прислуги. Беженцы проследовали через Екатеринодар в Новороссийск, где провели около месяца. Здесь В. Ф. Викгорст удалось выхлопотать у представителя Сербского королевства М. Ненадича разрешение сербского правительства на эвакуацию института, как учебного заведения, в Сербию. Имея визы в Сербию транзитом через Болгарию, Донской институт в конце февраля погрузился на пароход «Афон» для отплытия в Варну. 4 марта 1920 года институт прибыл поездом из Варны в Белград, где их встретил русский посланник В. Н. Штрандман [9], официальный представитель правительства адмирала Колчака в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Донской институт был направлен

в сербский городок Белая Церковь на границе с Румынией, где продолжил свою деятельность.

О Вере Фёдоровне Викгорст, возглавлявшей институт в годы Гражданской войны, написал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский), с сентября 1920 года преподававший Закон Божий в Донском институте в Белой Церкви: «Начальница В. Ф. Викгорст, которую девочки звали “маменькой”, любила детей, была добра и заботлива... Заслуга её большая: она успела вывезти детей из ага...» [10]. В. Ф. Викгорст скончалась в кругу своей семьи в Белграде в 1945 году и была похоронена на русском участке городского кладбища, где по сей день сохраняется её могила.

История Мариинского Донского института продолжалась на сербской земле до марта 1941 года, когда по приказу германских оккупационных властей, он был закрыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. 386. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
2. Савчук Г. В. История Мариинского Донского института // Донской временник. Год 2003-й / Донская гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2002. С. 78.
3. ГАРО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 11.
4. Там же. Д. 2.
5. Там же. Д. 5.
6. Там же. Д. 3.
7. Там же. Д. 10.
8. Там же. Д. 1.
9. ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 387. Л. 1.
10. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Париж. 1947. С. 234.

Приложение I.

Список преподавателей Мариинского Донского института на 1 января 1919 г.¹

1. Член Совета по Учебной части и инспектор классов, действительный статский советник Михаил Александрович Павловский, 1851 г. р., окончил Санкт-Петербургский университет (1872) и Ахенский политехнический институт (1875) в Германии, в учебной службе с 1875 г., принят на службу в Ведомство императрицы Марии и назначен на настоящую должность с 17.09.1915, преподаватель естественной истории в Белгородском реальном училище (с 1.07.1875), инспектор Белгородского реального училища (с 1.08.1886), директор Белгородского

¹ ГАРО. Ф. 363. Оп.1. Д. 2. Л. 15.

реального училища и управляющий женской гимназии (с 11.09.1896), директор Виленского среднего химико-технического училища (с 1.09.1899 по 1906). Принят на службу в Ведомство императрицы Марии назначен в Новочеркасск (с 17.09.1915).

2. Законоучитель, преподаватель русского языка и педагогики, протоиерей Иоанн Петрович Артинский, 1874 г. р., окончил курс Киевской Духовной академии (1898) и педагогические курсы при Харьковском Учебном округе по истории и русскому языку (1918). Псаломщик Александровской церкви в г. Новочеркасске (август – октябрь 1898), преподаватель русского языка в МДИ¹ (31.08.1898 – 1.07.1899). Законоучитель Мариинской Донской женской гимназии (1.10.1898 – 15.08.1904), законоучитель Новочеркасской 1-й мужской гимназии (1904 – 1908), законоучитель Волчанской учительской семинарии и женской гимназии (1908 – 1909), законоучитель Киевского женского института (1909 – 1910), законоучитель Харьковской 2-й мужской гимназии (1910 – 1918) и Харьковской 1-й женской гимназии (1910 – 1912). Законоучитель МДИ и преподаватель педагогики и русского языка там же (с 1.08.1918 по 1.08.1919), преподаватель и заведующий Богословско-пастырского училища (с 1918), настоятель церкви и законоучитель Донского кадетского корпуса (с 1.04.1919).

3. Преподавательница русского языка Анна Николаевна Дьякова, 1895 г. р., окончила курс Московских Высших женских курсов (1917), утверждена с 1 сентября 1917 г.

4. Преподавательница истории и русского языка Галина Митрофановна Александрова (в замужестве Фролова), 1888 г. р., дочь действительного статского советника, окончила курс женского Педагогического института (1913), утверждена с 21.08.1913 г. Преподавала в Саратовской женской гимназии с 21.08.1913 по 5.09.1914 г. Вступила в законный брак в апреле 1919 г.

5. Преподавательница французского языка Мария Александровна Синькова, 1896 г. р., окончила курсы французского языка при Петроградском Александровском институте (1914), утверждена с 20.10.1917 г. Преподавала в Петроградском Александровском институте и женской гимназии.

6. Преподавательница французского языка Антонина Митрофановна Пантелеева, 1885 г. р. выдержала экзамен на звание преподавателя французского языка в средней школе при уч.

заведениях Петроградского учебного округа в 1915 г. Преподаватель в Каменском реальном училище (26.01.1907 – 15.10.1911), преподаватель в гимназии им. Н. К. Степанова в Ростове н/Д (14.09.1912 – ноябрь 1913), преподаватель на курсах для учителей на звание учителя гимназии при Харьковском учебном округе и в детском саду (1914 – 1916), преподаватель в Грозненском реальном училище (1916 – 1918). Преподаватель в МДИ и 3 мужской гимназии с 1 сентября 1918 г.

7. Преподавательница французского языка Инна Алексеевна Головачёва, 1865 г. р., окончила курс в Керченском институте (1882) и Педагогические курсы при Петербургской женской гимназии (1886), в службе с 1886, классная дама в Одесской Мариинской женской гимназии с 7.08.1886 по 1.03.1887, классная дама в Московском женском Николаевском институте с июля 1888 по июнь 1890, преподаватель Мариинской Донской женской гимназии с 24.08.1900 и преподаватель в ДМИ с 1.09.1914 г.

8. Преподаватель немецкого языка Эдуард Густавович Вендер, 1884 г. р., выдержал экзамен на преподавание немецкого языка в ср. уч. заведениях при Учебном округе в 1906 г. в службе с 1906 года, в МДИ допущен с 1.10.1918.

9. Преподавательница немецкого языка Вера Александровна Терлецкая, 1875 г. р., окончила Белостокский институт (1893) и немецкие курсы при Московской Андреевской гимназии (1909). Преподаёт с 1897, классная дама в Белостокском институте с 16.11.1897 по 1907, по 1909 г. классная дама Нижегородского института, классная дама Московского училища ордена св. Екатерины с 10.08.1909 по 1913, в МДИ с 1.08.1913 г.

10. Преподаватель математики Николай Васильевич Манохин, 1888 г. р., окончил курс в ДПИ (1916), преподаватель гимнастики в Платовской гимназии (с 1.09.1914 по 1.09.1916), лаборант станции испытания материалов при ДПИ (с 1.10.1914 по 1.09.1916), ассистент ДПИ и преподаватель МДИ с 13.09.1916 г.

11. Преподавательница арифметики Любовь Петровна Володина, 1881 г. р., окончила ДМИ (1899), преподаёт с 1900, надзирательница 2-го 4-х классного женского училища, преподаватель 4-х классного женского училища, преподаватель Высшего женского начального училища, утверждена в должности в ДМИ с 18.03.1910 г.

12. Преподаватель латинского языка Александр Петрович Тумилов, 1884 г. р., окончил Петроградский историко-филологический институт (1912), преподаватель Новочеркасской

¹ МДИ – Мариинский Донской институт. – С. Ч.

мужской гимназии с 1918, преподаватель МДИ с 1.10.1918 г.

13. Преподавательница географии Анна Евсигнеевна Часовникова, 1860 г. р., окончила ДМИ (1878), служила с 1882 года, допущена с 20.08.1890 в ДМИ, утверждена в должности с 20.06.1896 г.

14. Преподаватель физики и космографии Борис Николаевич Кеммер, 1880 г. р., окончил курс Петроградского Технологического института (1908), ассистент ДПИ с 1.09.1908, допущен к преподаванию в ДМИ с 1.01.1909 г.

15. Преподаватель географии Борис Ефимович Волков, 1877 г. р., окончил курс Харьковского университета (1905), допущен к преподаванию в ДМИ с 1.09.1908 г.

16. Преподаватель рисования Александр Андреевич Балабин, 1855 г. р., окончил курс Академии художеств (1882), с 1.08.1882 преподаёт в ДМИ, но вышел в отставку, допущен по вольному найму с 1.09.1907 г.

17. Преподаватель рисования Митрофан Борисович Греков, окончил Академию художеств (1911), преподаёт с 1 сентября 1918 г.

18. Преподаватель рукоделия Елисавета Александровна Головачевская, 1874 г. р., окончила курс Петроградского Николаевского женского училища (1893), преподает в ДМИ с 15.02.1894 г., утверждена в должности с 15.02.1894 г.

19. Преподаватель танцев и гимнастики Елена Сергеевна Яковлева, 1890 г. р., окончила курс Петроградского Николаевского женского училища (1906), преподает в ДМИ с 7.10.1906 г., утверждена в должности с 7.10.1906 г.

20. Инспектор и преподаватель музыки, свободный художник Казимир Иванович Маковский, 1880 г. р., окончил курс Варшавской консерватории (1911) и Петроградской консерватории (1915), утверждён в должности с 1.08.1915 г.

21. Преподаватель музыки Лидия Владимировна Полиновская, 1874 г. р., окончила курс Московской консерватории (1898), утверждена в должности с 1 сентября 1898 г.

22. Преподаватель музыки Анна Николаевна Кутырева, 1889 г. р., окончила курс Петроградской консерватории (1917), утверждена в должности с 1 сентября 1917 г.

23. Преподаватель музыки Мария Николаевна Саввина, окончила классы Русского музыкального общества (1912), преподаёт в ДМИ с 19.11.1913 г., утверждена в должности с 5.01.1914 г.

24. Преподаватель музыки Екатерина Георгиевна Круссер, окончила курс Петроградской консерватории (1915), утверждена в должности с 1 сентября 1917 г.

25. Преподаватель музыки Людмила Васильевна Клитина, 1885 г. р., окончила классы Русского музыкального общества (1913), преподаёт в ДМИ с 19.11.1913 г., утверждена в должности с 5.01.1914 г.

26. Преподаватель музыки Любовь Логгиновна Фрикке, 1854 г. р., получила домашнее воспитание, с 18 августа 1884 г. преподаватель по найму, утверждена в должности с 11 марта 1898 г.

Приложение II.

Ведомость о личном составе Мариинского Донского института /на ноябрь 1919 г./¹

Начальница института Вера Фёдоровна Викгорст, иногородняя, с 17 марта 1916 г.

Член по хоз. части Григорий Васильевич Чекин

Классные дамы

1. Грицыхина Раиса Александровна, казачка Донского войска, с 12 февраля 1904 г.
2. Змиева Антонина Николаевна, иногородняя Тульской губернии, с 1 сентября 1917 г.
3. Рязанова Л. Н., иногородняя Калужской губернии, с 1 сентября 1919 г.
4. Кандаурова Елена Леонтьевна, иногородняя Витебской губернии, г. Двинск, с 1 декабря 1914 г.
5. Шефферлинг Наталья Викторовна, иногородняя, с 3 октября 1912 г.
6. Попова Антонина Васильевна, казачка Донского войска, с 19 сентября 1916 г.
7. Каменская Екатерина Петровна, иногородняя Рязанской губернии, г. Егорьевска, с 21 сентября 1898 г.
8. Юрьева Элеонора Ивановна, иногородняя Эстляндской губернии, г. Ревель, с 1 сентября 1912 г.
9. Августопуло Ирина Фёдоровна, иногородняя, с 26 августа 1910 г.
10. Адамсон Мария Фердинандовна, иногородняя Псковской губернии, г. Острова, с 1 сентября 1917 г.
11. Хильгинская Елена Антоновна, иногородняя, с 26 марта 1917 г.
12. Кузнецова Зинаида Павловна, казачка войска Донского, с 1 октября 1887 г.

¹ ГАРО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

13. Грицыхина Л. Александровна, казачка Донского войска, с 1 октября 1918 г.
14. Дагедль В. А., иногородняя, с 1 сентября 1909 г.
15. Дамберг Элла Иоганновна, иногородняя Остзейского края, с 23 января 1908 г.
16. Новова Вера Константиновна, иногородняя, с 1 октября 1919 г.
17. Романова Александра Дмитриевна, иногородняя, с 1 ноября 1919 г.

Дополнительный класс

18. Тужилов Александр Петрович, иногородний, Пензенской губернии, с 1 сентября 1918 г.
19. Староскольская, иногородняя, с 1 сентября 1918 г.
20. Ганскау, иногородняя, с 1 сентября 1918 г.
21. Штубендорф, иногородняя, с 1 сентября 1918 г.
22. Рашевская, иногородняя, с 1 сентября 1919 г.
23. Яздовская Е. А., иногородняя, с 1 августа 1919 г.
24. Тужилова Любовь Александровна, иногородняя, с 1 октября 1919 г.

Надзирательница лазарета

25. Щербакова Лукия Абрамовна, иногородняя, с 20 декабря 1896 г.

Помощница её

26. Братякина А. Ф., казачка войска Донского, с 1 сентября 1918 г.

Фельдшер

27. Фомина И. Ф., казачка войска Донского, с 3 августа 1918 г.

Смотрительница за бельём

28. Кушнарёва Мария Николаевна, казачка войска Донского, с 1 августа 1893 г.

Помощница её

29. Дагаева А. Я., иногородняя, с 15 апреля 1900 г.

Заведующая кухней

30. Болдырева Ф. В., казачка войска Донского, с 3 июля 1906 г.

Зубной врач

31. Свечникова Анна Николаевна, казачка войска Донского, с 1 марта 1907 г.

Музыкальная дама

32. Головачевская Зинаида Александровна, иногородняя, с 1 сентября 1916 г.

Тапёрша

33. Чайлахова, иногородняя, с 12 сентября 1913 г.

Преподаватели музыки

34. Рашевская В.И., иногородняя, с 1 августа 1919 г.
35. Полиновская Лидия Владимировна, иногородняя, с 1 сентября 1898 г.
36. Фрикке, иногородняя, с 18 августа 1884 г.
37. Клитина Людмила Васильевна, иногородняя, с 19 ноября 1913 г.
38. Саввина, иногородняя, с 19 ноября 1913 г.
39. Круссер, иногородняя, с 1 сентября 1917 г.
40. Кутырева, казачка войска Донского, с 1 сентября 1917 г.

Закройщица

41. Сальникова А. И., казачка войска Донского, с 16 октября 1908 г.

Учительница танцев

42. Яковлева Е. С., иногородняя, с 7 октября 1906 г.

Учителя русского языка

43. Дьякова А. Н., иногородняя, с 1 сентября 1917 г.
44. Прозоровская К. Х., иногородняя, с 1 октября 1919 г.

Арифметики

45. Володина Любовь Петровна, казачка войска Донского, с 1 сентября 1905 г.

Учительница рукоделия

46. Головачевская Елизавета Александровна, иногородняя, с 15 февраля 1894 г.

Французского языка

47. Пантелеева А. М., казачка войска Донского, с 1 сентября 1919 г.
48. Синькова Л. А., иногородняя, с 20 октября 1917 г.

Немецкого языка

49. Вендер Э.Г., иногородний, с 1 октября 1919 г.
50. Терлецкая В.А., иногородняя Ковенской губернии, с 1 августа 1913 г.

Географии

51. Волков Борис Ефимович, иногородний, с 1 сентября 1908 г.

Математики

52. Манохин Николай Васильевич, казак войска Донского, с 13 сентября 1916 г.

Физики

53. Кеммер Борис Николаевич, иногородний, с 1 января 1910 г.

Закона Божьего

54. Протоиерей Овсянников, иногородний, с 13 октября 1919 г.

Географии

55. Фофанов К. И., иногородний, с 1 сентября 1919 г.

Рисования и чистописания

56. Балабин Александр Андреевич, казак Донского войска, с 1 августа 1882 г.
57. Греков Митрофан Борисович, казак Донского войска, с 1 октября 1918 г.

Законоведения

58. Вдовиченко М. Р., иногородняя, с 1 октября 1919 г.
59. Кандидова Софья Александровна, иногородняя Саратовской губернии, Балашовского уезда, с 1 октября 1919 г.
60. Чистякова Л. А., иногородняя, с 1 октября 1919 г.
61. Кондратьев Сергей Александрович, иногородний, с 20 октября 1919 г.
62. Протопопов Алексей Адрианович, иногородний, с 1 ноября 1919 г.
63. Костенко Михаил, иногородний, с 25 октября 1919 г.

Врач

64. Ёлкина Надежда Александровна, казачка войска Донского, с 1 августа 1916 г.

Секретарь

65. Иванков П. С., казак войска Донского, с 16 августа 1919 г.

Эконом

66. Герцог В. Н., иногородний, с 16 мая 1918 г.

Список выехавших в эмиграцию воспитанниц Мариинского Донского института в декабре 1919 г.

Составлен С. П. Чибисовой

II класс

1. Антонова Анна (приходящая)
2. Каменова Софья
3. Киреева Мария
4. Попова Галина I (стипендия войсковая дворянская)
5. Банникова Александра
6. Грузинова Мария (стипендия войсковая дворянская)
7. Калмыкова Лидия (стипендия войсковая дворянская)

III класс

1. Донскова Зоя
2. Колпикова Татьяна
3. Маркова Вера (стипендия войсковая дворянская)
4. Нефёдова Нина
5. Хохлачёва Александра
6. Черепихина Евгения

IV класс

1. Калмыкова Вера II (стипендия войсковая дворянская)
2. Кирпичёва Елена (стипендия Бокова)
3. Малахова Клавдия (стипендия войсковая дворянская)
4. Цыплакова Каллиста

V класс

1. Ильина Дросида (стипендия войсковая дворянская)
2. Нефёдова Наталья (стипендия войсковая дворянская)
3. Грузинова Юлия (приходящая)
4. Талалаева Раиса (стипендия Маркова)
5. Шумкова Серафима
6. Попова Лариса
7. Рубашкина Надежда (стипендия Черевкова)

VI класс

1. Антонова Елена (приходящая)
2. Грузинова Анастасия (приходящая)
3. Копанева Александра
4. Харитонова Ольга
5. Грекова Евгения

6. Попова Таисия (стипендия войсковая дворянская)
7. Попова Нина (стипендия войсковая дворянская)

VII класс

1. Дубенцова Елена (стипендия войсковая дворянская)
2. Золотова Клавдия
3. Тимофеева Иллариа
4. Хохлачёва Зинаида
5. Герцог Милица (бесплатная приходящая)
6. Цыплакова Мария
7. Орехова Нина (стипендия войсковая дворянская)

Не установлено, в каком числились классе

1. Протопопова Мария
2. Донсова Надежда
3. Романовская Евгения
4. Побединская Лариса
5. Жданова Мария
6. Полякова Елизавета
7. Ханова Антонина
8. Слюсарева Евгения
9. Давыдова Евгения
10. Кондырина Елена
11. Кондырина Ирина
12. Нестеровская Любовь

Всего 50 человек

Е. А. АБРАМОВА

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ПАМЯТИ

*Не забудьте ни добрых, ни злых!
Терпеливо собирайте свидетельства о тех,
кто пал за себя и за вас!*

Ю. Фучик «Репортаж с петлёй на шее»

Идея собирания материалов о Великой Отечественной войне с фиксацией военных событий возникала спонтанно и независимо друг от друга сразу у многих людей, имевших отношение к профессии историка. Они делали подробные дневниковые записи и собирали документы, листовки и обращения, вырезки из газет. Некоторые учёные, например, известный москвед, научный сотрудник Института истории Академии наук СССР П. Н. Миллер [1] приступил к этой работе по собственной инициативе, не дожидаясь официальных решений и формальных заданий от руководства. Было это осенью 1941 года [2, с. 7]. С первых месяцев войны внимание историков и архивистов было направлено на обобщение опыта вооружённой борьбы советского народа, боевых действий на фронтах. Военные историки выезжали на фронт, собирали и обрабатывали документы и материалы в штабах фронтов и армий.

Исключительно важную роль в сохранении памяти о войне по её горячим следам сыграла

деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. Она была создана 10 декабря 1941 года как Комиссия по истории обороны Москвы, и работала по декабрь 1945 года. Инициатором и фактическим руководителем Комиссии на всем протяжении её работы был известный историк Исаак Израилевич Минц (1896–1991). Поэтому она стала известна научному сообществу под неофициальным названием «Комиссия Минца» [2, 50]. Первоначально деятельность Комиссии была сосредоточена на сборе материалов и написании истории о событиях обороны и битвы под Москвой (1941 г.). Однако достаточно скоро стало очевидно, что сбор материалов не может сосредотачиваться только лишь на одном из событий. Масштаб происходящего требовал всестороннего, комплексного подхода.

15 января 1942 года организация была переименована в Комиссию по истории Великой Отечественной войны, действовавшую на территории всего Советского Союза.

Елена Леонидовна Абрамова, главный архивист отдела научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.) под названием «О работе Комиссии по сбору и хранению материалов Великой Отечественной войны в 1942–1945 гг. в Ростовской области (по материалам ЦДНИРО)»

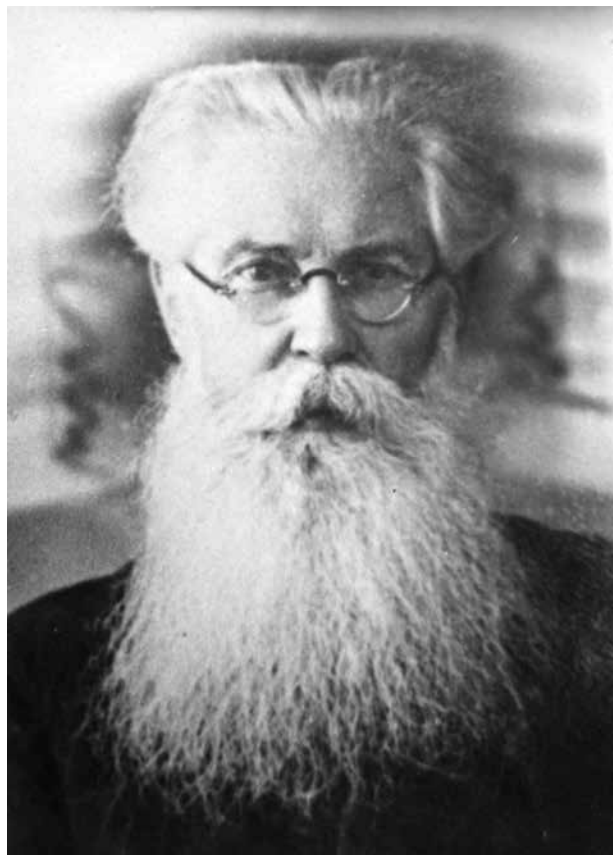
В этом же году Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) разработало «Инструкцию о работе Комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной войны [1942 г.]», в которой рекомендовалось при ЦК компартий союзных республик и обкомах ЦК ВКП (б) на местах создавать аналогичные Комиссии. Согласно Инструкции в задачи Комиссий входило: «а) *собираание материалов, как-то: рассказы активных участников борьбы и строительства, рассказы героев, дневники, документы и т. п.*; б) *собираание всего печатного материала — брошюр, листовок, фотодокументов и т. г.*», а также указывался примерный список тем, по которым могло происходить собиранье материалов [2, с. 358 – 360].

В Ростовской области подобная областная комиссия была создана постановлением бюро Ростовского обкома ВКП (б) от 9 января 1942 года «О сборе и сохранении документов, относящихся к периоду Отечественной войны 1941 – 1942 гг. на территории Ростовской области» (в документах она проходит под различными названиями: «Историческая комиссия Ростовского обкома ВКП (б)», «Комиссия по сбору и хранению материалов Великой Отечественной войны»). В постановлении говорилось:

«1. В целях создания истории героической борьбы советского народа с германским фашизмом в Отечественной войне 1941 – 1942 гг. организовать сбор и сохранение документов, отображающих этот период на Дону (приказы командования, листовки, газеты и др.).

2. Для проведения работы по сбору указанных документов создать комиссию в составе: т.т. Дербенёва, Синцова, Фунштейн (редакция “Молота”), Бокова (56 армия)» [3]. Постановлением бюро Ростовского обкома ВКП (б) от 22 – 23 мая 1942 года в состав областной комиссии вошёл также Михаил Николаевич Корчин, заведующий областным партийным архивом [4]. К работе комиссии привлекались также журналисты местных газет, учителя и учащиеся [5, л. 2].

В информационном письме за подписью первого секретаря Ростовского обкома ВКП (б) Б. А. Двинского, направленном в апреле 1942 года Военному совету 56-й армии, ещё раз подчёркивалась необходимость *«собрать и сохранить для будущего материалы, освещающие все этапы Великой Отечественной войны 1941 – 1942 гг. на территории ... Ростовской области. <...> О важности этого дела распространяться не приходится» [5, л. 5].* Более эмоционально эту же мысль выразил в своём письме всем секретарям горкомов и райкомов партии М. Н. Корчин: *«...Несомненно, в каждом*

М. Н. Корчин

районе имеются замечательные люди, герои Отечественной войны и труда, которые беспримерной в истории борьбой с фашистскими разбойниками, самоотверженным трудом и служением нашей Родине заслужили того, чтобы о них из века в век рассказывали и писали будущие поколения. <...> Ни внуки и правнуки, ни историки и писатели, ни поэты и художники не простят нам, если мы не соберём и не сохраним документы и материалы, освещающие славные дела нашего времени и героизм лучших сынов и дочерей нашей области» [6, л. 8, 9].

Первыми источниками комплектования для Комиссии стали материалы Ростовского стрелкового полка народного ополчения (РСПНО) и Военного совета 56-й армии, принимавших непосредственное участие в Ростовской наступательной операции ноября – декабря 1941 года. Так, Военный совет 56-й армии составил подробный перечень подлежащих передаче материалов [5, л. 7 – 8], в соответствии с которым в Комиссию обкома ВКП (б) были переданы комплекты всех дивизионных и армейских газет, несколько политдонесений, листовки на русском и немецком языке, несколько приказов по армии, списки награждённых и представленных к наградам, фотоснимки, немецкие

письма, карты, значки и «два флага со свастикой, отбитые у фашистов в боях под Ростовом». Флаги, значки и другие вещественные доказательства были впоследствии переданы в Ростовский музей революции [7; 5, л. 19–20]. Бойцы, командиры и политработники РСПНО сдали Комиссии приказы по личному составу, строевые листки, боевые листки, оперативные сводки, а также около двух десятков очерков, описывающих отдельные эпизоды из боевой жизни полка [5, л. 2; 8].

Для более успешного проведения сбора материалов Великой Отечественной войны на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, учебных заведениях Ростова-на-Дону и Ростовской области создавались группы содействия, привлекались к этой работе также пионеры и комсомольцы [6, л. 8, 9; 9]. Это позволило в кратчайшие сроки собрать, в том числе, рассказы ростовчан о событиях первой оккупации города и о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Ростове зимой 1941 года. Учителя нескольких ростовских школ предложили своим ученикам написать сочинения на тему «Зверства фашистов, за которые мы должны отомстить!», в которых ребята описали, что видели и пережили, как помогали скрываться красноармейцам, ухаживали за ранеными [5, л. 19]. Читая эти незатейливые детские работы, особенно ощущаешь весь ужас событий, происходивших в период первой оккупации города.

Вторая оккупация Ростова-на-Дону, начавшаяся 24 июля 1942 года, а также эвакуация всех документов обкома ВКП (б), в том числе архива, в Сталинградскую область, затем в г. Уральск Западно-Казахстанской области, прерывали работу Комиссии. Постановлением бюро Ростовского обкома ВКП (б) от 17 июля 1943 года работа Комиссии возобновилась «в составе товарищей: Ерофеев — секретарь обкома партии, Валаев — представитель НКВД, Фунштейн — представитель «Молот», Шнеер — секретарь обкома ВЛКСМ» [10, л. 144].

Ещё до её возобновления сразу после полного освобождения Ростова-на-Дону от немецкой оккупации сбор документов и материалов Великой Отечественной войны получил новое развитие. После поступления в адрес Ростовского обкома ВКП (б) телеграммы секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова о сборе материалов по зверствам и убыткам, причинённым немецко-фашистскими захватчиками, 9 марта 1943 года бюро Ростовского обкома ВКП (б) постановило организовать сбор таких документов. Отдельно оговаривалось, что «собранный материал должен иметь данные о количестве убитых,

замученных, искалеченных, угнанных в немецкое рабство советских граждан, а также сведения о всякого рода материальном ущербе, нанесённом оккупантами госпредприятиям и учреждениям, колхозам, кооперативным и общественным организациям и отдельным гражданам» [11, л. 4 об.]. Предположительно Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов на территории, временно оккупированной в годы войны (ЧГК) была утверждена инструкция о порядке собирания, учёта и хранения такого рода документов, согласно которой документальные источники о зверствах, насилии, грабежах, разрушении памятников культуры оккупантами немедленно передавались в подлинниках в государственные архивы. Также инструкция запрещала уничтожение таких материалов и признавала их общегосударственным достоянием, независимо от того, захвачены ли они у врага, составлены учреждением, организацией или отдельными лицами. Право собственности учреждений, организаций или отдельных лиц на подобные документы не признавалось [12].

Председатель Ростовского областного совета Союза воинствующих безбожников М. Н. Корчин в письме ко всем горкомам и райкомам Ростовской области обратился с просьбой направлять в адрес обкома ВКП (б) материалы, разоблачающие зверства, вандализм и мракобесие фашистов: «1. Акты, доклады, письма, заявления, составленные жителями освобождённых от немецких бандитов населённых пунктов о разрушении немцами церквей, молитвенных домов, часовен, надгробных памятников, крестов и пр.;

2. Акты, доклады и письма об использовании фашистами церквей, часовен и других зданий религиозного культа под конюшни, уборные и т. д.

3. Акты, выступления, заявления и письма верующих об оскорблении из религиозных чувств, о нанесении побоев, об убийствах верующих и служителей религиозных культов» [5, л. 1].

Собранные в большом количестве документальные свидетельства использовались сразу же для написания статей и очерков в периодической печати, в агитационно-пропагандистской работе, публикации книг и брошюр. Так, в 1944 году в Ростовском областном книгоиздательстве были выпущены брошюры «Отомстим!» и «В подполье». События в слободе Большекрепинской Родионово-Несветайского района Ростовской области (иногда её называют «донской Хатынью») послужили писателю-фронтовику Виталию Закруткину материалом для написания

пронзительного произведения — «Повесть о слободе Крепкой» (Ростов н/Д., 1944).

В ходе деятельности Комиссии выделились основные темы собираемых материалов: военные документы (приказы, сводки, списки личного состава воинских частей и пр.), акты и свидетельства о преступлениях оккупационных властей на Дону. Постановлением бюро Ростовского обкома ВКП (б) от 23 марта 1943 года «Об изъятии и уничтожении фашистской литературы» предписывалось передавать в обком ВКП (б) «те из обнаруженных фашистских документов, которые могут послужить для характеристики поведения гитлеровцев на Дону, в том числе, подшивы издававшихся оккупантами в городах и районах области газет» [11, л. 87].

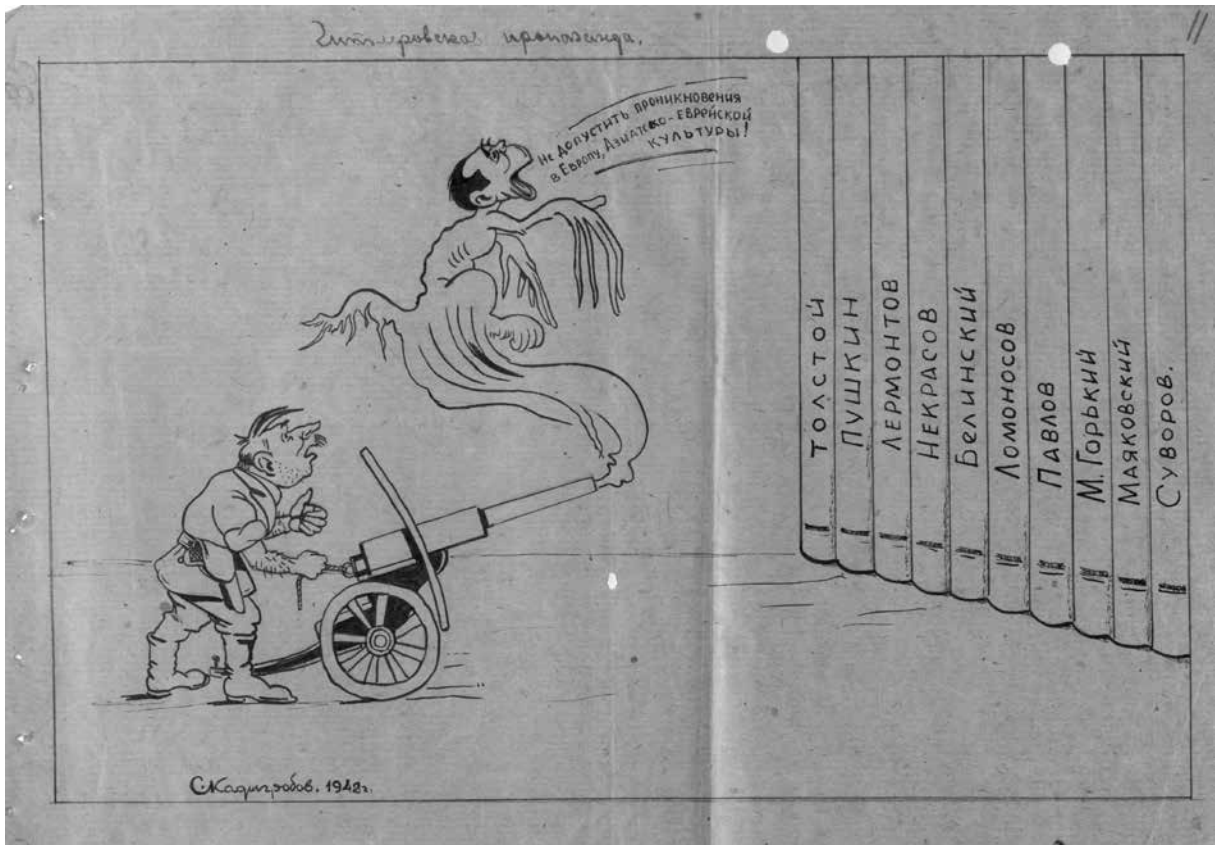
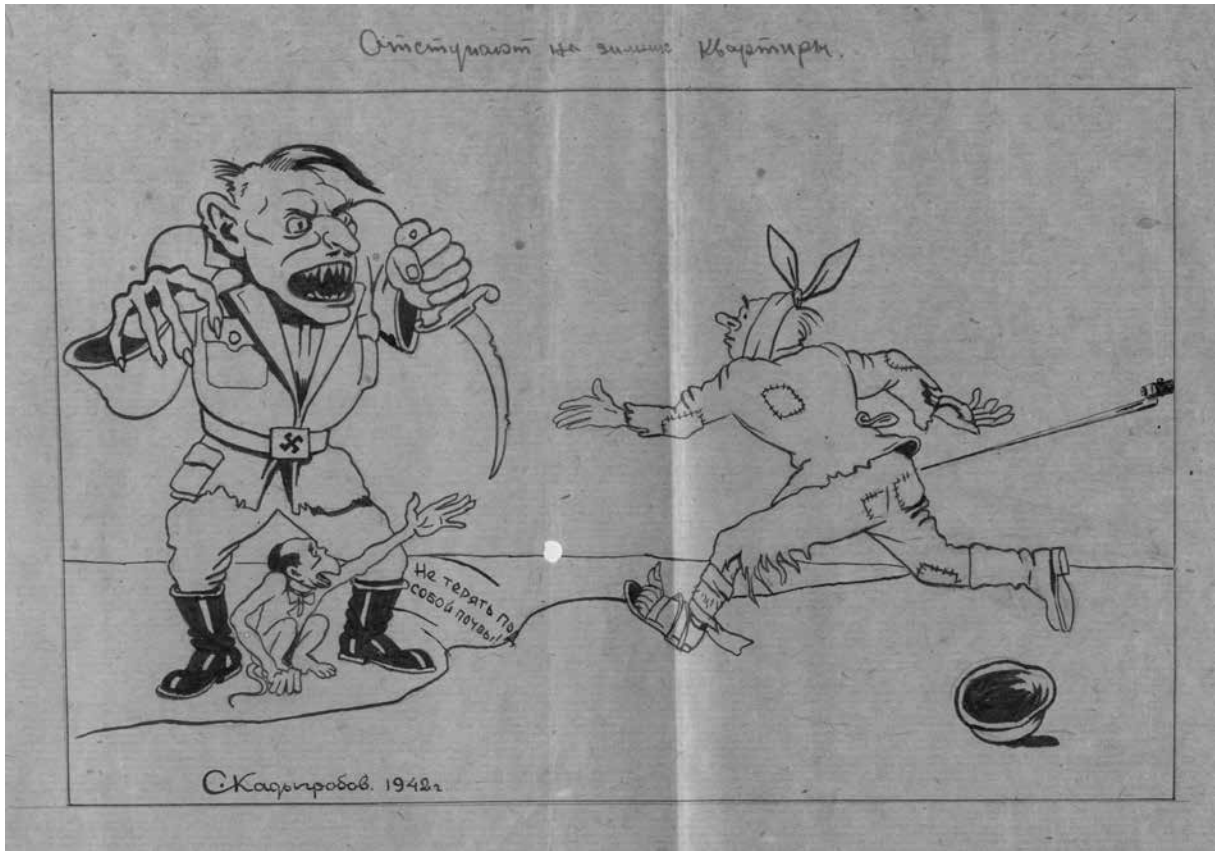
С декабря 1942 года ещё одним источником комплектования для Комиссии стали документы и материалы о деятельности подпольных и партизанских групп и одиночек в Ростовской области. Для обобщения таких документов постановлением бюро Ростовского обкома ВКП (б) от 1 марта 1943 года была создана группа инструкторов обкома ВКП (б) « в составе тт. Кондратьева, Каракашева, Козлова, Чёрного и

Ивашко» [13]. Все они, получив соответствующие удостоверения, были направлены в районы области для сбора документов и материалов о партизанском движении (на обороте каждого удостоверения — рукописные отметки с указанием района, в который направлялся инструктор) [14].

Первый секретарь Ростовского обкома ВКП (б) П. И. Александрюк в своём письме секретарям горкомов и райкомов от 23 декабря 1943 года писал: «*прошу выслать мне наиболее проверенные и полные списки на всех лиц, принимавших участие в партизанском движении. <...> Отдельно составьте списки на погибших в боях и пропавших без вести. Одновременно со списками прошу выслать все имеющиеся у вас личные дела, боевые характеристики и другие документы на руководящий состав партизанских отрядов или групп. <...> Дело это важное, прошу отнестись к нему серьёзно и представление материалов не затягивать»* [15].

Результатами этих командировок стали собранные документы и материалы, состоящие, по большей части, из именных списков партизанских групп и отрядов, боевых характеристик, наградных листов и разного рода переписок. В то же время, среди практически однотипных документов обращает на себя внимание одно из дел, хранящееся в фонде Р-3 «Документы и материалы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны», состоящее, в том числе, из так называемого «народного творчества» — стихов и песен Михаила Андропова и карикатур Сергея Кадыгробова на немецкий фашизм [16]. Попутно собирались и другие чрезвычайно ценные документы: листовки, некоторые выпуски красноармейских газет, агитационные и пропагандистские плакаты, воспоминания и дневники.

Точной даты расформирования Ростовской областной комиссии по сбору и хранению материалов Великой Отечественной войны в документах Ростовского обкома ВКП (б) не обнаружено. Однако, в выводах по работе партархива Ростовского обкома ВКП (б), сделанных зав. партархивом Иркутского обкома ВКП (б) в порядке обмена опытом и оказания помощи от 1 сентября 1945 года говорится: «*комиссии по сбору материалов Великой Отечественной войны в данное время нет. Когда она существовала, то зав. партархивом т. Корчин был членом этой комиссии. Комиссией собраны разные материалы: воззвания, обращения партийных организацией к населению на оккупированной территории, протоколы и решения подпольных*

Карикатуры С. Кадздробова. 1942 г. Из фондов ЦДНИРО (Ф Р-9. Оп. 1. Д.325. Л. 75)

Карикатуры С. Кадыгробова. 1942 г. Из фондов ЦДНИРО (Ф Р-9. Оп. 1. Д.325. Л. 75)

партийных и комсомольских организаций, документы, освещающие деятельность партизанских отрядов, карты, дневники, воспоминания, письма, газеты, фотографические снимки и пр. В настоящее время по поручению обкома сбор материалов Отечественной войны производится ГК и РК ВКП (б) и ВЛКСМ» [6, л. 66].

В 1969–1973 годах группой сотрудников Ростовского партархива была проведена научно-техническая обработка документов Ростовского обкома КПСС. В результате этой кропотливой работы из общей массы документов были выделены и сформированы три тематических фонда: Ф. Р-3 «Документы и материалы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны»; Ф. Р-1885 «Ростовский стрелковый полк народного ополчения 56 армии»; Ф. Р-1886 «Ростовская областная чрезвычайная комиссия по учёту ущерба и злодеяний, причинённых немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области».

Сохранение архивных документов этих фондов, пополнение новых фондов-коллекций Центра документации новейшей истории Ростовской области документами о Великой Отечественной войне и, самое главное, обращение к этим бесценным свидетельствам всех нас — и историков, и просто неравнодушных жителей Дона — необходимо, чтобы представить всю панораму героических и трагических событий того исторического периода, помочь сохранить историческую истину и предотвратить фальсификацию событий Великой Отечественной войны.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миллер Пётр Николаевич (1867–1943), московский краевед, хранитель музея «Старая Москва», заведующий Обществом изучения памятников Подмосковья.
2. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. /А. Г. Гуськов, К. С. Дроздов, С. В. Журавлёв, В. Н. Круглов, Д. Д. Лотарева, В. В. Тихонов; отв. ред. С. В. Журавлёв; Институт российской истории РАН. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015.
3. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 325. Л. 75.
4. Там же. Д. 350. Л. 186.
5. Там же. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 10.
6. Там же. Ф. Р-910. Оп. 5. Д. 2.
7. Ростовский музей революции был открыт 5 июля 1930 г. Летом 1942 г. музей был разрушен прямым попаданием немецкой авиабомбы. Начавшийся пожар полностью уничтожил уникальные экспонаты.
8. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 1, 25, 79, 82, 85.
9. Там же. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 23. Л. 69.
10. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 382.
11. Там же. Д. 368.
12. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.) М. : Наука, 1969. С. 388.
13. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 365. Л. 51 об.
14. Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 10, 13.
15. Там же. Д. 37. Л. 3.
16. Там же. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–35.

А. С. ЗАЙЦЕВА, М. А. РУДЬ

В НЕБЕ НАД ГОРОДОМ ШАХТЫ

(1930–1940-е гг.)

Шахтинский аэродром не назовёшь оживлённым местом. Глядя на заросли кустарника, руины неподалёку от взлётной полосы и немногочисленные самолёты, трудно представить, что в прошлом было по-другому.

Впервые жители Александровска-Грушевского (город Шахты до 1920 г.) увидели авиатора и самолёт в 1912 году. В начале августа к ним на аэроплане прилетел Тимофей Никифорович Ефимов — младший брат первого российского авиатора Михаила Ефимова.

Авиатор-спортсмен дебютировал 21 августа 1911 года на авиационных состязаниях, организованных Всероссийским аэроклубом в Царском Селе, после чего совершал показательные полёты во многих городах России, в том числе и в Александровске-Грушевском. Тимофей Ефимов пробыл в городе 10 дней, всё это время он гостил у местного промышленника Н. И. Красельщика, чья усадьба была на отшибе, в степи за рыбным базаром, около кладбища. Ефимов развлекал грушевцев, выдвывая на своём моноплане системы «Блерио» фигуры высшего пилотажа. Он в числе первых лётчиков освоил «петлю Нестерова», которую ещё называют «мёртвой петлёй» [1]. После него в городе выступали и другие авиаторы, но все они были заезжими, своих не было. Ситуация изменилась в начале 1930-х годов.

Согласно решению 4-го пленума Центрального совета Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) с декабря 1933 года в городе Шахты был организован аэроклуб. Авиаторов готовили по новой программе. Прежде чем пересесть на самолёт участники клуба в течение четырёх месяцев проходили занятия на планере.

На шахтах имени Октябрьской революции, Артёма, «Пролетарская диктатура» уже имелись свои планеры и самолёты, приобретённые на деньги этих предприятий. Выпускники школы лётной подготовки, отправляясь на срочную службу в армию, пересаживались на боевые машины и отлично справлялись с техникой. Государство делало всё, чтобы увеличить военную мощь страны. Говоря о том, что на шахтах

закуплены самолёты, применялся такой эпитет — «несокрушимая крепость обороны».

Летом 1934 года были построены ангары для имеющихся самолётов, а Центральный совет Осоавиахима премировал шахтинский аэроклуб новым самолётом. При клубе существовали планерные кружки и кружки авиамodelистов. К 18 августа того же года, когда отмечали День авиации, в г. Шахты появилась парашютная вышка [2]. Горожанам, желающим прыгнуть с неё, продавались билеты, а члены клуба прыгали сколько хотели, в свободное от посетителей время. За эту привилегию ребята, а это были преимущественно школьники старших классов и студенты, присматривали за работой вышки, инструктировали посетителей, выдавали девушкам комбинезоны. Комбинезон нужен был для того, чтобы «не сверкать» нижним бельём. Женская мода была такова, что редко кто из девушек носил брюки. По выходным дням на самолётах аэроклуба над городом устраивали бесплатные катания. Это была лучшая реклама аэроклуба. Клуб носил имя советского лётчика, участника операции по спасению экспедиции парохода «Челюскин» в 1934 году Михаила Васильевича Водопьянова.

Герои-лётчики

Первым начальником клуба был человек по фамилии Желтов. К сожалению, больше никакой информации о нём найти не удалось.

Начальник лётной части аэроклуба Александр Константинович Горовец во время Великой Отечественной войны совершил подвиг, сражаясь в одиночку с двадцатью вражескими бомбардировщиками, девять из которых он подбил. Горовец — единственный советский лётчик, которому удалось подбить такое количество самолётов в одном бою. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно [3]. Многие его воспитанники стали лётчиками-ассами. Среди них удостоены звания Героя Советского Союза: Е. Г. Андреев, Н. И. Капустников, Н. М. Китаев, С. П. Кобзев, А. Н. Колесников,

Александра Сергеевна Зайцева, журналист, Михаил Анатольевич Рудь, горный инженер, г. Шахты. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2023 г.) под названием «К вопросу о памяти лётчиков, сбитых над г. Шахты в феврале 1942 г.»

Ю. Х. Косенко, А. Е. Мазуренко, М. Я. Орлов, Д. М. Татаренко, Н. В. Шапкин [4].

Наших лётчиков называли «Сталинские соколы», тогда как их противников — «Птенцы Геринга». Изначально самолёты фашистской авиации были более быстрыми и технически совершенными, что давало им преимущество в бою. И их пилоты также являлись серьёзными противниками. Чего только стоит Эрих Хартманн, который считается самым результативным пилотом-истребителем за всю историю авиации. По воле судьбы Хартманн после нашей победы над фашистской Германией отбыл наказание в городе Шахты. Он, как и другие пленные, восстанавливал порушенное народное хозяйство СССР. Здесь самый известный «Птенец Геринга» работал на одной из многочисленных угольных шахт, пребывая под землёй по 12 часов в день, что, кстати, обычное дело для шахтёров. Хартманн же посчитал унижительной такую работу для офицера вермахта и устроил в лагере военнопленных бунт [5].

Аэродромы

К началу войны в городе было несколько аэродромов: принадлежащий аэроклубу, военный аэродром на Ново-Азовке и аэродром в районе шахты «10 лет ЗИ» (Нежданная). Последний был построен буквально накануне оккупации города фашистами. Строили аэродром комсомольцы, жители окрестных посёлков, всего около сорока человек. Назначение его также было военным. Аэродром располагался справа от дороги, ведущей в пос. Майский.

По словам старожил, ребятам выдали кирки, лопаты, тачки и пару лошадей. Молодые люди ночевали в спортзале поселковой школы, спали вповалку прямо на полу, на сене. Строить с нуля аэродром было нелёгким делом. Надо было вырубать кусты и деревья, выравнивать поверхность. И как же было обидно, что его почти сразу же заняли фашистские истребители.

Незадолго до оккупации города Шахты производилось обследование аэродромов. В отчёте от 17 июня 1942 года командующему 4-й воздушной армии генерал-майору авиации тов. Вершинину были поданы сведения об аэродромах в районе шахт Ново-Азовка и Нежданная. Согласно ему, Ново-Азовский аэродром расположен в 3-х км восточнее железнодорожной станции Атюхта. Размер площадки 1200х1200 м,

поверхность ровная, имеющая небольшой покат к середине.

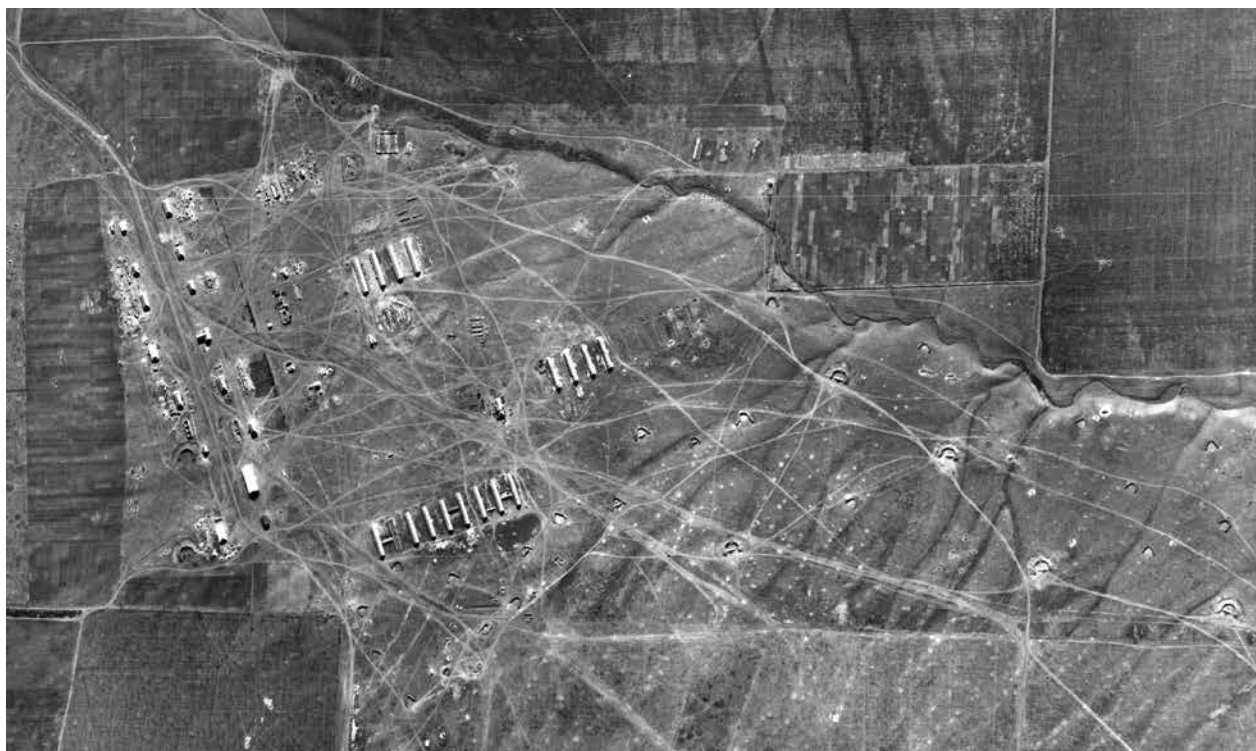
Имеются капониры¹ для бомбардировщиков в количестве десяти штук, подходы откатные, за исключением юго-западной части — порода у шахты Ново-Азовка. Обслуживался аэродром 450-м батальоном аэродромно-технического обеспечения (БАО), эксплуатировало аэродром отдельное звено 12 КЗ на самолётах СУ-2 и должен был прибыть 762-й ночной ближний бомбардировочный авиационный полк (НББП) [6].

Площадка аэродрома на Нежданной была 4 км юго-западнее ст. Шахтной. Её размер составлял 800х400 м, поверхность ровная, грунт мягкий, местами обнажён от травяного покрова. На границе площадки в юго-восточной части — лощина, подходы открытые, за исключением строений в северо-восточной части. Капониры сделаны для бомбардировщиков в количестве 11 штук. Из них 8 полностью закончены. Обслуживался аэродром 701 БАО, эксплуатировал — 459 НББП на самолётах С-Б (бомбардировщик СБ-2) [6].

Аэродром Осавиахима не брался в расчёт вероятно из-за неподходящей длины взлётной полосы. То, что подходило для учебных самолётов, оказывалось недостаточным для военных.

Есть информация, что в окрестностях бывшего посёлка имени Артёма, ныне район города Шахты, также был аэродром, где размещался 16-й гвардейский истребительный авиационный полк (ранее 55 истребительный авиаполк), в котором служил знаменитый лётчик-ас Александр Иванович Покрышкин, единственный трижды Герой Советского Союза, получивший все три «Золотые Звезды» в годы Великой Отечественной войны. Покрышкин по числу подтверждённых побед (59) уступает лишь Ивану Никитовичу Кожедубу (64), но главной его заслугой считается создание уникальной школы отечественного истребительного боя. Где именно располагался этот аэродром краоведам ещё только предстоит выяснить. В документах он фигурирует под названием «Шахты — Рудник имени Артёма» [7]. С ним связана такая история в биографии героя. Во время первой битвы за Ростов-на-Дону танки фон Клейста совершили прорыв в наши тылы недалеко от города Шахты, но их точное расположение было не известно. Задание Покрышкина состояло в том, чтобы добыть сведения о них. Погода стояла нелётная. Покрышкин, управляя МиГ-3, сумел взлететь. Двое других пилотов разбились,

¹ Капониры — обвалованные места стоянки самолётов на аэродроме, защищающие их от воздействия осколков, ударной волны.

Аэродром в районе шахты «Нежданная». Аэрофотосъёмка 1943 г. Фото из частного архива. Германия

Шахтинские краеведы клуба «Корни твои» обследовали остатки капонира для зенитной установки времён Великой Отечественной войны. Фото А. С. Зайцевой

пытаясь сделать то же самое. Покрышкин обнаружил танки противника, и, несмотря на кончавшееся топливо и тяжёлые погодные условия, вернулся и доложил командованию важную информацию [8]. И, хотя в наградном листе об этом случае конкретно не сказано, есть только косвенное подтверждение: «один из лучших разведчиков в полку и дивизии», можно предположить, что свой первый орден Ленина Александр Покрышкин получил в том числе и за выполнение этого задания [7; 9].

На территории города Шахты был ещё один аэродром — Власово-Аютинский. В то время посёлок Аютинский также являлся отдельным населённым пунктом. Обслуживался аэродром 327-м БАО, а эксплуатировался 77 и 25 ГАП (Гвардейский авиаполк). Причём 25 ГАП в боевых действиях участвовал не всегда, а занимался ремонтом самолётов и вводом в строй молодого лётного состава. На аэродроме располагались самолёты У-2 (позже переименованные в ПО-2).

Попавшие в окружение под Сталинградом фашистские войска получали снабжение с помощью воздушного транспорта. В числе вражеских баз снабжения оказались также и расположенные в городе Шахты склады и аэродромы. При удачном раскладе с аэродрома можно было произвести более 100 рейсов в сутки к окружённым войскам. На обратном пути, если удавалось, забирали тяжелораненых. С этим авиасообщением активно боролась советская авиация.

Роковые ошибки

Шахтинское небо было беспокойным. Если на земле особо крупных боёв не было ни до оккупации, ни после, то самолёты непрерывно кружили над городом и бомбили, причём и свои, и вражеские. Особенно от бомбёжек страдали районы вблизи железнодорожных станций и других стратегических объектов. От вражеских налётов должны были защитить зенитные пушки. Рядом с местом, где когда-то располагался Ново-Азовский аэродром до сих пор сохранились остатки капониров для зениток. Их обнаружили краеведы шахтинского клуба «Корни твои». От старожилов они узнали, что обшивку разбитых вражеских самолётов местные жители использовали в подсобном хозяйстве, и ещё совсем недавно можно было видеть во дворах частных домовладений душ или туалет, отделанные гофрированным серебристым металлом. Именно такую поверхность имели юнкерсы.

От старожилов стала известна история про то, как наши девушки-зенитчицы по ошибке

сбили в этих местах советский самолёт. Тот возвращался в неурочное время и не с той стороны, откуда его ждали. Оба лётчика 459-го ночного скоростного бомбардировочного авиаполка пилот Лаврентий Симонович Бухрашвили и воздушный стрелок-радист Степан Дорофеевич Чернышёв погибли. Произошло это в ночь с 23 на 24 мая 1942 года [10, 11]. Ещё одной причиной, по которой мог быть сбит самолёт, это его необычная конструкция. Для разведки использовались самолёты УСБ-2 (учебно-тренировочный бомбардировщик) с сильно выступающей носовой частью, через которую было удобно производить аэрофотосъёмку. Зенитчицы просто не признали в нём советский самолёт.

При подлёте к аэродрому на Ново-Азовке потерпел крушение ещё один самолёт 724-го скоростного авиаполка 66-й авиадивизии ночных бомбардировщиков. Случилось это немного раньше, 12 февраля 1942 года. Официальной причиной катастрофы принято считать либо террикон, либо верхушки деревьев, за которые якобы задел самолёт, летящий на малой высоте. Двое из экипажа самолёта, Алексей Данилович Прокошин и Владимир Дмитриевич Матвеев, погибли [12, 13], а третий попал в госпиталь в очень тяжёлом состоянии.

У краеведов, правда, есть подозрение, что и здесь не обошлось без наших зенитчиц. Дело

Слева направо: Владимир Матвеев, Алексей Прокошин и Пётр Лабутьев. Фото из семейного архива Л. В. Матвеевой, дочери лейтенанта В. Д. Матвеева, г. Иркутск

в том, что выживший стрелок-радист Пётр Иванович Лабутьев, вспоминая о тех событиях, рассказывал интересную историю: «Февральский день 1942 года. Мы возвращаемся с задания. За хвостом самолёта вспыхнули один-два огненных букета. И вражеские зенитки замолчали.— Кажется, перевалили за линию фронта. Летим над своими, — сказал лётчик Алексей Прокошин. — Да, над своими, — повторил штурман Владимир Матвеев. — А здорово, Лёша, мы всыпали им перца.

— Здорово! — подтвердил Алексей. — Долго помнить будут.

Я, слушая грузей, погрузился в свои гумы. О чём думал? Может быть, о том, что вот удачно отбомбились — здоровыми, невредимыми возвращаемся. Хотя один “букет” сильно качнул машину. Но всё обошлось. А бомбили славно! Громилы скопление фашистских танков в районе Поповки Донецкой области. Бомбы упали в цель.

И вот благополучно возвращаемся на базу. Благополучно ли? Лететь ещё около сотни километров. Но что бы там ни ждало впереди, поработали хорошо: немецкие танки превращены в лом. Гудит бомбардировщик. Скоро мы приземлимся. Скоро отдых.

Но что это блеснуло в синеве? Ещё. Ещё.

Семь истребителей противника настигли, атаковали нас. Скорее в облака. Против семейных трудно вести бой. Мы отстреливаемся, Алёша ныряет из тучки в тучку. Но вот — сплошная синь. О, хотя бы ещё одно облачко! А там подоспели бы свои. Но... Бомбардировщик полетел вниз кувырком...

Очнулся в госпитале на станции Лихая. Двое грузей из экипажа погибли. Я с переломом основания черепа и повреждением позвоночника оказался в госпитале.

По-матерински тепло женщины городов, где были госпитали, встречали раненых, всячески помогали им. Так помогла стать на ноги и мне Александра Авдеевна Шкодина. Она принесла в госпиталь пуховую подушку и сказала:

— Вот этому дарю, — и показала глазами на меня, лежащего на носилках в коридоре. Медсестра отвела её в сторону, прошептала:

— Безнадёжный. Жить ему считанные минуты.

— Пусть. Всё равно ему дарю.

Шкодина побеседовала с лечащим врачом, профессором, полковником медицинской службы П. Г. Тананайкой.

— Может, и совершится чудо, — сказал профессор, — но для того, чтобы раненый выжил, нужно хорошее питание — кислое молоко,

яички, масло, виноград мочёный. А мы сейчас, сами видите, в трудном положении... Прифронтная полоса.

— Всё добуду, — заявила Александра Авдеевна.

И она стала частой гостьей в госпитале. Приносила продукты. Где она только их брала! Наконец её приняли сюда санитаркой. Врачи и она (более всего она) постарались, чтобы я выздоровел» [14].

Любопытно, что из всех раненых женщина выделила именно его, снабжала своего подшефного, и это в те трудные времена, да ещё и среди зимы — виноградом! Этого ей казалось недостаточно, и она устроилась в госпиталь санитаркой, чтобы постоянно быть рядом. Пётр Лабутьев действительно поправился, был комиссован из рядов Красной армии по инвалидности, к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне был награждён Орденом Отечественной войны I степени.

Эта история наводит на мысль о том, что женщина, буквально с того света вернувшая лётчика, имела отношение к виновницам крушения самолёта и таким образом хотела загладить вину перед ним. Возможно, что история с налетевшими неизвестно откуда мессершмиттами, выведшими из строя самолёт на подлёте к нашему аэродрому, всего лишь выдумка, чтобы выгородить девчат-зенитчиц.

Долгие годы место захоронения боевых товарищей Петра Лабутьева оставалось неизвестным. Сказался период оккупации города Шахты в 1942 году и связанная с этим неразбериха. Были утрачены документы о месте их погребения, а также таблички с их именами на могиле.

Сегодня имя лейтенанта Алексея Даниловича Прокошина (с ошибкой — Прокошин Л. Д.) дописано на плите мемориала на Центральном (Неждановском) кладбище города Шахты, причём в паспорте на захоронение его нет. Можно предположить, что родные Прокошина обращались в своё время в Шахтинский военкомат с просьбой увековечить память лётчика, или были найдены какие-то, ранее считавшиеся утраченными, списки в архиве. В таких случаях имена воинов нередко дописываются. Так случилось и на этом мемориале. В паспорте на захоронение, составленном в 1991 году, имена только 80-ти, тогда как на табличке указаны фамилии 115 человек. Имени лейтенанта Владимира Дмитриевича Матвеева среди них нет.

Друзья писали жене Матвеева, что похоронили его на городском кладбище, причём лётчик погиб не сразу, а умер от ран в госпитале. Женщина после войны несколько раз собиралась

приехать в город Шахты, но не сложилось. Она писала во все инстанции, пыталась отыскать место его захоронения, но безрезультатно. Дочь лётчика помнит, что незадолго до похоронки было получено письмо от отца, в котором он сообщал, что ему присвоили звание старший лейтенант и представили к ордену Красного Знамени. Действительно, лейтенант В. Д. Матвеев был награждён орденом Красного Знамени [15].

Вероятно, Матвеев и Прокошин были похоронены на территории нынешнего Александровского парка, в районе мемориала «Вечный огонь». Это и было в своё время городским кладбищем, здесь ещё хоронили во время войны. До 1960-х годов этот участок и выглядел, как типичное кладбище.

Когда производили реконструкцию парка и создавали мемориал «Вечный огонь», то обнаружилось много неизвестных захоронений. Впоследствии выяснилось, что многие из них принадлежат умершим в госпиталях. Имена, которые были известны на момент создания мемориала, выбиты на плитах братской могилы. К сожалению, до сих пор ничего не сделано, чтобы увековечить память Владимира Дмитриевича Матвеева, как и многих других воинов, погибших на шахтинской земле.

В мирное время

В послевоенные годы все аэродромы были заброшены и заняты городскими постройками, на прежнем месте остался лишь тот самый первый тренировочный аэродром Осоавиахима. С 1956 года на его территории размещался 203-й лётный авиаотряд, совершающий полёты на Ан-2, позже, когда к ним добавились вертолёты Ми-2, авиаотряд получил номер 204. В период расцвета отряд насчитывал 200 единиц техники. Это был один из крупнейших авиаотрядов в стране. Самолёты и вертолёты из города Шахты обрабатывали ядохимикатами сельхозугодия всей Ростовской области, а также соседних регионов. По договору работали даже с Египтом. Шахтинские лётчики делали перелёт и боролись с вредителями в далёкой Африке. Кроме самолётов, предназначенных для сельскохозяйственных работ, с шахтинского аэродрома совершались полёты малой гражданской авиации. До конца 1990-х работал аэровокзал, перед которым были разбиты клумбы и устроены лавочки для ожидающих своего рейса, недалеко находилась столовая, своя пожарная часть, диспетчерский пункт, учебный корпус с тренажёрами для лётчиков. Предприятие строило для своих сотрудников комфортабельные дома,

рядом с аэродромом находится здание общежития. Местные воздушные авиалинии доставляли пассажиров в населённые пункты Ростовской, Волгоградской областей, Ставропольского и Краснодарского края, Калмыкии, Донбасса и Запорожья. Пассажирские самолёты летали круглый год, а полёты, связанные с сельским хозяйством, совершались с марта по октябрь. В остальное время самолёты стояли в ангарах, где приводились в надлежащий порядок, готовясь к следующему сезону. Лётчики не только отдыхали, но и занимались в специальном авиационном тренажёрном зале, чтобы не терять сноровку [16].

Сегодня на этом аэродроме базируется несколько частных самолётов и вертолётов, использующихся в сельском хозяйстве для обработки полей и рисовых чеков, но о былом размахе не может быть и речи. Пассажирских авиарейсов вообще нет, вокруг развалины вокзала и других сопутствующих аэропорту сооружений. Недалеко стоит стеклянный дом-ангар, который построил авиаконструктор-любитель с душой поэта Сан Палыч — Александр Павлович Савченко, скончавшийся в 2022 году. Здесь шахтинский «Левша» жил и строил свои оригинальные летательные аппараты. Остался незаконченным его проект «Дрофа», которому Александр Савченко посвятил последние десятилетия. Жизнь и творчество этого человека достойны отдельной статьи.

Ныне в городе только этот аэродром и Шахтинский авиационно-технический спортивный клуб «РОСТО» имени Героя Советского Союза А. К. Горовца. Не так часто, как в прошлом, но всё же совершаются воздушные экскурсии, показательные выступления и парашютные прыжки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отлёт Т. Н. Ефимова // Александровск-Грушевская маленькая газ. 1912. 19 авг. (№ 34). С. 3.
2. Желтов. Построим мощный аэроклуб : [подпись: начальник аэроклуба Желтов] // Красный шахтёр. 1934. 31 мая. С. 4.
3. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1986. С. 326.
4. Герои Советского Союза // Культура Шахты : Официальный сайт Департамента культуры г. Шахты. URL: <https://xn----7sbb1bf4anec0a8a5be.xn--p1ai/honor-alley/heroes/> (дата обращения: 10.02.2023).

5. Что стало в ГУЛАГе с немецким асом, который подбил 347 советских самолётов // Русская семёрка : интернет-ресурс. URL: <https://russian7.ru/post/chto-stalov-gulage-s-nemeckim-asom-koto/> (дата обращения: 10.02.2023).
6. По Вашему приказанию 15.6.42 г. произвёл обследование Шахтинского аэроузла // Память народа: Подлинные документы о Второй мировой войне : [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454344565&backurl=division%5C230%20%D0%A8%D0%90%D0%94::begin_date%5C17.06.1942::enddate%5C18.06.1942::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporuyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktiv:i:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie&static_hash=91a4acda507177b5c171a9f943d55c09v2 (дата обращения: 28.02.2023).
7. Каминский О. Боевой путь и победные бои А. И. Покрышкина // Проза.ру : [портал]. URL: <https://proza.ru/2017/09/21/238> (дата обращения: 24.05.2023).
8. Покрышкин Александр Иванович // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 27.03.2023).
9. Покрышкин Александр Иванович // Подвиг народа : [сайт]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=150059514&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 27.03.2023).
10. Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей 218 ночной авиации с 1 мая по 31 мая 1942 г. Приложение к № 12017 // Мемориал : [сайт]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51397916> (дата обращения: 28.02.2023).
11. Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей 218 ночной авиации с 1 мая по 31 мая 1942 г. Приложение к № 12017 // Мемориал : [сайт]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51397917> (дата обращения: 28.02.2023).
12. Именной список безвозвратных потерь личного состава 66 АД ВВС Южного фронта № 2940 от 10.03.1942 г. // Мемориал : [сайт]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52137432> (дата обращения: 28.02.2023).
13. Именной список безвозвратных потерь личного состава 66 АД ВВС Южного Фронта № 2940 от 10.03.1942 г. // Мемориал : [сайт]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52137433> (дата обращения: 28.02.2023).
14. Романов Н. День за днем и жизнь за жизнью. 1942 год // Проза.ру : [портал]. URL: <http://www.proza.ru/2012/03/09/1243> (дата обращения: 10.02.2023).
15. Матвеев Владимир Дмитриевич 1911 г.р. // Подвиг народа 1941 – 1945 : [сайт] URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=2027172&tab=navDetailManAward> (дата обращения 01.05.2023).
16. Малая авиация СССР – сельхоз-аэродром (г. Шахты) \ \ На руинах : YouTube: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OnUCwlXG-8o&t=1s> (дата обращения: 10.02.2023).

Авторы выражают благодарность краеведу Дмитрию Воронову (г. Москва) за помощь в сборе материалов.

Е. А. АЛЕКСЕЕНКО

ПУШКИНСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ В ТАГАНРОГЕ

Из истории благоустройства

За последние три года в Таганроге неоднократно поднимался вопрос статуса участков с открытым историческим мощением [1, 2]. Несмотря на размещение в границах объектов культурного наследия, историческая ценность остатков старинного благоустройства не зафиксирована в документах Министерства культуры Ростовской области.

Проект реконструкции исторической набережной с булыжным мощением поставил под сомнение сохранность этого участка. В открыто презентованной концепции (не проект ещё!) демонтаж не предполагался, проект публично не обсуждался. О демонтаже общественники узнали уже из акта Государственной историко-культурной экспертизы, её на две недели выкладывали в открытый доступ на сайте Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области для обсуждения. Тогда тревогу и забили. Сам проект, изменения к нему после недовольства обсуждали на рабочих группах без прессы. Разработчики настаивали на демонтаже покрытия и обратной укладке после реконструкции ввиду невозможности обеспечения сохранности камня в процессе берегоукрепительных мероприятий. При этом проектные решения не содержали дефектной ведомости и информации об источнике восполнения утрат, расчётов по нагрузке, не приводились и сведения об истории замощения [3].

В противовес приведенным в проекте поверхностным историческим изысканиям, проведён сбор и анализ сведений из архива, дореволюционной периодической печати и фотографий из разных источников, позволившие широкими мазками установить хронологию благоустройства набережной, определить места добычи камня, показать проблемы, с которыми столкнулись инженеры XIX столетия. Выжимка из результата этой работы отражена в настоящей статье.

Также выявлено, что документы Государственного архива Ростовской области (фонды 577, 579, 581) в совокупности с информацией из городских и региональных газет позволяют практически без пробелов восстановить

историю благоустройства (в том числе, регулярных ямочных ремонтов) большинства улиц, переулков, спусков и площадей «старого» Таганрога вплоть до 1917 года. Из этих источников можно получить сведения о финансовых затратах, поставщиках камня, подрядчиках, некачественных работах, технических проблемах и пр.

О благоустройстве полноценной набережной на месте исторической части современной Пушкинской набережной речь шла ещё в начале XIX столетия. Например, на плане 1822 года [4] под номером 44 обозначен «Проект набережной с пристанями». Краевед М. С. Киричек пишет, что некоторое благоустройство этой территории проводилось в 1827 году, затем продолжилось в 1835-м и велось с перерывами до конца 1840-х [5], о чём свидетельствуют и частично сохранившиеся до наших дней архивные документы того времени.

Дворянин Вальяно, выбранный исполнителем, обязывался завершить работы по устройству набережной и конной дороги к 1 ноября 1838 года [6, л. 12 об.]. В процессе проведения земляных работ выявлена необходимость укрепления береговой основы сваями, и 13 сентября 1838 года заключён новый контракт, по которому устройство насыпи и каменной стены набережной должно происходить по мере забивания свай. Таким образом, завершение береговой одежды переносилось на срок до 1 октября 1839 года [6, л. 13]. Однако в прошении к Строительному комитету от 16 июня 1839 года подрядчик сообщает о новых сложностях, обнаружившихся при забивании свай, и запрашивает время на дополнительные изыскания по подгонке длины свай. Начало каменных работ в таком случае переносилось на срок, не ранее 1840 года [6, л. 13 об.].

В ночь с 25 на 26 ноября 1843 года произошло частичное обрушение склона у набережной [6, л. 3]. Для выяснения обстоятельств произошедшего в декабре 1843 года была создана специальная комиссия [6, л. 15]. По контракту от 25 июля 1837 года для устройства шести участков насыпи конной дороги подрядчик обязан брать землю из крепостного рва, по которому предполагалось

Елена Александровна Алексеенко, независимый исследователь, г. Таганрог. Сообщение под названием «Из истории благоустройства Пушкинской набережной в Таганроге и подъездов к ней» на Чтениях (Таганрог, 29 сентября 2023 г.)

устройство спуска, так, чтобы вся снятая земля была полностью использована. В случае нехватки разрешалось брать землю с горы от спуска к гавани. По контракту от 19 января 1838 года землю на первый участок насыпи должно брать с близлежащей горы, на второй — с крепостного рва, по которому предполагалось устройство спуска. 7 июля 1838 года установлено брать землю на три участка насыпи из крепостного вала и далее к гавани. Камень для береговой одежды набережной контрактом от 4 октября 1841 года установлено добывать на берегу моря. Ввиду ограниченных сроков и невозможности обеспечить нужную пропускную способность подвоза земли по одному спуску, добыча земли производилась на всём пространстве горы от спуска до гавани, в том числе, у подножия вглубь горы, что спровоцировало обвал, угрожающий ветхому зданию военного госпиталя [7], стоявшему наверху [8, л. 5].

Работы по устройству набережной и конной дороги были окончены лишь в 1848 году и по распоряжению правительства в 1849 году сданы в ведение Таганрогской городской думы [8, л. 128 об.]. 27 апреля 1849 года состоялись торжества по случаю завершения работ, и вскоре набережная получила название Воронцовской [5]. Тем не менее, расследование по вопросам нарушений, случившихся во время строительства, не прекратилось и в 1864 году, когда большинство возможных виновников либо скончались, либо находились в отставке [8].

Из сохранившихся архивных документов не очевидно, были ли набережная и Конная дорога изначально замощены твёрдым камнем или же отсыпаны хрящём (сауром).

Высочайше утверждённым 18 декабря 1879 года мнением Государственного совета Таганрогу разрешено взимать 1/2-копеечный сбор с привозимых из Таганрогского порта за границу товаров на немедленное замощение главных путей, ведущих в гавань [9, л. 16].

В рапорте от 9 июля 1881 года в Городскую управу И. И. Воскресенский пишет, что при осмотре Воронцовской пристани обнаружил, что вследствие разрушения каменной облицовки набережной, начинает обваливаться от прибоя и сама дорога в гавань у Таможенной заставы [9, л. 65].

Новое благоустройство Воронцовского спуска (Азовского, впервые замощён в 1834 году [10]) происходило в начале 1880-х и завершено в 1884 году [11, л. 15]. 11 июля 1884 года подрядчик Луцкий выставил счёт по обмерам камня в Комиссию по сооружению мостовых г. Таганрога, в том числе, по Воронцовскому спуску

за 50 кв. саж. по 3,55 руб. на сумму 177,5 руб. [11, л. 228].

В документах начала 1880-х отражены активные работы по поиску оптимального по стоимости и качеству камня для городского мощения. Рассматривались варианты карьеров в Амвросиевской и Матвеево-Курганской волостях, Грушевские карьеры (район современного г. Шахты), откуда бы привозили более твёрдый песчаник, ломаный, правильной формы или неправильной, осколками для дорог и тротуаров, более мягкий песчаник и ракушечник для бордюров и отделки водоотводных канав. Рассматривался и вариант с использованием привозного вулканического булыжника (партия из Катании была оплачена купцом Муссури), но эксперты признали «камень из лавы неудобным» для мощения, что, впрочем, не мешало его использовать на отдельных частях улиц. В конце концов, существенный объём материала для мощения в этот период решено было перевозить в гавань по железной дороге из Амвросиевской волости, со станции Николаевка (позже она стала называться Кутейниково). Нередко этот песчаник называли в документах «николаевским» камнем. Примечательно, что ветка железной дороги, устроенная в порт в 1870-х, не была должным образом согласована с городскими властями, из-за чего шли судебные тяжбы. Необходимость в снижении расходов на логистику и удобство использования для доставки большого объёма камня заставило городскую управу пойти на мировую: безвозмездно передать железнодорожникам землю под устроенным полотном и право на строительство необходимой обслуживающей инфраструктуры, но с обязанностью устройства временного ответвления к месту накопления пребывающего груза и льготной перевозки камня без сборов на аренду и погрузку с отдельных станций (прежде всего, от Амвросиевки) в течение 6 лет [9]. В 1887 году для работ по мощению улиц предполагалось приобретать камень с Грушевских карьеров [12, л. 31], позднее также фигурировали Ханжонковские карьеры.

В 1886 году был произведён ремонт гавани, Воронцовского и Большого Биржевого спусков к гавани, Воронцовской набережной и Купеческой биржи [12, л. 3]. Ремонт гавани включал в себя засыпку провалов и выбоин, установку новых швартовочных столбов, уборку мостовых от угольной пыли и навоза [12, л. 3 об.]. Воронцовский спуск также подвергся ремонту путём засыпания выбоин щебнем, очисткой и устройством заново водостоков [12, л. 4]. На ремонт мостовых Воронцовского спуска, набережной

*Солдаты позируют для фото на мощёной набережной. 1918 г. Фото из альбома
«Der Vormarsch der Flieger Abteilung 27 in der Ukraine».
Библиотека Дегольера, Южный методистский университет. Источник:
<https://digitalcollections.smu.edu/digital/collection/eea/id/445/rec/95>*

Фотооткрытка. Таганрог. Набережная. 1936 г. Из фондов Таганрогского гос. литературного и историко-архитектурного музея-заповедника. (ТГЛИАМЗ. КП-15054/18, инв. № ФП6-1174)

Набережная, лодочная станция. Фото из фондов Таганрогского гос. литературного и историко-архитектурного музея-заповедника. 1950–1959 гг. (ТГЛИАМЗ КП-16258/4)

и гавани использовано 20,25 куб. саж. щебня на сумму 178 руб. [12, л. 5 об.].

По данным на 1905 – 1906 гг. мостовая вдоль моря от мельницы до Купеческой биржи перемощена [13].

В сообщении господину начальнику Таганрогского торгового порта № 4256 от 26 марта 1914 года приводится перечень и характеристики замощённых до 1909 года подъездных путей к порту, среди которых обозначена Конная дорога от Таможни до Воронцовского спуска (длина 602,7 саж., ширина 5,35 и 4,4 саж., площадь 2377,74 кв. саж.), Воронцовский спуск от железной дороги в гавань до ул. Греческой (длина 227,5 саж., ширина 5 саж., площадь 1137,5 кв. саж., углы 14,43 кв. саж.) [14].

Согласно справке из бухгалтерии Городской управы о суммах, израсходованных на замощение и перемощение мостовых из отпущенных на этот предмет в 1911 год, Конная дорога подвергалась частичному перемощению на площади 612,62 кв. саж. по 80 коп. / кв. саж. на сумму 490,08 руб., частичной переустановке бордюра на протяжении 15,78 пог. саж. по 15 коп. / пог. саж. на сумму 2,36 руб. За 8 дней работ по 1,5 руб. / день заплачено 12 руб., за сгребание песка 9 руб. [15]. В том же деле в документе Городской управы за 7 января 1912 года даётся более подробная информация о ранее упомянутом перемощении Конной дороги в 1911 году: около Купеческих амбаров от Таможни до Каменной лестницы работы проводились на площади

398,02 кв. саж., на берегу моря близ купальни Лагунова 214,60 кв. саж., также производился ямочный ремонт на сумму 41,25 руб. [15].

Анализируя видовые открытки и фотографии начала XX столетия, можно видеть, что проезжая часть замощена гладким плотным камнем правильной формы, бордюрные камни отличаются по фактуре наличием крупных пор, полоса от воды замощена светлым ломаным камнем неправильной формы, наклонный откос, вероятно, оштукатурен. Пространство у Яхт-клуба и в гавани замощено неправильной формы рельефным камнем, полоса у воды, вероятно, залита цементным раствором.

На фотографиях 1930-х годов дореволюционное мощение находится в неизменном виде, разве что поросло травой.

В советский период капитальное переустройство набережной велось с 1949 года. Был заасфальтирован тротуар, установлены фигурные фонарные опоры для фонарей, скамьи для отдыха, разбит заново бульвар [5]. На фотографиях, сделанных в начале 1950-х годов, хорошо виден процесс покрытия асфальтом части дороги, мощёной обломком камня, новые фонарные столбы и вновь высаженные деревья.

По фотографиям 1950 – 60-х годов видно, что мощение части с правильной формы булыжником осталось неизменным и в старой части набережной, и на территории ближе к Яхт-клубу.

В 1950-е годы благоустройство набережной обновили, полосу набережной, мощёную

Замощённая набережная в её исторической части, в том числе, проступающее мощение из-под асфальта. 2022 г. Фото Е. А. Алексеенко

неправильной формы камнем, заасфальтировали. В этот же период построили новое здание Яхт-клуба, запущенного в эксплуатацию в 1953 году [16].

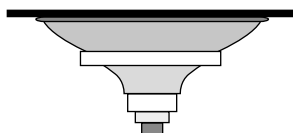
Работы по благоустройству и расширению набережной происходили в более поздний период, однако они не вносили принципиальных изменений во внешний вид исторической части мощения набережной (между бывшей Государственной инспекцией по малым судам [ГИМС] и кафе «Юг»). Площадка у входа на набережную, где сейчас установлен монумент в честь 300-летия Таганрога, а ранее в 1986 году размещён памятник А. С. Пушкину, сформирована и замощена уже во второй половине XX века.

Сравнивая с современным состоянием, можно отметить явное сходство мощения и бордюрного камня на фотографиях начала XX века в части набережной между бывшими ГИМС и кафе «Юг». В местах утрат асфальта на май 2023 года видно мощение из светлого камня неправильной формы, огранённое по краю линией из правильной формы булыжника, схожее с историческими фотографиями.

Исторические покрытия, дошедшие до наших дней и встроенные в современную жизнь города, поддерживаемые в исправном виде, являются неотъемлемой частью ансамблей исторической застройки, а также элементом туристической привлекательности, делают городскую среду интересной и многогранной. Сохранение и изучение аутентичных элементов благоустройства, учитывая требования Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25.06.2002, становится как никогда актуальным, ведь во многих случаях мощение скрыто под слоями современных покрытий и нередко интересные образцы могут быть утрачены при работах коммунальных служб в виду отсутствия сведений об их наличии и ценности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. В Таганроге исчезла старинная плитка с тротуара на Александровской // Ёрш. Таганрог. 2021. 14 мая. URL: https://www.ruffnews.ru/taganrog/V-Taganroge-ischezla-starinnaya-plitka-na-trotuare-Aleksandrovskey_119373 (дата обращения: 09.07.2023).
2. В Таганроге сохраняют брусчатку в 1-м Крепостном переулке // Таганрогская правда. 2022. 12 янв. URL: <https://taganrogprav.ru/v-taganroge-sohranyat-bruschatku-v-1-m-krepostnom-pereulke/> (дата обращения: 09.07.2023).
3. Итак, завтра последний день... // Каланча Таганрог. URL: https://vk.com/wall-211429828_238 (дата обращения: 09.07.2023).
4. План города Таганрога (1822) // Национальная электронная библиотека : [Портал]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009995005?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 09.07.2023).
5. Таганрог : энцикл. / ред. кол.: Г. М. Бондаренко (отв. ред.) [и др.]. Таганрог : Антон, 2008. С. 593.
6. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 256.
7. РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 111. Л. 108. План общего расположения строений Таганрогского военного госпиталя, 1849 г.
8. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 165.
9. Там же. Ф. 577. Оп. 1. Д. 563.
10. Филевский П. П. История города Таганрога. Таганрог : Лукоморье. 2007. С. 398.
11. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 564.
12. Там же. Д. 565.
13. Там же. Д. 521. Л. 1.
14. Там же. Д. 571 (россыпь без нумерации листов).
15. Там же. Д. 569 (россыпь без нумерации листов).
16. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 181. Л. 108.

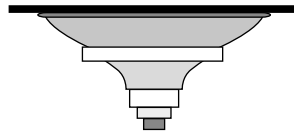
ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова Елена Леонидовна, архивист 187 – 193
Александрова Нина Осиповна (1909 – 1990), сотрудница Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса (1954 – 1969) 134, 138
Алексеев Михаил Васильевич (1857 – 1918) генерал, создатель Добровольческой армии 38 – 41, 43, 47, 57 – 58
Алексеева Вера Михайловна (1899 – 1992; в замужестве – Борель), дочь генерала М. В. Алексеева 41 – 42, 48
Алексеевко Елена Александровна, независимый исследователь 201 – 206
Артинский Иоанн Петрович (1874 – ?), протоиерей, преподаватель Мариинского Донского института, г. Новочеркасск (1898 – 1899, 1918 – 1919) 183
Археологический музей-заповедник «Танаис», хутор Недвиговка (Мясниковский р-н) 93 – 105
Афанасенко Владимир Иванович, историк 139 – 140
Аэродромы
– Шахты, г. 195 – 197, 199
Аэроклубы
– Шахты, г. 194
Благоустройство набережной (Таганрог) 201 – 206
Богаевский Африкан Петрович (1872 – 1934), атаман Всевеликого войска Донского (1919 – 1934), Георгиевский кавалер 30, 34, 45, 59, 65 – 67, 180
Бондарев Дмитрий Дмитриевич (1878 – 1937), инженер-конструктор, один из основателей отечественной автомобильной и авиационной промышленности 22 – 31
Бондарев Дмитрий Онуфриевич (1825 – 1927), урядник, станица Раздорская 22 – 23
Бондарев Михаил Дмитриевич (1871 – 1948), генерал-майор, казак Раздорской станицы 22 – 24, 29 – 36
Бурылин Дмитрий Геннадиевич (1852 – 1924), иваново-вознесенский фабрикант, меценат и коллекционер 10 – 11
Ваксмут Анатолий Петрович, командир парохода Донской флотилии (1918) 48 – 49
Великая Отечественная война (1941 – 1945)
– Комиссия по сбору материалов войны 187 – 193
– Шахты, г. 195 – 199
Викгорст Вера Фёдоровна (1867 – 1945), начальница Мариинского Донского института в Новочеркасске с 1916 г. 175 – 176, 177 – 184
Володина Любовь Петровна (1881 – ?), преподавательница Мариинского Донского института в Новочеркасске (1910 – 1919) 183
Волошинова Любовь Феофистовна, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону 102 – 105, 157 – 160
Высоцкая Елена Петровна, генеалог 5 – 38
Головачёва Инна Алексеевна (1865 – ?), преподавательница Мариинского Донского института в Новочеркасске (1914 – 1919) 183
Горовец Александр Константинович (1915 – 1943), лётчик 194
Граббе Михаил Николаевич (1868 – 1942), генерал-лейтенант, наказной атаман Войска Донского (1916 – 1917) 34
Греки 157 – 160
Гридасова Женета Петровна, журналист 81 – 92, 105 – 108
Добровольческая армия (1917 – 1920) 38 – 41, 47, 50 – 54, 56 – 57
Донская государственная публичная библиотека (Ростов-на-Дону)
– история 120 – 138
Донское общество помощи фронту (ДОПФ, Новочеркасск. 1918 – 1919 гг.) 62 – 63
Донской временник, краеведческий альманах (с 1993 г., Ростов-на-Дону) 120 – 138
Ефимов Тимофей Никифорович (1895 – 1919), авиатор 194
Жак Вениамин Константинович (1905 – 1982), поэт 124, 133, 137
Жак Давид Константинович (1903 – 1973), экономист 123 – 124
Жак Дора Константиновна (1911 – 2002), библиотековед, специалист в области организации фондов и каталогов 120 – 138
– письма 124 – 138
Жак Ефрем Константинович (1899 – 1923), художник 122, 129
Жак Мария Семёновна (1901 – 1995), библиотекарь 120 – 121, 124, 128, 129, 136, 137
Жак Меир (Меер) Константинович (1901 – 1943), агроном 122 – 123, 130
Жак Сергей Вениаминович (1930 – 2012), математик 124, 128, 130, 134, 135 – 137
Зайцева Александра Сергеевна, журналист, краевед, г. Шахты 194 – 200
Зотов Александр Сергеевич (1835 – 1910), атаман 1-го Донского округа, генерал-лейтенант в отставке 22 – 23
Изюмский Александр Борисович, историк 161 – 174
Инвалидные дома русские (Нова-Загора, Шипка, Болгария) 34 – 36
Казанский тракт, *ист.* 71 – 80
Каледин Алексей Максимович (1861 – 1918), генерал от кавалерии, деятель Белого движения 40, 43, 45, 46
Каледина Мария-Елизавета Петровна (? – 1919), жена А. М. Каледина, генерала от кавалерии, войскового атамана Области войска Донского (1917 – 1918) 44, 69
Каменные бабы
– Весёлый, хутор (Весёловский р-н) 153 – 154
– Волгодонск, г. 155
– Комаров, хутор (Мартыновский р-н) 155 – 156
– Кочетовская, ст-ца (Семикаракорский р-н) 153
Кессених Вера Николаевна (1892 – 1982), организатор библиотечного дела, педагог, методист 124, 127, 131 – 134
Колесов Г. С. Помните. Каменоломни : ЭСМА-ПРИНТ, 2022. 128 с.
– о книге 142 – 145
Корнилов Лавр Георгиевич (1870 – 1918), генерал, главнокомандующий Добровольческой армии 43, 47
Корчин Михаил Николаевич (1887 – 1962), заведующий партийным архивом Ростовского обкома ВКП (б) 188, 189, 190
Краеведение
– библиотечное 120 – 138, 146 – 151

- Краснов Пётр Николаевич (1869–1947), писатель, донской атаман (3.05.1918–2.02.1919) 32, 53, 57, 59, 178
- Кулишов Владимир Иванович (1942–2009), художник 85, 86, 88, 89, 91
- Лабутьев Пётр Иванович (1921–?), стрелок-радист 197–199
- Лазареты
– Новочеркасск, г. 39–70
- Лебедев Юрий Михайлович (1874 – после 1917), инженер-технолог, член Государственной думы Российской империи IV созыва от Области войска Донского 8
- Лозовой, хутор (Чертковский р-н, Рост.обл.)
– история 71, 73, 76, 77
- Малюкова Людмила Николаевна (1942), филолог 142–145
- Манохин Николай Васильевич (1888–?), преподаватель Мариинского Донского института, г. Новочеркасск (1916–1919) 183
- Мариинский Донской институт благородных девиц (Новочеркасск, 1917–1919) 174–187
– список выехавших в эмиграцию воспитанниц в декабре 1919 г. 186–187
– список преподавателей и личного состава института на ноябрь – декабрь 1919 г. 182–186
- Матвеев Владимир Дмитриевич (1911–1942), лётчик 197–199
- Матвеева Наталья Сергеевна, историк 146–151
- Медведев Максим Валерьевич, историк 140–142
- Медведев М. В. На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе. Январь – август 1943 г. М. : Центрполиграф, 2022. 191 с. (На линии фронта. Правда о войне).**
– о книге 139–140
- МОПИТ (1919) см.: *Товарищество московской объединённой промышленности и торговли*
- Муратова Зинаида Семёновна (1890–1958), заведующая отделами Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса – методическим (1944–1953) и межбиблиотечного абонемента (1954–1958) 124, 125, 126, 128, 131, 132, 134, 137
- Народные учителя (Донская область, 1900-е гг.) 161–174
- Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / [отв. ред. Е. Ф. Кринко]. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.**
– о книге 140 – 142
- Новочеркасск, г.
– история 39 – 70
- Ольховчик, с. (Чертковский р-н, Рост.обл.)
– история 71, 73, 76, 77
- Павловский Михаил Александрович (1851–?), преподаватель Мариинского Донского института, г. Новочеркасск (1915–1919) 182 – 183
- Пантелеева Антонина Митрофановна (1885–?), преподавательница Мариинского Донского института, г. Новочеркасск (1918–1919) 183
- Парисис Савва (1869–?), священник, первый настоятель греческого храма в Ростове-на-Дону 157, 158, 160
- Плевакин Борис Александрович (1944 – 1995), художник 85, 86
- Покрышкин Александр Иванович (1913 – 1985), советский военачальник и лётчик-ас 195, 197, 200
- Попов Пётр Харитонович (1867–1960), начальник Новочеркасского казачьего юнкерского училища, походный атаман 30, 32, 33, 34
- Почтовые станции (Область войска Донского) 71–80
- Приюты см. *Инвалидные дома русские*
- Прокошин Алексей Данилович (1911–1942), лётчик 197–199
- Рабинович Мария Львовна, директор Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса (1935) 124–125
- Рабинович Моисей Вульфович (1882–1967), организатор библиотечного дела в Ростове в 1920–1950-е гг. 124 – 125
- Репников Владимир Никифорович (1933 – 2013), краевед, г. Новочеркасск 81 – 92
- Репников Иван Герасимович (1920–2006), журналист 88
- РОКК см. *Российское общество Красного Креста*
- Российское общество Красного Креста (Болгария) 33 – 35
- Ростовский музыкальный театр
– гастролы 109 – 114
- Ростовский театр драмы имени М. Горького
– гастролы 117 – 118
- Рудь Михаил Анатольевич, горный инженер, краевед, г. Шахты 194–200
- Сабо Владимир Васильевич (1896–1971), состоял в РККА с 1918, участник Гражданской войны, полковник юстиции 20–21
- Сабо Георгий Владимирович (1895 – после 1918), прапорщик, начальник пулемётной команды 19-го пластунского батальона (1915), войсковой старшина 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска, участник «Ледяного похода» Добровольческой армии 19
- Сабо Дмитрий Владимирович (1897 – после 1953), есаул в 1-м Кавалерийском полку ВСЮР, в эмиграции с 1920 года, интернирован в СССР после окончания Второй мировой войны 19 – 20
- Сабо Пётр Васильевич (1904–1944), красноармеец, участник Великой Отечественной войны 22
- Сабо Пётр Владимирович (1901 – 1975), художник, в эмиграции с 1920 года 20
- Сабо Степан Михайлович (1886 – после 1934), помещик, титулярный советник, в эмиграции с 1920 года 22
- Сабо Эрик Владимирович (1933 – 2017), советский автомобильный дизайнер 22
- Савкина Мария Даниловна (1903–1984), заведующая отделами комплектования, читальных залов; в 1953–1956 годах – заместитель директора Ростовской областной научной библиотеки имени К. Маркса 125, 126, 129, 131, 137
- Савченко Александр Павлович (1950 – 2022), авиаконструктор-любитель, г. Шахты 199
- Сарандинаки Александр Константинович (1879 – после 1915), поручик 188-го Красноставского полка (1900 – 1910), штабс-капитан, военный начальник г. Радома (1914) 10
- Сарандинаки Василий Константинович (1891 – после 1940), поручик 65-й сапёрной роты (1914), сотрудник Ярославского окружного военно-инженерного управления (1919) 10, 11
- Сарандинаки Владимир Иванович (1873–1933), генерал РККА, инспектор кавалерии 2-й армии, начальник Верховной конюшни Народного комиссариата по военным и морским делам, кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. 11, 12–17

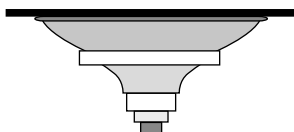
- Сарандинаки Всеволод Николаевич (1906 – ?), политрук конвойной стражи 22-й стрелковой дивизии 6
- Сарандинаки Георгий (Юрий) Георгиевич (1884 – ок. 1933), орнитолог, землевладелец с. Маргаритово 6
- Сарандинаки Григорий Георгиевич (1886–1937), пианист, землевладелец с. Маргаритово 6
- Сарандинаки Елизавета Григорьевна (1886 – после 1921), помещица 6 – 7
- Сарандинаки Зинаида Григорьевна (1888 – после 1921), помещица, жена инженера-технолога Ю. М. Лебедева, члена Государственной думы Российской империи IV созыва 6 – 8
- Сарандинаки Иван Васильевич (1840–1915), начальник Брянского арсенала, генерал-лейтенант в отставке 11 – 12
- Сарандинаки Константин Константинович (1876 – после 1942), военный инженер, в 1918–1919 гг. состоял на службе в Управлении военных инженеров Всевеликого войска Донского 8–10
- Сарандинаки Мария Николаевна (1889 – после 1967), в девичестве Александра, вторая жена генерала В. И. Сарандинаки 14, 17 – 18
- Сарандинаки Михаил Николаевич (1874 – 1917), инженер путей сообщения, директор гидрометеорологической станции в Феодосии 7
- Сарандинаки Николай Георгиевич (1887 – 1959), подпоручик Белой армии, землевладелец с. Маргаритово 5
- Сарандинаки Сергей Владимирович (1906 – после 1939), старший научный сотрудник Государственного музея восточных культур 18
- Сарандинаки Сергей Николаевич (1884 – ?), секретарь бюро объединений русских общественных организаций и союзов в Болгарии 6
- Сарандинаки София Максимовна (1856 – после 1916), в девичестве Острянская, председательница Брянского комитета Российского отделения Красного Креста (1899 – 1916) 11–12
- Селицкий Александр Яковлевич, искусствовед 109–119
- Сетраки, хутор (Чертковский р-н, Рост. обл.) – история 71, 73, 76, 77
- Синькова Мария Александровна (1896 – ?), преподавательница Мариинского Донского института в Новочеркасске (1917 – 1919) 183
- Терлецкая Вера Александровна (1875–?), преподавательница Мариинского Донского института в Новочеркасске (1913–1919) 183
- Товарищество московской объединённой промышленности и торговли (МОПИТ, 1919) 28–29
- Токаренко Сергей Фёдорович, археолог, краевед, г. Семикаракорск 152–156
- Троицкая Евгения Ефимовна (1907–2001), библиотекарь 134, 135
- Халдаев Евгений Васильевич (1959–2023), журналист, краевед, г. Новочеркасск
Ст. 39–70 *О нём* 88, 105–108
- Хартманн Эрих (1922–1993), немецкий лётчик-ас 195
- Хлебников Станислав Дмитриевич (1931–2000), электротехник, художник 85 – 86
- Храмы греческие
– Ростов-на-Дону 157–160
- Часовникова Анна Евсигнеевна (1860–?), преподавательница Мариинского Донского института в Новочеркасске (1896–1919) 184
- Чеснок Валерий Фёдорович (1942–2023), организатор и популяризатор музея-заповедника «Танаис» 93–105
- Чибисова Светлана Павловна (1965), историк 174–187
- Чирков Александр Владимирович, краевед, хутор Куцаевский Чертковского района 71 – 80
- Штавадакер Лариса Александровна, библиограф, редактор и составитель краеведческого альманаха «Донской временник» 93, 120–138
- Штейн Моисей Абрамович, основатель и директор краевого библиотечного техникума (1932 – 1933, 1949 – 1950 гг.), ныне Ростовский колледж культуры 133
- Эллинское благотворительное общество (Ростов-на-Дону, 1906–1920) 157–160

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

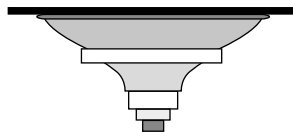
AGAD – Центральный архив исторических записей в Варшаве
ГАБО – Государственный архив Брянской области, г. Брянск
Г. р. – год рождения
ГАИО – Государственный архив Ивановской области, г. Иваново
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края, г. Краснодар
ГАРО – Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, г. Москва
НПИ – Новочеркасский политехнический институт
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва
РГВА – Российский государственный военный архив, г. Москва
РГВА. Ф. РВСР – Российский государственный военный архив, Фонд Революционного Военного Совета Республики
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, г. Подольск
ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, г. Москва
ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ЮРГПУ (НПИ) – Южно-российский государственный политехнический университет имени М. И. Платова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В краеведческом альманахе «Донской временник» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований.
2. Подписанная *Автором(ами)* рукопись представляется на электронном носителе. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. (гарнитура Times New Roman, кегль 12, интервал — одинарный). Страницы не нумеруются. Фотографии должны быть выполнены в форматах tif или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
3. Объём статьи не должен превышать 1 а. л., включая список литературы, таблицы и подписанные подписи, 5—6 рисунков или фотографий.
4. Материал следует присылать по электронной почте на адрес: donvtem@yandex.ru
5. При оформлении статьи *Автор(ы)* должны учитывать, что
 - название статьи, фамилия и инициалы автора/авторов должны быть набраны заглавными буквами, используя при этом ту же гарнитуру, что и основной текст (Times New Roman) и кегль 12;
 - не допускается размещение фрагментов текста, позаимствованных из Интернета;
 - ссылки помещаются в конце статьи в виде Примечания и имеют сквозную нумерацию. Отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки. При необходимости отсылки могут содержать определённые идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц.
 - Библиографическое описание должно соответствовать ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»; Библиографические ссылки должны быть выполнены в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008.
6. К рукописи статьи *Автор(ы)* прилагает сведения о себе.
7. Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.
8. Редакция оставляет за собой право на сокращение объёма материала и его литературную правку.

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Выпуск 32

Учредитель ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»
Ответственный редактор Штавакер Л. А.

Вып. 32. Сдано в набор 01.10.23. Подписано в печать 05.12.23.
Дата выхода в свет — 2023 год. Тираж 250 экз. Заказ № .

Адрес редакции и издателя: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 175 А.
Донская государственная публичная библиотека. Тел.: 264-35-68, e-mail: donvrem@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170.
Тел./факс: (863)280-88-78, 8-928-214-22-88, 8-928-111-84-08, e-mail: donidom@mail.ru

Выпуск библиотечного отделения Ростовского педагогического института. 1931—1935 годы.
Из личного архива Д. К. Жак (г. Москва)

Коллектив Ростовской областной научной библиотеки им. К. Маркса в конце 1940-х годов

Слева направо: первый ряд: ?, Л. П. Григорьева, И. Залюбовская, С. Брискина, ?; Второй ряд: ?, ?, О. П. Фрадкина, М. В. Рабинович, В. В. Вейцман, Б. Е. Уздина, Л. Я. Горцева, Б. В. Фейгелевич, В. Г. Самоукина; Третий ряд: ?, ?, ?, ?, ?, Е. И. Гинзбург, Ланда (или Ландо), Е. Т. Федоренко, Р. И. Кибаргина, Д. И. Руманова; Четвёртый ряд: М. А. Готьван, М. Готьван, ?, ?, Черняк. Из личного архива А. Б. Югович (г. Ростов-на-Дону)